

Между стр. 192—193 — вставка — 16 фотографий.

*Эту книгу составители посвящают
светлой памяти С. С. Алтман.*

М. С. АЛЬТМАН

**РАЗГОВОРЫ
С
ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ**

**ИНАПРЕСС
С.-ПЕТЕРБУРГ**

ББК 87.7

А 58

«СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ»

Составление и подготовка текстов
В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского

Статья и комментарии
К. Ю. Лаппо-Данилевского

Редактор А. Г. Тимофеев
Художественное оформление
М. Покшишевской

© Вяч. Иванов, наследники, 1995

© М. С. Альтман, наследники, 1995

© В. А. Дымшиц и К. Ю. Лаппо-
Данилевский, составление и
подготовка текстов, 1995

© К. Ю. Лаппо-Данилевский, статья
и комментарии, 1995

© М. Покшишевская,
художественное оформление, 1995

ISBN 5—87135—020—8

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предлагаемая вниманию читателей книга уникальна во многих отношениях. Во-первых, в ней нашла отражение история почти четырехлетних дружеских встреч Вячеслава Иванова и его студента по Бакинскому университету, впоследствии известного советского филолога Моисея Альтмана. В данном случае уместно также говорить о диалоге двух мощных начал мировой культуры, носителями которых были собеседники, — если Вячеслав Иванов был органически связан с русской христианской традицией, а в 1910-е годы воодушевлен неославянофильскими чаяниями, то Моисей Альтман по своему происхождению и начальному воспитанию принадлежал миру еврейских местечек, живших духом Ветхого Завета. Именно архив М. Альтмана в течение всех лет коммунистического владычества хранил до лучших времен рукописные материалы, из которых составлена данная книга. Ее смысловая доминанта — сонетный диалог учителя с учеником и «Разговоры с Вячеславом Ивановым» М. С. Альтмана, коллективный литературный памятник, составленный по образцу знаменитых «Разговоров с Гете» И. П. Эккермана. Созданные в нелегкий для Вяч. Иванова бакинский период, «Разговоры» стали одним из последних, закатных памятников русского Серебряного века, эпохи культурного расцвета, сменившейся унылой тоталитарной эрой.

Своеобразие публикуемых из частного архива материалов определило структуру книги. Если сонеты и «Разговоры»

принадлежат миру художественного слова и могут быть уподоблены жемчужине, то ее оправу составляют литературоведческая статья и обширные комментарии. Отдел приложений призван дать более полное представление о том, какое значение в жизни Альтмана сыграла встреча с Вячеславом Ивановым. Здесь объединены отрывки из дневников Альтмана 1919—1924 годов, запись одного из литературных диспутов, позднейшая автобиографическая проза «мятежного ученика», а также его стихи, варьирующие темы бакинских бесед. Заключительная часть призвана, таким образом, воссоздать не только предысторию знаменательной встречи, но и ее внелитературный, бытовой план, оживить позднейшие поэтические отзвуки.

В заключение хотелось бы высказать еще несколько соображений, существенных для понимания данной книги. Независимо от желания их творцов «Разговоры с Вячеславом Ивановым» оказались в ряду бесед выдающихся мыслителей и поэтов с их конфидентами — жанр, весьма актуальный для русской литературы XX столетия (достаточно вспомнить «Записки об Анне Ахматовой» Л. Чуковской или разговоры А. А. Ванеева с Л. П. Карсавиным). В то же время они соотносятся с иной традицией, существенной для истории мировой литературы. Это жанр диалога учителя с учеником. Нельзя поэтому игнорировать пропедевтическое и потому иератическое в понимании Вячеслава Иванова значение «Разговоров», ибо они представляют собой уникальное введение в мир русской литературы XX столетия и в этом смысле обращены к будущему.

*Константин
Лаппо-Данилевский*

I

7

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

МОИСЕЮ АЛЬТМАНУ

*Тому из двух в одном, со мной делившим
Беседы прямодушной хлеб и соль,
Кого, в боренье соприродных воль.
Желал бы я восславить победившим.*

I

Мятежному добро ль ученику
Довериться, как сердце подсказало,
Решат года. Мне ж весело бывало,
Как у огней струистых над Баку,

С тем, кто умел стать другом старику,
Чьей беглой мысли ласковое жало
Целебно жгло, играя, и пронзало
Больной души сонливую тоску.

Как с отмели на море бурных бедствий
Взирал мой дух, когда передо мной
Сверкал разгадчик темных соответствий.

Две песни слышал я, — внимал одной;
И верится — она не обманула,
Как лютня жизни мертвого Саула.

[10.4.1923]

II

Я с младостью живой не разноречу,
Но горестно я гордой прекословлю.
Один стремится юноша на ловлю;
А мы благословили нашу встречу.

И камнем белым я тот вечер мечу,
Когда мой гость придет ко мне под кровлю,
Кому стихов обетный дар готовлю
И за кого пред вечностью отвечу.

Зачем же нам так долго спорить нужно
О том, что оба распознали в мире,
О Боге живе и Его любви,

Когда гласит в нас плоти глас и крови
Единое и вверили мы лире,
Что сердце в нас одной тоской недужно.

[12.4.1923]

III

Эли-Мойше! Ты с эллином был злин,
Ловил мне рыб в Гомеровых морях
И кобылиц в Гомеровых зарях;
Манил ты голубиц его расселин.

Оснежен кряж, а луг весенний зелен.
Испытывать не станем вещей пряж!
Широк твой путь под небом в янтарях,
Есть в сердце жар: кто жаром сплавлен, — целен.

А если две поют в тебе души,
Люби жену, рабыню разреши:
Ты — Сарры сын, мой брат жестоковыйный.

Мертвел утес, но жезл его рассек:
Алатырь бьет струею среброзмийной.
Найди себя: кто весь, — всечеловек.

[14.4.1923]

Баку.
Апрель 1923

МОИСЕЙ АЛЬТМАН

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

I

Народов всех в тебе стихий союз,
И русский ты лишь тем, великорусский,
Что в нации немецкой и французской
Воистину ты немец и француз.

Таким и должен быть служитель муз:
Преодолеть исток рожденья узкий
И грузом жизни, смерти перегрузкой,
В себе вязать узлы вселенских уз.

Сын Божий из страны обетованной
Простер свой свет по всей земле пространной.
Сын Человеческий, таков и ты.

И Голубь-Дух, в глубинах сердца рея,
И сам Отец с надзвездной высоты
Вещал — несть эллина, несть иудея.

23.1.1921

II

Хвала всем спутникам моей судьбы,
Тебе ж еще любовь и благодарность,
Что темному явил ты светозарность
И буйство усмиряешь без борьбы.

Как дикий конь, встающий на дыбы,
Мятежная во мне кичилась тварность,
В устоях всех иль трусость, иль коварность
Лишь видел я и дерзко рвал узды.

Явился ты, мой кроткий укротитель,
Смиренно мне смирения обитель
Свою открыл, и я склонился ниц.

Но и склоненного томит сомненье:
Ах, у лукавого так много лиц —
Не паче ль гордости мое смиренье?

8.3.1921

III

Водой вся сушь объемлется певучей.
Я верую, гармонией мир Божий
Чарующею полон и прохожий
Единый не проходит без созвучий.

Судьба свела нас иль счастливый случай:
Лежал — о, помню! — я у гор подножий,
А ты, крылатый, с хищной птицей схожий,
Витал над головой моей, над кручей.

И вдруг с твоих высот, с великой силой
Влеком ко мне, как враг иль тайный милый
(Авгуры знают лучше птичьи нравы),

Напал ты на меня и, бурнокрылый,
Осанны преисполнен и державы,
Вознес с собою в царство *вящей славы*.

8.3.1921

IV

Витийствовать пред другом не пригоже,
Я лучше пожелаю прямо, просто,
Чтоб каждый год безгорестного роста
Еще тебя являл бы нам моложе.

Смерть близит тот, кто в мира бездорожье
Лишь видит путь, ведущий до погоста,
А жизни жаждущим даст рок и до ста
Вести счет лет, сокровищ всех дороже.

И потому в год тесный, високосный,
В тот день, когда предстанет воле косной
Архангел смерти девой среброкудрой,

На сладкий зов пусть сердце не истает,
Останься здесь и памятуй, что мудрый
Вдвойне живет, коль смерть переживает.

29.2.1924

СНОТОЛКОВАНИЕ

В. И. Иванову

I

Немало вещей снов, сновидец чудный,
Поведал миру ты, но всех их боле
Мне кажется пронзительным до боли
Последний твой, и горестный и трудный.

С женою, с Верой, по тропе безлюдной
Ты в сумерках блуждал в росистом поле.
Взошла луна, но словно поневоле
Струился свет прерывистый и скудный.

Тревожно псов далеких где-то стая
Внезапно залилась, и вновь густая
Ночная тишь и тень объединились.

Продлить свой путь ты боле не был в силах,
У дачи нежилой вы очутились
И сели отдохнуть в сених унылых...

II

Так жуток сон, но, благостью Господней
Снотолкованья осененный даром,
Толкую я, что ты, мой друг, не даром
С женой блуждал, как гость иногородний.

В том скорби нет, а знак, что тем свободней,
Вольнее с милой льнешь к вечерним чарам,
Чем ближе срок, когда не с солнцем ярим —
С луною тихой станешь соприродней.

И добрый знак есть в том, что ты у дачи
Пристанище обрел в ночной прогулке:
До дома, знать, тебе еще не скоро,

Так пусть собак неистовствует свора,
Ты, в Волковом рожденный переулке,
Жди с верой светлой и во тьме *удачи*.

20.2.1923

М. С. АЛЬТМАН

РАЗГОВОРЫ С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ

Я впервые увидел В. И. 7-го ноября 1920 г. на 10-летней годовщине смерти Л. Н. Толстого. Это было в Баку, в Большом драматическом театре, где В. перед переполненной залой читал доклад о Льве Толстом. Я и до этого был знаком с его стихами и прозой. Но только тогда впервые, увидев его, я постиг всю органичность его произведений, их удивительную гармоничность с самим творцом. Внешность его производила впечатление, с одной стороны, чего-то старомодного, с другой — утонченного, до *plus ultra** доведенного модернизма. Какое-то своеобразное соединение Европы и России, нет, не России, Руси допетербургской, домосковской, Руси Киевской, Руси рюриковской. Лицо просвещенного «западного» славянофила, высокая, слегка сутулая фигура, беспомощный склон плеч, чудесные синие глаза под большими безбровыми дугами, тонкие, как пластинка, алые губы с выражением мечтательным и по временам жестоким. Ни один из виденных мной его портретов не дает, по-моему, правильного представления о его своеобразном лице. Мы познакомились...

Никогда до этого в Баку не бывший, В. И. здесь быстро акклиматизировался, пустил глубокие корни и развесистые ветви. Четыре года был он с нами: в университете на кафедре профессором классической филологии и поэтики, в своем «кабинете» (вся квартира его, дочери и сына состояла из одной, впоследствии — двух комнат) — «великим мастером» по душевным делам.

Четыре года он был для нас всем: в университете — профессором классической филологии, поэтики, мировой литературы.

* Крайней степени (*лат.*).

Четыре года, да самого отъезда своего в Италию, состоял он профессором Азербайджанского (Бакинского) университета по кафедре классической филологии, а также читал в университете курсы по самым различным дисциплинам: по греческой трагедии, по Ницше, по Достоевскому, по Пушкину, по исторической и теоретической поэтике, по Данте и многое др. То было страшное время: война, голод, мор томили население. Мы жили на скуднейшем продовольствии, на хлебных пайках, занимались экономией. Но никогда, быть может, так явственно не обнаружилось, что не хлебом одним жив человек, но еще и словом. И на «слово» В. И., как на зов сирены, стекались самые разнообразные люди. Лекции В. И. выходили далеко за рамки чисто академические и приобретали значение общественного факта.

Но влияние В. И. шло не только вширь, но, если позволено так выразиться, и вглубь. «Ловец душ», он быстро оброс друзьями и учениками, с которыми вступил в самые близкие и тесные отношения. Пишущий эти строки был одним из этих счастливых. В течение четырех лет мы видались почти ежедневно, и беседы наши длились далеко за полночь. По самым различным поводам, на самые разнообразные темы, то в окружении многих других, чаще всего уединенно вдвоем, протекали эти «разговоры». Из первой же беседы я понял, что было бы с моей стороны непросительным стяжательством, если б все то, чем по щедрости своей делился со мною В. И., я оставил только для себя. Это было бы, пожалуй, даже неблагодарностью. Я стал эти «разговоры» по мере моего разумения записывать. Их набралось изрядно. Много, если не все, было мной В. И. прочтено. Я не предполагал их в ближайшее время печатать, слишком многое этому препятствовало. Прошло всего восемь лет с первой встречи, и, увы! столь многие, о коих мы говорили как о наших близких и живых современниках, отошли туда, куда наши слова не достигают. Отошли от нашего времени и зажглись звездами вечности над нашей головой: Блок, Брюсов, Сологуб, Хлебников, Есенин. И та, чьей светлой памяти эта книга посвящена, чаще всех бывшая свидетельницей и соучастницей наших бесед, Александра Николаевна Чеботаревская, тоже отошла без возврата...

Отошли, но не стали для нас бледными тенями эти вечно живые и животворящие герои и святые русского Парнаса. Они

не принадлежат к мертвым, о которых *aut nihil, aut bene**, нет, они жили и продолжают жить, как и встарь, мы с ними и соглашаемся, и спорим, и если, по временам, и гневаемся, то, по прекрасному слову В. И., это гнев живого на живого.

[1928]

1921

10 января. Принес В. книгу «Трагический зверинец» Зиновьевой-Аннибал. Попросил меня высказаться по поводу нее.

— Здесь, — сказал я, — раньше всего следует отметить, что книга эта написана на русском языке, именно на русском (не на французском или немецком), язык этот сочный, народный (не простонародный), выразительный. Хороши и его неправильности («дитёй»), хороши определения-эпитеты («ручные ауканья»), крепко сколочены в бойком говоре слова. Что касается внутреннего содержания, то раньше всего я нахожу несколько несоответствующим и только условно верным заглавие «Трагический зверинец». Трагическое есть чисто человеческое, и поскольку мир — «зверинец», он может быть тоскливым, печальным, но он именно не трагичен (смех и плач дарованы не всему живущему, не «всему, что имеет глаз», по словам автора, а только человеку); поскольку же мир, рисуемый Зиновьевой-Аннибал, трагичен, он уже не зверинец. Основная идея всех рассказов — бунт против Творца за тварь. Бунт этот, однако, сословный (своего рода «кающееся дворянство»), да и вся книга пахнет этим дворянским духом, хотя ее героиня Верочка и есть воплощенный протест против всего уклада жизни. Хорошо то, что автор не антропоморфирует животных, а героиня, сама еще не ушедшая от животных истоков жизни, — Верочка — еще сама звереныш и не только по-звериному так часто (не слишком ли часто?) воет. Идея книги — Воля, шопенгауэровская, слепая, безразумная. Не последний лишь рассказ, а все могут быть озаглавлены Волей. Воля своевольная, не против-, а безбожная — Воля мира...

В.: Я не согласен с Вами, что «Трагический зверинец» — несоответствующее заглавие. Формально все рассказы повествуют о зверях («Глухая Даша» или «Царевна Кентавр» ведь тоже звери), но и не только формально, а и по существу весь мир представлен здесь зверинцем. И зверинец этот не научный, не комический, а трагический. Носитель трагедии — Верочка,

* Или ничего, или хорошее (*лат.*).

а сущность трагедии в торжестве принципа выделения (*principium individuationis*), в том, что Воля — слепа и, дробясь, сама себя гложет. Дробность, бесконечный атомизм — вот сущность этого принципа, и отпадение от Бога Верочки в том именно и состояло, что вся жизнь распалась у нее на «минуточки». Отпадение это, однако, временно, и разрушительному принципу бесконечного деления, распада и отпада противостоит эту слепую Волю отрицающее «Нет» («посмертное» произведение Зиновьевой-Аннибал). Это не то самоотрицание Воли, к которому приходит и Шопенгауэр: там — безысходность, кружение в себе самой Воли, здесь — человеческое, но не волевое «Нет». Но не только христианский бунт имеется здесь против мировой дисгармонии, но также и социальный — против общественного неуклада. «Даша глухая» — в этом смысле рассказ революционный. И характерно, что когда этот рассказ впервые появился в «Тропинке» (детский журнал Поликсены Соловьевой-Allegro), посыпался целый ряд негодующих писем.

***

Разговор перешел на тему о состоянии нынешней России и о России вообще.

— Русский народ, — заявил В., — верую я, или Богоносец (Христофор), или сатаносец, но он не себяносец, каковыми являются немец, француз, грек, англичанин. (У современного грека, например, до курьезности доходит тот апломб, с каким он носит себя, — так комично выглядело бы существо, с чрезвычайным достоинством несущее на плечах вместо головы крохотную булавочную головку; у англичан это самоношение импозантно, черт возьми! но то же, то же.) Только русский (да еще еврей — но это другой полюс) не русский только.

***

Потом В. дал мне урок по стиховедению.

— Что такое русский стих? — вот что приводит в отчаяние столь многих исследователей. По традиции Тредьяковского и Ломоносова — он некая метрическая мера звуковых волн. Однако каждое стихотворение конкретно показывает, что метр в нем не соблюдается — ни одно не удовлетворяет установленному канону. Это настолько очевидно, что некоторые даже усомнились в том, метричен ли русский стих. Другие же, как Андрей Белый, во всех уклонениях от данного метра — видели ритм.

И таким образом, каждое стихотворение, каждый стих у них имеет свой ритм. Это, конечно, неверно. Ибо здесь принимают каждый отдельный ритмический жест за ритм целого. Валерий Брюсов, выпустивший недавно учебник «поэтики» и стоящий на старой («метрической») точке зрения, вынужден был для объяснения всех уклонений (а «уклонено» все почти поэтическое творчество) прибегнуть к «ипостасям» — так, ямб имеет у него до 70 ипостасей. При всей мертвенности и громоздкости брюсовское построение еще может быть принято с точки зрения метрики, но никак уж не оправдывает обещания (заглавия) книги дать нам и теорию ритмики. В теории Брюсова нет вовсе ритмики, у Белого за ритмику принимается каждый ритмический жест. Что ж такое в действительности ритм? Метр один, конечно, не дает еще ритма, как не дает его однообразное и непрерывное отбивание часов — тик-так, тик-так. Только с введением по крайней мере еще одной волны звуков, еще одного ряда более ударных ударений («иктусы»), возникает ритм. Так, в триметрах мы имеем эти иктусы на нечетных местах (1, 3 и 5 стопе), что и делает их ритмичными. В пушкинских ямбах мы по большей части имеем иктусы на 2 и 4 стопе («Евгений Онегин»: «В те дни, когда в садах лица // Я безмятежно расцветал», — особенно здесь выразительна 2 строка). Эти иктусы, этот новый этаж ударений есть нечто постоянное, некий костный остов, и на нем уж, как на фоне, проектируются ритмические жесты. Так 13 строка 1 строфы «Онегина» — «Печально подносить лекарство» — дает нам в ударной 1 стопе (вместо обычного для общего ритма 2 стопы) — «печально» — прекрасный ритмический жест. Растяжением слова «печально» здесь дается до зрительности явный феномен притворства этой печали, его шаржированье. На общем ровном ритме (не метре) кривая жеста еще рельефнее. Но жест — переменное данное, ритм же — постоянное. (Если весь образец в одних жестах без единого постоянного ритма, то это образец уж не поэзии, а художественной прозы. Андрей Белый же, приняв ритмический жест за ритм, теперь пытается и прозу писать размерно, что ошибочно.) Постоянство ритма — в его второзатяжной волне звуков. Минимум ударных ритма один, и он всегда (как и в музыке) падает на конце — это каденция стиха (не стихотворной строки, а стиха). И конечная в этом месте рифма собой еще подчеркивает эту каденцию. Но константа ритма может быть и не одна,

а также может быть и отрицательной — цезура, константная пауза. В так называемых «паузниках» мы имеем дело не с ритмической константой паузы, а с паузой как ритмическим жестом. (Здесь В. привел как образцы свои стихи «Аттика и Галилея» как пример ритмических пауз и [...] как примеры паузы — ритмические жесты. При чтении на каждой паузе он говорил «ах» — и я впервые постиг — «ах!», как это действительно красиво.) Метр — великое зло, и до чего должна была понизиться эпоха, когда Минский исправляет Гнедичу метр. Вся сила Гнедича ведь в том, что он ритмически взял Гомера лучше, чем Жуковский, который (хотя его и надо расцеловать за сладкий язык) дал нам «трещотку». Так же, как «трещотку», перевел он и «Лесного царя» Гете, хотя у того «паузы» так явственны. Да, Гете владел ритмом, и Шиллера вот он-то за письменным столом так старательно подгонял под метр (ведь у немцев та же «беда» с тоническим стихосложением, что и у нас, и немцы так же смеются, как и мы над [...]). Что верно по отношению к тоническому стихосложению, еще верней и к силлабическому. Там стихосложение основано на подсчете гласных, ибо там ударения почти не выделяются, их напряженность весьма слаба, и ухо легко считает их по количеству. Таковы языки французский, польский, украинский — в противоположность русскому и в этом отношении ему близкому итальянскому. Итак, метр для стиха необязателен, но ритм — безусловно необходим. Ритмом же определяется симметрия и асимметрия стиха. В приведенных примерах Пушкина («Евгений Онегин»: «В те дни, когда в садах лица») он симметричен, то есть константы ритма падают после определенной по количеству метрической волны; в примерах «из меня» («Аттика и Галилея», [...]) стих асимметричен, ибо не метричен, а только ритмичен. Метр вообще только линейка, но было бы очень печально, если бы мы поняли линейку как всесторонний предел. Можно учить писать по линейке (хотя можно и иначе учить), но писать, конечно, можно и без линейки. Конечно, нужно уметь писать...

12 января. Вчера говорили о реализме и романтизме. Я рассказал о моем «диспуте» с В. В. Сиповским на эту тему. Мое мнение, что ложноклассицизм в романтизме имел (и имеет) не свою противоположность, а свое продолжение. Остывшее блюдо

ложноклассицизма было вновь подогрето «пылкостью» романтизма, но сущность оставалась все та же. Романтики — те же ложноклассики, отсюда и тяготение их к классицизму («баллады» Жуковского, перевод Гомера). Манилов — вот образ романтика (конечно, пародия), и, движимый тем же чувством воли к классическому, называет он детей своих Алкид и Фемистоклос. Шиллер переводит греческие баллады, Манилов — дает античные имена детям, но это два проявления одной сущности.

— Ну, а я романтик? — спросил В. меня.

— Вы по форме классик, по содержанию — романтик.

— Значит, Манилов?

Я замялся.

— Нет, — продолжал он, — периодами только я был романтик. Когда же писал «Кормчие звезды» и теперь я не романтик. Зиновьева-Аннибал называла романтиков «вождедеющими и импотентными». А вот, — продолжал В., — один из глубочайших наших современников, гениальный Флоренский, исходя совершенно из других принципов и разрешая совершенно другие вопросы, не проливает ли свет и на наш вопрос? В «Столпе и утверждении истины» Флоренский рассказывает, как на Великом [Никейском] Соборе был великий спор о том, есть ли Христос «ὁμοούσιος»* или «ὁμοιούσιος»**, то есть спор шел о букве «иот» (N. В.: юд, еврей — вот предмет расхождения. — *Примеч. М. С. Альтмана*), есть ли Христос едино- или подобо-сущий. И Церковь утвердила Единосущие: Я и Отец — одно. Вопрос о Едино- и Подобо-сущии не только, однако, теологический, и Флоренский им отмыкает и замки логики и любви. И вот, — продолжает В., — не нужно ли и «романтическую» проблему отмыкать этим ключом? Бог — *ens realissimum* *** — единосущный, первый же романтик — Змий, утверждающий подобосущие, только подобие, а не единство. Будем как боги — не богами. И соблазненный Адам — первый романтик (его тоска о «потерянном рае», его «любовь и вражда» к Еве — все это плоды, упавшие с древа познания романтического, а не реалистического воплощения). Христос — единосущный, иначе он был бы романтиком (и евреи были бы правы, и им бы (евреи

* Единосущный (*греч.*).

** «Такой же сущности», «с такой же сущностью» (*греч., пер. о. П. Флоренского*).

*** Реальнейшая сущность (*лат.*).

не романтики) делало честь, что они романтического Христа не приемлют), но он как Отец — *ens realissimum*. Христос — реалист. Христос — реален.

Я: Так ли это, однако? Не есть ли Сын действительно романтик в памяти об Отце (романтическое прошлое) и в тяготении к Отцу (романтическая даль)? Сын — неполнота, «вождедеющий и импотентный»: «Да минует Меня чаша сия. Но да будет Воля Твоя». А Адам Кадмон не романтик ли и до падения: ведь и создан по подобию Божьему?

— Нет, — возразил В., — он создан и по подобию и по образу, тут больше, чем подобие.

— А вот черт, — продолжал я, — эта пародия Бога, он-то действительно романтик. В нем все атрибуты романтизма, и не от него ли все его «качества»?

***

Сегодня я, между прочим, обратил внимание В. на то, что основатели латинской комедии были все неримлянами и большей частью происхождения низкого (Андроник, Цецилий, Теренций — рабы, Плавт — актер, происхождение Невия сомнительно).

— Лучшая комедия Плавта, по мнению Лессинга, — «*Captivi*» («Пленники-рабы»). Это тоже характерно! Мне кажется, что римляне не были способны к созданию комедии, они были для этого слишком тяжеловесны, они не могли проникнуться ее сущностью, и Гораций, хваля комедию [Цецилия], отмечает как положительное качество ее «*gravitas*»*. (Может быть, римляне были лишены чувства комического?) Вообще комедия мне кажется не римским делом, особенно не знатных, творческих римлян, это — забавы вульгуса, и, скорее, это был цирк (клоунада, петрушка), чем театр. Недаром народ с комедии Теренция, когда она его не удовлетворила, побежал смотреть канатных плясунов.

— Да, — сказал В., — это было нечто водевильное (куплеты, музыкальные номера), актеры и также творцы были вроде наших крепостных во время Екатерины II. И вообще вся та эпоха (роскоши и невежества) соответствовала нашей Екатерининской эпохе (и нашим «крепостным» при помещиках театрам: там в Риме, как и у нас, актеров били палками, секли —

* Мощь, сила (*лат.*).

Метелл угрожал Невия высечь). Знатным римлянам, действительно, «комедия» не близка, вот кому, действительно, она свойственна, так итальянцам (овульгарившимся римлянам). Но как жаль, — прибавил, задумавшись, В., — что комедия Аристофана (совершенно своеобразная, комедия идей, с размахом необычайным) не имела после греков ни у одного народа продолжения.

— Вообще, — сказал я, — есть такие роды искусства, которые появляются каждый раз как отдельности, но не имеют развития, таковы басни. К ним же относится и комедия нравов.

16 января. Позавчера я спросил у В., как полагает он, Бог, помимо того, что он есть общее бытие, еще и личный, то есть Бог только мир или также еще и отдельность?

— Безусловно, он еще и личен, — ответил В., — только личность эту надо представлять не в ограниченном нашем смысле, в смысле человеческой личности, а гораздо совершеннее. Ведь если меня спросят, кто я, то я, сколько б ни старался, не сумею дать об этом ответа в положительной форме: я есмь то-то, а только всегда в отрицательной: я, Иванов, не Альтман, не ты, не он и т. д. И тем не менее все ж истина, что я есмь. И в любви, когда я утверждаю другую личность, когда я говорю «ты еси», я через это положительно утверждаю и «я есмь». Вот тут-то, в любви, и начинается первая положительная форма личности и бытия его — «я есмь». Во всех же остальных случаях, употребляя слово «я» (есмь), я совершаю узурпаторство у Того, кто воистину Есть, הָיָה אֲנִי הָיָה*. И каждый раз, когда я говорю «я», я совершаю великий грех. «Я» — царская печать, *Ego* перстень, которым я, не имея на то права, запечатываю свои письма. Его подписью я выдаю фальшивый вексель. Только в подобии Отцу я — я, во всех остальных случаях это подделка.

***

Зашла речь об Игоре Северянине.

— Согласитесь, — сказал я, — что он талантлив.

— Да, — ответил В., — он, конечно, талант, но что из того? Вот за это я и не уважаю наше время, что оно так беспринципно, что если только кто талант, то уж перед ним преклоняются. А меж тем не так было в древности, там были принципы

* Я есмь Сущий (*древнеевр.*).

гораздо положительнее, и Платон изгоняет из своего государства Гомера. Да, анархия и беспринципность господствуют повсюду, и под предлогом их исторического рассмотрения все принципы стали относительными, то есть перестали быть принципами. Этому явлению, конечно, имеются свои причины, и, может быть, завет Христа жить по Благодати соблазнил многих. Но Благодать Христос заповедал *после* Закона, и юноше, к нему пришедшему с вопросом, как ему жить, Христос отвечает: «Исполни все законы и только потом оставь отца и мать и иди за мной». То есть сперва Закон, а уж потом Благодать — только проживя долго и переживя первый этаж, можно перейти во второй, высший, этаж. Но люди соблазнились и, узнав, что есть второй этаж, сразу покинули первый. И что ж? Они, действительно, перешли в другой этаж, только не высший, а низший, в подвал, в подполье духа своего. Такова их «благодать». Принципов нет: «не убий» не есть вечный закон, а только временное, тем-то и тем вызванное и для того и того-то предназначенное установление. «Итак, — говорит убийца, — я буду убивать, ибо „не убий“ относительно — и ко мне не относится». — «Да, ты прав, — отвечает ему общество, — ты прав, это относительно, а мы все-таки тебе голову снимем», — и убивает. Но убивает так же, как и убийца, а не потому, что считает себя правым. Так, когда во Франции обсуждался вопрос об отмене смертной казни, один из членов палаты сказал: «Пусть они, убийцы, начнут первые мириться». Вот слово нашего века. «Пусть они первые». Ведь оба лагеря друг друга достойны.

***

Говорили о животных.

— Существуют разные воззрения на животных, — сказал В., — но, по-моему, например, волк благороднее собаки, потому что не стал рабом человека. Другое дело — кошка, она хоть с человеком живет, но сохранила полную свою независимость. Осел тоже, по моему мнению, благородное и мудрое существо, и его вообще ошибочно принимают за глупого и смешного.

— Да, — сказал я, — осел — подобие Дон-Кихота, он только житейски глуп и с низменной точки зрения смешон. Лев же, напротив, мне кажется животным малоблагородным, и Бальмонт, пожалуй, прав, сказав:

Мой зверь — не лев, излюбленный толпою,

Мне кажется, что он лишь крупный пес.

— Какая пошлость! — взъярился В. — Ведь сходство собаки со львом только внешнее и случайное, и сказать так — значит именно сказать рифмованную пошлость. Бальмонт их, впрочем, время от времени говорит. Конечно, Бальмонт подлинный, Божьей милостью, первоклассный поэт, но он, к сожалению, слишком много (скажем скромно: 70%) написал ненужного: перепевы самого себя, повторения, случайное, внешнее и — иногда и пошлое. Но он вообще-то поэт непошлый. Пушкин тот вот ничего пошлого не сказал, и я, любя Пушкина (даже не Пушкина, а Красоту), не могу не сердиться на Бальмонта в указанном случае.

— Да, — возразил я, — но я (опять цитирую из Бальмонта) охотно повторяю: «Нравятся отдельностью все создання мне». Хорош Пушкин своей поэзией и своим к ней отношением, хорош и Бальмонт в своем отношении.

— Нет, это не так, — сказал В., — когда Вы говорите, что Вам нравится каждое отдельное создание, Вы правы, ибо здесь Вы — утверждающий, говорящий некое «да» миру, а на всякое «да» Вы право имеете; другое дело — сравнение льва с собакой, здесь, несмотря на внешнюю, утвердительную форму, сближение отрицательное, и отрицание это незаконно. Но все ж, повторяю, Бальмонт — поэт и большой поэт, талант несомненный. Кстати, о талантах. Игорь Северянин, например, написал мне письмо, на которое я было начал ему ответ в таком роде: «Милостивый государь! Что Вы все носите со своим талантом? Это в среде художников так же само собой разумеется, как во всяком приличном обществе — то, что каждый его член — человек порядочный. Важно не это, а...» — тут я, однако, бросил писать, ибо подумал, что могу подвергнуться участи Брюсова, а быть расхваленным Игорем Северянином мне вовсе не улыбалось. Это Сологуб сделал ошибку, разъезжая с ним по всей России в роли его аккомпаниаторши, он, такой мастер, с таким, как Игорь Северянин.

— Да в чем же порочность Северянина?

— А в том, что каждый поэт застаёт поэзию на определенной ступени развития, и он или пытается двигать ее дальше, или, находя, что до него движение было неверно направленное, меняет направление этого движения. Таков истинный сын муз. Но вообразите блудного сына, который из поколения в поколение накопленные книги родительские начинает распродавать и

покупает на них ликер, какое это произведет на Вас впечатление? Таков Игорь Северянин. Он увещивает себя ничтожными и фальшивыми драгоценностями, разряжается и расфранчивается неискусно и пошло и в таком виде является в общество, трубя о своем таланте...

— Ну, а о Брюсове какого Вы мнения, В. И.?

— Это вопрос посложнее. Дело в том, что Брюсов — несомненный и огромный талант. Но он самым грубым образом изнасиловал свою музу, он с ней дурно обращался: таскал ее за волосы, бил ее. В этом подобен он Некрасову, муза которого тоже была иссечена не правительственным кнутом. И у Брюсова чувствуется эта тяжесть его кнута, к музе (и с музой) обращается он с угрозой: «Влекись, мой вол... мой кнут тяжел». Брюсов, правильно о себе сказал:

Но последний царь вселенной,
Сумрак, сумрак за меня.

Какой-то эмпирический (не метафизический) тяготеет над ним грех, и Брюсов служит Злу. Не Сологуб именно, а Брюсов. Если у вас есть какое-нибудь колеблющееся дело, которое двоится и которое можно решить и за, и против вас, и вы предоставите его решение Брюсову, будьте уверены, что он всегда решит против вас, даже если он вас не знает. Таков Брюсов. По его собственному неоднократному мне признанию он вынужден вечно лгать. Помню, какое сильное произвел он впечатление на Зиновьеву-Аннибал, когда он ей при первом знакомстве в течение целого вечера рассказывал, что он больше всех в мире страдает, ибо вынужден лгать всегда и скрывать свое истинное лицо. В Брюсове огромная сила, но он все же только второклассный, как и Некрасов, поэт.

— Ну, а Блок?

— Блок, по-моему, первый из современных русских лириков. В обычной речи он такой простой, двух слов как бы связать не может, а меж тем в своих стихах он говорит вам и знает о вас интуитивно такие вещи, такие интимные переживания, какие никто другой не знает. Блок и благозвучнее Бальмонта, и талант первоклассный. Андрей Белый же, по-моему, стихом не владеет. В области стиха он только экспериментатор. И оттого-то он так знает технику стиха, что не владеет им. Но он гениален в прозе. «Петербург» — одновременно и гениальная,

и неудавшаяся книга. Андрей Белый — ум колоссальный, диалектик необычайный, знания огромные, и как личность он, пожалуй, более сложное явление, чем даже Ницше. Но он безумец (и это красиво, когда только слышишь это слово, но это очень мучительно, когда с безумцем приходится жить). И к тому он имеет несчастное свойство: все, что скажет и напишет, сейчас же и печатает. Отсюда великое зло, ибо читатели воспринимают эти мнения, как нечто объективное, а меж тем я знаю, «как это делается». Так, когда Андрей Белый писал о Брюсове (статья в «Луге зеленом»), он его ненавидел, и Брюсов его преследовал; этой статьей он хотел как бы отделаться от него, воздать ему должное и еще сверхдолжное как поэту. Подобно этому и многие другие воззрения Белого — «правда мгновенья», и оттого так много всяких в них противоречий. В последнее время, когда Белый у меня был, он читал мне последние стихи Брюсова и при этом о каждом почти стихе его высказывал очень меткие отрицательные суждения. Помню, Белый раз мне сказал, что Валерий Брюсов подобен очаровательной женщине, но которая, когда ты к ней подходишь и ждешь услышать что-нибудь дорогое, ласковое, вдруг прокричит: «Паровозный свисток!»

***

Я принес «Нет!» Зиновьевой-Аннибал.

— Что вы скажете? — спросил В.

— А вот что, — ответил я. — Здесь есть удачные эпитеты: скульптурные кудри, художник быстроглазый, черноокий и другое.

— Скульптурные кудри, — сказал В., — такие именно были у молодого Блока, теперь уж не так. «Художник быстроглазый, черноокий», можно было, конечно, сказать «быстроокий, черноглазый», Вы указали пример из Пушкина («ее разрисовал художник быстроокой» о художнике Доу), но там «быстроокой» означает гениальный, здесь же требовалось другое, и автор хорошо сказал о данном художнике: быстроглазый, черноокий. Могу, к слову, Вам рассказать, как вообще создан был рассказ «Голова Медузы» (из которого эти цитаты взяты). Я жил в Риме и был знаком с одним тогда еще молодым ученым (ныне профессором N.), занимавшимся эпиграфикой. Был он тучный и в летние дни, как Иван Никифорович, писал свою

диссертацию, раздевшись голышом. По вечерам ходил он на какие-нибудь народные представления, чтоб развлечься. Был он человек только своей областью ограниченный, а в разговорах был циником. Так, придя однажды с какого-то народного представления, он мне рассказал (своим обычным, точным и тяжело-медлительным слогом), что он сегодня встретил одну женщину, которая на него произвела впечатление: у нее была очень крепкая шея, и ему хотелось, как орех, прогрызть ее затылок. Я рассказал это Зиновьевой-Аннибал, и, как видите, «Голова Медузы» имеет своим сюжетом рассказанное.

17 января.

— Вот Вы, — сказал я, — так вчера судили о Брюсове, а меж тем помните, что Вы в свое время писали ему и о нем: «И музы тёмной посвящаю // Прозренья — зрящему тебе», — и еще, что он открыл Вам новую эру (Офиеля) и т. п.

— Да, я был одно время в него влюблен, я помню, целовал его глаза (а глаза его черные, прекрасные, подчас гениальные) неоднократно. Бывало, он стоит так с наклоном головы влево, гибкий весь, упругий, и вдруг он становится весь прекрасным, когда мелькнет у него какой-нибудь замысел или ему представится сразу весь план его будущего произведения. Он был, как кошка или как черная рысь на Парнасе, правда, из царственных животных, но все же только пантера. Он мог мгновенно импровизировать прекрасные стихи почти любым размером. Да, сердит я на него, не то от него ожидал. «Огненный ангел» — хороший роман (рассказов Брюсова я не люблю), но это не то, не то. (Уж «Мелкий бес» Сологуба лучше и, пожалуй, шедевр). Да и Блоком я недоволен. Он тоже «пошел в народ», становится Некрасовым. Ах, как это время все обернуло. Когда мы, символисты, начали, нам представлялось совершенно другое. И вот нас уже объявили отошедшими. А между тем что было сделано? Да и вообще после Достоевского не было у нас ничего первоклассного. Чехов — второклассный. Андреев, тот из второклассных перескочил еще ниже. А о себе же что я могу сказать? Если б я знал, я бы написал свой «Памятник» (большой или малый), но я не знаю. Знаю только, что вот «Тантал» Вячеслава Иванова — это произведение хорошее (два только примечания нужно сделать относительно него: первое, что сцена с Бротасом выдержана психологически, в то время как все

остальные выдержаны классически — в масках, и, второе, что я развил, хоть это отнюдь не беда, идею Ницше о трагедии Солнца: всеозаряющее и само слепое, вседающее и само не могущее брать), и Андрей Белый был прав, когда при разборе меня взял исходным и центральным пунктом «Тантала». О всем же остальном своем судить не могу. Да и вообще могу ли я судить? Я так далек от всего этого, словно я совершенно переменялся, точно я умер. Мой суд — из могилы: оттого он такой суровый. Да, может быть, я и действительно умер. Во всяком случае, кого я ни читаю из современников, все не то. Только когда я читаю Зиновьеву-Аннибал, я вновь живу, у меня вновь здоровое отношение к жизни, я снова плачу, как живой. Все остальное не по душе мне, кажется мне незначительным. Но, возможно, что я неправ в своих суждениях, а мне бы не хотелось разлагающе на Вас подействовать. Со мной полезно учиться по специальным предметам, пофилософствовать, но критико-литературные мои суждения о новейшей русской литературе лучше не слушать.

***

Вечером, после лекции его о Достоевском.

Я рассказал ему о том, как Гейне по произведениям Гюго счел его горбатым и как впоследствии это оправдалось: правда, Гюго казался стройным, но он носил корсет. То же определил я, что Лермонтов подхрамывал.

— Да, — сказал В., — я люблю эти медицинские диагнозы на основании психологических данных, Ницше к ним нередко прибегал. Так, несомненно, что Добролюбов и Белинский были чахоточными.

— Да, — добавил я, — Фет страдал астмой («Прибавилось духа», — пишет Фет), а Майков — близорукостью («Посмотри, в избе мерцающая...» etc. и вообще все эти «посмотри»).

18 января. Заговорили о женщинах.

— Женщина, — сказал В., — это не человек, но не ниже его, а или выше его, или совсем другое. Обычно «толпа женщин», по моему мнению, действительно оправдывает презрительные о них слова Шопенгауэра («низкорослые, узкоплечие» и т. д.), и тут я женоненавистник. Но я знаю, что вдруг встретишь среди них одну и сразу замрешь, всплеснув руками, — чудо! Счастлив, кому это даровано. Вот и вчера (в лекции о Достоевском),

говоря о «Хозяйке», коснулся я этой темы, но только коснулся. Я не хотел на эту тему говорить «умно», ибо в этом случае говорить «умно» было бы глупо, я хотел только обратить внимание — здесь вот мелькает она, «Хозяйка», вечно-женственное здесь проглядывает, то, что Достоевский, с такой силой впоследствии изобразит в Настасье Филипповне и Грушеньке. Настасья Филипповна — вот оно то чудо, о котором я говорил, и в сравнении с ней что Аглая? Как мог, как смел Мышкин колебаться (здесь он подлинный идиот), он, который так сразу, по одной фотографической карточке, проник в это чудо?

— По-моему, — возразил я, — Аглая не уступает Настасье Филипповне, и я не знаю, кого бы и я на его месте выбрал.

— Какой может быть тут выбор, это из-за колебаний Мышкина и зарезана Настасья Филипповна. Рогожин, вот тот знал женщин и знал, что Настасью Филипповну можно только зарезать.

— Почему только зарезать?

— В этом пункте мы или, как авгуры, можем пересмеиваться, или, как посвященные, только мигнуть друг другу, говорить же тут не приходится. А Вы, — сказал В. мне, — многое постигли, многое понимаете, но этого Вы не знаете.

— О, конечно, В. И., сердце мое девственно, я еще никого не любил.

— Вы говорите «еще», словно это со всяким может случиться, словно это не величайшая редкость, так могли бы Вы сказать: «Я еще не сделался королем». Нет, Вы женщин не понимаете, и когда Вы о них начинаете à la Байбаков рассуждать, я бы поджег охотно ваши дома, в которых вы думаете «устроиться»...

***

После лекции о греческой трагедии — в коридоре.

Я: Я все еще, однако, никак себе не представляю того, что Вы излагаете о происхождении греческой трагедии, слишком далеко и чуждо это мне.

В.: Вы знаете, я редко себя хвалю, но об этом я должен сказать, что тот экзамен, который я себе произвел своим же курсом, я отлично сдал. Какая тонкость, именно теперь, уже *после* изложения фактов обратиться к Ницше. Раньше Ницше

был бы романтиком, и только теперь мы постигнем, насколько действительно глубоко и верно проник он в греческий дух.

19 января. Говорили о том, как нужно жить в молодости, чтоб не жалеть об этом в старости. Я сказал, что я жалею каждый проходящий день, в котором не любил (не испытывал чувство любви), и вообще я жалею, что не женился в 17 лет, так что теперь уже бы развелся.

— Я должен Вам сказать, что я признаю, что всякая с женщиной связь глубоко ответственна, так что и после телесной Вашей смерти Вы телесно-материально связаны со всеми, с кем Вы вступили в половую связь. Поэтому всякое соединение с женщиной есть как бы некоторая примесь и замутнение Вашей собственной сущности, и горе тому, у кого таких соединений много: каждое из них балласт и груз. Эмпирическая связь становится метафизической со всеми отсюда вытекающими последствиями. Вы хотите в вашем теперешнем возрасте жить, беря от жизни наслаждения, и быть беспечным. Что ж? Конечно, чем Вы менее будете за известными благами гоняться и не стоять в передней у Фортуны, тем благосклоннее будет она к Вам. Но беспечность удается только особенным талантам, те как-то все умудряются. Таков был Уайльд и в еще гораздо большей степени Байрон. Последний даже внушал этим Гете как бы некоторую тревогу, не то зависть, не то любование. Старик Гете с напряжением следил, как стихийно-разрешенный Байрон берет все напролом, как-то силой хватает самую судьбу...

***

— У нас слишком мало придают значения прилежанию. В Германии вот умеют это ценить, и прилежание требуют не только от ученого, но и художника. Помню, когда я учился в Германии, в семинарии Моммзена по римской истории, какую бездну прилежания мы вынуждены были проявить. Семинарии эти состояли в следующем: Моммзен намечал ряд тем, и каждый из семинаристов, принимаясь за работу, должен был исчерпать весь имеющийся по данному предмету материал (то же должен был делать и рецензент), так что случалось, что по данной теме референт оказывался осведомленнее самого Моммзена. Все же Моммзен нередко ставил в тупик и столь

подготовленного референта. Был Моммзен тогда уже 70-летним стариком (первое время занятия были в университете, потом мы к нему ездили в его виллу), нраву был сердитого и во время таких диспутов прямо вцеплялся и яростно нападал на референта. Референт, однако, должен был быть стойким до конца и с апломбом выдержать и отразить все нападки. Такая школа у Моммзена многому научила, и Вы видите хотя бы по этому труду (В. указал на свою диссертацию на латинском языке «о римских откупщиках»), что мы умели быть прилежными даже после окончания курса. Виноградов сейчас же проектировал мне кафедру по римской истории в Москве, говоря, что прохождение моммзеновского семинария — достаточное свидетельство, но я ушел, удивив всех, совсем в другую сторону, зарылся в поэзию, и вся жизнь моя потекла совсем иначе...

***

Я развивал свое воззрение на учение Шопенгауэра:

— По мне, нужно понимать тезис Шопенгауэра, что мир — ничто, не так, как это обычно понимают. «Ничто» — для Шопенгауэра признак положительный, а не отрицательный. Но Шопенгауэр был таким крайним реалистом, что даже признак бытийственности был для него ограничивающим, поэтому именно он второе, противопоставленное Воле начало называл «ничем» (так [...] учили, что приписывать Богу бытие есть уже его ограничение). Но «Ничто» это есть, и оно создает гения и святого, этих двух победителей Воли.

— Но, — сказал В., — тогда учение Шопенгауэра уже не монистическое, а дуалистическое, и вряд ли Шопенгауэр с Вами бы согласился. Я считаю, что Шопенгауэр не смог свести концы с концами и его самоотрицающая Воля есть тупик, в который он попал. И вообще, его беда, что он с самого начала был слишком сильно ушиблен Кантом. Шопенгауэр слишком мало предоставил себе простора, поверив Канту, что мир весь состоит из феноменов и ноуменов. Все же Шопенгауэр прав: «в дом» мира он проник, хотя и не весь его прошел.

***

Я говорил о Тургеневе и указывал, что его, русского, жизнь за границей при m-me Виардо имела тайные тернии: он как бы был неким приживальщиком, если не к чуждому дому (хотя могло быть и это), то к чуждой ему расе (скиф среди овидиев — обратный случай).

— Нет, — сказал В., — я считаю, что хотя Достоевский в своей карикатуре на Тургенева прав (Кармазинов в «Бесах»), но таким манерным и аффектирующим был Тургенев в России, за границей казался он больше к месту. Мой тезис: Тургенев в Париже — натурален. Что у нас манерность, в Париже — манера. Тургенев был французом до мозга костей, он имел там таких друзей, которых не имел в России. И он всю жизнь был учеником тонкой французской культуры, всецело ею проникаясь и пропитываясь. И вовсе мы за границей не чувствуем себя чужими. Я сам в Париже чувствую себя превосходно, хотя я и горячий патриот России.

— Нет, В. И., Вы не патриот, хотя Вам это и кажется, да Вы и на русского непохожи (оттого Вы и филосемит; все истинно русские — антисемиты, ибо и сами семиты), хотя Вы и не похожи ни на кого из другой национальности.

— Кто же я?

— Вы, В. И., Сын Человеческий!

20 января. Я принес В. маленький свой экспромт, где я говорю о его любви к слову «Слава».

— Да, я люблю это слово и понимаю его не так, как обычно («Что есть слава? Шепот глупца...» etc.), любит его и народ и часто поет разные «славы» («Всему народу русскому слава, и боярину тароватому слава, и боярыне его белолицей слава...») Солнцу, Небу, Луне.

— Да, — сказал я, — вот и Бальмонт пишет:

О, слава Солнцу пламенному в вышних,
О, слава Небу, звездам и луне,
Но для меня нет в Мире больше лишних:
С высот зову — и тех, кто там, на дне.

В. поморщился.

— Ах, как это все не по-русски, Бальмонт — поляк, а я вообще поляков недолюбливаю.

— В этом вы опять наследник Достоевского, — сказал я.

— Да, я себя абсолютно чувствую духовным сыном Достоевского, настолько во мне его наследство.

— Не отсюда ли и Ваш грех непонимания Толстого, ибо это — грех.

— Не соблазняйте меня, — сказал В. («Не введи меня во искушение», — сказал В. по-гречески), — я вовсе не должен все

любить. В природе я все люблю: и мышей, которых я боюсь, я тоже люблю. Но в человеческом царстве я должен многое ненавидеть (не понимать — у меня значит не любить), и Христос именно учил нас не только любить, но и ненавидеть...

21 января. Я был на «итальянском» невнимателен и возбужден. В. заметил это и после лекции спросил меня, что со мной. Я зашел к нему и показал посвященный ему мой сонет «Всех мировых в тебе стихий союз...» Между прочими частными указаниями он остановился и на строке «И грузом жизни, смерти перегрузкой»; она ему не понравилась вначале, но когда я объяснил, что «перегрузка» здесь означает не чрезмерность груза, а смену груза, новую нагрузку, он был весьма удовлетворен и указал, что это оригинальная и неожиданная рифмовка и есть один из признаков удачного сонета.

Потом пришел Хлебников.

Хлебников, работающий последнее время над «историческими ритмами», то есть высчитывающий по известным формулам промежутки аналогичных событий (приблизительная формула: $a \cdot 3^n$ для «подъемных» событий и $a \cdot 2^n$ для «падающих»), рядом исторических примеров из разных областей иллюстрировал свои положения. Я слушал с нескрываемым пренебрежением, В. же слушал с вниманием явно сочувственным. Когда я выразил свое изумление по поводу того, что В. может серьезно относиться к таким антилогическим мечтаниям, В. мне возразил, что я не могу одолеть непривычности, но что в воззрениях Хлебникова об угадывании грядущих событий ничего невероятного нет.

— «И Ангел вострубит, что времени больше не будет», — может, Вы, Велимир, этим ангелом и будете, — сказал он Хлебникову.

— Почему Велимир? — спросил я, — ведь его зовут Виктор.

— Да, но он переделал свое имя, — сказал В., — и, по-моему, прав: греческие слова в русском звучат хорошо, латинские — нет, и я на Вашем (Виктора) месте сделал бы то же самое.

Разговор на прежнюю тему возобновился, и В. сказал:

— Детерминизм полный совершенно вяжется с моим мировоззрением, я полагаю, что мы, будучи существами вообще свободными, здесь, в жизни, именно несвободны. Мы были до рождения вольны в своем выборе, но выбрали — пропало: назвался груздем — полезай в кузов. Так что с этой стороны опыты

Хлебникова мне не враждебны, что же касается «закона достаточного основания», то мы всегда эмпирически ограничиваемся конечным числом причин, хотя для каждого явления причин бесконечно много. Но Велимир не причины хочет отыскать, а только временную связь аналогичных событий, а аналогичность есть та единая, назовем ее красная, нить, которая во многообразных явлениях среди всех множеств других нитей явно выделяется.

— Да, — сказал я, — она выделяется, но только а posteriori*, до этого же выделить ее нет возможности. Что касается «закона достаточного основания», то мое воззрение таково — для каждого явления метафизически имеется одна нам неведомая причина, эмпирически же для нашего представления набегают (и заслоняют истинную единую) ряд причин. И мы познаем множество суррогатов вместо единой подлинной причины. Эту причину, конечно, найти Хлебников не может, да и вообще не причин он ищет; эмпирически же, хотя Вы, В. И., и правы, что мы вместо многих причин удовлетворяемся несколькими, однако не все обратные теоремы верны, и по нескольким нитям определить событие — пучок бесчисленных нитей — нет возможности...

Говорили о познании и любви. Хлебников сказал, что всякое человеческое слово, мысль, жест — все замечательно.

— Нужно было бы писать дневник с точностью до одной секунды.

— Безусловно, — сказал я, — особенно замечательны разговоры с великими людьми, и я так недоволен Эккерманом, что он сравнительно так мало и так слабо передал нам «разговоры» с Гете. Нет, такие вещи не так пишутся. Впрочем, это объясняется, быть может, тем, что Эккерман так благоговел перед Гете и не был сам достаточно глубок. Нужно было быть глубже Гете, чтобы писать «Разговоры с Гете», и нужно было по крайней мере ненавидеть: ибо «ненависть глядит пронизательно».

— Это хорошо, что Вы сказали «по крайней мере», — сказал В., — ибо есть нечто, что глядит глубже и видит пронизательнее, чем ненависть, это — любовь. Всякое познание — эротично. И не только метафизически и в первоизданном: «Адам познал Еву», то есть эротически вкусил с древа познания; но и

* На основании опыта; *буквально* — из последующего (лат.).

по сей день истинно любящие Оттилия и [Эдуард] (в романе Гете «Сродство душ») не нуждались даже в том, чтобы видеть друг друга, чтоб знать, что у каждого из них в душе происходит: настолько они друг друга знают. Да и как им не знать, когда они друг другом так проникнуты, что, не отдаваясь друг другу, они все-таки рожают от двойственного зачатия.

— Но чем же объяснить тогда, что, стремясь столь сильно друг к другу, возлюбленные большей частью натываются на препятствия, которые природа им как бы нарочно ставит?

— Я не знаю, ставит ли возлюбленным препятствия природа, но что они сами себе ставят препятствия — несомненно. И это объясняется, по-моему, следующим. Любовь состоит из двух элементов: имманентного и трансцендентного. Всякий любящий в предмете своей любви видит свое «я» в трансцендентном (таково, например, в «Фаусте» вначале отношение Фауста к природе, ко всему звездному небу, которое он хотел бы обнять и в свою душу принять) и стремится его сделать имманентным, но, сделав его имманентным, то есть слившись в одно с предметом своей любви, любящий ощущает вновь потребность видеть свое «я» в трансцендентном — это момент отталкивания в любви. Любящие оттого так и любят целоваться, ибо здесь происходит (как в двух угольках электричества Яблочкова или в звонке электрическом) непрерывное попеременное притяжение и отталкивание; если б возлюбленным пришлось бы в поцелуе застыть, он бы не привлекал, но именно разжатие и прижатие друг к другу и воплощает в себе сущность любви, стоящей под знаком «2», всю ее полярность с притяжением и отталкиванием. Любовь умел изображать тонко и глубоко Гете, а также Достоевский. Но в жизни своей Достоевский любви не знал такой: ни к первой, ни ко второй жене не испытывал он ничего подобного тому, что им в его произведениях изображено. Вот Тютчев, тот испытывал ее весьма сильно и на закате своих дней. Об этом свидетельствует и жизнь его, и творчество.

22 января. В. продолжал излагать свои воззрения на ритм и метрику, см. 10 января.

— Итак, — сказал В., — мы имеем ритм симметротонический и асимметротонический. Рассмотрим сначала симметротонический. Здесь мы будем иметь ямб, хорей, анапест, амфибрахий и дактиль. Амфибрахий, например, хорошо передает движения

плавные, реющие, и Пушкин хорошо применил его в стихотворении «Туча» — там он к месту. Напротив, в «Песни о вещем Олеге» размер этот неподходящий, баллада эта, подобно немецким и французским этого образца, должна была быть с «паузниками», как «Лесной царь» Гете; она бы тогда много выиграла. Собственно говоря, уже Жуковский в своих переводных балладах мог применять «паузники», но ни он, ни даже Пушкин на это не решились, напротив, менее крупные поэты подчас на это отваживались. Вообще достойно внимания, что Пушкин и его современники весьма редко прибегали к трехдольникам, и стихотворения этого размера у них в весьма ограниченном числе. Поэты же послепушкинского периода вновь обратились к трехдольникам, а модернисты наряду с большими новшествами опять в этом пункте вернулись к пушкинской традиции. Чем же объясняется такое отношение к трехдольнику? Для этого проанализируем упомянутое стихотворение «Туча»:

Послѣдняя туча / рассеянной бѹри,
Однѧ ты несѣшься / по ясной лазѹри и т. д.

Здесь на каждом стихе мы видим четыре ударения, и все они ударны не только метрически, но и ритмически, и, кроме того, мы имеем везде после второй стопы цезуру, — таким образом, мы имеем в каждом стихе четыре положительных и одну отрицательную константу, мы видим, таким образом, все стихотворение настолько закованным, что здесь нет почти места ритмическому жесту. «Почти» — ибо в самом последнем стихе Пушкин дал нам очаровательный ритмический жест, отодвинув к концу отрицательную константу, сделав цезуру позже обычного («Тебя с успокоенных / гонит небес...») и почти безударным слово «тебя». Получилось вначале тяжелое задыханье, а потом легкий вздох, что в данном стихе и требовалось как должное завершение всего стихотворения. Пушкин, таким образом, справился и с этим размером, но мы видели, что он мало оставляет простора для ритма; здесь ритм с метром совпадают, меж ними нет борьбы, а именно в борьбе постоянных констант и переменных жестов заключено все великолепие формы. И естественно, что поэты избегают этого размера и выбирают более ритмичные двухмерники: ямб, хорей. Ямб, тот не любит, чтоб слова делились ему соответственно, это допустимо только в тех случаях, когда эта «рубка» нужна по особым

соображениям. Таковы, например, стихи Пушкина «Восста́нь, / проро́к, / и ви́ждь, / и вnéмли...», тут именно и нужна чеканка (Божий глас непреклонен, каждое слово, как камень многовесный), или «Так тяжкой млат, // Дробя́ / стекло́, / куёт / булат». Тут этой «рубкой» хорошо передается самый удар по наковальне тяжелого молота. Но вообще ямб подобной «рубки» не любит. Хорей — напротив; для него такие стихи, как «Бу́ря / мгло́ю / не́бо / кро́ет...», естественные, таким образом они легче подпоясаны для пляски, к чему они и предназначены.

23 января. Говорили о женщинах: постоянны они или переменчивы.

Я прочел свое стихотворение «Женщина».

— Я ожидал хуже, — сказал В., — но и тут меня некоторые места укололи, как, например, стих «Терпите распятыя на распутье...» Конечно, это верно, что вы пишете о распутьях, — так оно и было, женщины выходили и отдавались на перекрестках и древле и ныне, но что значат здесь распятыя, ведь Вас соблазнили слова «распятыя» и «распутыя» своим сходством в звуках, но ведь это и дурной вкус. Вот Вы указали стихи Брюсова, которые Вам нравятся:

Нежно гаснет бледно-палевая
Вечереющая даль,
Словно в лодочке отчаливая,
Уношусь в мою печаль.

И дальше: «Выхожу в аллею липовую...» с ней рифмующимся стихом: «И не плачу, только всхлипываю...» Для меня эти стихи — образец безвкусыя. Ведь когда женщина эта (от имени которой автор ведет это стихотворение) находится в таком состоянии, что не плачет, а только всхлипывает, то здесь уже почти нет звуков, состояние души очень тяжелое, а ставя слово «всхлипываю» на каденте и выпячивая его, Брюсов поступает совершенно неестественно, и мы понимаем, что это не женщина так плачет, а Брюсову «нужны» такие рифмы: липовую — всхлипываю, палевая — отчаливая. И я считаю, что это не есть творчество, а выделка фабрикатов. Рифма играет служебную, второстепенную роль и не может сама себе дозволить. Я вспоминаю, как Брюсов пришел ко мне раз и сказал: «В., я читал твою „Нежную тайну“. Ты там употребил рифму: полюс — solus*,

* Одинокий, покинутый (лат.).

ведь это я тебе ее сказал, а ты поместил ее даже не в главном, центральном стихотворении, а в каком-то второстепенном». Мне это было смешно слушать: придавать такое несвойственное значение рифме. Но в этом и есть сущность декадентства, что часть приобретает значение целого. И это есть разложение, отпадение от целого, отделение каждого атома, это и есть начало зла, служение дьяволу.

— Я вижу, В. И., — сказал я, — что Вы по утрам, как я некогда уж Вам говорил, любите говорить себе приятности, и, конечно, приятность эта была бы неполной, если б в ней не было неприятности другому.

— Нет, это не так, — сказал В., — это значит только, что по утрам я проверяю свой «Символ веры».

— Но как это неблагочестиво, это деление Ваше писателей на святых и еретиков!

— Нет, мой друг Рачинский рассказал мне раз такой анекдот. Пришел некий великий грешник на исповедь. Исповедующий обращается к нему с вопросами: «Ты убивал?» — «Грешен». — «Прелюбодействовал?» — «Грешен». — «Разбойничал?» — «Грешен». — «Воровал?» — «Грешен» и т. д. Наконец, спрашивает он: «Еретик?» — «Боже упаси». Вот таков и я. Во всем грешен, но не еретик, ибо в религии и во всем, к чему человек относится религиозно, есть право-славие и есть ересь, есть правый вкус и есть вкус еретика. И последний вкус именно у Брюсова, сказавшего:

Но последний царь вселенной,
Сумрак! Сумрак! — за меня.

И Брюсов — жрец, пусть маленький, но старательный, именно этого Сумрака, этого Зла.

— Да, В. И., но мое твердое убеждение, что все искусство служит Злу, есть монастырь дьявола. («Я создал Природу», — говорит Бог. «А я — искусство», — говорит дьявол.)

— Здесь я Вам должен изложить свой взгляд на этот предмет. Все наше познание, искусство, вся наша культура имеет свое начало в некоем начале демоническом, назовем его Люцифером (в отличие от последнего демона, Аримана). Люцифер этот по самому своему существу связан с человеком и только на человеке и в человеке и проявляется (по крайней мере, на всем нам доступном горизонте Люцифер только в

человеческом). Это именно он заключает с Фаустом договор. За Люцифером, как его тень, стоит Ариман — последнее небытие (и это у Гете очень хорошо изображено в лемурах, сопровождающих Мефистофеля). От Люцифера человека может спасти только одно: динамизм, вечное движение, непрерывное стремление. Пока человек стремится, Люцифер не имеет над ним власти, и потому, по условию с Фаустом, Мефистофель заберет его душу, когда он, Фауст, остановится, удовлетворится и скажет: «Мгновенье, стой!». Вот когда человек остановится, то в это мгновенье он предается началу небытия, и первое мгновение оно еще может быть прекрасно («Мгновенье, ты прекрасно, остановись!»), сиять звездой утренней Люцифера, но уже в следующее мгновение эта красота покрывается тлением, она становится Ариманом, полным небытием, «грудой тлеющих костей». Фауст всю свою жизнь не удовлетворен и стремится от одного к другому и этим спасается от сторожащего его Мефистофеля, но вот, забывшись, сказал он: «Мгновенье, стой!» — и немедленно умирает, согласно договору. Однако Фауст все же спасается. Почему? Да потому, что он только случайно сказал: «Стой, мгновенье!», — в сущности же он, стремясь до последней минуты, не думал остановиться, напротив, здесь-то всего более и надлежало стремиться: прорытые каналы предоставляли стремлению Фауста большой простор. Мефистофель прав только формально, но ангелы, которые судят по существу, внутренне, а не внешне, справедливо возражают, что «тот, кто стремится неустанно, того спасти мы можем». Так спасается Фауст, так должен спастись каждый из нас. Искусство, поскольку оно динамично, живет и стремится, неподвластно дьяволу. Но чуть оно остановится и застынет, запах тления несется от него. И в первую минуту оно еще может быть прекрасно, но уже в следующую оно разложение, смерть и небытие. Мы вечно должны стремиться — в этом единственно наше спасение. От Лже-сына Божьего до истинного Сына Божьего Христа — вот ипподром человечества, вот путь, который оно должно пройти.

26 января. Читали с В. стихи из «Прозрачности».

Я заговорил о «Кресте зла».

— Вот, — сказал я, — прекрасная постановка вопроса. По-моему, вообще человек не может удовлетворительно ответить ни на один вопрос, с него довольно, если он должным образом

поставит вопрос; человек не мыслящий, а вопрошающий тростник.

— Эта мысль Ваша богатая, — сказал В.

Затем мы прочли «Персефону» и «Дриады», и В. вспомнил при этом, как Бальмонт плакал от восторга, прочтя «Дриады».

— Вот видите, — добавил В., — я написал стихотворение это, и, как всякое стихотворение, оно не вошло в кровь, не стало эпохой; и хорошо, что Ницше написал «Рождение трагедии» не в стихах, как жалел об этом впоследствии: оно осталось бы непонятым и, может быть, даже незамеченным. Стихотворение нужно уметь понять, меня, например, критики не сумели в одном месте и грамматически разобрать. Так, я писал: «Всепроницаемой святыней // Луча божественное Да...» (последняя строфа «Алмаза» из «Царства прозрачности»), и все бранили меня за непонятность, приняв слово «луча» за имя существительное, между тем оно глагол в форме деепричастия с рядом с ним стоящим прямым дополнением (лучить — излучать). За тем мы читали «Пан и Психея», и Лидия Вячеславовна сыграла на скрипке и спела нам эти стихи.

Я сказал:

— В. И., на Вас мне вчера жаловались, что вот Пушкина легко понять, а Вас приходится тщательно комментировать.

— Но и Пушкина, — сказал В., — не так-то легко, как кажется, понимать. Так, строка «Служив отлично-благородно...» во всех почти изданиях пишется с запятой после слова «отлично», что искажает весь пушкинский замысел, ибо Пушкин в данном случае цитирует некую реляцию старинную о чиновниках, и «отлично-благородно» означает отлично-благородно, отлично (от других, бравших, например, взятки; он же жил только долгами; в этом «отлично» юмор Пушкина, ибо велико ли отличие: и там и здесь люди живут на чужой счет и благородного не очень-то много). Другой пример. Говоря о завещании Овидия, Пушкин пишет:

И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли —
Не успокоенные гости.

Так-то, гладкость Пушкина не так-то уж вседоступна.

Прочли мое стихотворение «Печаль пчелиная».

— Это хорошо, — сказал В., — что пчелки у Вас — духи отчаянья и глубока их связь с нездешним миром.

— Да, — сказал я, — помните у Достоевского (в «Идиоте» сцена, где Рогожин показывает Мышкину зарезанную Настасью Филипповну), где муха, вдруг проснувшись, с жужжаньем пролетает над телом умершей. О чем здесь муха говорит? Она говорит о неподвижности, что Настасья Филипповна уж настолько труп, что муха уже носится с угрозой над ней.

— Да, это место глубокое. Ну встречается ли что-нибудь подобное у Толстого? Или есть ли такие бездны у Толстого, как сон Раскольников (о лошаденке, которую до смерти забивают) и сон Мити Карамазова (о «дите»).

— Да, есть: сон Анны Карениной (о мужике, стучащем железом), — сказал я.

Затем я рассказал свой последний сон. Мне снилось, что я жаловался Вл. Соловьеву, что жизнь моя не созвучна, не должный у нее унисон, и он направил меня сказать об этом В. И.

— Вот это ведь совершенная фикция, — сказал В. И., — а меж тем для меня это нечто почти объективное, я вижу в этом связь свою с Вл. Соловьевым. Вчера вот мы беседовали у Сиповского на тему, видел ли он виденья, и он рассказал о том, как он видел раз своего двойника сидящим за столом, и ему стало очень жутко.

— А Вы? — спросил я.

— И мне пришлось в своей жизни иметь видения, — сказал В. (и больше не продолжал, как бы явно поставив точку). Потом мы вновь вернулись к стихотворению «Дриады».

— Растения обречены, — сказал я, — на сравнительную неподвижность (если и движутся они, обращаясь к солнцу и отвращаясь от него, то это движение весьма ограничено), но зато их рост, подобно человеческому и в противоположность животному, вертикальный, не горизонтальный, и они милей нам, чем животные. Такими вот неподвижными растениями были старосветские помещики Гоголя Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, и мы их именно любим как растения (и за то, что они растения — не животные).

— Да, — сказал В., — их прообраз в древности — Филемон и Бавкида, которые к концу жизни обращаются в деревья.

Потом В. рассказал платоновский миф о колесницах душ и указал при этом, что одно из качеств, которое требовалось для того, чтоб колесница с неба не скатилась, было целомудрие, притом не в нашем ограниченном смысле слова, а в том, каком его употребил гениальный юноша Коневской («Ах, личность жаждет целомудрия»): целомудрие, цельность, девственность Воскресения. У греков не было этого понятия, но платоновский смысл именно таков.

27 января. Читали «Пана и Психею» (из «Прозрачности»), и В. делал разъяснения.

— Это мой собственный миф. Пан — природа и знал только напевы природные. Но вот в лесу природы восходит предвестница-лилия, символическая прелюдия иной, неприродной, над-природной силы и Пан-природа ее лелеет. А скоро является и сама Психея-Душа и начинает напевать новое. Пан слушает, и сам берет былой напев, и поет его по-новому, и «будит песнью Дриад, дремотных дев». Душа пробуждает природу, которая до того была в темном забытии, и грезила, и ждала Пробудителя.

Читали Евангелие от Иоанна, разговор Иисуса с самарянкой (читали по-гречески).

«Позови своего мужа», — сказал самарянке Иисус. «У меня нет мужа», — ответила та. «Ты говоришь правду, — сказал Иисус, — ибо у тебя было уже пять мужей, и тот, которого ты имеешь, тебе не муж». И самарянка пошла в город и рассказала, что она видела Человека (Мужа), который наверно есть Мессия, ибо он знает все, что с ней случилось.

В. сказал:

— Этот разговор Христа с самарянкой есть разговор Жениха — Мужа Мира (истинный Князь Мира-Света, а не самозванец, князь тьмы) с вечно-женственной Душой Мира. И Христос прав, говоря, что она не имеет Мужа, ибо Муж тот, кто дает жизнь вечную (как обещает ей Христос), кто дарит не растление, а целомудрие («Ах, личность жаждет целомудрия». Коневской); и на слова Иисуса: «Жена, позови своего мужа» — Жена должна была ему ответить: «Ты мой Муж». Ибо он только, он, седьмой, и есть Истинный, он, Мессия, есть Жених и Муж, которого ждет Мир. И мудро говорят в церкви при земных брачных сочетаньях: будьте во Христа и Церковь, то есть как

Христос относится к Церкви (Миру), так относитесь друг к другу, Муж и Жена. Земной брак — символ Небесного, некое подобие и знаменование. И ни один, кроме Христа, не был еще Мужем, вот почему никто недостойн той Жены, которую имеет.

2 февраля. Говорили о Ницше.

Я сказал, что внезапный перерыв (безумие) в пути Ницше лишил нас возможности видеть, куда вел его путь, куда вообще ведет такой путь.

— Мы это знаем, — сказал В., — это был путь к Богу; всю жизнь называя себя учеником Диониса, он как бы закрывал глаза на страдания Диониса, а Дионис — бог страдающий. И только в одном из последних писем к Брандесу Ницше называет себя «распятым Дионисом» — никогда, никогда до этого не сближал он эти образы «распятого» и «Диониса». Его последнее замечательное откровение было его последней тайной... И оно сделано уже на грани безумия. Ницше был прав, когда вложил свое учение в уста Заратустры. Ибо чему, собственно, учил Заратустра?

— Ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду, — сказал я.

— Да, — сказал В., — Вы говорите по Ксенофону; конечно, Ницше и этому учил, особенно стрелять из лука. Но главная сущность учения в том, что он учил быть чистым, — это самое основное. И все учение Ницше можно свести к двум тезисам: я не хочу быть грязным, я хочу быть чистым. И — я не хочу быть больным, я хочу быть здоровым.

3 февраля.

— Вот Вы вчера, В. И., говорили о том, что помимо комедий и трагедий греки знали еще одну форму — сатинову драму, где действовали духи природы, демоны отдельных ее проявлений, но именно ее, а не наши, человеческие (как в наших баснях), и что при этом проявлялся какой-то юмор сил природы. Но разве это возможно? Разве юмор присущ и самой природе, а не есть явление человеческое, только человеческое?

— Да, но они были весьма забавны своей перевозданной невинностью, состоянием до «добра и зла», их крайняя наивность (в проделках друг над другом, в играх) юмористична. Но у греков был еще один вид комедии, который мы теперь не

имеем, — это комедия не лиц, не типов, а идей, глубокомысленная аристофановская комедия. Его произведение «Облака», например. Существует мнение, что это враги Сократа, впоследствии предавшие его суду, подкупили будто бы Аристофана, чтоб он выставил Сократа в таком виде и тем лишил его симпатии народа. Но вряд ли это соответствует истине. Вернее, что Аристофан вполне дружески создал это творение, и очень правдоподобно, что сам Сократ, видевший его, много смеялся. Что Аристофан не был врагом Сократа, видно хотя бы из того, что Платон весьма любил Аристофана (держал его книги под подушкой), а это не могло бы иметь места в случае вражды Аристофана с Сократом. (Кстати, Аристофан — реакционер и в своих взглядах на демос сходится с Платоном, творцом «Государства».) Я сам отношусь к Ницше с большим уважением, однако я когда-то думал выставить Ницше в комическом виде наподобие того, как это сделал Аристофан с Сократом. План моей предполагаемой комедии был приблизительно таков. Дионис с сонмом своих сатиров и менад возвращается из Индии; по дороге через Персию этот сонм натывается на новоявленного Заратустру — Ницше, которого также сопровождает большой сонм. Ницше начинает излагать свое учение, называя его учением Диониса, сатиры хлопают глазами и ушами и никак не могут признать учение Ницше за дионисовское. Происходят забавные *qui pro quo**, причем особенно забавными оказываются ницшеанцы. Тут может быть выведен и Вагнер, который, кстати сказать, как все торжественные, особенно может быть юмористичен («Вот стоит Вагнер, он стоит, как колонна», — пишет с юмором Ницше): ведь и музыка Вагнера вызывает или восторг, или смех. От великого до смешного шаг, от торжественного до смешного еще меньше, часто ни шага. В заключение судьей между сатирами и Ницше является сам Дионис, тут можно воздать Ницше следующее ему признание. В таком духе рисовалась мне некогда эта комедия, напоминающая, впрочем, скорей «Лягушек» Аристофана, чем его «Облака».

4 февраля.

— Вам бы не следовало, по-моему, говорить о Льве Толстом. Я читал сегодня Ваши «Борозды и межи», и везде,

* Недоразумения (*лат.*).

где Вы говорите о Толстом, мне кажется, что это — общие места, — сказал я и указал при этом на место, где Толстой уподобляется зеркалу, на мир направленному.

— С этим я никак не могу согласиться, — сказал В., — это никем сказано не было еще. Это — по существу; что ж касается формы, которая в этом месте вам также не нравится, то я и с этим не согласен. И вообще, за исключением отдельных, весьма немногочисленных, мест, мне мой прозаический стиль в «Бороздах и межах» нравится. В первой части «По звездам» я им недоволен, в «Бороздах и межах» он хорош, а в третьей части («Родное и вселенское») еще лучше. Конечно, о вкусах не спорят, но у Вас здесь есть некоторая еще предвзятость...

Читали «Поэтику» Аристотеля.

— Не удовлетворяет меня Аристотель, — сказал В., — конечно, это ум огромный, но не безграничный, и Платон куда глубже его. Нельзя все искусство выводить из подражания, как это делает Аристотель, считать искусство феноменом, ибо оно имеет в виду идеи, которые сами по себе и вне феноменов существуют.

— Сами по себе, — сказал я, — как бы не так. Идеи Платона всесовершенны, но я опасаюсь, не вывел ли он из них произвольно, из их всесовершенства еще не вытекающего признака бытия их. Его идеи имеют все качества, но они имеют только тот недостаток, что их, быть может, нет. И вообще не суть ли идеи Платона только словотворчество (существует ли действительно чернота или только имеются черные предметы)? «Молния сверкает» — выходит, что молния может и не сверкнуть, что молнии имеются еще отдельные от сверканий.

— Да, имеются, — сказал В., — Афина права, говоря Эринии, что она одна имеет доступ в кладовую отца, где хранятся молнии. У отца есть молнии и громы и все образы слов, в царстве Идеи вечно живут все мифы, дремлющие в наших словах. И если даже Идеи — только Слова, то Слова — вечно-живущие. Слово — раньше понятия, «вначале бе Слово». Так, как Платон понимает Идеи, не понимает их Аристотель. И хотя современная наука преимущественно держится аристотелевских воззрений на Идеи, тем не менее я примыкаю к Платону.

5 февраля. Я читал В. одну из своих заметок об Отце.

— Кто поймет, — сказал я, — кто измерит одиночество Отца: что перед этим Чаша Сына, Скорбь Матери, даже стенания замуравленного в плоти Духа?

— Хорошо, что Вы верны Отцу, — сказал В., — но вот я расскажу Вам, как я понимаю акт творения Отца. Бывает, горшечник горшок создает, но что такое горшок перед горшечником — ничего, почти что ноль перед единицей. Но бывает и другое творение; так, когда мы творим художественное произведение, это уже высшая фаза творения, творимое имеет уже некую отдельную жизнь, но однако, что бы человек ни сотворил, оно ограничено творящим, так сын, каков бы он ни был, всегда ограничен своим отцом, хоть акт рождения есть высшая ступень творения. И Небесный Отец Сына не творит, а родит. Но, будучи абсолютным, так родит, что Собой не ограничивает рожденное. И вообще было бы несоответственно величию Его рождать что-нибудь, что не есть Он Сам, так что Сын — в Отце и Отец — в Сыне. Так солнце излучает лучи, и каждый луч есть солнце. Это-то всего труднее понять: как часть есть целое, как множество — едино, однако это так. Все эманации Бога суть божественны — вот что значит «образ и подобие». И вначале Бог создал таким Люцифера, а Сам как бы удалился в глубины Бытия, стал как бы незримым, и Люцифер-сын возомнил, что он низринул Отца в бездны Тартара и сказал о себе «Я», приложив данную ему печать Отца к желанию свержения Отца. Только Отец, потому что он есть Все, может сказать «Я» и «Есмь». Именем Его и Его сущностью можем мы сказать, что мы есмь, но только Именем и Сущностью Его, во всех остальных случаях, говоря «я», мы совершаем грех. И истинный Божий Сын Отцу говорит с великой любовью и великим дерзновением (ибо любовь всегда заключает акт дерзновения), что он воссядет одесную Его. Сыновство Божие (как царское в сказках и мифах — Тезей) должно быть доказано, должно быть заслужено, и тогда по вещим признакам, по исполненным Им подвигам узнает и признает Отец Сына. Узнает Отец Себя в Сыне, и Сын — в Отце. При этом признание Отца Сыном должно быть признанием добровольным, а не принудительным.

***

Я прочел заметку о первом своем впечатлении от В. (я его первый раз увидел и услышал на 10-летней годовщине смерти

Льва Толстого в Государственном театре). В этой заметке, между прочим, я говорю, что имя Вячеслав весьма к лицу Иванову (впоследствии я убедился в еще большей правильности моего замечания, см. мой экспромт «Слава Вячеславу»), фамилия же Иванов — недоразумение (какой это Иванов?). На это В. сказал:

— Нет, я нахожу, что фамилия моя, ввиду моего соборного мировоззрения, весьма подходит, я даже думаю, что я ее сам выбрал. «Иванов» встречается среди всех наших сословий, она всерусская, старинная и вместе с моим именем и отчеством звучит хорошо. Вячеслав Иванович Иванов — Вячеслав Иванов сын — Иванов. Кроме того, она мне еще приятна по духовному моему родству с художником Ивановым, которого только недавно начали как следует ценить и понимать.

8 февраля. Я рассказал В., как я понимаю место из Библии о медном змие. Размножились в пустыне змеи, и число жертв было огромно. Тогда Моисей восставил медного змия, и всякий змеей укушенный, взглядывая на медного змия, исцелялся.

— Я понимаю, — сказал я, — это предание так: созерцание искусителя спасает от искушений. Это своего рода иудейский катарсис, аналогичный эллинскому. Как там, так и здесь делается некая прививка искусственная (вроде оспы), чем предотвращается или ослабляется действительная опасность.

— Да, это так, — сказал В., — но я не совсем доволен формулировкой Вашей. Собственно, не созерцание искусителя спасительно, а то, что, созерцая медного змия, человек уже переживает мысленно и самый укус, он уже искушенный и в этом смысле несколько обезопасенный. Кроме того, для нас, христиан, медный змий есть прообраз Христа («вознесен, как змий в пустыне»), Спасителя Мира. И Он именно тем и был Спасителем, что явил человеку — человека. Он, Сын Человеческий, был зеркалом человеку. И не части его, не какому-нибудь отдельному виду и индивиду человеческому, а всему человеку. Он, принявший на Себя грех всего мира, есть зеркало и разбойника, и святого. Сораспятый с разбойниками, Он и хуже разбойника, ибо Он, решив стать человеком, Сыном Человеческим, принял в Себя и на Себя все. Вот почему созерцание Его, Медного Змия, распятого на кресте, спасительно, вот почему Он — Искупитель.

9 февраля. В. показал мне одно прелестное стихотворение 1914 года.

— Это одна из моих самых неясных вещей, — сказал В. — Поняли Вы это стихотворение?

— Да, — сказал я и стал разъяснять.

— Нет, это не то, — сказал В., — оно посвящается моей третьей жене Вере Константиновне, и в нем повествуется о том, что я в ней вижу лик и отсвет моей любимой, ее матери, моей второй жены Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал, и что я боюсь потерять ее так же внезапно, как потерял ее мать.

— Так Вы были трижды женаты, В. И.?

— Да, первый раз я женился в Москве, когда мне было 20 лет и 3 месяца, на Дмитриевской. Я души не чаял тогда в ее брате и, не будь этого, не женился бы я на сестре его. Девять лет жил я с моей первой супругой и имел дочь. Потом начинается моя любовь к Лидии Дмитриевне. Мы думали с ней, что это у нас темное, демоническое влечение, а оказалось, что это истинная была любовь. Уже потом, после мы это узнали. Я развелся с Дмитриевской, очень сурово и жестоко это было, но я тогда был нищезанцем, и это мне помогло. Теперь я это воспринимаю как убийство, ибо жизнь Дмитриевской оказалась совершенно разбитой, а дочь наша сошла с ума...

Потом мы читали стихи из поэмы «Человек», и В. давал к ним свои комментарии, объяснив как композицию частей, так и внутренний смысл символов.

— Отец Флоренский собирался дать к ним свои комментарии, и из-за этого уже набранные стихи эти были приостановлены к печати и до сих пор только в рукописях моих. А комментарии Флоренского были бы весьма интересны. Ведь он один из самых даровитых и глубокомысленных наших современников.

— А каков Флоренский по внешности?

— Он еще молодой, лет 37, лицо у него восточное, что-то армянское, большой длинный нос, очи, всегда направленные долу, улыбка загадочная и двусмысленная, как у Джиоконды.

— Кстати, В. И., видели вы Джиоконду, и так ли уж действительно она необычайна?

— О да, я ее видел в Париже, в Лувре, и относительно нее у меня составилось следующее мнение, что все ее черты лица (и в особенности улыбка Джиоконды) суть черты лица самого

Леонардо да Винчи, как это можно видеть по его автопортрету (хотя там улыбка эта замаскирована обильными волосами). Я говорил по этому поводу со специалистами-художниками, и они со мной в этом согласились. А вывод из этого такой, что в известное время Леонардо встретил в лице совершенно чужой ему, но вполне реальной Моны Лизы своего полного физического (а следовательно, и психического) двойника. Никакой любви к Джиоконде Леонардо не испытывал, как потому, что он вообще женщин не любил, так и потому, что любят противоположное. Но интерес его к своему двойнику был, конечно, необычаен. И он потому так медленно (в течение семи лет) писал этот портрет, что он не мог оторваться от этого необычайного зрелища.

10 февраля. Заговорили о футуристах.

— Это — поэзия намеков, — сказал В., — но притом дурно пахнущих, отвратительных, гнилых, и при этом сами футуристы мне физиологически противны, они какие-то сладострастные облизы. Они напоминают мне французских буржуа — «мы работаем в сукнах», «мы — в лесах» (коммерсанты фабричные и лесные), «мы работаем в грязи» — должны сказать футуристы. И Бодлер изображает падаль, но при этом он не чувствует себя в этой падали так дома, как футуристы. Бодлер дает нам почувствовать мировую скорбь, футуристы же — это могильные черви, довольные своей судьбой; Бобок — вот предел их желаний. Подполье — вот их место. Но зачем мне-то идти в подполье, когда я живу во дворце старинном, где живут и Дант, и Эсхил. У Отца есть обителей много, но я полагаю, что футуристы не в обители Отца. И я горжусь, что живу в старинном дворце и даже к нему подстроил еще фасад. А если Вы мне скажете, что для природы все равно, что червь, что человек, если сама природа мне скажет, что ей все равно, человек или свинья, то я и тут не испугаюсь, а скажу самой природе, что она для меня не последняя инстанция, не последние *realiora* *, и что бы она ни говорила, я не отступлю; и в выборе между идеалом и животным я стою за идеал, и человек для меня выше червя. Горе футуристов же в том, что у них нет стремления к идеалу и вначале, в самый первый момент своего

* Более реальные (*лат. новообр.*).

возникновения, они были, пока стремились и искали, красивы красотой Люцифера. Но уже теперь, остановившись, они служители Аримана, они — «груда глеющих костей». Я помню, в 1913 году я был на заседании футуристов в Москве и сказал тогда: «Чего футуристам не хватает, так это веры в Бога». Ларионов (муж Гончаровой) мне тогда крикнул: «Гончарова (художница) верит в Бога». — «Очень хорошо, — сказал я, — я с ней незнаком, но передайте ей, что я ее люблю (Гончарова была жена Ларионова, но я об этом тогда не знал)». И действительно, все, что я видел из Гончаровой, талантливо и прелестно. Ведь футуризм как новая форма принципиально вполне допустим, он только должен быть не разложением, а творчеством.

***

Я рассказал случай с одной женщиной, болезненно меланхолической, которая, из-за ничтожного повода уйдя от меня, кончила самоубийством. Я был совершенно не виноват, однако явился как бы последней каплей, переполнившей и вылившей чашу жизни ее.

— Ваша не вина, но сопричастие вине в том, что Вы должного не обратили внимания, Вы обошлись с ней формально, внешне, не дали себе труда вникнуть в суть и существо ее дела. Ко всем имеющимся заповедям, думаю я, должно прибавить еще одну: «Не идите мимо!» Вы прошли мимо. Пусть ей суждено было пасть, но нехорошо, что Вы были камнем преткновения. О Вас споткнулся человек, и Вы, если не виновник, то в круге вины. Конечно, круг вины бесконечно велик, и «каждый друг за друга виноват», но Вы в данном случае градуально ближе к вине, чем я. Но, повторяю, что виновность каждого друг за друга — в этике — так же истинно, как — в науке — то, что все явления переплетены причинностью.

12 февраля.

— Нужно, — сказал В., — чтоб всякий творческий человек испытывал известное самообольщение, что он в некоем отношении в своем творчестве первый из своих современников. Так, на нашем опыте это чувство первенства испытывали Бальмонт, Брюсов, Блок, Белый и я. Да, и я. И если в 1904 году (в эпоху «Прозрачности») я писал, что первую пальму и лавр предоставляю Бальмонту, то этим я не хотел отнюдь сказать, что я считаю его выше себя: нет, я как жюри — вне

сравнения, он первый среди всех остальных, кроме меня. То же хваля Брюсова, я этим говорю, что сам-то я еще больше. И так же, как я, думал каждый из нас. И так всегда было. Так Леонардо да Винчи, Микеланджело и Рафаэль, каждый считал себя первым. Так же глядели на себя Пушкин и Баратынский, так же — Эсхил, Софокл и Еврипид. И иначе быть не может. Сознавая себя вторым, я бы умер, не мог бы больше писать. Пусть Бальмонт обильнее меня, а Блок — задушевнее, я считаю все ж себя в некоем отношении первым. Но это, конечно, относится к современникам. Смерть — канонизирует, обращает в героев. И, клянусь, ни одну минуту своей жизни не считал я себя выше Пушкина. Мне чуждо подобное заявление: «Предо мною другие поэты — предтечи» (Бальмонт). Я почитаю своих литературных предков, а кто почитает отца своего и мать свою, будет многолетним на земле, то есть в данном случае славен. Гений не может не ценить своих предшественников уже потому, что он их страшно любит. Но признавать себя во всех отношениях уступающим своим современникам было бы со стороны поэта оскорблением своей Музы, и это было бы подобно тому, как если б кто-нибудь сказал о своей возлюбленной, что она во всех отношениях уступает другой. Это было бы нехорошо. И гораздо лучше уже тенденция, столь наивно выраженная у Дон-Кихота (да и вообще у рыцарства), [уверенного], что его Дульсинея первая в мире, и вызывающего всякого, кто это не признает, на кровавый бой. Конечно, это было весьма глупо, когда каждый рыцарь провозглашал свою даму первой и всякого несогласного звал на бой. Но человеческая глупость — очаровательная вещь. Человек должен быть мудрым и глупым: всего хуже умники — и они-то наибольшие дураки (Разумихин у Достоевского в «Преступлении и наказании»). Пушкин, вот кто это знал. И вообще он многое знал, он почти безошибочен. И если Пушкин что-нибудь сказал о красоте, о поэзии — это так. Я клянусь на Пушкине. Вот я, даже Достоевский немного, ну хоть в чем-нибудь коммунисты. Пушкин, тот вот ни на капельку, ибо он имел в себе достаточно силы, чтоб не склониться перед почти очевидной моралью, если она не согласна была с его духом. Таких вот Ницше любил. Так, например, положение, что все должны быть сыты (не говорю уж о правах), для Пушкина не было бы обязательным. Пушкин знал, что люди неравны, и он бы не отступил от этого ни на йоту, ибо так

требует закон Красоты. Картина не должна быть одинаково, во всех своих частях равно освещена. Нужно неравенство. Я лично не чувствую себя настолько талантливым, чтоб быть в такой степени бессовестным. Но, конечно, прав Пушкин. Я думаю, есть какая-то иррациональная справедливость в неравенстве людей. Это, конечно, неморально (я не говорю о «добре» в религиозном смысле), но я-то вообще к моралистам хотя испытываю чувство глубокого уважения, но я при них застегиваюсь на все пуговицы, с Вами же (сказал В. мне) я чувствую себя превосходно, ибо знаю, что в душе у вас сидит умница-черносотенец. Вот мне говорят — идет Великий Пост, целых семь недель, я перекрещусь и жду — вот настанет Пасха, и можно будет водочки выпить...

***

Говорили о сионизме.

— Я антисионист, — сказал я, — и считаю унижительным для еврейского национального достоинства получить бутафорскую независимость под протекторатом какого-нибудь крупного европейского хищника. Мне вовсе не улыбается ампула какой-нибудь Сербии; не для того мы 20 веков блуждали и страдали, чтоб так кончить. Нет, я предпочитаю диаспору.

— А я, — сказал В., — с вами не согласен. Как христианин я много думал о судьбах еврейства и полагаю, что нужно было, чтоб евреи были по всему миру рассеяны, но нужно также, чтоб вы вновь к концу времен осели в Палестине. Только сионизм должен стать течением религиозным. И язык ваш должен быть древнееврейским. По отношению к жаргону я антисемит. Я не хочу, чтоб ваш жаргон вырос, я хочу его смерти в младенчестве. Я работал над Бяликом и хотел бы, чтоб вся энергия нации ушла в древнееврейский язык. Пусть это Вам не кажется решением стороннего человека: для великих целей я бы не пожалел и языка Достоевского. Впрочем, прозаики при переводе на другой язык могут быть спасены. Безнадёжно теряются только поэты — их ритмы непереводимы.

13 февраля.

— Вот вы правильно отметили, — сказал В., — что я люблю слово «слава». Но почему? Вот Пушкин пишет: «Что есть слава?..» Для меня же слава не есть нечто слышимое, некая молва, слух и разговор. Нет, слава для меня — нечто

зримое, некий ореол (aureola), некий нимб лучей вокруг головы, некий свет («Праведник уходит, свет его остается»). Я все вещи вижу в славе. И по-моему, Поэт и есть тот, кто славословит (не Творцу только, а всем вещам).

— Здесь, — сказал я, — однако, лежит начало Вашего ложноклассицизма.

— Почему ложного? Истинного; вспомните, Гомер говорит о себе, что он воспевает славу мужей. Вот это и есть задача истинного классика. Ложноклассики же, воспевавшие Фелицу, были ложноклассиками именно потому, что они не понимали истинной славы, то есть онтологической сущности вещей. Одна моя знакомая мне сказала, что я последний Поэт, и часто мне кажется это правдой. Озираясь на всех своих современников, я не вижу никого, кто мог бы славить еще. Только я да еще Бальмонт славословим. Пусть Бальмонт часто славит не должным образом, но он неустанно и непрерывно всю жизнь славит. И за это я его люблю. И в этом наше сходство. Он мне говорил много раз, что у нас нечто общее. Но он не знает, что это такое. А это вот и есть то, что мы оба славословы. И повторяю, я боюсь, что после меня уже не будет Поэта, и не потому, что больше нечего в мире славить или больше не будет талантов, а потому, что для прославления нужна одна точка такая в человеке, а ее-то я и не вижу.

***

6 часов вечера. В. наскоро ест обед, едва готовый, спеша на санскрит, которому он с юношеским увлечением предается.

— И всегда вот так, сколько я помню себя, я все спешу. Мне все некогда, я куда-то все тороплюсь. Я думаю, что это от того, что каждое мгновение свое я переживаю интенсивно, оно переливается у меня через край. Каждый мой стих начинен до последних пределов, все мои чемоданы лопаются от перегруженности их. И так как наряду с моей интенсивностью я помню свою заповедь «Не иди мимо», то я многого не успеваю, и я вечно тороплюсь и спешу. Я думаю, что эта моя торопливость есть некий знак.

18 февраля. Говорили о Египте.

— Египет, — сказал я, — сфинкс, а Греция — Эдип. Но Эдип,

разрешивший загадку сфинкса, сам становится сфинксом, требующим разгадки себя. И в этом проблема гения.

— Да, — сказал В., — а Вы знаете, что именно сфинкс спрашивает у Эдипа? Он спрашивает: «Кто ты?» И на это получает ответ от Эдипа: «Человек». А спрашивает сфинкс у Эдипа потому, что он сам таков, он сам человекоподобен, — четыре зверя, из которых он состоит, суть четыре ипостаси, четыре зверя, четыре стихии человека. «Человек», — отвечает Эдип. И когда Сфинкс разгадан, чудовище названо — оно исчезает, бросается со скалы в море. И остается на скале Эдип-Сфинкс.

19 февраля. Говорили о разных стихиях.

— Вот Толстой, — сказал я, — чужд совершенно стихии воды. Один раз в «Войне и мире» он описал какое-то болото, в котором в жаркий и смрадный день купаются солдаты, и вода изображена с такой ужасной силой, что, кажется, последний ад не в огне, а в воде.

— Да, да, таков Толстой, — сказал он, — и как он мне чужд. Вот Гете, говорящий, что глаз не мог бы видеть солнца, если б сам не был солнечным, мне близок, а у Толстого вот в глазу есть дух («духи глаз», как говорит Данте) такой, который мне чужд. Это — дух брезгливости. Толстой смотрит на все брезгливо, с каким-то отвращением. Ссорясь, например, с Тургеневым, он говорит, что ненавидит его за то, что у Тургенева такие-то ляжки. Оценивать человека с точки зрения ляжек — это характерно для Толстого. Толстой, так же как вот те брезгливо купавшиеся, высокомерно воплотился. И в противоположность Гомеру, всем вещам говорящему «Да», Толстой всему говорит некое «Нет», отбрасывая на все явления мира тень. Одно он только любил — невеститься (описывать этот период сватовства и первое время замужества), но впоследствии в «Крейцеровой сонате» осуждает и это. И уж ничего он в мире не благословляет.

20 февраля.

— Митя Карамазов, — сказал я, — страдает не за отца, которого он хотел убить (он, может быть, только с разбега хотел его убить, эмпирически, а не онтологически), а за Илюшу, за «дитё»; оттого ему и снится «дитё», что он ребенка обидел. Да и вообще весь роман Достоевского об отце Карамазове и его сыновьях есть некое сказание об Отце и Сыне.

Иван Карамазов презрел идею Отца (он воистину и хочет его убить, и двойником своим Смердяковым убивает), но ратует за Сына. Митя, напротив, чтит Бога-Отца, но о кротком Сыне забыл. И оба не помнят о Матери и Духе. Помнит о них Алеша. Но мы имеем только «эпизод из юности наших героев»; по замыслу Достоевского, Алеша еще должен был жить в миру и там, полагаю я, пасть и тоже некое принять страдание.

— Нет, — сказал В., — с последним я не согласен. Алеша не падет, он будет близок к этому, но его спасет страдание Мити. И вот почему. Конечно, Митя во многом виноват, и он должен пострадать. Но Достоевский (и в этом подобен он Данте) взвешивает вину и искупление на каких-то тончайших гомеопатических весах, и страдание невинно осужденного на каторгу Мити перевешивает его вину, он страдает не только за себя, но и за всех своих братьев и за отца, он как бы принял на себя грех всего своего дома, и в том числе и будущий грех Алеши. Вот почему Алеша больше не согрешит: Митя его заранее искупил. Распятие Мити искупило весь первородный грех дома Карамазовых (а дом Карамазовых, возможно, вся Россия), в этом миссия Димитрия, миссия искупителя. Миссия же Алеши совершенно иная, он зачинатель совсем особого. Он как бы основатель новой соборной религиозности, он основывает как бы кружок «мальчиков», связанных общей единой святыней, общей памятью о великомученике Илюше, и ими должно начаться некое новое религиозное сознание человечества, новая фаза, может быть, религия Духа. Таково мое мечтание об Алеше. Только мечтанье. Но кое-какие тому намеки даны Достоевским безусловно.

22 февраля. Я рассказал, что две еврейские девушки по прочтении «Пола и характера» Вейнингера кончили самоубийством.

— Да, — сказал В., — призыв к самоубийству в литературе действует очень сильно, и я уверен, что если б я стал с кафедры призывать к самоубийству, я бы нашел отклик. Вот я получил письмо от одной девушки, которая пишет, что от меня ждут призыва и даже разочарованы, что я никуда не призываю. Но нет, с виду я как будто никуда не призываю, но я зову, хотя, конечно, не к смерти и самоубийству.

— А правда, что Джиоконда так соблазнительна, что после того, как некоторые слишком на нее загляделись, кончили самоубийством?

— Джиоконда — это Лилит, астральная жена Адама, а кто полюбил Лилит, как может остаться жить с Евой?

25 февраля. Я принес В. прочтенную мной книгу «Тридцать три уroda» Зиновьевой-Аннибал и попросил его рассказать мне, как он ее понимает.

— За эту книгу, — сказал В., — автора очень много ругали. Ее поняли как порнографический сюжет на лесбийский мотив, неприличнейший, противонравственный. Между тем это одна из труднейших книг, несмотря на ее обманчивую легкость (так Пушкин, например, труднее во многих случаях Достоевского). Идея ее чисто философская, это, если хотите, своего рода платоновский диалог о Красоте. «Тридцать три уroda» — название книги, следовательно, здесь лежит центральная идея, здесь — авторский акцент. Именно: была одна Красота, стало тридцать три уroda. Почему? Об этом повествует вся книга, вся трагедия (ибо это трагедия, и Вера — существо трагическое, и живет она в стихии трагического). Внешне это любовь двух девушек, по существу же изображается любовь художницы к своему видению. И так как эта любовь есть несомненно эротическая (платоновский эрос и его «рождение в красоте»), но не полая, любовь острая, чувственная, но не направленная на размножение, то она не может быть бисексуальной, разнополой, ибо тогда к этой любви еще примешалась бы похоть и воля гения рода к размножению. Это та любовь, которую испытывал Сократ к Алкивиаду или, несколько чувственнее, Леонардо да Винчи к своим ученикам. Это любовь Творца к своему еще не созданному созданию, это любовь к Красоте. Но Красота требует объективизации, она должна быть выражена и воплощена. И вот тут начинается падение Красоты. Тридцать три художника рисуют Красоту, тридцать три мужчины, и каждый из мужчин любит уж ее не только эросом, но и полом, мужской своей похотью. Оттого на изображениях их Красота — то царица, то любовница. 33 царицы, 33 любовницы. Красота здесь не только отразилась, но и преломилась. Криво, дурно, уродливо. Единство совершенное стало безобразным множеством. Идея воплотилась, в этом ее паденье. Итак, 1) в психологическом плане

это трагедия художника, отдающего свое самое заветное миру и не могущего его не отдать; 2) символически — это трагическая повесть о невозможности воплотить в формах и явлениях Идею и 3) онтологически — это конфликт между Единством и Множественностью, грех распада, предвечная вина, заложенная в *principium individuationis**. Но кроме этой метафизической вины в трагедии имеется еще эмпирическая вина. Это вина Веры, что она в героине видит только прекрасное тело, не интересуясь ее душой. Здесь именно лежит начало распутья; Вера могла бы интересоваться и душой героини (так поступал Сократ по отношению к своим ученикам), и тогда бы вся дальнейшая судьба пошла бы по «сократовской» линии, но мы бы вышли из царства форм, из царства художника. И если *fabula docet*** , то отравившаяся Вера свидетельствует, что она согрешила, не думая о душе героини. Но кто такая сама героиня? Она не имеет имени ни в начале, еще не воплощенная, ни потом, воплотившись. Происхождение ее двойственно: то, кажется, она от знатного отца, то, кажется, породил ее жокей или конюх. Ибо темно и загадочно происхождение Красоты. А потом, воплотившись, Красота проституткой стала, не только царицей, но и любовницей каждого художника. И каждый, с ней сочетавшийся, свое имя ей дает. Ибо не имела и не будет иметь название эта в тридцати трех уродах единая Красота, эта всецело без преломления отражавшаяся в глазах у Веры, эта *prima Vera* ***.

(25 февраля В. И. уехал в Энзели и Решт, где, прочтя три лекции, пробыл неделю, и вернулся в Баку 8 марта.)

9 марта. Говорим об Эдипе и Сфинксе. Я сказал:

— Очень интересно, что пухлоному Эдипу (*Oidípous*) Сфинкс задает загадку «о ногах» (кто утром ходит на четырех, в полдень — на двух, а вечером на трех ногах?), и как же было не разрешить это Эдипу, болеющему ногами (ему прокололи ножки, едва он родился). Эдип — это «мальчик-с-ножкой», как у нас есть «мальчик-с-пальчик».

— Я думаю, — сказал В., — что опухшие ноги Эдипа — знак его хтонического происхождения, пухлые конечности означают

* Начале индивидуации (*лат.*).

** Баснь учит (*лат.*).

*** Первоистинная (*лат.*).

змеевидность Эдипа, ведь культ Змея в Фивах был весьма силен (Кадм, например, свидетельствует об этом же).

— Полагаю, — продолжал я, — что встреча Эдипа со Сфинксом (кстати, по преданию женщиной-соблазнительницей) есть как бы некая прелюдия — предвестие грядущей роковой встречи Эдипа со своей матерью, тот же мотив преступной, неестественной любви-познания (и «Адам познал Еву») у Эдипа со Сфинксом, как и с Иокастой, и характерно, что и Сфинкс, «познанный» Эдипом, так же кончает самоубийством (бросается со скалы), как впоследствии и мать Эдипа.

— Да, это так, — согласился В., — но я, вообще считая миф об Эдипе весьма глубокомысленным, чувствую какое-то неудовлетворение Софоклом. Мне кажется, что Софокл утратил уж то чувство мифа, которое так хорошо постигал Эсхил. В «Эдипе Колонском» Софокл заставляет Эдипа говорить ряд лишних и ему совершенно не соответствующих слов. Так, например, Эдип говорит, что свои преступные деянья (убийство отца и женитьба на матери) он скорее претерпел, чем совершил. А между тем вся глубина мифа в том, что Эдип свои поступки совершил, а не претерпел. Совершил, то есть хотел их сам, а не по приговору неизбежной судьбы, потому он себя (в «Эдипе-царе») признает виновным и выкалывает себе глаза и добровольно принимает на себя изгнание. Чтоб понять, каким образом Эдип сам виновен в том, что рок (оракул) ему судил еще до его рождения, лучше всего прибегнуть к следующему приему. Я буду Судьбой, а Вы будете Эдипом. Мы поведем между собой разговор, и Вы, Эдип-человек, дадите мне человеческий, соответственный человеческому достоинству ответ. Итак, мы начинаем:

Судьба (В.). О, Эдип, несчастный, бессильный Эдип. Ты разгадал тайну Сфинкса, ты спас все Фивы от злой напасти, а себя самого ты спасти не смог, ты со всей своей мудростью и силой покорился мне. И не врасплох застигла я тебя, не без предупреждения овладела я тобой; нет, ты знал об участи, тебе грозящей, и ты стремился всячески избежать ее, но тщетно, ибо, согласишься, ты в конце концов не более, как марионетка, пешка в моих руках. Моя воля над тобой, как и над всеми. Или, быть может, Эдип, не так? Может быть, ты сам того хотел, что сделал, убил родного отца и женился на матери?

Эдип (Я). Напрасно, Судьба, пытаешься ты меня соблазнять. Как ни горестно это, я должен признать, что я убил отца и женился на матери по своей вине, а не по прихоти Рока, меня поработившего. И за эту свою вину я себя и ослепил и сам добровольно обрек себя на изгнание, хотя меня и уверяли в моей невиновности.

Судьба. О Эдип, узнаю тебя во всем. Ты, гордец, перед лицом очевидных фактов не хочешь согласиться, что ты, царственный, как раб, служишь мне. Ты ссылаешься на то, что ты выколол себе глаза, но и этого хотела я, твоя повелительница. Ты готов на себя принять самую ужасную вину, лишь бы не признаваться в своем ничтожестве. Но нет, Эдип, ты не виновен, ты только бессилён.

Эдип. Зачем, Судьба, ты пытаешься меня уверить в том, в чем ты никогда меня не убедишь? Несмотря на все твои доводы, я знаю, что я виновен, и с меня довольно сего сознания. И напрасно кичишься ты так своей властью, над нами обоими есть еще Хозяин, и не тебе и мне, ограниченным, решить этот вопрос. Обратимся к Нему, пусть Он нас рассудит.

И Судьба и Эдип направляются к истинному Хозяину, как к последней инстанции. Этим самым, еще до решения вопроса, Эдип уже выигрывает то, что его «дело» перенесено из царства необходимости в царство свободы и что Судьба сама стоит как равная с Эдипом. Как равная — пока, до решения суда, а после, быть может, и еще ниже опустится Судьба. Но послушаем Хозяина. Он может дать утвердительный или отрицательный ответ на вопрос о виновности Эдипа. Представим обе возможности.

Хозяин (утвердительный ответ). Да, Эдип, ты виновен. Твое чувство тебя не обмануло. Правда, мной (но только мной, а не Судьбой самой) было суждено еще до твоего рождения, что сын Лая будет убийцей отца своего и мужем матери, но твоя вина в том, что именно ты у Лая родился. Правда, уже родившись, ты свободы не имел, но ты волен был не родиться. Но ты, свободный, сам захотел воплотиться в царстве необходимости. Да, все равно, если б ты и не у Лая родился, ты был бы виновен не менее. Ведь мир лежит во зле: в мире убивают отцов, женятся на матерях. Все это делают люди. Ты, Эдип, человек, и ничто человеческое тебе не чуждо. Ты таков, что можешь убить отца и жениться на матери, а следовательно, виновен. И благо тебе, что ты сознал свою вину и искал ей искупления.

Хозяин (отрицательный ответ). Нет, мой Эдип, ты благороден. Ты отстаивал свое достоинство до конца, вопреки самим фактам даже. Но вот скажу тебе — ты невиновен. Я, знающий самую внутреннюю волю каждого, говорю, что ты не хотел убить отца и жениться на матери. Это была не твоя воля.

Эдип. Тогда это была Твоя воля.

(И это есть последний ответ Эдипа, к которому ему больше нечего прибавить. Но в ответе этом скрыта двойственность: он может быть примирительным, как слово истинного Сына Бога: «Да минует Меня чаша сия». Но не Моя, а Твоя да будет Воля. В этом случае Сын и Отец — одно, и если этого хотел Отец, тем самым хотел этого и Сын, и он, невинный, воистину виновен и принимает на себя не только наказание, но и самый грех. Таков путь Эдипа-Христа. И этот же ответ может быть со смыслом прямо противоположным: не я, Эдип, виноват, значит, Ты — виноват. Не я грешен, значит, Бог, творец греха, сам грешен. Ты насильем принудил меня к греху, но на твою падет он голову. И этот ответ, продиктованный безысходной (ибо она бессильна) злобой, ничем не могущей быть угащенной, и есть адское состояние и скрежет зубовой. Это есть путь ложного, отрекшегося от воли Отца сына («я» и Отец не одно, я — отдельный), путь Эдипа-Люцифера. Преодолевшим эмпирические плоскости Рока и дошедшим до метафизических высот только эти два пути и даются. *Tertium non datur**.)

15 марта. Я читал свои сонеты об Эдипе. Там Сфинкс, между прочим, говорит Эдипу:

Но, плоти плоть моей и кости кость,
Дотолы твой я Каменный Хозяин,
Доколе ты здесь Каменный мой Гость.

На эти слова Вячеслав оживился и стал спрашивать у меня, отчего я, говоря об Эдипе, назвал его Каменным Гостем, какими руководился я при этом соображениями. Я сказал, что смотрю на трагедию Эдипа не как на трагедию Рока (Софокл), не как на трагедию Проклятья (Эсхил), а как на трагедию Пола; вот почему я его ассоциировал с мифом о Дон-Жуане и Каменном Госте. Сфинкс представляется мне не столько

* Третьего не дано (*лат.*).

чудовищем, сколько женщиной, и некоторые предания говорят, что Эдип с ней сошелся (быть может, этим он разрешил загадку Сфинкса, этим он познал «ее», как Адам познал Еву), и вообще предварительная (до женитьбы на матери и после уже убийства отца) встреча Эдипа со Сфинксом представляется мне некой прелюдией грядущей судьбы Эдипа: Сфинкс, кончающий самоубийством, предваряет мать Эдипа, которая тоже кончит самоубийством.

— Да, — сказал В., — миф наводит на эти размышления. Что ж касается собственно образа Каменного Гостя, то здесь я обращаю Ваше внимание еще на следующее. Миф о Дон-Жуане я понимаю так, что Каменный Гость, который увлекает его за собой, есть собственное окаменение Жуана. И именно таков и должен быть конец блудника. И по законам Ветхого Завета блудницу побивают камнями. Камень — символ фаллоса. Теперь уже установлено наукой, что Бет-Эль (Вефиль) построен из неотесанных, нетронутых (девственных, по Завету) камней, которые по своей форме представляют собой фаллосы. Оттого-то и сказано: «Из камней сих воздвигну я себе новых детей» — и в другом месте о младшем в колене Израилевом: «Камень, отвергнутый строителями, стал во главу угла». И этот символ камня-фаллоса бросает свет на знаменитую сцену Нового Завета: Христос и блудница. «Кто без греха, — сказал Он, — тот брось в нее первый камень». И при этом, низко наклонясь, что-то чертил на песке. Именно чертил. Характерно, что камень всегда воплощен в мужчине, одна Ниобея окаменевшая в этом не представляет исключения, ибо, во-первых, она внучка Тантала, а во-вторых, в ней начинается новый процесс размягчения камня, камень плачет, камень-пламень становится камнем-влажгой.

— Но откуда могло возникнуть такое представление о камне как об истощенном фаллосе? Не оттого ли, что треньем двух камней дикари вызывали огонь?

— Да, это вполне вероятно.

(Все это было так оригинально и убедительно до очевидности, и я высказал свое восхищение по этому поводу, удивление, что он проник так глубоко в самую суть мифа.)

— Я, — сказал он, — быть может, как никто из моих современников, живу в мифе — вот в чем моя сила, вот в чем я человек нового начинающегося периода. Ибо, если по Конту, мир

в своем развитии проходит через фазы: мифологическую, теологическую и научную, то ныне наступают сроки новой мифологической эпохи. И я являюсь, быть может, одним из самых первых вестников этой грядущей эпохи. И тогда, когда она настанет, меня впервые должным образом оценят...

7 апреля. В. шел в гости, я его сопровождал. По дороге он мне сообщил, что в следующее воскресенье он прочтет в Педагогическом обществе доклад о Бальмонте. Я заинтересовался и сказал, что в чем слабость Бальмонта, так это в ритме — он беден «размерами».

— Это, собственно, не совсем так, — сказал В., — некоторые размеры он даже впервые ввел. Но ритмическая бедность его в том, что у него взятый им размер во всем стихотворении симметрично повторяется (у него нет смен внезапных коротких и длинных строк), его композиция ритмическая какая-то «квадратная». Но что составляет его главный недостаток, так это бедность языка. Он изыскивает всяческие способы обогатить свой язык, но все это тщетно. Вот, прочтите мне наугад какое-нибудь стихотворение, и я это вам покажу.

Я прочел «Красный и желтый» («Камни и камни, бездушная грудa...» из «Литургии красоты»).

— Вот здесь, видите, эта бедность сказывается отрицательно отсутствием одного какого-нибудь останавливающего внимание богатого слова; слово «чаруют» — красивое, но в общем контексте оно, как конфетка, слащавое, а последняя строчка — «Быстрая встреча нужна для умов» — нехороша тем, что он взял здесь вдруг не идущее сюда отвлеченное понятие «умов». Чтоб понять то, о чем я говорю, вспомните какое-нибудь стихотворение Баратынского, и Вы сразу почувствуете бедность языка одного и богатство другого. Ну, прочтите мне еще одно какое-нибудь стихотворение.

Я начал «Облачную лестницу»: «Если хочешь в край войти...»

— Как, в край?

— В страну.

— Ах, это очень неудачно, ну, дальше рецепт: «Облачную лестницу нужно сплести мечтой...» Греза очень милая, но язык опять здесь не на высоте.

Я прочел «Я не знаю мудрости, годной для других...»

— Ну, вот это стихотворение вполне хорошее.

8 апреля. Перед самой лекцией его (по пятницам в 11 часов утра он читает «историческую поэтику») я забежал к нему на «две минуты». Я принес ему взятого у него Софокла и высказал сожаление, что еще нет так изданного Эсхила (Софокла перевел Зелинский, а Эсхила — В.).

— Вводные статьи Зелинского к Софоклу, — сказал я, — весьма интересны, было бы желательно, чтоб и Вы снабдили своего Эсхила комментариями.

— Нет, — сказал В., — у меня план другой: об Эсхиле в целом издать три книги, но не статьи к каждой трагедии отдельные. Ведь у Зелинского Софокл тонет в его статьях, хотя и то сказать, что статьи-то и наиболее здесь ценны. При всем уважении к эрудиции и таланту Фаддея Францевича нужно, однако, сознаться, что перевод самый далеко не классический, на нем нельзя остановиться как на окончательном. А меж тем каждый классик должен быть переведен окончательно, канонизированно. Таков, например, перевод Фосса Гомера и Шлегеля — Шекспира. У нас в России к таким классическим переводам относится «Одиссея» Жуковского. «Илиада» Гнедича — хоть не классический перевод, но занимает крепкое место, и только безвкусица нашего времени может отдать предпочтение переводу Минского. Я раз пробовал переводить «Илиаду», и у меня выходило довольно интересно, в особом древнерусском роде и совершенно непохожем на гнедичевский перевод.

10 апреля. Я прочел в «Коммунисте» выдержки из статьи Мережковского «Все это любят». Мережковский начинает свою статью цитатой из «Братьев Карамазовых» — Лиза Хохлакова спрашивает у Алеши относительно Мити: «Все говорят, что это ужасно, что он отца убил, — и все его за это любят. Не правда ли?» — и продолжает аналогично с Советской Россией, которую Европа тоже, ужасаясь, любит за убийство, за пролитую кровь. Далее Мережковский обрушивается на столпы французской литературы, между прочим на Ромена Роллана и Анатоля Франса, за то, что и они сочувствуют коммунизму. Я поделился содержанием этой статьи с В.

— Узнаю сразу и Диму, и Зинку, как это для них характерно. И как это остроумно и талантливо. А большевикам и впрямь пора уйти, пусть они вспомнят, что они только одна фракция.

— Я их тоже не очень ценю, — сказал я, — но я опытом убедился, что они все же лучше всякой другой власти. В частности — учредилка — ведь это такая пошлость и обман, что им уж за одно это нужно быть благодарным, что они разоблачили этот обман.

— Да, но разоблачители кто? Это напоминает мне, как один шулер изобличает другого. «Посмотрите, — кричит он, — да ведь у него карты крапленые». Что должен делать честный человек? Он должен сказать: «Мы того арестуем да кстати и вас, ибо вы тоже шулер». А затем игра может продолжаться. И в самом деле лицемерие большевиков вопиет к небу.

— А все-таки, — сказал я, — я знаю, что у них есть некая правда, и дерево, которое было посажено в октябре семнадцатого года, даст свои плоды и через тысячу лет.

— Да, они насадили дерево, но какое? Три головы у Горгоны, тройнично это дерево; и один его ствол есть безбожие, другой — безличие, третий — отрицание свободы, то есть они против Отца, Сына и Св. Духа. Одно, что за ними нужно признать, — это их живучесть, но они все-таки умрут. Ибо хотя я знаю, что сатана силен, очень силен, но я знаю, что есть Некто, Кто сильнее его. Если б я не так думал, я бы давно кончил самоубийством и плюнул бы этому миру. Но я знаю, что сатана не самый сильный.

— А чем объясняете Вы симпатии к коммунизму Ромена Роллана и Анатоля Франса?

— О, Роллана я вижу насквозь. Помню, как, будучи за границей, я познакомился с его «Жаном Кристофом». В этом романе было все: и поэзия лирики, и цитаты из прерафаэлитов, и грусть, и светлая нежная меланхолия — словом, здесь было все, кроме оригинальности, это был очень красивый, очень хорошо и со вкусом подобранный букет, только уж немного запыленный. И таков сам Роллан. *Schöne Seele**, прекраснодушный романтизм. Он, конечно, антимилитарист, и во время европейской войны, так как он француз, то он был за Германию, будь он немец, он был бы за Францию. Мне пришлось издать его книгу о народном театре. С книгой его я обошелся тиранически: многое выкинул, многое сократил и снабдил ее предисловием, в котором я был «*plus catholique que le Pape*»**, ибо

* Прекрасная душа (нем.).

** Более католик, чем сам Папа (франц.).

крайности сходятся, и к великой радости коммунистов я писал, что Роллан все еще благоволит народу сверху, меж тем как народное творчество должно быть стихийным и восходящим из самых недр народных. Еще одна черточка, дополняющая Роллана. Мой друг Гревс мне недавно написал, что он сильно пристрастился к Роллану и посвящает весь досуг своей старости работам по переводу его для издания в России. Ну, вот теперь все понятно. Роллан — это Гревс. Роллан — это чистый агнец, и Дант, конечно, за его прекрасную душу поместил бы его в одну из самых высоких сфер, но одновременно и в чистилище: ибо не будь глупым. Христос, человек странных изречений, сказал: «Будьте просты, как голуби, и мудры, как змеи». Вот змеиности-то у Роллана нет. Теперь он, конечно, сочувствует большевикам и, как баран, блеет: «Бэ, я коммунист, б-э-э, я коммунист...»

— Ну, а Анатоль Франс?

— О, того я тоже вижу насквозь. Но он полная противоположность Роллану. Он, всегда подрывающий основы, — это своего рода Вольтер. Это человек уже не лирики, а иронии, это человек злобредный, это — черный кот. Этот уж не как баран, блеет, а как кот, мяучит: «Мяу, мяу, я коммунист, я коммунист». Анатоль Франс ничего не любит, кроме, пожалуй, Франции. И, может быть, он, сознавая, что через каких-нибудь 25 лет Германия, оправившись, вновь грозой нависнет над Францией, хочет в Европейском Рабочем Интернационале найти опору своей Франции. И это, действительно, было бы для Франции лучшим исходом, и если Франс руководствуется этим, то этот мотив благороден. Но усмешку кота я все-таки вижу, радость злomu и торжеству его. Но я тоже, как видите, смеюсь, и это вовсе не от контраста моего идеала и действительности, а потому что знаю, что «*gira bien qui gira le dernier*»*. А мы еще посмеемся...

***

Я указал, что герои Достоевского — очень часто писатели. Таков Раскольников, таков Иван Карамазов (даже Алеша написал «житие» своего старца), таков автор «Записок из подполья», таков герой «Хозяйки», «Униженных и оскорбленных»,

* Смеется тот, кто смеется последним (франц.).

в «Бесах» тоже писатели и отец Верховенский, да и сын, пожалуй, и Ставрогин, в «Идиоте» — Ипполит Мышкин и т. д.

— А ведь это не поэтично, — сказал В., — поэт — ведь это Theoretiker* (Ницше) и в герои не подходит.

— Это смотря какой писатель, — сказал я, — Достоевский из кружков, где он в молодости вращался, мог составить себе о писателе другое мнение, как о борце, как о деятеле, а не только созерцателе. И сам он был таким, и таких он в свое время встречал, хотя бы и Белинского, и Чернышевского.

— Да, — сказал В. со вздохом, — теперь пошли всё «виртуозы», а раньше были другие. Писатель — это была «соль земли», писатели были искателями. Вот Мережковский таков, и я его за это люблю. Брюсов — нет.

— Ну, а Бальмонт, как Вы думаете, мог бы быть таким?

— Не знаю, но верю, что да, смог бы. Он все-таки «такой». Сологуб, думаю, нет. Он как-то застыл, вокруг него разлилась студа. Он очурал себя магическим кругом, и никто к нему в круг не войдет, но и он из своего круга не выйдет. «Поднимаю бессонные взоры, и луну в небеса вывожу». Да, вывел, заклил ее — и она вышла. Но что с ней делать, не знает. И... братья, сестры, войте, лайте на луну.

21 апреля.

— Два порока губят Бальмонта, — сказал В., — бедность языка и отвлеченность. Он самый отвлеченный поэт наших дней. В ранней своей фазе, когда он пел мимолетное, он был конкретным и поэтическим. Но потом, когда он стал без конца разговорчивым, он становился все более и более отвлеченным и все менее и менее поэтическим. Кстати, о его многоразговорчивости: еще около 30 лет назад, когда только вышла его книга «Тишина», Зиновьева-Аннибал уже прозрела эту черту в нем и под взятым Бальмонтом к своей книге тютчевским эпиграфом «Есть некий час всемирного молчанья» приписала: «Когда болтает лишь один Бальмонт». Да, он удивительно многоречив и пустословит. Других он не в состоянии слушать. Книг он читает много, но схватывает только то, что ему кажется бальмонтовским, других поэтов он не любит, и если он Вас и слушает и говорит, что ему понравились Ваши стихи, это значит только, что вы ему напомнили его самого, и он тут же

* Теоретик (нем.).

сымпровизирует стихотворение в ответ. Он ездил по многим странам (был в Мексике, в Японии), но всюду видел только себя. «Нам нравятся поэты, похожие на нас», нам нравятся книги, похожие на нас, нам нравится все, похожее на нас. И поэтому, когда Бальмонт переводит Шелли или По, он их обальмончивает. Ибо что такое По? Это сама Психея, а Шелли — сердце сердец (как написано на его памятнике), что же у отвлеченного Бальмонта с ними общего? И вообще у него нет ничего общего с модернизмом, он совсем не декадент, он вовсе не характерен для нового направления нашей поэзии. И отвлеченность его не есть некая работа мысли над предметом, нахождение и выделение его общих признаков. Нет, все эти «ости» бальмонтские суть только отвлеченные имена прилагательные, то есть чувственное восприятие: опредмеченные, застывшие ощущения — и больше ничего. Ибо на большую работу мысли Бальмонт не способен. Он пишет ежедневно, как графоман, но совершенно не может критически отнестись к им написанному. «Усовершенствовать плоды любимых дум» — этого он совершенно не может. И он беспрерывно, без усталости поет, как птица, с великим однообразием струя всегда одну и ту же руладу. Если человек не утомляется слушать соловья, то только потому, что человек сам есть не пассивное, а творческое эхо для соловья, мы в себе перерабатываем его пение. И по отношению к Бальмонту, думаю я, повторяется то же самое. Мы его воспринимаем переработанного нашим эхом. И в этом, быть может, и весь секрет его нескудеющей и совершенно неоправданной 30-летней славы.

15 июня. В. читает лекции в Сальянских казармах. Они помещаются далеко за городом, и я поехал его сопровождать. Было очень свежо в воздухе и хорошо у меня на душе. И я сказал:

— Как мало нужно для счастья. Я ведь почти ничего не имею и все же имею счастье.

— Разве так мало нужно, — возразил В., — нужно очень многое. Вот нужно раньше всего родиться, потом быть мужчиной, иметь материальный достаток, быть здоровым, иметь известное течение мыслей и проч., — все это очень много и вовсе не так часто сочетается. Все, что Вы говорите, мне ведь не чуждо. Но когда до моих лет доживете, будете Вы собой недовольны и все захотите сызнова делать: стихи писать — так сызнова

начать, философствовать — так все сначала. Я смотрю на свою жизнь и вижу, как мало достигнуто. И потому во всем отрицательном, что Вы говорите обо мне, я почти согласен. Вы говорите о влиянии на меня Вл. Соловьева; да, он, конечно, влиял, но мало: больше гораздо на меня влиял Вл. Эрн.

— И так, В. И., — сказал я, — у Вас два Владимира на шее, не слишком ли они тяжкий груз, замедляющий Ваше движенье?

Приехали в казармы. Нас угостили чаем, и мы уселись за столом. Я спросил, как подвигается его работа «о дельфийском оракуле», которой он сейчас занят.

— Я совсем запутался, — ответил В., — мне хочется ряд проблем выдвинуть в ней, и я переживаю настоящие муки творчества; впрочем, я люблю это состояние внутренней с собой передраги. Эту работу мне хочется скоро издать, но обычно я страшно медлю и откладываю всячески дело печатания. Так вот поступаю я с Эсхилом, за которого мне уже заплачено Сабашниковым и которому я уже сдал Эсхила, но взял обратно. Так вот поступил я и с стихотворениями своими, за будущий (и готовый у меня) сборник, который у меня тоже уж куплен.

— А как полагаете Вы назвать свой сборник?

— «Арион», с эпиграфом оттуда:

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

— Я тоже думал об эпиграфе для Вашей книги и остановился на Вашем стихотворении, начинающемся:

Муза, ты почто, скажи мне,
Кудри сжав повязкой жрицы,
Овеваешь в каждом гимне
Фимиамами божницы?

Ответ Музы есть ответ о направлениях и устремлениях Вашего творчества.

— Да, но я все медлю и тяну. Вот Брюсов мне как-то говорил, что величие поэта сказывается в значительности произведений, оставшихся у него в портфеле. Вспомним, что «Медный всадник» не был при жизни Пушкина напечатан, а ведь это

краса пушкинских поэм. Что касается меня, я сам на себя за свою медлительность пеняю, но она у меня так сильна, что я дивлюсь, что у меня все ж многое издано.

Часов в 10 ночи поехали обратно.

— Знаете, В. И., какая-то жуть веет от всех европейских мифов, от греческих вот не так, но от германских и скандинавских мне почти страшно. (В. читал лекцию о древнегерманском народном эпосе.)

— Да, это верно, и это потому, что ариец — меланхолик, не верующий в Бога; «Götterdämmerung», «сумерки богов», — вот содержание арийского эпоса. Я не люблю арийцев: от них дурной дух неверия. Вот семиты, те не меланхолики. Евреи — и будь они за это трижды благословенны — те дали Бога нам. А в христианстве нам дан синтез эллина и еврея, арийца и семита.

— Да, — сказал я, — две скрещенные перекладины Креста символизируют встречу обоих направлений, двух планов мироздания, горизонтального и вертикального, — вширь и вглубь идущую мысль, Человека и Человечества.

— Нет, — сказал В., — крест на меня действует тяжело, здесь у меня общее с Гете, и я слишком эллин, чтоб мне было по душе это скрещение, хотя я знаю, что этот символ страшно глубок, значителен и победоносен («сим победиши»), ибо кто может это вынести, тому, конечно, уже ничто не страшно. Так же мне не по душе и индийский знак (свастика) — жизнь. Да, «видение» креста тяжелое, не оттого ли его пытаются так часто смягчить, изображая то косой, то наклонный крест, к нему прибавляют то сверху, то снизу, а то и с обоих краев еще по перекладине, лишь бы не оставить нас перед фактом двух строгих прямых линий, в точке пересечения которых под прямым углом распят Человек.

20 июня. Я около недельки не был у В., и у него набежало много новостей. Посетил его проездом Мандельштам, читал ему стихи, очень сильные технически, чем он и славится.

— Я думал, идя к Вам, В. И., всю дорогу, что Вы мне скажете обо всем происходящем, и вот Вы говорите мне, что решительно ничего не знаете, не понимаете и не видите. Я называю это священным катарактом.

Был также с визитом у В. профессор политической экономики (марксист?) Харазов и оставил у В. свою поэму под заглавием «Не воскресну!» (каламбурчики и сатира на современность, «лебединая песнь» — но кого угодно, только не лебедя).

— Так, — сказал я, — Вам, В. И., со всех концов света несут смирну и ладан, Вы словно на каком-то острове Буяне, мимо которого то проплывет один кораблик, то, смотришь, и другой проплыл, и все Вам повествуют о том, «добро иль худо и какое в свете чудо».

— Да, всю жизнь со мной так бывает, — сказал В., — и я полагаю, что если б жил в какой-нибудь арабской деревушке около Хайфы или Яффы, то и там кораблики проплывали бы. Кстати, зовут меня в Петроград (там теперь для ученых и литераторов устроено нечто вроде большой богадельни), «но вреден север для меня». Вот за границу я б хотел, ну вот поехал бы, например, на остров Мадеру: под пальмами негры и испанцы, католическая страна (я люблю), много Мадонн и, наконец, мадера. Хорошо!

Коснулись революции.

— Революция есть великое зло, — сказал В., — она — разрушение, а разрушение всегда зло. Это есть клоака самых низменных человеческих инстинктов, и как бы мы ни маскировали дело революции, перед лицом совести правда остается правдой.

— Перед лицом совести! — сказал я, — а кто не имеет ее, это с одной стороны, а и имея ее, стоит ли с нею так считаться: «когтистый зверь», «вечная грызунья», она сама такая бессовестная. Я горжусь, что не подвластен ей и нахожусь в состоянии, если не «по ту сторону добра и зла», то «до добра и зла».

— Да, в Вами указанном смысле («когтистый зверь», «вечная грызунья») и я совести не имею. У меня, — сказал В., — здоровая, «мускулистая», как говорил Ибсен, совесть. Я ее ощущаю приблизительно так. Я не один, я множествен, но для интересующего нас случая достаточно указать, что я двойствен, ну хоть бы царь и раб, судья и подсудимый. И если я совершаю какой-нибудь проступок, то царь раба судит. Моя же гордость и благородство в том, что я отождествляю себя с царем, а не рабом. Таким образом, благородство мое и совесть моя — одно (и здесь можно говорить языком Ницше о совести благородных). Я сам себя сужу и осуждаю, но я сам же себя и милую. Я впадаю в «рабство греху» (по выражению апостола

Павла), но я же могу и, осознав свой грех, дать себе амнистию, отпустить себя на волю.

— Вольноотпущенник, — вставил я.

— Да, первоначальной свободы я с первым грехом лишился, но вновь получить свободу я могу, и если я сам вольноотпущенник, да еще сын вольноотпущенника, то имею все права свободного. Так совесть не загрызает меня. Ибо у меня совесть — это внутренняя дифференция своего рода, пожалуй, пафос расстояния. Как видите, она вытекает из моей гордости (моя гордость всегда мне говорит, что я гораздо высшее, чем представляю, и имею униженное воплощение) ; если Вы скажете, что это порок, то я разве не всегда утверждал, что все добродетели возникают из пороков и, наоборот, из добродетелей — пороки, они взаимно просвечивают... Слагают же обо мне люди мифы или сплетни. Ну, вот я сложу сам о себе миф. Поеду за границу и поступлю монахом в Бенедиктинский орден.

***

— Чему я за всю жизнь научился, так это тому, что нужно писать «записки», в буквальном смысле этого слова. Каждая мысль, каждая заметка — отдельная записочка, а потом собрать эти записки и группировать. Так должна твориться филология. Тетрадь же губит часто все.

***

— У меня гипертрофия почтительности, — сказал В. И., — вот у Вас — нет «шишки почтительности». Кого только я не почитаю. Дубровский мне прямо как отец, — сказал он шутя. — К одному только Сиповскому я пренепочтительно дерзко отношусь.

— А знаете, В. И., на том свете рассудят не так, и Вам угрожает опасность, что Вас вновь отошлют в этот мир, в котором Вам столь многие кажутся почтенными. Если же Вы и спасетесь, то, быть может, именно потому, что не всех-то Вы все же почитали.

— Да, да, не всех, я грешен в непочтительном отношении к Толстому, и это развязывает мне руки, хотя я знаю, что эта вина на мне и что я обязан его почитать. Непочтительно отношусь и к Шекспиру...

10 августа. Говорили о Демосфене.

Я указал, что он пользовался успехом у выродившихся афинян из-за эффектов всех своих дефектов (заиканье, беспомощное подергивание плечами, короткое, прерывистое дыхание — все это трогало и волновало, все это было в декадентском вкусе), это — по форме; но и по содержанию своих речей (филиппики, а потом и против Александра) он был вырожденцем. В самом деле, против кого боролся Демосфен? Против Александра Македонского, этой надежды мира, этого первого европейца и мощного сокрушителя эллинского антипода — персидского варварства: быть против Александра не значило ли это быть против культуры?

— Я думаю не так, — сказал В., — Александр мне все ж представляется варваром. Но он получил эллинское воспитание и умел удивительно все делать так, что эллинам это импонировало: убил Клита, но у алтаря Диониса — и это объявляется делом нового Диониса, варварски разрушил Фивы, но ведь и Дионис некогда разрушил Фивы, и так во всем. Он делал все, что делали эллинские боги, но ведь эллинские боги — большей частью варвары... не эллины. И Александр Македонский подобен эллинским богам и героям, но не эллинам самим. И сам он не эллин, а варвар.

13 августа. Вяч. давал мне некоторые биографические комментарии к стихотвореньям из «Нежной тайны».

— «Ночные голоса», — сказал В., — я писал при следующих обстоятельствах. Жил я тогда в Савоие. Вид, который открывался с балкона нашего, был именно такой, какой здесь описан: «Кладбище ночное // С церковью старинной», по другую сторону — глицинии. Помню, как углубился я, когда писал это стихотворение. Ночь была теплая, летняя, и все эти голоса, собаки, совы действительно слышались. Вдруг я поднимаю глаза, оторвавшись на мгновение от письма, около меня стоит беззвучно (чтоб не отвлечь меня от дела) вошедшая Вера. Она постояла, но, видя, что я восторженно пишу, опять вышла. Оказалось, что она почувствовала первые приступы родов (Димы), но сдерживалась, чтоб не мешать мне. Наконец, когда уж ей стало не под силу, она стала стонать; я услышал (стихотворенье было меж тем уж закончено) и экстренно (на велосипеде) послал за врачом, с которым мы предварительно

условились. Сам я в нетерпеливом ожидании врача вышел на балкон, в ночь, только что описанную, и стал всматриваться вдаль. Но еще не успел приехать врач, как вбегает словоохотная наша хозяйка-француженка: «Monsieur, je vous félicite, un garçon»*. Подъехал врач. Раскупорили заранее на этот случай приготовленное шампанское и дали счастливой роженице. Роды были изумительно легкие (родился Дима). И разве я не имею основания думать, что покойная мать пришла ей на помощь? Да, Тайна нежна. Как я пишу в этом стихотворении:

Шелест роц умильный,
Рокот волн унылых —
Все доносит милых
Шепот замогильный...

«Уход царя». Лидия (дочь) сочинила музыку и предложила мне подобрать к ней слова, результатом и явилась эта баллада.

(Далее В. мне давал пояснения к другому отделу книги, «К друзьям», богатыми штрихами рисуя мне этих друзей.)

— «Гемма» посвящена Соболевскому в благодарность за присланный мне очаровательный сердолик. В «Совести» Вы видите облик Гершензона, строгого моралиста и вечно делового «геометра», как я его здесь называю. Рачинский Г. А. («На получение греческой молитвы»), председатель Религиозно-философского общества, он мало написал, но умный и многознающий. Конст. Эрберг («Камень») — поэт и теоретик искусства. Как поэт он характеризуется своеобразной тяжбой с Богом, как с неким старшим братом, который взял себе лучшую долю бытия, а его, младшего, обделил. Как теоретик искусства он известен своим трудом о цели творчества, где он проводит мысль, что человек стремится не к бытию (просто), а к свободному бытию. В искусстве он получает эту свободу. Сергей Виталиевич Троцкий («Соловьиные чары») — это человек-женщина, ну совершенная сестра (оттого его же в «Послании на Кавказ» я характеризую как «теодицей нежнейших рукодельник» — именно женский рукодельник, и в то же время «сердце — воск и ярая свеча»), сам он был черниговским помещиком (отец его был генерал, способствовавший покорению Россией Азии, теперь мне сказали, он погиб). (Помню, меня познакомили с ним

* Месье, я поздравляю Вас: мальчик (франц.).

в Чернигове, но я не обратил тогда на него должного внимания. — *Примеч. М. С. Альтмана.*) Валериан Бородаевский («Мизопоэт» и «Страстные свечи»). Познакомился я с ним следующим образом. В мое отсутствие явился домой ко мне человек и, оставив стихотворения для меня, просил в случае, если они окажутся хорошими, позвонить ему, ибо он немедленно должен уехать, если же они окажутся незначительными — оставить так. Придя домой и найдя стихи, я приступил к чтению их с обычной подозрительностью. И как же был я поражен, стихи были совершенно оригинальные и замечательные. Я немедленно его вызвал к себе. Это оказался человек уж женатый, за 30, с бородой. Я его горячо приветствовал (потом я его и издал в «Орах» — наше издательство), и мы с ним сдружились. Сам он был [курский] помещик, я крестил у него ребенка, упоминаемый же в «Мизопоэте» Дима — тоже его сын, только старший. Помню, когда я хвалил очень стихи его, то в ответ на эта он меня спросил: «Ну, а писать стихи не грех?» — «Как вам сказать», — и я замялся.

«В альбом девушке» и «Ее дочери», оба стихотворения относятся к Вере. Причем во втором описаны два эпизода пребывания Веры (с экскурсией Зелинского) в Греции, когда она один раз чуть не утонула, и другой раз, когда ее постиг на снежной вершине удар от белизны.

«Дионис на елке» имеет основой следующий факт. У нас стояла статуя Диониса с ребенком на руках, в смежной комнате была поставлена елка, а комната, где была статуя, осталась в темноте. «Свидание» посвящено Юрию Верховскому. «Хоромное действие» имеет в виду домашний спектакль, прошедший очень интересно. Потом о нем появился большой отчет в «Аполлоне». Кстати, у нас впервые было не то Судейкиным, не то Мейерхольдом придумано раздвигать (не открывать) занавес арапчатами («Сцену складками завес // Закрывали арапчата...»), от нас это перешло к Александрийскому театру при стилизованных постановках Мольера. «Мирные иамбы» обращены к Скалдину. Я был за границей, когда Скалдин издавал мой сборник.

Обо мне распространялась в связи с моим браком на моей падчерице ужасная клевета, и среди клеветников был один из тех, кому в этой книге имеется посвящение. Скалдин мне об

этом сообщил, но я не захотел ничего из-за этого в книге своей изменить. И то лицо могло прочесть мой ответ на клевету:

Моей чужбины гул достиг. Спокоен я...
Нет, ничего не изменю
В том, что слагал. Открыта в песнях жизнь моя.
И никого не обвиню!

Последнее стихотворение на латинском языке посвящено Вере, и здесь игра слов [vera* и] Вера.

24 августа. Я рассказал В. талмудическую (?) легенду о Моисее. Удалившись на небо, Моисей обещал, что прибудет в 12 часов, но он пришел одним мгновением позже, и в это-то мгновение евреи, разуверившись в приходе Моисея, поклонились тельцу. Талмуд выводит из этого мораль, что точно что-нибудь выполнить, а следовательно, и обещать может лишь Бог, но не человек. Моисей должен был сказать, что он придет к 12, а не в 12, ללחצות ולא בחצות**.

— Нет, — сказал В., — Вы знаете вот эту легенду, но не понимаете смысла ее. Я приду к вам в 12 — означает приход Христа во 12 апостолах. Христос есть тот, кто во 12. И на Св. Вечери всего 12, а не 13, ибо Иуда уходит, Христос — остается. Он всегда есть таинственный во 12. И вот Блок, назвав поэму «Двенадцать», где является Христос, чувствовал смутно это, но сбивался, он бродит только вокруг да около.

— Да, — сказал я, — ведь у него Христос 13-ый, может быть, Блоку следовало, чтоб один из 12 (красноармейцев) выбыл из их рядов, ну, был бы, скажем, убит за дело Христово, и тогда Христос заступил бы его место. А так 13 здесь — не Божья, а чертова дюжина...

***

Заговорили об отношении Вл. Соловьева к ранним декадентам.

— Согласитесь, В. И., — сказал я, — что в своем пророчестве (если Брюсову больше 14 лет, из него ничего не выйдет) Вл. Соловьев проявил непрозорливость полнейшую и тупость. Впрочем, на всякого мудреца довольно простоты.

* Истинная (лат.).

** К полуночи, а не в полночь (древнеевр.).

— Нет, — сказал В., — был ли прав Соловьев, мы еще посмотрим, [посмотрим], что останется от Брюсова через 10 лет. Это он ввел в поэзию чинопочитанье, каждому определял чин, завел табель о рангах в литературе. И вообще, он — от отца лжи, он простигуировал поэзию, отвлекши ее форму от живого содержания («Все в жизни лишь средство // Для ярко певучих стихов... В минуту любовных объятий // К бесстрастью себя приневожь... Всего будь холодный свидетель...» и т. д.). И Вл. Соловьев все это почувствовал.

— О, В. И., я вижу, как Вы продолжаете линию и даже терминологию Соловьева. Ведь Вы сейчас производите не более не менее как критику отвлеченных начал.

***

Я читал свои (личные) записки В. о нем. Между прочим, прочел я и то место, в котором, говоря раз о символах, В. выразился: «Когда по лбу ударят грабли, тут уже не до символов». — «Как, — возмущаюсь я там по этому поводу, — символы хороши только как поэтическая метафора, как литературное украшение, а где дело всерьез коснется („По лбу грабли ударят“), тут уж не до символов».

— Да, — сказал В., — я от слов своих не отрекаюсь, я не предаю символы, но если я отрекся от «граблей», я бы этим отрекся от самой жизни. Я старый морской волк в этом, и не Вам меня учить, что и перед смертью причащаются символами. Я испытал это на своей шкуре, но когда Вера умерла, я буквально лишился языка всего и, конечно же, и языка символов. Да, при великом страдании (потом, позже — да) не до символов, ты сам при этом становишься живым символом. Как я уж раз говорил, тут может быть речь уже не о символах, а о Символе.

27 августа. Я рассказал о том, как общностью имен Мережковский в одном месте связывает *Павла Ивановича* (Чичикова) и *Федора Павловича* (Карамазова).

— Это совершенно разные явления. Но имена имеют огромное определяющее значение для всего характера и судьбы человека. Вот Флоренский удивительно умел об этом рассказывать. Каждое имя умел он проследить в идеальном плане и потом (нарисовывая почти живой карикатурный образ) — в эмпирии. Я не умею передать всей этой музыки Флоренского. Но

вот, например, имя «Сергей». В эмпирии это Сергей (Городецкий), Хлестаков легкомысленный, какой-то вечный шатун. В идеальном плане это Сергей Радонежский. Так одно — Сергей, совсем другое — Сергей. Или вот в нашем примере с Чичиковым и Карамазовым. Что значит в идеальном смысле Павел? Это — бывший Савл (Саул — помазанный), эмпирически большой и ставший «*paulus*»*, маленьким (эмпирически, конечно, а не подлинно), смиренным. И как раз этому противоположное — наш герой Павел Иванович Чичиков. Он, видите ли, совсем не такой маленький, он занимает известное место в обществе, он приобретатель, имеет известный чин и вообще оброс Чичиковым. Иванович же означает, что Павел этот — русский, со специфически русской аккомодацией к жизни. Таков герой «Мертвых душ». Федора Павловича Карамазова, полагаю я, прежде всего следует понимать так: Федор Достоевский изображает в Федоре Карамазове житие великого грешника — себя самого.

— А отчество почему тогда Карамазова не Михайлович?

— Да потому, что акт раскаянья и кару может произвести Достоевский над собой, но не над отцом своим. Отец в другом плане. Как это замечательно, что в новой литературе писатели направляют значительную часть своей интуиции на имена. Ибо имена — воистину знаки. Называя вещи, мы, как Адам, наделяем их признаками специфическими. Вот мать моя, вопреки воле отца моего, дала мне имя Вячеслав (была она славянофилка) — и вот это определило в значительной степени всю мою жизнь. При этом, будучи беременной, постоянно смотрела она то на портрет Пушкина, то на [...]. (Был такой многознающий, трудолюбивый немец.) И вот у меня есть кое-что от Пушкина, есть кое-что и от этого немца [...]. Да вот и Ваше имя Илья-Моисей и при этом Семенович. В идеальном плане это значит следующее: Симеон — благочестивый старец, богоприимец, принявший Христа через 40 дней после его рождения (Сретенье Господне) во Храме; Моисей же и Илья, они всегда оба сопровождают Мессию, и при Преображении Господнем ученики (Петр, Иоанн и [Иаков]) видят их возносящимися по обе стороны Христа. Таким образом, Ваше имя означает некое введение во Храм (Ваш праздник должен быть в феврале —

* Малый (*лат.*).

Сретенье Господне), Вы как бы на пороге двух заветов — Ветхого и Нового; вы Altman — древний человек.

— Да, — сказал я, — Вы так мне изобразили все это, что мне мои поміна* не одиозны.

***

— Кстати, — сказал В., — завтра 28-е, праздник Успения (смерть Богородицы). В прошлом году ровно в этот день я выехал из Москвы, и началась моя кисловодско-бакинская эпоха. Это было через 20 дней после смерти Веры, которая умерла 8 августа. В этот же день в этом году умер Блок. Да, праздник Успения, в Греции он празднуется с необычайным торжеством, но и у нас Успение особенно отмечено. Замечательно, что во все продолжение русской истории храмы в честь Успения строились везде на границах, доколе доходило русское владычество, так что эти Успенские церкви представляют собой как бы вехи, по которым можно проследить постепенное распространение русского государства. На границе с Монголией имеется тоже церковь Успения. И в то же время Успенский собор находится в самом центре Москвы. Очаровательный храм, но теперь большевики его закрыли для молящихся. Ибо большевики — безбожники и хотят уничтожить культ, это одна из их исторических ошибок.

— Но исторических ли? — вставил я.

— Может, и так, но культ уничтожить нельзя, благодаря этому он становится еще более живучим. Да и зачем вообще уничтожать культы? Как я жалею, что нет эллинского культа, и я не могу пойти в Элевсин вопрошать оракула или не могу пойти на поклонение в Иерусалимский храм.

— Значит, Вы, В., верите во многих богов?

— Конечно, я знаю, что есть, например, богиня Афродита, и если б не один общий сон, навеянный Афродитой, не отдалась бы мне Лидия Димитриевна. Как же мне в нее не верить? Не говорю уж об Артемиде (вспомните зеркало Гекаты), которая для меня так же несомненна, как то, что я сейчас курю.

— Значит, Вы верите во многих богов, а не в Единого Бога, никакими другими богами не ограниченного?

— Как ограниченный? — изумился В. — Ведь в идеальной соборности даже люди не ограничивают друг друга, тем более

* Имена (лат.).

боги. Ведь, поймите, что всякая мысль Бога есть уже действительность полная. Стоит Богу только что-нибудь подумать, о чем-нибудь вспомнить, как это уже приобретает жизненность. Авраам жив, ибо если я, ничтожнейший, о нем помню, то помнит о нем Бог, как Вы думаете? А если помнит Бог, значит, жив Авраам.

— А не может ли Бог и забыть, ведь вот Достоевский рассказывает (в «Братьях Карамазовых»), что в «Хождении Богородицы по мукам» упоминается об одном самом ужасном адском круге, где томятся столь тяжкие грешники, что о них Бог забыл.

— Это мысль еврейская, и взята она из рассказа о Сауле, Богом забытом. Да, Бог может забыть, вернее, он может захотеть забыть.

***

Рюрик Ивнев читал свои стихи (из сборника «Солнце во гробе»).

— Вы талантливы, — сказал ему В., — и сильны по мелодии, но у меня было всегда впечатление, что Вы себя к чему-то нудите, как если б человек заставлял себя ради каллиграфии какой-то особенной писать не своим почерком. Вот теперь Вы — имажинист, но Вы по природе своей эмоциональны, что не со всем соответствует, моему, имажинисту. Да и вся Ваша группа совсем неоднородная. Есенин близок к мифотворчеству, он несомненно талантлив, хотя учителя его, Клюева, я считаю выше. Мариенгоф — тот тоже талантлив, но Смердяков. Шершеневича знаю я меньше, но он мне представляется скорее с преобладанием ума или воли, чем чувства.

Ивнев продолжал читать стихи. Между прочими его образами один особенно остановил наше внимание: «Песня как бритва, от этих песен весь рот в крови».

— О, это не забудется, я не знаю, что это такое, но это режется. Если б мне и пришел в голову подобный образ, я бы его не написал, я бы себя пожалел. Я понимаю Гете, сказавшего: «Я никогда не напишу трагедии: я бы этого не пережил». Да, да, пробирайтесь через нашу эпоху, молодые. Вот мне говорили, что Блок умер оттого, что разочаровался в русской революции. Это возможно. Я помню, что даже после революции

пятого года многие не могли оправиться. Теперь тем более нужно для этого много иметь сил.

***

- У Вас, В., два Владимира на шее, — прочел я В. из своих записок о нем.
- И еще Андрей Первозванный (Белый) на плече.

***

— наших современников уже не приходится спрашивать: веришь ли ты в Бога, а только: веришь ли ты хоть в человека?

3 сентября. В «Толстовском альманахе» (к 80-летию его юбилею) я прочел статью Н. Петерсона («Из записок бывшего учителя») о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и Н. Ф. Федорова. В то время как Федоров высказывался о Толстом резко отрицательно, Толстой отзывался о Федорове в самых лучших выражениях, говоря, что гордится тем, что живет в один век с Федоровым.

— Кто такой этот Федоров и что он собой представляет? — спросил я В.

— О, это — замечательная личность, благодаря стараниям моего покойного друга Кожевникова, этого последнего истинного германиста (его главная, кстати, специальность была эпоха Возрождения), труды Федорова собраны и изданы. Вот, кстати, у Александры Николаевны (Чеботаревской) как раз теперь второй том сочинений Федорова: «Философия общего дела».

— В чем видит «общее дело» Федоров?

— В воскрешении отцов. Это его главный тезис, из которого проистекают все его остальные воззрения.

— Да, об этом именно и писал Достоевский в своем замечательном к Петерсону первом письме о Федорове. Это воскрешение отцов, по Федорову, не аллегорическое или символическое, а «буквальное, реальное, личное, в телах и на земле», как пишет Достоевский. И вот отсюда идет полное расхождение Федорова с Толстым и согласие с ним Достоевского и Вл. Соловьева. Не так ли, В. И.?

— Да, конечно, Толстой не верил в бессмертие. Но восторженные отзывы Толстого о Федорове и как бы некое к нему тяготение свидетельствуют, что Толстой смутно чувствовал всю эту федоровскую музыку, которая звучала и в нем. Но маленький ум Толстого тиранизировал его всего, и он заглушал в себе эту музыку.

— Да, да, с Толстым такая же история, как с Сократом. И тот в себе подавлял все нерационалистическое, и тому снилось: «Сократ, займись музыкой».

Потом мы прочли статью В. Розанова «Поездка в Ясную Поляну».

— Какой противный этот Розанов, и все его рассуждения о яснополянской обстановке, одежде, еде Толстого незначительны и противны, и то, что он поцеловал руку Толстому, тоже противно. И какой он маленький оказался около Толстого, ни одной значительной мысли не высказал, так, фельетонист какой-то.

Разговор о Толстом продолжался.

— Из всех определений, — сказал я, — мне кажется всего удачнее Мережковского: Толстой — охотник, причем охотник в исконном смысле слова — до всего имеющий охоту, хоть, похоть...

— Военный в отставке — вот кто Толстой, — сказал В.

5 сентября. Я рассказал В. о своем намерении перейти на вегетарианскую пищу.

— Не из-за добродетельных каких-нибудь принципов, — сказал я, — а просто из-за того, что мы уже, мне кажется, находимся в такой фазе развития, что уже органически не можем есть животных. Как живых — мне их жаль, как трупы — они для еды противны.

— Нет, это все не то, — сказал В., — мне это так же противно слушать, как в свое время было противно слушать, что мы уже органически не можем воевать. Еда — это евхаристия, причащение человека через пищу ко всему миру, и растительному и животному.

— Тогда хорош и каннибализм, как причащение человека человеку.

— Да, так оно и было, но теперь у нас уже есть другие способы причащения человеку, и в том способе больше нет необходимости.

— Но и с животными у нас уже есть другие пути общения.

— Так ли? — усомнился В., — откуда такая добродетель, или впрямь Вы хотите, как Вы вот мне недавно читали про себя, о своем желании «паром выйти», или испариться? Бойтесь привить себе насильственно добродетель. Нет ничего ужаснее, как привить кому-нибудь несвойственную добродетель. Каждая добродетель — яд. Если б я захотел кому-нибудь страшно отомстить, я привил бы ему добродетель. И на теле человечества всякая привитая добродетель вызывает ужасные экземы и нарывы. Как из одной тональности, чтоб перейти в другую (хотя и необходимую) тональность, нужно не миновать ни одного промежуточного звена, иначе получится ужасная какофония, так и к каждой добродетели нужно прийти последовательно через все ступени. Если б мы все стали вегетарианцами, то это развило бы в нас такую ужасную паучью жестокость, что мир бы содрогнулся. Слава Богу, что мы не вегетарианствуем. Я думаю, что принятию животных в себя обязаны мы нашим благородством. Зверю в себе должны мы быть благодарны, что мы люди. И я не хочу, чтоб мы стали растениями. Что может быть ужаснее! О, ужас, ужас! — при этом В. закрыл лицо, как бы отстраняясь от невыносимого зрелища, — я это видел своим внутренним зрением, когда в растении начинает вдруг зарождаться зверь. Вы представьте только себе весь этот метафизический ужас, у меня нет слов для его передачи, когда вы вдруг видите, как в чашечке цветка вдруг выросла шерсть, показался глаз, щупальце. Для меня в этом предел ужаса.

— Да, я Вашу мысль улавливаю, и Бальмонт пишет об аналогичном:

Нередко мы думаем, будто растенья —
Суть алость улыбки и нежный цветок.
Нет, в мире растений — борьба, убиенье,
И петли их усиков — страшный намек.
Ухватят, удушат, их корни лукавы,
И цвет орхидеи есть лик палача.
Люблю я растенья, но травы — удавы,
И тонкость осоки есть тонкость меча.

— Это не совсем то, — сказал В., — это тоже страшно, когда в мире растений мы наталкиваемся на то, что мы определенно можем назвать «злом», но то, о чем я говорю, много страшнее, здесь ужас в том, что два царства, растительное и животное, обычно совершенно отделенные, вдруг переходят одно в другое.

— Но разве они так отделены друг от друга, ведь они непрерывно диффундируют друг в друга.

— Да, но, во-первых, что удастся природе самой сделать, то при искусственных условиях невыносимо, но и при естественной диффузии должны быть ужасающие критические моменты. Я это раз видел в душе человека, как в его растении зародился вдруг зверь. Вот Ваша, М. С., стихия — Вода, но Вы не хотели бы стать водой, а только быть около воды, так и я хочу быть возле растительного царства, но не в нем. Я интуицией своей постигаю растения и знаю, что они движутся от будущего в прошлое. Если мы представим себе весь мировой путь в виде круга, то мы и растения в этом круге движемся в направлениях как раз противоположных. Вот Федоров — гений с интуицией растений, оттого его интуиция для нас так необычайна. Он движется из будущего в прошлое, и по мере его движения встают один за другим мертвецы из могилы, оттого и главная его идея — воскрешение отцов, он идет туда (в рай), откуда мы исходим.

— Да, В. И., все, что Вы говорите о растениях, мне очень близко, только я бы не сказал, что они движутся в прошлое, мне они представляются как бы стоящими: покрытые сонной вуалью, грезящие, с лицом, обращенным вспять. Что касается Федорова, то он действительно человек-растение, движущийся в прошлое. Оттого он и в такой степени музеический, оттого он и так хорошо говорит о музее, что музей есть свидетельство о том, что нет в мире уже конченных, что при воскрешении отцов сами же отцы будут и исследовать свои дела, исследование и изучение обратится в самоисследование, в самоизучение.

— Итак, — сказал В., — Мавзол будет стоять в задумчивости пред своим мавзолеем.

— Да, да, В. И., разве мы это и сами не переживаем, разве мы со своим у каждого из нас имеющимся внутренним музеем так не поступаем, разве мы не стоим над трупом и прахом каждого своего мгновения, разве все мемуары, записки, дневники,

наши над собой раздумья не то же, что чаемое Федоровым раздумье Мавзола над своим мавзолеем?

В. задумался и устремил куда-то взоры вдаль и вглубь (своей, моей ли души). Тишина замигала над нами. Вдруг, прервав молчание, В. сказал:

— Но как растения ни совершенны, есть в мире нечто еще совершеннее их. Это — минерал. Его жизнь, его почти абсолютная статичность, которая, по современной науке, и есть наибольшее движение, его тишина — изумительны. Оттого мы так любим минералы в драгоценных камнях.

— Пойдите, В. И., — сказал я, — дайте я прислушаюсь к минералу в себе. Все, что я знаю, я из себя самоуглублением познал. Так познал я и животное, и растение, но минерал, нет, его в себе услышать я не могу.

— Ну, конечно, не можете, — сказал В., — минерал — это самое от нас отдаленное, это поверхность нашей шелушащейся кожи, наша меняющаяся беспрерывно эпидерма, — как же Вы можете эпидерму почувствовать?

— Да, я не могу. Чтоб довести минерал до сознания, я должен провести свою эпидерму сквозь всю толщу телесности до духовного своего «я», пройти чуть ли не весь путь, который лежит от меня ко мне. Этот минерал — ведь это почти предел (духовное тоже — почти предел, но только противоположный) моего «я», уже граница между «я» и «не-я» (если только в мире есть «не-я», в чем сомневаюсь).

— Да, — сказал В., — минерал — предельная ступень. Вот пушкинский пророк (которого отнюдь не должно отождествлять с поэтом), тот действительно умирает, лежит как труп, минералом, — и только Божий глас его вновь воскрешает. Без этого полного преобразования мы не можем пройти стадию минерала. Но голоса растений (иногда) и животных (чаще) мы можем в себе услышать. В человеке все звери, и каждый из нас может быть отнесен преимущественно то к той, то к другой группе зверей. Помню, как однажды я с Андреем Белым различной группировкой (в два этажа: зверь на звере) апокалипсических зверей характеризовали многих нам известных людей. Апокалипсические звери — это те же звери, что в Сфинксе, и соответствующие четверем евангелистам: человек (не как всеобъемлющий миры всечеловек, а как один в ряду других животных),

орел, лев и бык. Помню, мы с Андреем Белым и себя тогда определили.

— Ну, какие звери составляют Вас и какие — Белого? — спросил я.

— Нет, скажите раньше сами.

— Вы, — сказал я, — человек над быком, а Белый — орел над быком.

— Насчет быка в определении меня Вы совпадаете с нашим тогдашним определением, только над быком у меня не человек, а орел. Что касается Андрея Белого, то Вы дали определение остроумное (да, я понимаю Вас), но не интуитивное: кто знает Белого, знает, что он раньше всего лев, отсюда и свирепость его, и рыцарство, оттого он и взял себе имя Андрея Белого, на над львом у него человек, идеалист. В ряду других животных человек есть идеалистическое животное, которое вздумало, что это оно создало мир. Таковы наши мнения, но кто знает, правы ли мы. Может быть, Вы правы...

Потом В. прочел мне одну из страничек из корректуры печатающейся его книги о Пра-Дионисе. Прочитанное касалось сравнительной характеристики Аполлона и Диониса. Два места обратили мое особое внимание: что Дионисийское очищается Аполлоновским и что через чувство такта греки часто с Дионисом обращались без выражения того ужаса, который он им внушал.

— Я думаю, — сказал я, — что не только Дионисийское очищается Аполлоном, но и напротив: ведь и сам Аполлон нуждался раз в очищении после убийства и был очищен Персефой, будущей матерью Иакха. Да и все Аполлоновское было бы для греков невыносимо, если б оно не очищалось присутствующим, сопредельным Дионисом. Вообще Дионис и Аполлон представляются мне, как [д] представляется, как Аполлоновское, [д] — Дионисовское, и наоборот, что касается второго положения о «такте» греков по отношению к Дионису, то он мне не представляется столь простым, как Вы пишете («чувство простого такта»), а явлением более сложным. Этот «такт» греки обнаруживают не к Дионису только, а ко всем своим богам, может быть, и ко всей своей жизни. Это именно та эллинская [черта], которую Ницше назвал «поверхностью глубины». Я лично иногда даже думаю, что все кумиротворчество греков было тоже своего рода косностью поверхностной

глубины; они творили выпуклые (выпуклость, это ли не противоположность глубины?) образы глубин своих безобразных идей. Потом разговор от Диониса перешел на Пана, и я сказал, что представление эллинов о полдне как о часе величайшего панического ужаса изумительно глубоко.

— Поддень — это белая смерть. Как прекрасно, В. И., описали Вы в своем стихотворении этот час: «Я полдня белого крылатая печаль...» Об этом часе нужно сказать: «Есть некий час всемирного испуга...»

— Да, — сказал В., — я помню, когда я писал это стихотворение, я открыл в лазури один такой голубой оттенок, который явно был траурным, совершенно сближаясь с черным. Я рассказал это своим, и Лидия Димитриевна и Мария Михайловна Замятнина надели соответствующего тона траурные повязки. Вот отчего у меня в том стихотворении написано: «Похоронною лазурью осиянна...»

— Да, у Вас не раз этот образ повторяется, Вы пишете, например, в «Cor Ardens» о некоем Вашем видении, что оно «выпито лазурной глубиной», и в других местах [он у Вас ассоциируется с трауром]. И в последнем стихотворении тоже.

12 сентября. Разговор коснулся истории.

— Я раздражаюсь, — сказал я, — каждый раз, когда слышу слова вроде «мировые события», «мировая история» и т. п. В самом лучшем случае это европейское событие, а не мировое. А что такое Европа? Не забудем, что она одна и почти самая меньшая часть света. Почто ж так кичится европеец, что не удосуживается рассмотреть весь мир?

— Я с Вами, — сказал В., — и согласен, и несогласен. С точки зрения науки я имею одно мнение, другое — с точки зрения культуры. А я, если мне позволено сказать парадокс, думаю, что научная и культурная точки зрения не только противоположны, но друг друга исключают. Наука — демократична, культура — аристократична. И с точки зрения науки тот факт, что мы ограничиваем ее исторические объекты ближайшим, конечно, не выдерживает критики. Но с точки зрения культуры нужно, чтоб каждый афинянин считал все другие народы варварами. Этот аристократизм, конечно, предрассудок, но он необходим для подбора. Но вообще история еще не имеет критерия

для определения, что есть историческое. Этот критерий должен, по-моему, быть в связи меж человеком и Богом (Бог при этом есть не постоянная, а переменная, и под Богом разумею я здесь все, что люди обожествляют и ставят над собой), тогда вся история будет священная история. И, действительно, первая философия истории есть Библия. И наше время (пусть это будет эпохой потопа, скажем) есть тоже один из моментов этой всеобщей мировой священной истории.

— Как прекрасно выразился Белый, — сказала Ал. Н. Чеботаревская, — что у нас уж нет ног, но вырастают крылья.

— О, как я его вижу насквозь, — сказал В., — ног-де у нас уж нет, ему хочется не ноги, видите ли, а пол отрезать. Это все оттуда, из антропософов. Он ведь все оттуда разбалтывает. И как это отвратительно — это желание отрезать всю нижнюю часть туловища и стать крылатым херувимчиком. Оттого и мление все его с Асей (Тургеневой — его женой), как бы сидеть друг с другом рядом и не вожделеть. Вот и сидит его Ася теперь в Швейцарии, ест пифагорейские бобы, то бишь грецкие орехи и финики, да еще шоколад, слушает Штейнера и никак не может приехать в Россию. А он здесь закатывает истерики. Нет, мало любит она его, слишком все это спиритуалистически, идеально, пола нет. Белому вечно нянька нужна и крепкая над собой рука.

17 сентября. Я излагал В. свои мысли о том, что бытие есть только понятие, на котором наша усталость обретает свой покой (в понятие «бытия» «покой» входит как неотъемлемый признак). Бог = бытие = покой выдумали те, кто устал от вечного бесконечного движения. На самом деле существует только возникновение (Werden) без всякого бытия (Sein). Но бытие, которым мы наделяем все объекты, очевидно, имеет корень во всей нашей «логичности» (не точнее ли — автоматичности?), основанной на законе тождества: А есть А. Меж тем как в действительности «А» вообще нет, а возникает оно, в частности, каждый раз тогда, когда оно переходит в «не-А». Гераклит прав: все текуче, все движется, нет покоящегося бытия, Бога нет.

— Все непрерывно становится, и человек подобен периодической дроби, предел которой Бог, не правда ли, как предел становления бытия?

— Нет, В. И., предела нет, мы обращаем периодическую дробь, непрерывно движущуюся, но никогда не останавливающуюся, в определенную застывшую величину, в этом сказывается наше неумение воспринять бесконечность как бесконечность. Я не знаю, человек — чистая или смешанная дробь непрерывного становления, но по отношению к бытию он предоставляет собой «0» целых.

— Но как, полагаете Вы, возникла эта дробь?

— Как всякая периодическая — от деления некой целой величины на другую, с ней в определенном отношении (десятичном, что ли?) несоизмеримой. Если хотите, вот он, *princīpium individuationis*, единое бытие, ставшее множеством становлений; страсти Господни, маски Диониса, и много еще других можно дать имен, но сущность та, что мир — только возникающее, а не бытийное. Что касается человека, то он мне, признаться, одной своей особенностью расстраивает мою теорию, именно своей памятью. Выше я сказал, что Гераклит прав и дважды одну и ту же реку, действительно, переплыть нельзя. Это верно. Но вот человека, оказывается, можно дважды переплыть. Он ведь не простая дробь, а периодическая, повторяющаяся. И во всех своих возникновениях, как они ни различны, он помнит себя единым. «Пусть А не А, но я-то — Я», — говорит он. И я вынужден согласиться. А он, осмелившийся, набравшийся вселенской памяти человек, говорит, что благодаря ему и реку можно не однажды переплыть: он-де помнит ее. Ах, если б можно было лишить человека памяти, как все мироздание было бы ясно.

— Ну вот видите, — сказал В., — память Вам и мешает отрицать Бога и Бессмертие. И в этом ничего удивительного нет. Я строго различаю память и воспоминания. И я сказал о Памяти: «Ты, матерь Муз, венец сознания, залог бессмертья». Да, единственный залог, что мы бессмертны, — мы имеем в памяти. И в беспомытность никогда не должно нам впасть. Горе непомнящим! Вами развиваемые мысли мне в общем не чужды. Я помню, как в 1908 году в Крыму я вдруг как бы извне услышал отчетливо три формулы, как бы для большей математичности на латинском языке выраженные: 1) *Quod non est debet esse*; 2) *Quod est debet fieri*; 3) *Quod fit erit**. После, думая

* 1) То, чего нет, должно быть; 2) что есть, должно стать; 3) становящееся — будет (лат.).

над этими формулами, [я пришел к выводу], что они представляют собой совершенную Троицу: первое — Отца — Вечное Бытие, второе — страстного (а всякое становление есть претерпевание, страсть) Сына, а третье — вечное возвращение от того, что было, к тому, что будет, — Духа Святого.

***

— Ницше, — сказал В., — стремился всю жизнь к последней ясности, к классической точности, к чистому стилю. Он хотел отделаться от всяких суеверий и ересей, быть, собственно, что называется православным (а православие есть во всем, не только в делах веры, но и вкусов, и чувств, и поступков).

— Да, он хотел быть православным, — сказал я, — но был только протестантом (можно быть и протестантом во всех отношениях).

20 сентября.

— Вот, я получил, — сказал В., — из Тифлиса приглашение (официальное и неофициальное), исполненное самых лестных для меня комплиментов (вроде «славянский Гете»). Некогда бы меня, может быть, это тронуло, но теперь мне это безразлично.

— Да, — сказал я, — как жаль, что похвалы приходят к нам слишком поздно, уж тогда, когда они нас не могут радовать. Что может быть обиднее поздней награды?

— Я в таком теперь настроении, — продолжал В., — что я своей славой интересуюсь, ну, столько же, сколько именем Аполлона Майкова или Полонского. Какой-то центр у меня сдвинулся (я всегда если не о современниках, то о потомстве думал), и менее всего хочется мне быть «выставочным». Я б хотел в тень уйти.

***

— Слышали Вы о смерти Гумилева?

— Нет, не о смерти, а об убийстве гнусном, отвратительном. Его убила ЧК по обвинению в каком-то контрреволюционном заговоре (человек 60 всего убили, называют профессора географии Таганцева, Попова, даже (но я не верю — было бы слишком ужасно) Гревса). Я очень любил Гумилева, это показывает вся моя жизнь. Он был под сильным влиянием Брюсова и французов, но уже освободился от своих учителей и стал вполне

самостоятельным. Помню, когда вышел его первый самостоятельный сборник, я в длинной рецензии (по форме напоминающей похвальный отзыв об академическом диссертанте) указал, что Гумилев окончательно прошел подмастерский искуc и стал настоящим мастером. Он был еще очень молод и подавал самые большие надежды. Это был своеобразный, но несомненный поэт. Он был романтиком, конечно, и упивался экзотикой, но этот романтизм был у него не заемный, а подлинно пережитый. Дважды с очень тощими средствами и без достаточного знания языков ездил он в Абиссинию, охотился там и на гиппопотамов, и на других африканских чудовищ, обошел ее и объездил всю кругом. От его описаний действительно отдает морской пылью. Был он первым мужем Ахматовой, которая в литературном отношении с ним ничего общего не имела. Так же, как и Городецкий. Все трое — они, совсем в разные стороны тянущие, — образовали пресловутое «Акме». И, конечно, опять разбрелись быстро. Городецкий теперь большевик, но можно быть большевиком под знаком Теленка, оттопырившим хвост и бессмысленно мычащим. Таков Городецкий. И он совершенно искренне большевик. Кто не поверит в его искренность, тот недостаточно знает человека и всей суеты человеческого сердца. Что касается отношения Гумилева к революции, то фактически мне об этом ничего не известно. Зная его, полагаю, что ни к каким проектам, конституциям и вообще всей этой кадетской дипломатчине он способен не был и не мог, никакой склонности не имея. Но в бой, если б понадобилось (и даже не понадобилось), идти или совершить какой-нибудь акт — на это он как раз. Ибо был он всегда безусловно храбр и рыцарски благороден. Был он чуть-чуть вызывающим, мог даже показаться наглым, но, повторяю, был вполне рыцарем. Помню, как он проводил у меня ночь накануне своей дуэли с NN, он стрелял для приличия только, почти в воздух. А его противник в упор и даже нарушив правила несколько. Хотя NN был моим приятелем, но я сразу принял сторону Гумилева, а с тем разошелся. Было что-то всегда фатальное в нем, и можно было предвидеть, что он плохо кончит, и именно в раннем возрасте. Так и случилось. И если всякие убийства противны, то в революциях особенно противны те, которые наименее стихийны и совпадают не с подъемом революционной волны, а с ее упадком. Тогда палачи особенно омерзительны, как этот Калигула-Зиновьев. Да,

неслыханная это тирания, убивающая всех, кто смеет быть самим собой. Троцкого убили за то, что он Троцкий, а Гумилева за то, что он Гумилев. Их убили, а Блока убило. Ибо грудная жаба — это болезнь, которая сильно зависит от состояния нервов. Ну, а нервы Блока в это время имели от чего быть возбужденными!

26 сентября.

— У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет...

Фет мне кажется в этом совершенно неправым. Что мы знаем о зырянах, чтоб так уверенно судить?

— Нет, — возразил В., — к зырянам Тютчев не придет и в самом деле. Дело в том, что каждый великий поэт не создатель языка, а создание. Поэтому вне стихии своего языка не может поэт создать великого. Анакреон может быть только в Греции и на известной ступени ее развития. И это вовсе не обидно для поэта быть созданием, а не создателем. Вот Микеланджело создал Давида, и я предпочел бы быть каменным Давидом, а не живым Микеланджело. Где теперь Микеланджело, в какие элементы претворился, а Давид стоит во Флоренции, нетронут и неколебим. Да, к тому же камень и не страдает, хотя и изображает страданье.

— Да потому, В. И., он и не страдает, что изображает страданье: это вернейшее средство — освободиться от страданий тем, чтоб изобразить их. Это и есть катарсис.

***

— Часто мне кажется, — сказал я, — что лермонтовское неприятие мира есть просто неприятие «света». Его опыт жизненный имеет столь малый объем (ну в самом деле, что он видел, чтоб отвергнуть весь мир, — ведь и вся Россия есть только маленькая в мире провинция, а он и России-то настоящей не видел), что смешно из него делать обобщения относительно всего мира. Он принял «свет» за мир — и, конечно, ошибся.

— Нет, я с Вами не согласен, Лермонтов судит о мире всегда в самых общих (мировых) категориях. Вспомните: «На вечность любить невозможно, а на время не стоит труда» и другие места. Везде он под знаком вечности. И, наконец, его

Демон есть отрицание всего мира, он облетает всю Землю, все видит.

...И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

Не потому, что он ничего не увидел, был туп, ничего не отразилось на нем. Нет, чело ведь «высокое» у него, и все-таки (говоря пушкинским языком, но всецело применимым здесь) он ничего здесь не благословлял. Ничего — это очень страшно. Это и есть специфичность Демона. Конечно, с точки зрения самого сюжета, вымысла, то он почти мальчишеский: Демон, который мог бы наполнить собою звездные пространства, умалывается до таких объемов, что он входит в келийку, — здесь ужасная непропорциональность размеров: Демон и хорошенькая грузиночка.

— Демон, — сказал я, — хочет воплотиться (так и у Достоевского черт мечтает воплотиться в семипудовую купчиху), великий дух хочет плоти, без человека Демон сам бессилён воплотиться, и ему нужна Тамара.

— Нет, ему нужна не одна половина человека, женщина, а весь человек, весь мужеженский состав. Куда удачнее справился с этой задачей Гете, он не прямо свел Мефистофеля с Маргаритой, а воплотил Мефистофеля предварительно в Фаусте, и уж через него люциферическое начинает действовать. Конечно, при приближении Люцифера Маргарита будет испепелена (как при открытии Зевса Семеле), Маргарита гибнет, но все обставлено так реально. И у Лермонтова Тамара гибнет от близости всеспаляющего Демона (еще бы: его слеза и камень прожигает насквозь), но Лермонтов не справился чисто технически со своими огромными символами. Так вот и Ибсен подчас не умел одолеть в реалистических тонах своих символов (Сольнес). Но чувство, повторяю, в этой поэме специфическое, и Лермонтов глубоко ощущал мирового Демона.

***

— Это было бы ужасно, — сказал я, — если все эти ежегодные самоистязания Сахсей-Вахсей в память убитого Гусейна не в силах были бы ничего сдвинуть с места и Гусейн оставался бы навсегда убитым. Сотни, тысячи людей готовы убить себя

(и убивают себя), чтоб он жил. А он не воскреснет? Это было бы невыносимо нагло со стороны природы.

— Обождите, обождите насчет природы, — сказал В., — а вот давайте присмотримся раньше к себе, к своей природе. В последние годы я особенно стал подозрительно во все всматриваться, и многое, что считается подлинной любовью, я за таковую не считаю. Вот, когда я стоял на празднике Сахсей-Вахсей и глядел на все эти плачи по Гусейну, я думал о том, какова эта любовь к Гусейну, и решил, что она идеалистическая, а не реалистическая. Идеалистическая — ибо это любовь к фикции, к тому, чего реально нет, а лишь должно быть.

— Да, должно быть, — вставил я, — Гусейн возникает как общее бытие всех этих плачущих, как их воплотившееся напряженнейшее желание. Гусейн есть точка скрещения всех этих магнитных токов, он есть ожившая мысль. Да разве не так и создано все, что есть? Функции создают орган, видение — глаз, и ежегодные действия по Гусейну — самого Гусейна.

— Вот это и есть не реальная, а идеальная любовь. Реальная любовь не может ни на одну минутку принять фикцию за действительность, она хочет осязать, ощущать, видеть любимого и, пока не ощупает, — не утешится. Функции создают орган, но какой же это орган они создают? Видение, допустим, создает глаз, но не предмет, который я вижу (это и было бы идеализмом и отрицанием реализма думать, что глаз создает видимые предметы, а ухо — звуки), и ежегодная «рубка» и плач по Гусейну могут во мне создать соответствующие рубящие и плачущие органы, но не Гусейна. Функции создают во мне, но не вне меня, независимо от меня. А реализм хочет именно этого, хочет, чтоб любимое жило само по себе (в себе), а не только в моем представлении, как моя мысль.

— Ну, а мысль сама разве не реальность?

— Есть реальные и есть нереальные мысли. Есть степени реальности. Вот я и ищу всю жизнь реальность, и мне кажется, что таковая реальность здесь одна — любовь. Пища и желудок — реальность, но любовь еще реальнее. Но любовь не общее бытие, которое мне чудится и в культе Гусейна, даже в культе Диониса, даже во многом из исторического христианства. Это и есть романтизм, что как тень сопровождает реализм.

— Человек есть романтическое животное, — сказал я.

— Ну вот, а я добиваюсь освободить любовь от романтизма. Любовь не романтическая — это есть реализм. И заметьте, что истинная любовь так сторонится эстетизма, она любит не в целом, например, лицо за его красивые, правильные черты, а каждую черточку отдельно. Вот нос, губы, глаза. И не красивыми считает любящий эти черты любимой, а удивительно, непередаваемо своеобразными. Нет, не с красоты начинается любовь, хотя она к ней и приходит. И к вечной жизни ведет любовь. Вл. Соловьев правильно учил, что любовь стремится к вечности любимого. Любовь требует воскресения, мертвых реальная любовь не приемлет. Но это воскресение не есть результат наших устремлений (как в случае с Гусейном), а выполнение того, что уже в любви (реальной) как его основание заложено.

— Выходит, В. И., — сказал я, — что в любви мы ничего нового не обретаем, она стреляет только тем порохом, который в ней с самого начала заложен.

— Ну, конечно, — сказал В., — в этом и состоит реализм любви, в отсутствии в ней идеалистических фикций, мнимых величин. Впрочем, что касается разбираемого случая с Гусейном, я должен сделать следующую очень важную оговорку. Религия есть сама по себе такая ступенчатость реализма, что она дезинфицирует от всякого идеализма. Пусть плач по Гусейну идеалистического характера, но его религиозность делает его реальным. И еще одно замечание. Вот Вы сказали: человек — романтическое животное. Этого по-гречески (и латински) перевести нельзя. А у меня есть такое поверие (суеверие?), что то, чего нельзя по-классически передать, в последнем своем пределе не соответствует истине. Может быть, Вы очень близко к истине, но не вплотную к ней подошли. Романтизм такая волнующая тема и в историко-литературном отношении подобна теме о Великой французской революции в исторических дисциплинах, на не только в этом отношении тема о романтизме значительна. Это есть тема о пределах реальности, тема о последних человеческих глубинах. И я жду, что умные люди примутся, наконец, должным образом за нее и раскроют нам многие тайны романтизма. Я жду того, кто не разрубит, а тонко распутает этот гордиев узел нашей жизни.

27 сентября. В. предложили читать в университете курс о немецком романтизме. По этому поводу В. поделился со мной планом будущих своих лекций.

— Романтизм, — сказал В., — немецкий взлелеян в лоне Гете, и сам он прошел через него. Но он стремился преодолеть свой романтизм, быть чистым классиком, хотя бы классицизм его делал беднее.

— Почему беднее?

— Да потому, что классицизм обедняет вообще, он вообще менее богат возможностями, чем романтизм, так солнечный свет беднее, конечно, эффектами, чем свет разных пестро раскрашенных фонариков, лампочек и прочее, он беднее многообразными преломлениями и взаимоотражениями, он беднее миражами. Гете понимал, конечно, всю значительность иенской группы, он юношу Новалиса недаром определил как будущего императора (*si fata sinant**). Но что его от этой группы отъединяло, так это то, что Дионисийское у иенской группы было так разлито, что перешло грань, уйдя за смерть (в христианство), язычник же Гете стремился во всем к законности (вот где классицизм), быть во всем в гранях, сдерживать себя, признать над собой во всем меру. Но все ж это Гете так прекрасно описал пламенную смерть бабочки, стремящейся к огню, и он же так ценил Байрона за его сверхчеловеческий демонизм. Вульгарно выражаясь, Гете чувствовал нечто вроде зависти к этому молодому герою Байрону. Да и в самом деле, этот пловец, если нырнет, так сразу Геллеспонт переплывет. В сущности, я считаю, что в сравнении с Манфредом Фауст мелко плавает. Конечно, великая и длительная ровность — удел Гете, но нырянье Байрона мне кажется глубже и демоничнее (в гетевском смысле демоничнее). Вообще двоим всего завидовал Гете: это Байрону да еще Шекспиру. Последний внушал ему зависть наивную. Так, просматривая иллюстрированное издание Шекспира, Гете спрашивал у окружающих, можно ли было бы к его сочинениям сделать столько иллюстраций, достаточно ли богаты для этого его произведения различными ситуациями. Кстати, о иенской группе. В наши дни о нас, группе символистов, [Жирмунский] писал, что мы суть неоромантики иенской группы, и выводит нас из Германии. Мы же

* Если судьба допустит (*лат.*).

думаем, что мы имеем достаточно корней у нас в России, и мы себя связываем с Тютчевым, Фетом «Вечерних огней», Вл. Соловьевым. Было еще одно мнение (Бальмонта, Брюсова), выведившее символизм из Эдгара По и Бодлера. Таковы три главных мнения. Четвертое было, собственно, вульгарное и ругательное, смешивавшее в одно символизм и декадентчину. Но оно не было ничем обосновано, а обнаруживало только полное неумение разобраться как следует в литературных фактах, и выше вульгарности это мнение не поднялось.

— А между тем, — сказал я, — оно вовсе не так уж неосновательно. С точки зрения ницшеанства и иенская группа с ее христианнейшим духом, и ваша, символистская, конечно, декадентство.

— Да и Шестов (а он же, не будь ему в обиду сказано, ученик Ницше), когда писал обо мне свою статью («Вячеслав Великолепный»), эпиграфом к ней поставил:

Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса.

Пышное увяданье — это и есть, по терминологии Ницше, декадентство.

5 октября.

— Моя близость с Вл. Соловьевым началась следующим образом. Когда я развелся с Дмитриевской (моей первой женой), она, приехав из Италии в Петербург в 1895 году, отправилась с альбомом, в котором были записаны некоторые мои стихи (вошедшие потом в мой первый сборник), к Вл. Соловьеву, чтоб он высказал свое мнение, представляю ли я некоторую величину или все это призрачно. Пошла она к Вл. Соловьеву потому, что мы оба его очень высоко чтили, да кто же у нас был тогда лучший в России поэт (Фет уже тогда умер) и лучший критик, не он ли первый открыл Тютчева? Соловьев назначил Дмитриевской через несколько дней рандеву в своей «английской» гостинице, где он постоянно проживал. Ознакомившись с моими стихами, он сказал, что они, безусловно, совершенно самобытны, оригинальны, и стал меня пропагандировать в своих кругах. Круги эти (Стасюлевич [...]) были весьма туги и неповоротливы. Я с великим восторгом узнал высокую для меня оценку Соловьева и в свой ближайший приезд

в Петербург познакомился с ним. С тех пор, каждый год, наезжая из-за границы в Петербург, встречался я с ним. Я готовился издать свой первый сборник, и он хотел написать обо мне большую статью. Но этому не суждено было исполниться. В последний раз я его видел в 1900 году за полтора месяца до его смерти. Мы с ним ехали в фаэтоне, и я ему сказал, что нашел название для своего сборника — «Кормчие звезды». «„Кормчие звезды“, — сказал он, — сразу будет видно, что автор — филолог: „Кормчие книги“. „Кормчие звезды“, — повторил он, — это хорошо». Он слез с фаэтона и исчез в толпе. Больше я его уж никогда не видал.

***

— Мопассан, — сказал В. И., — артист и к тому благородное, великое сердце, grand cœur.

— А я вот считаю Вилье де Лиль Адана значительнее.

— Нет, Вилье — романтик, но это не беда, вот Гофман — романтик тоже, но он умный, а Вилье вот неумный. И к жизни относился внешне, совсем по-детски. Умереть нищим на чердаке и мечтать о том, что ты потомок королей, — как это незначительно. И рассказы его, невыдержанные, не глубоки. Ну, напомните мне какой-нибудь из «Contes cruels»*.

Я рассказал «Призрак».

— Ну как это неестественно: помещать артиста на маяке. Франция — благоустроенная страна, никто там не доверит маяка старому артисту. Неумно все это. Знаете, умный человек узнается по запаху. Вот возьмите Фета и Тютчева. Первый усиленно занимался философией и Шопенгауэра перевел, и [...], а меж тем простодушный. Тютчев же (он в молодости, правда, тоже изучал Шеллинга) всем этим не занимался, а такой умница. Лермонтов мне представляется неумным, Гоголь тоже. А Пушкин вот всегда умный. Вообще великие гении всегда умны.

***

— Все случайное превратить в необходимое, вот что важно, — сказал я, — вот в чем мой amor fati**.

— Нет, — сказал В., — это мне не кажется значительным, а вот необходимое сделать не необходимым — это значительно.

* «Жестокие рассказы» (франц.)

** Любовь к судьбе (лат.).

«Уже смердит», и сказать смердящему: «Воскресни!» — это хорошо, и никакого нет у меня amor'a fati, а есть odium fati, taedium vitae*, полное опротивление жизни, потеря всякого к ней вкуса. Особенно же противна мне «литература», эта verborité** (не могу по-русски этого перевести), вот то, что Сент-Бёв сказал о Гюго — verborité — бррр! Какая мерзость! Как было хорошо тогда, когда вся литература помещалась на одной грани пирамиды. Я не хочу словесности, я хочу чистых, невинных произведений искусства. Но их теперь не может быть. Мы притворяемся, что солнце восходит, но разве оно восходит по-прежнему? Оскудела солнечная сила, оскудела в мире любовь, солнце больше уже не восходит, разве же это не ясно? Проклинать я не хочу, я рожден благословлять, а благословлять я уже здесь ничего не могу. Я когда писал, на меня нисходило великое веселие (Аполлоновское и Дионисийское одновременно). Даже тогда, когда трагическое я описывал, было это веселие, ибо я в подъеме, в мажоре творю. Последние же мои «Зимние сонеты», когда я пытался описывать то, что я теперь вижу, были слишком мрачны. Но дальше нужно молчать. Мы дошли до такой грани, когда уже не следует ничего говорить. Только молчать.

***

У В. И. желтуха и высокая температура, он за перегородкой лежит. Я с Ал. Н. Чеботаревской «по сю сторону». 11 часов ночи. На улице ветер.

— Расскажите мне, Александра Николаевна, историю трех стихотворений, Вам посвященных В. И., и о Вашем первом знакомстве.

— Я знакома с В. И. уже 18 лет, с 1903 года, — сказала Александра Николаевна, — я была тогда в Париже. Едва мы, группа москвичей, узнали, что в Париж приедет В. И. и будет читать лекции по греческой религии («Эллинская религия страдающего бога»), мы записались на эти курсы и с нетерпением стали ожидать приезда В. И., которого никто из нас не знал, но которым все заинтересовались. Мы знали только, что В. И. живет в Швейцарии, где ведет очень уединенный и замкнутый образ жизни. Приехал В. И., и курсы начались. Раз я сижу в

* Ненависть к судьбе, отвращение к жизни (лат.).

** Многословие, многоречивость (франц.).

Национальной библиотеке и занимаюсь. Проходит В. И. со своими книгами. Так как нам было обратно по дороге ехать omnibusом совместно, я уславливаюсь с В. И. (я уже была с ним знакома, но один раз только до этого имела с ним несущественный разговор), что после занятий позову его. Окончив занятия, я подошла к его столику, он мне подает исписанную бумажку (она до сих пор хранится у меня) с обращением «Кассандре». Это был сонет, впоследствии помещенный под этим именем в «Прозрачности». Посвящение я просила снять, ибо стихотворение было очень ответственно. Так, там было написано: «Ты, новая, затеплишь Александра...» Каждый мог меня спросить: «Да что ж Вы такое сделали, оправдали ли Вы пророчество?» Помню, когда я прочла впервые этот сонет, я ничего не поняла, но обращение «Кассандре» меня поразило. Дело в том, что у меня два брата классика, и, бывало, еще с детства, желая меня дразнить, [они] становились передо мной, чертили круг и вопили: «Tragoedia, tragoedia* — греческий козел!» — и называли меня Кассандрой.

— Теперь Вы видите, М. С., — вставил В. И., — откуда происхождение греческой трагедии?

— Поэтому я была необычайно поражена, когда В. И., меня почти совершенно не знающий, вдруг называет меня Кассандрой. Такой же прозорливостью поразила меня В. И. в то знакомство наше и в другой раз, когда он принял Ивановского за моего мужа и тем попал не в бровь, а в глаз, ибо как раз в то время Ивановский сделал мне второй раз предложение, и я хотя ему отказала, но продолжала с ним быть в хороших товарищеских отношениях. Второе стихотворение [«Осенью»] мне посвящено по следующему случаю. Я поехала в [Шатлен] гостить к В. И. Жили они очень уединенно. Я раз гуляла и нарвала массу цветов повилики. Их набрался такой огромный ворох, что я не знала, куда с ними деться, и бросила их в речку, они поплыли, и так как по берегам росли высокие тростники, то они оцепились вокруг них, и получилась очень красивая картина повилик в тростниках. В. И. увидел, как я бросила цветы, и завопил, по своему обыкновению. Но потом, увидев, как повилики застряли в тростниках, остановился, задумчиво любясь ими. Это было под вечер. А на второе утро В. И. повел нас

* Трагедия (*лат.*).

в беседку (была там у них на дворе беседка, где Лидия Дмитриевна имела обыкновение уединяться и писать) и прочел мне и Лидии Дмитриевне написанное им стихотворение [«Осенью»]. Это именно в то время писалась «Прозрачность», она в три недели была готова, вся она «aus einem Gusse»*, она была мне и продиктована, и мною переписана, и вообще эта книга обязана и мне своим возникновением. Третье стихотворение «Повилики» из «Cor Ardens» возникло вот каким образом. Я жила тогда в Саратовской губернии [...], раз, гуляя по берегу Хопра (приток Дона), я увидела, как в прибрежные тростники вплелись повилики, и так высоко, что почти достигали тростниковых верхушек. Я взяла повилики, высушила их и несколько из них вложила в письмо мое к В. И. В. И. прислал мне ответ и в нем две строфы «Повилик». Но уж очень в этом стихотворении повилики униженные:

Жадные пристрастия мертвенной любви,
Без улыбки счастья и без солнц в крови...

— Нет, не униженные, — отозвался В. И. из-за перегородки, — а грустные очень: и тростники, и повилики. Повилики — символ верности, тростники — символ поэта. Повилики в тростниках — это Ваша связанность с моей судьбой, Ваша верность мне.

— Верность повилик, да, — сказала Александра Николаевна, — ну а тростники?

— Да ведь и они связаны, — сказал В. И. и, вспомнив прошлое, все невозвратное прошлое, глубоко вздохнул. — Господи, какое было хорошее время!

15 декабря. [Я] В. говорил:

— Только что у меня мелькнула мысль, что классицизм есть нечто, имеющее для каждого содержания определенную и одну только форму, и наоборот; романтизм же характеризуется тем, что имеет несколько форм для одного содержания или при одной форме — различные содержания.

— То, что Вы говорите, я лично не к романтическому отношу, а совсем к другому. Возьмем, например, каламбур, основанный на игре слов. Под одним словом подразумеваются

* Цельная; буквально — из единого куска (нем.).

одновременно два смысла, это доставляет удовольствие нашему духу, который этим как бы торжествует свою победу над косностью материи и законом непроницаемости. Здесь мы имеем иллюзию, что один объект одновременно находится в двух местах. Это противоречие нам по духу, ибо всякий дух есть дух противоречия. Впрочем, этот феномен каламбура вовсе, быть может, не так уж далеко отстоит от романтизма, один из существеннейших элементов которого, по признанию самих романтиков, была ирония.

— Я лично вывожу иронию романтизма с другого угла зрения. Для меня романтизм есть то, что постигается внутренним и только внутренним опытом. В этом «только» и есть ирония, смех над моей внутренней, ничем внешним не оправданной лирикой. Да и Ваше, В. И., определение романтизма не в разногласии с моим, если Вы согласитесь, что из двух форм при одном содержании, или наоборот, одна по крайней мере — величина мнимая. Реально может только каждой одной форме соответствовать одно содержание и обратно, всякая же еще одна форма или еще одно содержание есть не что иное, как заполнение пустоты исключительно внутренним «романтическим» элементом.

— Тогда, — сказал В., — и в самом классицизме мы имеем романтизм, романтики тогда и Гомер, и Эсхил, и все те античные мастера, из которых классицизм выведен, но которые, по Вами же данному определению, романтики, ибо везде у них выступают двойники и всякого рода романтические отражения внешнего мира во внутреннем.

— Что касается отражений, — сказал я, — то, мне кажется, следующая аналогия из мира физических явлений сможет нам пояснить суть дела. В одинаково преломляющих средах происходит только отражение лучей, угол падения равен углу отражения. В средах же с различными преломлениями нет отражения только, а есть еще и преломление. Угол же падения не равен углу преломления, и падающий и преломленный луч лежат не на одной прямой, как в одинаково преломляющих средах, а в некотором уклонении. Вот схема: I — отражение; II — преломление. Вот каким образом одно, преломляясь, кажется одновременно в двух местах. Я говорю: кажется, ибо реально А всегда и везде равняется А.

— Но тогда, быть может, я причислю себя к романтикам, ибо A , всегда равное A , проведенное последовательно во все области, приведет нас к плоскости и позитивизму, как показывает это Флоренский. Да и вот мой друг [Гершензон] считает, например, что Бога мы имеем только в своем имманентном опыте. Что ж, значит, это романтизм?

— Дело в том, что если [Гершензон] имеет его в своем только внутреннем опыте — то это, конечно, романтизм, но ведь на самом деле он утверждает, что и другой его имеет в своем внутреннем опыте, но ведь тогда «внутреннее» другого для него уже внешнее, а следовательно, может и не быть романтизмом. А что касается Вашего определения, что $A = A$ приводит к плоскости, то к этому может привести все; плоско понятое $A = A$ некогда воссияет как солнце. Мы еще до этого великого тождества: «Бог есть Бог, и нет Бога, кроме Бога», — не доросли, наш классицизм — еще не реализм. И я не удивляюсь, что многие великие умы предпочитают пока романтизм позитивистическому эмпиризму. Но окончательно восторжествует реализм. Это будет, когда мы поймем то, на чем основана первая заповедь реализма «*A есть A*». Это «есть», это «бытие» надлежит постигнуть. Оно же и есть реализм.

1922

6 января.

— Я верю, что мы рождаемся не от одного отца. Этим, по-моему, объясняется многое в нас, что без этого было бы слишком непонятно. Я полагаю, что при самом зачатии как бы падает в лоно материнское еще одно семя и в разных планах мы имеем разных отцов. В самом высшем плане отец, наш — Бог, Отец Небесный. Это чувствовали, хоть и не понимали греки. Это сказывается в их мифе об Амфитрионе и Зевсе, от обоих рождается Геракл. Я лично имею в своей жизни в этой области случай, граничащий с чудом. Одно время (это было в Швейцарии) я через одну особу, имевшую определяющее влияние на всю мою жизнь, был очень близок к антропософам. Андрей Белый меня в то время непрерывно склонял к тому, что я должен вступить в союз штейнерианцев, говоря, что все должны идти к Штейнеру, как в Ноев ковчег, чтоб спастись от потопа (так думает он и теперь), и что если я этого не сделаю, то погибну. Когда я у него гостил, он несколько раз

водил меня к Штейнеру, но его как раз не было, и я ограничился лишь тем, что оставил свою карточку в его квартире. Мне, собственно, незачем было видеться тогда со Штейнером, и я сказал, помню, Андрею Белому, что никаких у меня к нему высших вопросов нет, разве только те, реальны ли в действительности литературные типы, как Фауст, Гамлет и др.: были ли они в действительности или это только продукты творческой фантазии. Через несколько дней я, к величайшему огорчению Андрея Белого, уехал. Вскоре после этого получил я от Андрея Белого письмо, в котором он мне сообщает, что Штейнер приехал, и случилось так, что Андрей Белый увидел его впервые только на лекции его (Штейнера), до этого с ним не встретившись. На первой же своей лекции, сделав некоторое как бы отступление, Штейнер заговорил о том, что литературные типы реальны, и как на примере остановился на Фаусте, которого он назвал Эмпедоклом. В дальнейшем изложении Штейнер вновь продолжал развивать основную тему. Помню, едва я прочел тогда письмо, как эта мысль меня, как молния, пронзила. Да, Фауст не что иное как Эмпедокл, отец Гете. В Фаусте Гете изобразил своего отца, не почтенного Herr* Гете, а того, который с Гретхен родил его, Гете. Ибо у Фауста был не только от Елены сын Эвфорион — Байрон, но и от Гретхен — Вольфганг Гете. У меня лично, — продолжал В., — ощущение, что я сын не одного моего отца землемера, которого я в себе тоже знаю, но еще и другого, даже и других. И отсюда мое чувство аристократизма. Я чувствую себя не просто знатного рода, а именно принцем. Вообще я полагаю, что чувство аристократизма зависит от обилия отцов, которых человек имеет: чем их больше, тем человек знатнее. Так, в ближайшем плане у меня был отец епископ...

— А не говорит ли в Вас гордость, В. И.? Ведь вот заметьте, Вы не говорите о том, что у вас много матерей, ибо ею Вы довольны, а отцов себе ищите иных, ибо своим недовольны. Вряд ли бы Федоров с Вами согласился, ибо это неуважение к отцу, может быть, даже хула на отца.

— Да, правда, матерью я доволен моей: человек абсолютного слуха, с богатой фантазией [...], но и отца я не умаляю, я воздаю ему должное почтение, и хотя мало его помню (он

* Господина (нем.).

умер в моем младенчестве), однако знаю и чувствую его в себе, но знаю, что в других планах имел еще отцов.

— Нет, В. И., боюсь, что здесь следует вспомнить слово Ницше: «В чем величайшая скорбь воли — в том, что у нее нет власти над прошлым». Вот эта-то скорбная воля и творит отцов, когда не хочет отца. Но хотим мы этого или не хотим теперь, по рождении, когда наша воля несвободна, мы хотели своего единственного отца (ибо могли родиться у другого: ведь в этом бы не было ничего невероятного) до рождения. Сын часто просит: «Да минует Меня чаша», — чаша отца (чаша иметь отца), но если он не блудный, если он не хочет позорить мать, он признать должен единого, матерью указанного отца и всей своей жизнью подтвердить свое рождение не только от матери, но и от отца. Дети, чтите отца!

8 января. Второй день Рождества. Присутствующие: В., Александра Николаевна, Лидия Вячеславовна, я, потом Яблонко, все под хмелем легким.

— Что такое культура, — сказал В., — это не что иное, как рост благоговения, уважения к предкам. Без этого уважения человек — варвар. Вот Вы, М. С., это понимаете, Вы уважаете, но когда Вы мне говорите о своих заметках на полях, мне становится жутко за Вас. Ведь это эпигонство, которое уже само не творит, а только исследует, углубляет творцов. Эпигоны, может быть, и тоньше, но слабее протогонов, ибо богатство и утонченность не идут обычно рука об руку.

— Вообще, может быть, это и справедливо, но мой случай осложнен еще одним обстоятельством. Некогда писал я сам о себе: я уже гений, но еще не талант. Ну вот, до сих пор нет у меня еще соответствующего, равного моему гению таланта, в котором я бы мог себя выразить.

— Ах, это мне известно, я всю жизнь чувствовал незначительность своего таланта для своего гения. А ведь, знаете, если не с нашей человеческой, а с божественной точки зрения взглянуть на мир, то таланты предпочтительнее гениев. Вот Вы, М. С., недавно говорили, что и истина пока она не реальна, еще не истина. А ведь с гением могут быть три случая: или он невоплощаем, или еще не воплощен, или недостаточно воплощен. Все эти случаи суть искажения реальности, а Бог любит воплощение, Богу более, думаю, угодны таланты, чем гении...

Пришел Яблонко (молодой симпатичный преподаватель по древним авторам в университете) просить на завтра В. быть крестным отцом его ребенка. Сам он еврей, жена — христианка. Так как роды ребенка были невероятно тяжелые, то Яблонко находит, что она имеет больше прав на ребенка, чем он. Я не согласился, и мы горячо и взволнованно заспорили. В. стал на сторону Яблонко, говоря, что, в противоположность эхилловскому решению вопроса (в «Орестее»), он стоит за права матери, за права Земли, и присоединяет свой голос к эриниям. Яблонко скоро ушел, и тут В. расплакался.

— У меня есть одна похороненная возлюбленная. Это — Бог. Каждый раз, когда я слышу, что о ней говорят как о реальности, я плачу. Ибо в наши дни, когда Бог, казалось, отвернулся от людей и он никому не нужен, вдруг я слышу, что люди спорят и волнуются о нем, как о чем-то имеющем для них значение живого факта. И что до того, что спорят из-за форм, пусть и режут друг друга за формы, лишь бы не обходили равнодушием. Бог хочет, чтоб в Него верили. И когда со мной сегодня выпил коммунист за пришествие Христа, я увидел, как святилось Имя Его — моей возлюбленной. Господи, да святится Имя Твое!

28 января. Я сказал, что мой идеал — стать каменным (бесчувственным), я жалею, что родился от живых:

— Deus * должен возникнуть ex machina**. Вот мой тезка, Моисей, знал, что из камня возникает вода живая, но и он согрешил в недостаточной почтительности к камню: с камнем должно говорить словом, а он бил его палкой.

— Да, — сказал В., — тайна камня велика, и о ней лучше не говорить. Христа просили обратить камни в хлеба, а он на это ответил: «Не хлебом одним жив человек, но еще и словом Божиим». Выходит, что Камень — это слово Божие... И в другом месте Христос говорит: «Кто из вас таков, что, когда его попросят о хлебе, даст камень, а вместо рыбы — змею». Мне всегда казалось, что Христос здесь иронизирует: ну, конечно, камень больше хлеба, и змея больше рыбы. Но только могущие да вместят сие.

3 февраля. Я говорил о том, что, судя по Евангелию Иоанна, Христос Петра не любит.

* Бог (лат.).

** Внезапно; здесь: из неживого; буквально — из машины (лат.).

— И эта знаменитая сцена, где Христос трижды спрашивает Петра: «Симон Ионин, любишь ли ты Меня?» — в моих глазах свидетельствует о том же. А однажды Христос прямо сказал Петру: «Сатана, отойди от Меня, ибо у тебя только земное на уме». Кстати, последние слова выдают то, что шептал Петр Христу, отозвав его в сторону: Петр советовал устроить Церковь на земле, а Христос в духе Иоаннова (созерцательный Иоанн, а не деятельный Петр, — его любимец) Евангелия ответил: «Царство Мое не от мира сего». Так ответил Петру Христос, будучи в полной силе, после ж, перед отходом из мира, Христос соглашается устроить Церковь на земле и говорит Петру: «Паси агнцев моих», — но тут же, вспомнив, очевидно, как некогда отверг он это самое, грустно добавляет: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил куда хотел; а когда состареешься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь». Достоевский толкует это место как судьбу Римской церкви католической, в отличие от церкви Иоанновой, православной. Но я еще понимаю это место как Христом о Себе Самом сказанное.

— Моя концепция Петра, — сказал В., — совершенно иная. Для меня Петр, этот с виду столь решительный и мужественный человек, единственный из всех учеников, препоясанный мечом, — типичная женщина. «Любишь ли ты меня?» — ведь так именно спрашивают у женщины. Бабий характер Петра сказывается во всем: и в этом трехкратном ответе, в котором слышно женское всхлипыванье: «Ты знаешь, что я люблю Тебя», — и в том, как он отсек ухо одному из пришедших взять на суд Христа. Ухо (а не череп) рассечь — разве это не типично по-женски? Ведь женщины, вследствие того, что ум сдерживает их менее, более решительны, чем мужчины. Петр — женщина, потому он единственный из апостолов и женился. Какая же он женщина? Он — земля, оттого он и камень. У него всегда земля на уме, оттого ему и поручается устройство Церкви на земле. Как в женщину, в Петра и вселяется время от времени Сатана. И не Петру, а именно Сатане в нем Христос говорит: «Отойди от Меня». Христос — Жених, Жених земли. Может ли жених невесты не любить? Кого не любят, не спрашивают о любви. И Церковь, Христова невеста, — женщина. Папа Римский — это мама, великая мать, от которой христиане

получают ласку. Оттого папа и безбородый, и непременно старец, то есть как бы бесполое существо. Так мужественный Петр в идеальном аспекте оказывается женщиной. И вообще, по-моему, так и всегда бывает: в некоем высшем плане мужское становится женским, женское — мужским.

***

В. сказал:

— Я, быть может, единственный теперь человек, который верит в греческих богов, верит в их существование и реальность.

— Так же, как в реальность Христа? — спросил я.

— Нет, — сказал В., — тут вот и начинают выглядывать мои ослиные уши христианина (римляне изображали христиан поклоняющимися распятому ослу — изображение на Палатинском холме), для меня существует степень реальности. Христос, тот был во плоти, а греческие боги, судя по Гомеру (а это источник малонадежный в этом вопросе), не воплотились, и самое большее, что за ними можно признать, — это то призрачное воплощение, которое у Христа мы знаем после Его воскресения. Греческие боги не материальны, но они реальны. По мне же материальность Христа есть более высокая ступень реальности, чем нематериальность греческих богов. Ибо то последнее становится в высшем порядке первым, а первое — последним. «Там», во вне-нашем плане, материя занимает первое место, а дух — последнее. Так, материя наша — минерал, камень, и там — высшая ступень реальности, сам Бог-Отец.

***

— Я предпочитаю классический атеизм романтическому теизму.

[...] **февраля.** Все зло мира — от женской гордости. Жена, что замкнулась и отделилась, — вот Вавилонская блудница.

— Но ведь блудница, напротив, всем отдается.

— Нет, она до конца не отдается, оттого и детей у нее нет, она какая-то *demi-vierge* *, и в этом-то и глубь разврата.

3 марта. За чествованием 56-летия В. Лидия Ивановна поделилась с присутствующими своими ранними воспоминаниями

* Полудева (*франц.*).

об отце. Между прочим рассказала она о том, как она его спрашивала:

— Может ли Бог создать такой камень, который бы не мог сам поднять?

— Может, — сказал В., — этот камень есть человек, которого Бог создал и наделил свободной волей.

**О «РАЗГОВОРАХ С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ»
М. С. АЛЬТМАНА**

Более двадцати лет назад в «Ученых записках» Тартуского университета с предисловием З. Г. Минц были напечатаны отрывки из бакинских бесед М. С. Альтмана с В. И. Ивановым. Эта публикация до настоящего времени воспринималась исследователями некритически — считалось, что бóльшая часть записей, наиболее интересная в историко-литературном отношении, прочно вошла в научный оборот, а авторитет М. С. Альтмана, известного литературоведа, собственноручно подготовившего текст, способствовал тому, что хронологическое расположение материала ни у кого не вызывало сомнений. В настоящее время в нашем распоряжении находятся материалы из архива М. С. Альтмана, которые хранятся в семье его родной сестры Софьи Семеновны Альтман (1909—1990) в Петербурге. Они позволяют по-новому осмыслить историю знакомства ученого с В. И. Ивановым. Это:

1) Автографы сонетов В. И. Иванова, обращенных к М. С. Альтману. Отметим попутно, что в брюссельском собрании сочинений В. И. Иванова его сонеты к М. С. Альтману опубликованы в неверной последовательности и по неисправным копиям, присланным в Рим М. С. Альтманом. Сонеты В. И. Иванова к его ученику печатаются нами впервые по автографам с точным указанием дат написания.

2) Подлинник «Разговоров с Вячеславом Ивановым» М. С. Альтмана — толстая тетрадь с записями 1921—1922 гг., некоторые из листов которой утрачены. Их текст восстановлен по ксерокопии машинописного экземпляра «Разговоров»,

преподнесенного М. С. Альтманом Л. В. и Д. В. Ивановым во время заграничной поездки 1970 г. (этот вариант текста находится в Риме). Он плохо вычитан, грешит лакунами и потому не может считаться выражающим последнюю авторскую волю. Пропуски в тексте «Разговоров», которые все же восстановить не удалось и виной которым дефекты рукописи, обозначены нами литерой «д» в квадратных скобках. Порой М. С. Альтман оставлял место для последующего заполнения — видимо, в тех случаях, когда он что-то не расслышал и надеялся позднее переспросить. Если это возможно, текст восстанавливается в квадратных скобках, в противном случае в них ставится многоточие.

3) Выписки из «Разговоров» на листах большого формата, сделанные М. С. Альтманом в середине 1920-х гг. для какой-то неосуществившейся публикации.

4) Предисловие к «Разговорам» (1928 г.), предваряющее в данном издании их основной текст.

5) Дневники М. С. Альтмана бакинского периода ¹. Это три толстых тетради, в которых отражены события: а) с дек. 1919 по март 1921 гг.; б) с янв. по авг. 1922 гг.; в) с сент. 1922 по февр. 1926 гг. ²

6) Два машинописных сборника, объединяющие фактически все стихи, написанные М. С. Альтманом за его долгую жизнь: «Неумирающий лебедь» (1978) и «Пестрый фараон» (1979). Часть стихов была опубликована благодаря любезности И. А. Мамонтова в кн.: US.

Особенный интерес среди вышеперечисленных материалов представляет подлинник «Разговоров с Вячеславом Ивановым», на основании знакомства с которым можно утверждать, что публикация, осуществленная в Тартуских записках ³, — монтаж, усеченный вариант, причем более двух третей текста до сих пор оставалось в рукописи. Появившуюся в печати часть

¹ Дневники более раннего времени были уничтожены М. С. Альтманом в 1919 г. В конце 1970-х гг. ученый попытался восстановить события детства и юности в «Автобиографии» (см. с. 286—315 наст. издания). Отметим также, что отрывки из позднейших дневников М. С. Альтмана, посвященные М. Волошину, опубликованы В. П. Купченко и З. Д. Давыдовым в кн.: Воспоминания о М. Волошине. М., 1990. С. 583—589.

² Дневник с апр. по дек. 1921 г., по-видимому, утрачен безвозвратно.

³ Альтман М. С. Из бесед с поэтом В. И. Ивановым (Баку, 1921 г.) / Примеч. М. Э. Коор // УЗ ТГУ. С. 304—325.

«Разговоров» можно фактически рассматривать как результат автоцензуры, ибо изменения, вносившиеся М. С. Альтманом, были вызваны системой идеологических установок, господствовавших в советском обществе 1960-х гг.; свежи были в памяти ученого и события его жизни в 1940-е гг.⁴

Несомненны заслуги З. Г. Минц (автора предисловия) и М. Э. Коор (составителя примечаний), способствовавших первому знакомству с этим замечательным памятником русской культуры XX столетия; однако, даже учитывая уровень изученности наследия В. И. Иванова в 1960-е гг., нельзя согласиться с общей концепцией «Разговоров» как «записей дневникового характера», предложенной З. Г. Минц. Вряд ли усеченный текст давал также материал для утверждения, что ряд критических суждений, высказанных В. И. Ивановым по адресу собратьев по литературе, отражал «горькое осознание того самого „кризиса символизма“, который для Ал. Блока стал свершившимся фактом уже к началу 1910-х гг.»⁵. Столь же спорным было, на наш взгляд, положение исследовательницы, что и В. И. Иванов, и А. А. Блок, и В. Я. Брюсов «до победы революции... считали главной задачей этой революции разрушение культуры, а в годы после Октября — восстановление непрерывной культурной преемственности»⁶.

«Разговоры с Вячеславом Ивановым» не просто «записи дневникового характера», это своеобразный литературный

⁴ Напомним вкратце биографию Моисея Семеновича Альтмана (еврейское имя — Эли Мойше б. Шимон га Леви Альтман; 4 (17) июня 1896 — 12 мая 1986) по неопубликованным материалам из его архива: родился в Улле (местечко в Витебской губернии) в хасидской семье, начальное образование получил в хедере; в 1906—1914 гг. учился в гимназии в Баку; в 1914—1917 гг. на медицинском факультете Киевского университета; в течение 1917—1919 гг. принимал активное участие в установлении Советской власти на Украине; в 1919-м переезжает в Баку, где в октябре следующего года поступает на историко-филологический факультет Азербайджанского государственного университета, с дипломом первой степени оканчивает его в 1923 г.; через два года поступил в аспирантуру Института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока в Ленинграде; в 1929-м защищает кандидатскую диссертацию «Семантика собственных имен у Гомера», в 1930-е гг. научная и преподавательская деятельность в вузах Ленинграда; в 1939 г. защищена докторская диссертация «Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера»; в 1942—1944 гг. заключенный сталинских лагерей (реабилитирован в 1955-м), затем профессор в провинциальных педагогических институтах, с 1959 г. — на пенсии. Автор примерно ста исследований по истории русской и античной литератур, переводчик с классических языков.

⁵ УЗ ТГУ. С. 302.

⁶ Там же. С. 303.

памятник, построенный по образцу знаменитых «Разговоров с Гете» И. П. Эккермана, упоминание о которых в тексте М. С. Альтмана отнюдь не случайно, о чем свидетельствуют и дневниковые записи: «Наши темы касаются разнообразнейших предметов и тем, и мне приходит в голову мысль, не следует ли мне все эти наши разговоры записывать, не выйдет ли тогда книга, подобная „Разговорам“ Эккермана с Гете. Тем более что (без ложной скромности) в данном случае и „Эккерман“ (я) не без некоторой значительности» (9 янв. 1921 г.). Укажем также, что 20 сентября 1921 г., как явствует из текста «Разговоров», В. И. Иванов не скрыл от своего собеседника, что в полученном из Тифлиса приглашении он был назван «славянским Гете».

М. С. Альтман не был для своего величественного собеседника просто студентом, ибо в 1920 г. в Баку был опубликован сборник его юношеских стихов «Серебряный кладезь». Поэтическое дарование дает М. С. Альтману право иногда на равных делиться мыслями со старшим собратом по перу, что сделало «Разговоры» и памятником литературного ученичества, и увлекательной литературной игрой двух поэтов, предстающих в блеске импровизаций, и курсом пропедевтики символизма. О том же свидетельствует и колебание в означении имени собеседника — то это литера «В» (т. е. Вячеслав), связанная с традицией русского Парнаса начала XX века, то инициалы «В. И.», напоминающие об академическом статусе В. И. Иванова в Бакинском университете⁷.

⁷ О преподавательской деятельности В. И. Иванова в Баку см.: Историко-филологический факультет, ФОН и Педфак А. Г. У.: (Краткий отчет за время с 1919 по 1925 г.) // Известия Азербайджанского государственного университета имени В. И. Ленина. Т. 2—3. Общественные науки. Баку, 1925. С. 329—336; Из отчета Педагогического факультета Азербайджанского государственного университета за 1924—25 уч. год // Там же. Т. 4—5. Баку, 1925. С. 369—370; *Маковельский А. О.* Аз. ГУ им. В. И. Ленина: Первое десятилетие. 1919—1929. Баку, 1930; *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // УЗ ТГУ. С. 326—338; *Лаппо-Данилевский К.* Вячеслав Иванов и Алексей Крученых в споре о Ницше и Достоевском // СМР. Р. 401—412.

Напомним также, что беседы, подобные «Эккермановым», имели место не только во время преподавания В. И. Иванова в Бакинском университете, но и на 10 лет ранее — ср. характеристику, данную о С. Булгаковым А. В. Ельчанинову: «В дружеских кругах его звали Эккерманом при Вяч. Иванове...» (*Ельчанинов А.* Записи. 5-е изд. Paris, 1978. С. 20). Об этих разговорах можно составить лишь неполное мнение по опубликованным отрывкам их записей (см.: Вестник РХД. 1984. № 142. С. 60—65).

Принадлежность к единому «задорному цеху», подверженность общей «высокой болезни» порой стирают возрастную грань между собеседниками, хотя подчас между ними ощутима пропасть — убеленный сединами мудрец беседует с юношей, зрелый философ — с робким искателем истины, средневековый мастер — с учеником, затаив дыхание, внимающим учителю. В этих перепадах, в постоянной смене фокуса, перемене ролей перед нами предстает В. И. Иванов как подлинный мастер диалога, направляющий разговор в то или иное русло, неизменно придающий ему занимательность. Поэтому подлинным автором текста (точнее, его «организатором») нужно признать В. И. Иванова, хотя на титульный лист, как и в книге бесед с Гете, вынесено имя его «совопросника».

Без краткой характеристики материалов, которые были исключены М. С. Альтманом из текста, готовившегося к публикации в 1968 г., вряд ли возможно осознание ценности его полного варианта, что побуждает нас уделить некоторое внимание этому вопросу. В первую очередь было устранено все хотя бы отдаленно связанное с идеалистическими воззрениями В. И. Иванова — толкования библейских и талмудических текстов, евангельских притч, рассуждения о смертной казни и заповеди «не убий», о мистическом смысле любви, о демоничности всякой культуры и об освобождении через движение, о фаллической символике камня в Библии, о значении праздника Успения в русской жизни, о демократизме науки и аристократизме культуры, о Боге как внутреннем опыте, о восточных культах и т. д. Столь же последовательно были изгнаны размышления о наследии А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О. Вейнингера, Н. Ф. Федорова, о П. Флоренского, о несостоявшейся встрече с главой европейской антропософии Р. Штейнером, о нарушавших рационалистическую картину мира опытах Велимира Хлебникова по предсказанию будущего... и т. д.

Литературные суждения также подверглись фильтрации — в первую очередь было устранено почти все связанное с именем Ф. М. Достоевского (об изображении И. С. Тургенева в романе «Бесы», о соотношении творчества Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, о символическом значении образов главных героев в романе «Братья Карамазовы»), удалены в высшей степени резкие отзывы о В. Я. Брюсове, а также восхищенные

реплики о произведениях Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, способных смутить чинную советскую благопристойность.

Национальный вопрос, по мнению официальной идеологии 1960 гг., был уже успешно разрешен, чем оказалась предопределена судьба столь важной оппозиции, как противопоставление В. И. Иванова в качестве представителя новозаветной культуры М. С. Альтману как продолжателю традиции ветхозаветной. Отметим, что этот условный образ собеседника в значительной степени противоречил биографии М. С. Альтмана, получившего светское образование, отличавшегося в это время симпатиями к большевизму. Тем не менее, подобное противопоставление не могло не придать особенную значительность суждениям В. И. Иванова о природе русского национального характера, о красоте произведений Х. Н. Бялика и т. д. — напомним, что неославянофильские чаяния были присущи В. И. Иванову во второй половине 1910-х гг., когда он сблизился в Москве с С. Н. Булгаковым, о. П. Флоренским, В. Ф. Эрном и др.

Находясь наедине со своим учеником, В. И. Иванов не скрывал своего неприятия большевизма, чем вызвано значительное число купюр политического характера: исключено пространное рассуждение о принципах новой власти, о симпатиях к ней Р. Роллана и А. Франса, о всякой революции как великом зле и т. д. Необходимо отметить, что, хотя победа большевиков и стала причиной гибели многих близких ему людей, лишила его материальной обеспеченности, в своих оценках происходящего В. И. Иванов менее всего был движим личными чувствами — неприемлемы для него были в первую очередь общие принципы, которыми руководствовалась пришедшая к власти партия. В первые пореволюционные годы завершается поэма «Человек», создаются «Песни смутного времени», «Зимние сонеты», «Переписка из двух углов». На всех этих произведениях лежит печать страдания, трагической просветленности, делающая их особенно пронзительными.

Весьма существенно для верного понимания «Разговоров» знание обстоятельств послереволюционной биографии В. И. Иванова — как известно, хлопоты о выезде за границу, тем более необходимом в связи с болезнью В. К. Ивановой, жены поэта, оканчиваются неудачей, уже назначенная командировка за границу отменяется: «Когда Луначарский выхлопатывал

командировку Бальмонту и Вячеславу, он попросил их дать ему лично честное слово, что они, попав за границу, хотя бы в первые один или два года не будут выступать открыто против Советской власти. Он за них ручался. Они оба дали это слово. Но Бальмонт, который выехал первым, как только попал в Ревель, резко выступил против Советской России. В результате этого выступления Бальмонта командировка Вячеслава была аннулирована»⁸.

Смерть жены 8 августа 1920 г. и ужас перед новыми трагедиями московской зимы побуждают 54-летнего поэта отправиться с двумя детьми из Москвы на юг в надежде некоторое время прожить в санатории в Кисловодске⁹, откуда семья поэта была изгнана приближением театра военных действий. Добравшись до Баку, В. И. Иванов обретает здесь тихую пристань на несколько лет — 19 ноября 1920 г. он был единогласно избран ординарным профессором по кафедре классической филологии, ему была предоставлена для проживания отгороженная часть вестибюля в здании Университета (прежняя «курилка»), ставшая пристанищем его семьи. Именно здесь в течение более чем года ведутся беседы поэта с Альтманом, которые, на наш взгляд, можно также рассматривать как противостояние художника окружающей действительности. К «Разговорам» поэтому вполне применим отзыв Анны Ахматовой о «Зимних сонетах» В. И. Иванова: «...а вот то, что он мог в 1919 году, когда мы все молчали, претворить свои чувства в искусство, вот это что-то значит»¹⁰.

В Баку В. И. Иванов, отличительной чертой которого была доброжелательность к молодежи, активно включается в университетскую жизнь, много времени отдавая не только

⁸ Иванова Л. Восп. С. 86.

⁹ Дата отъезда из Москвы устанавливается по следующей записи, сделанной В. И. Ивановым в альбом А. И. Ходасевич:

«В столь тяжкое для меня время довелось мне раскрыть эту тетрадь, что не могу найти ни рифмы, ни слов, счастливо окрыленных, чтобы оставить в ней мой скромный след. К тому же торопят сроки: через несколько часов предстоит мне исполнить завет пушкинской Дженни („Уходи куда-нибудь...“), — судьба указывает мне дорогу — на Кавказ... Узнайте же и под этою власяницею печального путника Вашего давнего знакомого, Анна Ивановна, всегда глядевшего на Вас с сердечною симпатией, друга Вашему брату Георгию, искреннего ценителя поэзии Вашего милого мужа Владислава.

28 августа 1920. Вячеслав Иванов» (РГАЛИ, ф. 537, оп. 1, № 127, л. 39).

¹⁰ Струве Н. Восемь часов с Анной Ахматовой // Ахматова А. Собрание сочинений. Мюнхен, 1968. Т. 2. С. 340.

преподаванию, но и встречам, беседам с учениками. Постепенно условия жизни нормализуются — обретя верный кусок хлеба, В. И. Иванов наконец смог предаться научным изысканиям. Свое состояние в первые годы пребывания в Баку поэт лучше всего выразил в письме другу юности историку-медиевисту И. М. Гревсу от 12 мая 1922 г., в котором он в первую очередь писал о своей творческой опустошенности («Муза моя, кажется, умерла вовсе»):

«Университет, где я занимаю кафедру классической филологии, мне мил. Он имеет около 2000 студентов, достаточное число действительно выдающихся ученых сил, работает дружно всеми своими аудиториями, семинариями, лабораториями и клиниками, печатает исследования, пользуется автономией и, по нашему времени, представляет собою зеленеющий маленький оазис среди академических развалин нашей родины. Живу я в своем кабинете классической филологии с широким балконом (вернее, альтаной, ибо здание в стиле немецкого ренессанса), с которого вижу голубую бухту, и далекие высокие берега, и мачты. Живу в одной комнате, тут же, через коридор, с Лидией и уже почти 10-летним Димой. Лидия изучает контрапункты и фуги и пишет хорошие композиции, у нее есть рояль Бехштайн. Вокруг меня ревностные ученики. Мы на юге, на широте Мадрида. Я доволен и Югом, и чисто иератической деятельностью. Будь только книги в достаточном количестве, я бы ничего другого не хотел, как φιλολογεῖν καὶ φιλοκαλεῖν¹¹. Прощусь за границу, обещают, говорят, денег нет...»¹².

Несмотря на все вышесказанное, нельзя недооценивать и роль М. С. Альтмана в создании «Разговоров» — по всей видимости, беседы с В. И. Ивановым поверялись бумаге его «совопросником» либо в тот же вечер, либо на следующее утро, либо через некоторый срок, что априорно позволяет предполагать некоторые aberrации. Дата, таким образом, отражает момент записи разговора, а не день ведения беседы (повторение дат в тексте с уточняющими «два дня назад», «вчера», «сегодня» поэтому в высшей степени закономерно). Весьма существенным было также различие жизненного опыта и уровня образованности В. И. Иванова и М. С. Альтмана, что стало

¹¹ Изучать филологию и совершенствоваться (*греч.*).

¹² СПбО А РАН, ф. 726, оп. 2, № 127, л. 122 об.

причиной многих неточностей, исправлявшихся нами без оговорок (например: «хиротонический» вместо «хтонический», «Селена» вместо «Семела», «Столпотворение истины» вместо «Столп и утверждение истины», «Кожевенников» вместо «Кожевников» и т. д.; крайне неточны также иностранные цитаты). На конец 1921 г., как явствует из дневников М. С. Альтмана, падает конец его «увлечения» В. И. Ивановым (ср. запись от 9 янв. 1922 г.), чем оказалась предопределена судьба «Разговоров», завершают которые несколько во многом случайных отрывков.

Наше положение, что «Разговоры» являются своеобразным литературным памятником, подтверждается и тем фактом, что параллельно с записями бесед с В. И. Ивановым М. С. Альтман вел дневники, где нашли отражение разнообразные события его жизни.

Именно дневники дают адекватное представление о М. С. Альтмане, которому была свойственна крайне высокая оценка собственной личности, а потому, видимо, и предельное внимание к любому, даже самому незначительному, факту своей биографии. Он постоянно находился во власти каких-либо настроений, отдаваясь им искренне и целиком: «Так быстро увлекаюсь я. Чем я только не увлекался, чему я только не сочувствую. Я и коммунист, и эсер, и меньшевик, и монархист, и республиканец; я и толстовец, и хасид, и ницшеанец, и шопенгауэрианец. Я за всех, я за всё, и я ничей и ничто. Я раздираем на все атомы, я миллиард частей без единого целого, без синтеза, тысячи возможностей, ни одной действительности, периферия без центра, мир без Творца, толпа без героя, история без апофеоза, жизнь без гения» (24 сент. 1920 г.).

В начале 1920 г. М. С. Альтман с сочувствием следит за приближением Красной Армии к находящемуся под властью мусаватистов Баку. Так, с восторгом описывает он портрет Ленина, попавшийся ему случайно на глаза: «В маленькой типографии, где печатаются мои стихи, на грязной пятнистой стене висит портрет Ленина. Как это трогательно! Некогда висели (по принуждению начальства) портреты царские и мундирных сановников, ныне — в обыкновенном, будничном, чуть ли не стареньком костюме — висит портрет истинного друга рабочих и борца за их интересы — Ленина. В этом знамение времени» (10 марта 1920 г.).

Однако, когда большевики 28 апреля 1920 г. заняли столицу Азербайджана, М. С. Альтман, еще год назад фанатически веривший в мировую революцию и ей служивший, заносит в свой дневник следующую запись: «Я, конечно, очень рад торжеству в Баку Советской власти. Но как-то переживаю его исключительно умом. Сердце праздно, не празднично. Все равно всё. Примелькалось. И революция и реакция опостытели. Я в революционном смысле, должно быть, типичный обыватель, всякую власть приемлющий, со всяким режимом государственным примиряющийся. Русская революция встречает уже четвертый раз первомайский праздник. При моей памяти и тоске от повторений каждый год один и тот же праздник уже не праздник, а будни. Да, идут социалистические будни, и я, мысленно пережив уже всю революцию вплоть до полного ее торжества, чувствую себя уже по „другую сторону“. Я уже анархист-индивидуалист на второй день мировой коммуны» (28 апр. 1920 г.).

Здесь же, на страницах дневника, вскоре находят себе место размышления М. С. Альтмана о конкретных деяниях новой власти: «Местная ЧК стала себя заявлять: расстреляно 69 человек — и еще, и еще. Доколе, Господи? Не довольно ли? О, сколько пребываем мы в чистилище, когда же, наконец, будем в раю? Будем ли вообще? Есть ли дорога сквозь гробы? Как проберемся мы сквозь все эти с каждым днем растущие кладбища?» (13 окт. 1920 г.).

Столь же подвержена была душа М. С. Альтмана религиозным веяниям, впрочем, как и их оттокам, — периоды невоздержности сменяются постами и раскаянием; он изучает Библию с рабби Меюхесом, молится, ходит в синагогу и вновь поддается мирским соблазнам. То он ощущает себя продолжателем еврейской культурной традиции и считает, что ему нужно совершенствоваться в иврите и писать на этом языке, то ощущает себя оторванным от корней: «Я еврей, и, преломленный через сотни самых разнообразных призм, я, однако, все тот же изначальный. Не оттого ли мне и так трудно писать стихи, ведь поэзия вся в языке, а язык русский — не мой, не родной, к 10 годам я только начал на нем говорить, узнал его из книг и разговоров с евреями, говорящими на русском языке, а не с исконными русскими, не жил никогда в русском городе (только на окраинах: детство, до 9 лет, в исключительно

еврейском местечке Витебской губернии — Белоруссия, с 18 до 23 в Киеве и Чернигове — Украина, с 10 до 18 и последние два года, 24—26, в Баку — Кавказ). Так что русская речь мне плохо знакома. И все же это единственный язык, которым я владею, и все, что я имею сказать, я вынужден выразить именно на нем» (18 марта 1922 г.).

Дневники М. С. Альтмана дают бесценный материал для анализа его непростых отношений с В. И. Ивановым, о котором он спустя два года после первой встречи писал: «Раньше все в В. казалось Откровением: не потому ли, что весь он был для меня Тайна? Теперь не скажу, чтоб тайна эта передо мной разоблачилась. Нет, но... переоблачилась; оделась в серенький привычный цвет ежедневности, в милом, но несколько заношенном, чуть-чуть запыленном домашнем халатике. В туфлях и халате шествует теперь передо мной Тайна его» (2 марта 1922 г.).

Несмотря на усилившиеся расхождения, В. И. Иванов неизменно покровительствовал научной деятельности своего ученика, хлопотал о его оставлении при Университете¹³. Вместе с тем все большее количество времени поэт уделял своим новым студентам и участникам артистического кружка «Чаша», собиравшегося в его доме.

Достаточно показателен и тот факт, что в Москву на Пушкинские торжества В. И. Иванов берет другого своего ученика, известного впоследствии литературоведа В. А. Мануйлова; их отъезд из Баку состоялся 28 мая 1924 г. Через несколько дней вслед за ними в путь отправился М. С. Альтман (7 июня он

¹³ См.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 330—331. В добавление к опубликованному исследователем отзыву В. И. Иванова о М. С. Альтмане от 13.VI.1923 приведем текст аналогичного неизвестного документа от 24.XI.1923 (автограф хранится в архиве М. С. Альтмана): «Моисей Семенович Альтман блестяще окончил весной с. г. курс словесного отделения Факультета общественных наук Аз. Гос. Университета с прекрасною научною работою, которую с успехом публично защитил на выпускном коллоквиуме, и был оставлен Факультетом и утвержден Советом Университета в качестве научного сотрудника при занимаемой мною кафедре. Альтман специально занимался историей и теорией словесности и поэтикой. Известные университету его работы обнаруживают в авторе, помимо научной подготовки, тонкое понимание художественных красот и формы произведений словесности; автор сам талантливо владеет стилем прозы и стихотворною формою, чему дальнейшим доказательством служат его оригинальные художественные сочинения (его ранние стихи изданы отдельною книжкой). Поэтому Альтман может с успехом преподавать в средней школе словесность и русский язык.

Профессор Аз. Гос. Университета Вячеслав Иванов.
24.IX.1923».

записал в дневнике: «Я уже четвертый день в Москве...»), пребывание которого в столице продлилось около двух недель¹⁴. О том, что произошло между В. И. Ивановым и М. С. Альтманом здесь, можно лишь догадываться по записи, сделанной уже в Ленинграде: «В сущности, я постыдно разлучился с Вячеславом. Это было почти бегство из Москвы. Прикрывая стыд, я „условился“ с ним, что он даст мне телеграмму перед отъездом, дабы я приехал в Москву с ним проститься. Но и я, и он оба знали, что ничего этого не будет, что я в Москву не вернусь. Конечно, я даже и письма ему отсюда не написал и адреса своего не сообщил, почему? Да потому что я отрекся от него, и меня даже коробит, когда наши имена связывают. Помню, как за два дня до отъезда говорил он мне: „Ну что ж, поезжайте: не увидимся в России, за границей увидимся, не увидимся на земле, увидимся в хтоническом царстве...“» (21 сент. 1924 г.).

Встреча в Москве была последней, однако, парафразировав слова Н. А. Бердяева о В. И. Иванове («в конце концов люди от него уходили»)¹⁵, можно утверждать, что поэта не только покидали, но к нему и возвращались. С годами для М. С. Альтмана становилось все яснее, что знакомство с В. И. Ивановым было самым значительным событием его жизни, — позднее он неоднократно перечитывал «Разговоры», и многие мысли, почерпнутые из них, нашли отражение в его стихах, поэтому не будет преувеличением высказывание о том, что диалог учителя и ученика не был прерван их разлукой.

В заключение хотелось бы выразить благодарность Д. В. Иванову и А. Б. Шишкину за предоставление ряда материалов из римского архива В. И. Иванова. Данная работа вряд ли также увидела бы свет в своем нынешнем виде, если бы не просвещенное сочувствие К. М. Азадовского, Н. А.

¹⁴ 16 июня 1924 года в Москве было также написано рекомендательное письмо, в котором В. И. Иванов, обращаясь к В. М. Жирмунскому, всячески рекомендовал М. С. Альтмана для продолжения академической деятельности (см. с. 284—285 наст. издания). Этот текст следует, на наш взгляд, рассматривать как стремление окончить отношения с «мятежным учеником» на светлой ноте. Отметим также, что эти академические рекомендации неизбежно вступают в противоречие с характеристикой, данной В. И. Ивановым в письме от 3 ноября 1926 года: «...Альтман, как известно, лентяй, ветрогон и вечный дилетант» (Иванова Л. Восп., с. 16).

¹⁵ Бердяев Н. Самопознание: (опыт философской автобиографии). Париж, 1983. С. 178.

Богомолова, В. А. Дымшица и его родных, С. А. Завьялова, А. И. Зайцева, В. Б. Кудрявцева, О. А. Кузнецовой, К. А. Кумпан, А. В. Лаврова, Г. В. Обатнина, В. А. Рудича, М. Д. Эльзона и некоторых других.

Отметим также, что ссылки на брюссельское собрание сочинений В. И. Иванова (т. 1 —4. 1971—1987) даются в тексте комментариев с указанием тома и страницы; помимо общепринятых, использованы также сокращения, список которых приведен отдельно.

Пока настоящая книга печаталась, были опубликованы посвященные В. И. Иванову десятый номер журнала «Новое литературное обозрение» и два исследования Майкла Вахтеля¹⁶. К сожалению, содержащаяся в них информация уже не могла быть учтена в комментариях.

¹⁶ Новое литературное обозрение. 1994. № 10; *Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vjacheslav Ivanov*. Madison; London, 1994; *Vjačeslav Ivanov. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlaß / Hrsg. von M. Wachtel*. Mainz, 1995.

КОММЕНТАРИИ

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ МОИСЕЮ АЛЬТМАНУ

Данный стихотворный цикл В. И. Иванова впервые печатается в последовательности, соответствующей авторской воле, что имеет важное значение для его понимания. Стихи являются запоздалым ответом на публикуемые ниже стихи М. С. Альтмана, обращенные к В. И. Иванову в 1921 г.; они были написаны, когда расхождение собеседников стало очевидным (хотя к началу 1923 г. наметилось некоторое сближение), чем и вызвана, на наш взгляд, настороженность тона В. И. Иванова: он чувствует в М. С. Альтмане и друга, и антагониста. Обращаясь к первому из них («Тому из двух в одном, со мной делившим // Беседы прямодушной хлеб и соль...»), поэт предоставляет времени решить, правильно ли он сделал, доверившись «мятежному ученику». Двойственность поведения М. С. Альтмана вызвана, по всей видимости, его стремлением следовать двум культурным традициям, ветхозаветной и новозаветной («А если две поют в тебе души, // Люби жену, рабыню разреши...»), что становится причиной его ущербности и несвободы, преодолеть которые можно лишь обретя целостность, поэтому столь важен заключающий цикл стих, аллюзионный по отношению к сложному комплексу идей, связанных в первую очередь с именем Ф. М. Достоевского («Найди себя: кто весь, — всечеловек»). I. *«Мятежному добро ль ученику...»* — *Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 294—295. (Б-ка поэта. Малая серия.)* Также: IV, 89. Печ. с уточн. авторской пунктуации. *Как у огней струистых над Баку... — «...о так называемых „Вечных огнях“ в окрестностях Баку. Само слово „Азербайджан“ означает — огнеродный; Баку — „город ветров“»*

(Примеч. М. С. Альтмана; IV, 721—722). Несомненно также, что В. И. Иванов имел в виду характерную особенность бакинского пейзажа — факелы нефтяных приисков. В своем примечании М. С. Альтман высказывает распространенное в 1920-е гг. мнение о значении топонима «Азербайджан»; в действительности он происходит от имени сатрапа Дария III — Атропата, что в переводе значит «хранимый священным огнем». *Как лютия жизни мертвого Саула* — 1 кн. Цар. 16, 14—23.

II. «Я с младостью живой не разноречу...» — III, 826—827; IV, 89. Печ. с уточн. текста по автографу.

III. «Эли-Мойше! Ты с эллином был эллин...» — IV, 88. Печ. с уточн. текста по автографу. *Ловил мне рыб в Гомеровых морях...* — «Строки 2—4 сонета имеют в виду мои изыскания по Гомеру» (Примеч. М. С. Альтмана; IV, 721). Ср. также в «Автобиогр.» М. С. Альтмана (гл. «Снова в Баку»).

Люби жену, рабыню разреши... — ср.: Быт. 16, 1—26; 21, 9—21.

Жестоковыйный — т. е. строптивый, непокорный (*греч.* — σκληροτράχηλος). Так библейские пророки называли упорствовавший в заблуждениях Израиль.

Мертвел утес, но жезл его рассек... — об иссечении Моисеем воды из скалы (Исх. 17, 1—7). Ср. «Разг.» от 28 янв. 1922 г.

Алатырь — русский фольклорный образ; загадочный волшебный камень (стойкий эпитет — «бел горяч»), упоминается в сказаниях и заговорах. В «Голубиной книге» связывается с преданиями о камне, положенном Христом в основание Сионской церкви.

МОИСЕЙ АЛЬТМАН ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Цикл из четырех сонетов публикуется по машинописному авторизованному сб. «Неумирающий лебедь» (1978; с. 180—183); из них только первый был напечатан ранее. Три начальных стихотворения написаны в идиллический период отношений собеседников, и лишь заключительное — три года спустя.

I. «Народов всех в тебе стихий союз...» — US, p. 185. Также: III, 827. Суждения В. И. Иванова о сонете см. в «Разг.» от 21 янв. 1921 г. Первые два катрена являются вариацией на тему

высказывания Версилова в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» (1875). См. подробнее в коммент. к вышеупомянутому отрывку «Разг.».

...несть эллина, несть иудея. — 1 Кор. 12, 13; Гал. 3, 28.

СНОТОЛКОВАНИЕ

Об обстоятельствах написания этого цикла см. в дневн. М. С. Альтмана от 26 февр. 1923 г. Интерес к снам был вызван увлечением М. С. Альтмана идеями З. Фрейда, с которыми его знакомил Г. А. Харазов (о нем см. подробнее в коммент. к «Разг.» от 20 июня 1921 г.). Как и сонеты В. И. Иванова, опубликованные выше, эти стихи М. С. Альтмана были написаны в период нового сближения учителя и ученика, состоявшегося в нач. 1923 г.: «С Вячеславом у меня вновь эпоха „доверия“. Мы почти ежедневно засиживаемся в сладостных беседах до 3-х ночи. Так вот было с нами два года назад, когда моя душа горела. Теперь не горит, за спиной опыт огня и пепла, но временами светится — и, просвещаясь, просвечивает...» (дневн. от 26 февр. 1923 г.).

Текст сонетов почерпнут из рукописного сб. «Неумирающий лебедь» (С. 184—185). Публикуются впервые.

I. С женою, с Верой... — о Вере Константиновне Ивановой, урожденной Шварсалон (1890—1920), третьей жене В. И. Иванова (с 1911), см. подробнее в коммент. к «Разг.» от 9 февр. 1921 г.

М. С. АЛЬТМАН РАЗГОВОРЫ С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ

7-го ноября — Дата указана по старому стилю. Первый разговор между М. С. Альтманом и В. И. Ивановым состоялся через 5 дней. (См. дневн. от 24 нояб. 1920 г.).

Четыре года был он с нами — Официальная дата начала работы в Баку — 19 нояб. 1920 г., когда Научная ассоциация Бакинского университета закрытой баллотировкой единогласно утвердила В. И. Иванова в должности профессора. В течение

четырёх последующих лет он ведет семинарии, читает лекции по древней и новой литературе (как русской, так и западной), истории религии и европейской философии; преподаёт древние и новые языки. Событием в культурной жизни Баку стали публичные лекции В. И. Иванова, неизменно собиравшие полные аудитории, а также его участие в обсуждении стихов Г. А. Харазова, А. Е. Крученых, Ю. Е. Дегена и др. (См. подробнее: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // *УЗ ТГУ*. С. 326—339.) Преподавание в университете прекратилось незадолго до 28 мая 1924 г., когда В. И. Иванов в сопровождении В. А. Мануйлова выехал в Москву на Пушкинские торжества. Получение визы в столице стало основанием для удовлетворения Бакинским университетом просьбы В. И. Иванова о «командировании за границу на 1 год с сохранением содержания, без пособия». После непродолжительного пребывания в Москве, описанного в мемуарах В. А. Мануйлова, 28 авг. 1924 г. В. И. Иванов уезжает с семьёй из Москвы в Рим.

*...он быстро оброс друзьями и учениками — об учениках В. И. Иванова в Бакинском университете, их дальнейшей судьбе и степени участия в артистическом кружке «Чаша» см. мемуары В. А. Мануйлова (*Мануйлов В.* О Вяч. Иванове. С. 352—353), а также воспоминания Л. В. Ивановой об отце (*Иванова Л.* Восп. С. 100—106). Особенно близкие отношения связывали В. И. Иванова с М. С. Альтманом, В. А. Мануйловым, К. М. Колобовой и Е. А. Миллиор, пронесшими через всю жизнь светлую память о своем учителе.*

Чеботаревская Александра Николаевна (1869—1925) — близкий друг семьи Ивановых, свояченица Ф. Сологуба, переводчица с французского и немецкого языков (произведения Г. де Мопассана, В. Гюго, А. де Ренья, А. Франса, Н.-Э. Ретифа де ла Бретонна, Г. Клейста и др.), литературный и театральный критик, автор статей, появлявшихся до революции на страницах «Русской мысли», «Русских ведомостей», «Речи» и т. д. Ее знакомство с В. И. Ивановым произошло зимою 1903 г. в Париже, в Школе общественных наук, организованной М. М. Ковалевским, где поэт читал курс лекций о культе Диониса и прадионисийстве. Ал. Н. Чеботаревская впоследствии подолгу гостила в семье Ивановых в Женеве, Петербурге, Риме, Москве, Баку. Об истории возникновения посвященных ей стихотворений В. И. Иванова «Кассандре» (1903), «Осенью» (1904),

«Повилики» (1906) см. ниже («Разг.», 5 окт. 1921 г.). История этой многолетней дружбы в значительной мере восстанавливается по письмам Ал. Н. Чеботаревской к поэту (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20—24, 30), с неизменной симпатией следившему за ее литературной деятельностью.

Особенно велико было участие В. И. Иванова в переводе «Мадам Бовари» Г. Флобера, выполненном Ал. Н. Чеботаревской (1 изд. — 1914); в нач. 1917-го она посчитала необходимым обратиться к поэту в связи с предполагавшимся переизданием перевода. Отказываясь от всяческих гонораров, В. И. Иванов писал ей из Сочи 14 февр. 1917 г.: «Отвечая на Ваш вопрос о моем согласии на переиздание у М. и С. Сабашниковых: в Москве сделанного Вами при моем сотрудничестве перевода романа „Госпожа Бовари“ (Гюстава Флобера), настоящим заявляю, что я, с своей стороны, на это переиздание согласен при условии, что имя мое не будет значиться на обложке и в заглавии книги (хотя упоминанию о моем частичном содействии переводу в предисловии переводчицы, если Вы непременно этого желаете, не препятствую)...» (ИРЛИ, ф. 189, № 92, л. 14). В связи с отъездом в 1920 г. на юг В. И. Иванов поручил Ал. Н. Чеботаревской ведение своих дел в Москве; в письме из Кисловодска от 27 окт. 1920 г. поэт сообщал ей о получении 30 тысяч рублей, переведенных ему через Центропечать (там же, л. 25).

Об обстоятельствах, вызвавших осенью следующего года приезд Ал. Н. Чеботаревской в Баку, подробно писала Л. В. Иванова:

«В эти два года, когда мы жили в курильне, к общим трудностям приложились еще разные невзгоды. У Димы [Димитрия, сына В. И. Иванова. — К. Л.-Д.] бывали очень опасные острые бронхиты с высокой температурой. Осенью 1921 г. я заболела брюшным тифом и пролежала в лазарете 60 дней, покинув двух моих бедных сирот. Тогда приехала в Баку, чтобы нас выручить, Александра Николаевна Чеботаревская, „Кассандра“. После 60 дней тифа с рецидивом наш милый доктор Тарноградский продержал меня в постели еще почти месяц, и на это время Кассандра взяла меня к себе в свою комнату. (Она сняла себе комнату в городе.) Она же выхаживала Вячеслава, когда у него в этот же период сделалась желтуха» (Иванова Л. Восп. С. 98—99).

19 авг. 1922 г., видимо, в связи с предполагавшимся отъездом Ал. Н. Чеботаревской в Москву, В. И. Иванов оформил на ее имя две доверенности, в первой из которых утверждалось ее «полное распоряжение имуществом», находившимся в бывшей квартире В. И. Иванова в Москве (Б. Афанасьевский пер., д. 4, кв. 3), а во второй — право на получение причитающихся ему гонораров и других денежных сумм (ИРЛИ, ф. 189, № 92, л. 63—65). Ал. Н. Чеботаревская была среди провожавших Вячеслава Иванова за границу 28 авг. 1924 г. (о ее душевной болезни и трагической гибели см.: П, 724—726). О посвящении «Разг.» памяти Ал. Н. Чеботаревской говорится лишь в предисловии, формально оно отсутствует.

...и если, по временам, и гневаемся... это гнев живого на живого — парафраз стиха эпиграммы В. И. Иванова «Странник и статуи» (1891; I, 626): «На живых то гнев живых!»

1921

10 января

«Трагический зверинец» — речь идет о сб. рассказов: *Зиновьева-Аннибал Л. Д.* Трагический зверинец. СПб.: Оры, 1907. Он включает новеллы «Медвежата», «Журя», «Волки», «Глухая Даша», «Чудовище», «Машка», «Царевна-Кентавр», «Черт», «Воля». После напечатания сборника сочувственные рецензии на него появились в ряде изданий; А. А. Блок, назвав эту книгу «замечательной», дал ей следующую характеристику в ст. «Литературные итоги 1907 года»: «...в последней книге писательница овладела словами — теми словами, которые она избрала себе в бездне языка, которых искала мятежно и наконец обузда, как диких коней; это — слова о забытом и страшном, которого мы дичимся, потому что оно поет о свободе, свистит, как ветер в уши. Вся книга говорит о бунте, о хмеле, молодости, о любви тела, о звериной жалости и о человеческой преступности. Об этом любят говорить утонченно; Зиновьева-Аннибал сказала об этом, как варвар, по-детски дерзостно, по-женски таинственно и просто, как может сказать человек, чего-то единственно нужного не передавший. Оттого книга рассказов „Трагический зверинец“ — одинаково волнует простые души и останавливает внимание одряхлевших под бременем литературного опыта» (Блок А. А. Собр. соч. в 8-ми т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 226).

Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна (1866—1907) — писательница-символистка, вторая жена В. И. Иванова. Их знакомство состоялось в Риме в 1893 г. благодаря И. М. Гревсу. Вспыхнувшая взаимная любовь, подобная, по словам В. И. Иванова, «весенней дионисийской грозе», привела его к разрыву с первой женой Д. М. Дмитриевской (1895) и соединила двух любящих. Возвратившись из-за границы в Петербург в 1905 г. окончательно, Ивановы сняли квартиру на Таврической улице; здесь на «башне» проходили знаменитые ивановские «среды» в 1905—1907 гг., объединявшие цвет русской артистической, литературной и философской интеллигенции. О роли Л. Д. Зиновьевой-Аннибал на этих встречах вспоминал Н. А. Бердяев в ст. «Ивановские среды»: «Душой, психеей „Ивановских сред“ была Л. Д. Зиновьева-Аннибал. Она не очень много говорила, не давала идейных решений, но создавала атмосферу даровитой женственности, в которой протекало все наше общение, все наши разговоры...» (Рус. лит. XX в. С. 99). Супружество с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал стало для В. И. Иванова, по его собственному выражению, «порою почти непрерывного вдохновения и напряженного духовного горения» (там же, с. 94). Вторая жена поэта скончалась от скарлатины 17 окт. 1907 г. в Загорье (поместье в Могилевской губернии), помогая бороться с эпидемией этой болезни среди крестьянских детей.

Principium individuationis — философский термин, заимствованный А. Шопенгауэром у средневековых схоластов. Несмотря на то, что М. С. Альтманом был предложен вариант перевода «принцип выделения», далее мы будем следовать воле В. И. Иванова, выраженной в статье «Ты еси» (1907; III, 267), где он перевел «*principium individuationis*» как «начало индивидуации». Согласно учению немецкого философа, мировая Воля, будучи «вполне различна от своего явления и вполне свободна от всех его форм», реализуется в объекте как множество через пространство и время (см.: Шопенгауэр А. Мир как Воля и представление / Пер. А. Фета. 4-е изд. СПб.: Изд-во Маркса, б. г. С. 115).

«Нет» — речь идет о кн.: Зиновьева-Аннибал Л. Д. Нет! Рассказы / Посмертное изд. под ред. Вяч. Иванова. Пб.: Алконост, 1918. Название книге было дано В. И. Ивановым. Ср. «Разг.» от 16 янв. 1921 г.

...безысходность, кружение в себе самой Воли — согласно А. Шопенгауэру, мир есть не что иное, как порожденные единой Волей представления, а их разрушение — лишь возвращение к своему источнику.

...когда этот рассказ впервые появился в «Тропинке» — См.: Зиновьева-Аннибал Л. Д. Даша Глухая // Тропинка. 1906. № 18. С. 794—806; № 19. С. 825—838.

«Тропинка» — детский журнал, издававшийся поэтессой и драматургом Поликсеной Сергеевной Соловьевой (*Allegro*) в 1906—1912 гг. совместно с Н. Манасеиной. В нем сотрудничали А. Блок, С. Городецкий, Вяч. Иванов, А. Ремизов, Ф. Сологуб, З. Венгерова, А. Толстой, К. Чуковский и др. В. И. Иванов высоко ставил лирику Поликсены Соловьевой, сестры столь ценимого им философа В. С. Соловьева (о его отношениях с В. И. Ивановым см. в коммент. к «Разг.» от 5 окт. 1921 г.); в своей ст. «Поликсена Соловьева (*Allegro*) в песне и думе» он утверждал, что основную идею ее лирики составляет «путь личности ввысь, путь к чуду — земная верность и преобразование личной любви в гранях личной жизни» (Рус. лит. XX в. С. 174; ей посвящено три стих. В. И. Иванова — см. II, 318—319, 328—330).

Русский народ... или Богоносец (Христофор), или сатаносец — после революции 1917 г. в высказываниях В. И. Иванова о русском национальном характере все большее место занимают суждения о его антиномичности (об аналогичном процессе можно говорить применительно к Н. А. Бердяеву), переключаясь с раздумьями, выраженными в стих. «Мечь мечная» (1904):

За то, что ты стоишь, немея,
У перепутного креста,
Ни Зверя скиптр подъять не смея,
Ни иго легкое Христа...
(II, 251).

Подобные размышления сочетались у В. И. Иванова с суждениями о богоизбранности русского народа (впервые выражены в наброске «Евреи и русские» (1888—1889) — РГБ, ф. 109, к. 4, № 15), которая понималась как приверженность христианской идее: «Если народ наш называли „богоносцем“, то Бог явлен ему прежде всего в лике Христа; и народ наш — именно „Христоносец“, Христофор» («О русской идее», 1909; III, 336). Источник этой двойственности, как нам кажется,

коренится в следующем убеждении В. И. Иванова: «Основная черта нашего народного характера — пафос совлечения, жажда совлечься всех риз и всех убранств и совлечь всякую личину и всякое украшение с голой правды вещей. С этой чертой связаны многообразные добродетели и силы наши, как и многие немощи, уклоны, опасности и падения» (там же, с. 332).

Другие же, как Андрей Белый, во всех уклонениях от данного метра — видели ритм — начало стиховедческих штудий Андрея Белого относится к 1908 г., когда, изучив специальную литературу в этой области на русском и немецком языках, он приходит к выводу о том, что ритм определяется пропуском метрических ударений. Это основное положение было развито поэтом в статьях второй половины 1900-х годов: «Лирика и эксперимент», «Опыт характеристики русского четырехстопного ямба», «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре» и т. д. (см.: *Белый А. Символизм*. М.: Мусагет, 1910. С. 238—428), а также в ряде последующих работ.

В. Брюсов, выпустивший недавно учебник «поэтики» — имеется в виду кн.: *Брюсов В. Я. Краткий курс науки о стихе: (Лекции, читанные в студии стиховедения в Москве 1918 г.)*. Ч. I. Частная метрика и ритмика русского языка: (Основы русской метрики). М., 1919. Критический разбор этой, а также вышедшей на год раньше кн. В. Брюсова «Опыты по метрике и ритмике, по эвфонии и созвучиям, по строфике и формам» (М.: Геликон, 1918) см. в ст. В. И. Иванова «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (1922; IV, 640—642), а также в его рецензиях на ст. Р. О. Якобсона (РГАЛИ, ф. 2164, оп. 2, № 5) и Б. В. Томашевского (РГБ, ф. 109, карт. 5, № 82).

«Аттика и Галилея» — стихотворение В. И. Иванова (впервые в журн. «Вопросы жизни», 1905, № 8; вошло в «*Cor Ardens*»; II, 268). Каждый стих в нем представляет собой четыре стопы, разделенные обязательной цезурой, количество слогов в стопах варьируется. Несмотря на явную попытку использования опыта античной ритмики, стихотворение разделено на четверостишия с перекрестной рифмовкой.

...Минский исправляет Гнедичу метр — в предисловии к собственному переводу Илиады (*Гомер. Илиада / Пер. Н. М. Минского*. М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1896) поэт-символист Н. М. Минский (1855—1937) обосновывал необходимость

перевода Гомера «правильным гекзаметром» (только с дактилическими стопами), а не смешанным (чередованием хореических и дактилических), как у Н. И. Гнедича.

...Гете... Шиллера... старательно подгонял под метр — несомненное преувеличение. Дружба двух великих поэтов, возникшая в 1794 г. и продолжавшаяся до смерти Ф. Шиллера в 1805 г., была отмечена уважением творческой свободы друг друга. По всей видимости, М. С. Альтман неточно передает смысл высказывания В. И. Иванова, который в ст. «Гете на рубеже двух столетий» (1912) так определил роль дружбы с Шиллером в жизни Гете: «Но боги посылают ему великое ободрение и помощь в виде дружбы с Шиллером. Это было в 1794 году, когда Шиллер пригласил Гете вести вместе с ним и Вильгельмом Гумбольдтом издание журнала „Оры“. Прежде Шиллер, который был моложе Гете на десять лет, его побаивался, а Гете решительно хмурился на неистребимое в Шиллере идейное наследие годов „бури и натиска“. Отныне противоположность их душ должна была стать причиной не расхождения, а глубокого и плодотворного сближения. <...> Шиллер сделался для Гете не только глубочайшим ценителем его вдохновений, но и мудрым пестуном его замыслов» (IV, 135—136).

12 января

Вчера говорили о реализме и романтизме — наиболее полно свой взгляд на проблему соотношения этих литературных стилей был выражен В. И. Ивановым в ст. «Две стихии в современном символизме» (1908), где утверждалось, что в данном случае речь идет о двух «равнодействующих и соревнующих между собою принципах художественной деятельности»: «с одной стороны, принцип озаменовательный, принцип обретения и преобразования вещи, с другой — принцип созидательный, принцип изобретения и преобразования» (II, 546). Реализм, таким образом, ставит своей задачей «утверждение вещи, имеющей бытие», романтизм — «вещи, достойной бытия». Писатель-реалист стремится к объективной правде, романтик — к субъективной свободе, что приводит к выводу, что в первом случае реализм не только эстетическая норма, но и гносеологическая основа мирозерцания; во втором же — «философское убеждение в нормативном призвании автономного разума» (II, 547).

Сиповский Василий Васильевич (1872—1930) — литературовед, автор фундаментальных трудов о русской литературе XVIII в. В 1919—1922 гг. — профессор и проректор университета в Баку.

Ложноклассицизм — получивший во второй половине XIX в. широчайшее распространение литературоведческий термин для обозначения французского и русского классицизма (введен В. Г. Белинским в 1840 г. в ст. «Горе от ума»). При его употреблении анализ романтизма и классицизма как конкретно-исторических стилей заменялся оценочными суждениями, что тормозило объективное исследование проблемы. Хотя термин уже в конце XIX в. вызывал возражения ряда ученых и писателей (П. Д. Боборыкин, Ф. Д. Батюшков, А. А. Веселовский, Ф. Г. де ла Барт и др.), он не был в России изжит из школьного и университетского образования вплоть до 1930-х гг. Ср. в ст. О. Э. Мандельштама «О природе слова» (1922): «...ложноклассицизм — кличка, данная школьным невежеством и прилепившаяся к большому стилю».

Когда же писал «Кормчие звезды» — первая книга стихов В. И. Иванова, замысел которой встретил поддержку у В. С. Соловьева, объединила его стихотворения 1890-х гг. (*Иванов В. И. Кормчие звезды: Книга лирики. СПб., 1903; I, 513—706*).

Флоренский Павел Александрович (1882—1937) — ученый, философ и богослов. Его знакомство с В. И. Ивановым произошло еще на «башне» в 1908 г. Их сближение нужно отнести к 1915—1916 гг., оно отразилось в посвящении П. А. Флоренским В. И. Иванову работы «Не восхищение непщава: (К суждению о мистике)» (*Богословский вестник. 1915. №№ 7—8; отд. оттиск: Сергиев Посад, 1915*). О сотрудничестве при попытке публикации поэмы В. И. Иванова «Человек» и предполагавшихся к ней комментариях П. А. Флоренского см.: III, 737—738. Последний разговор П. А. Флоренского с В. И. Ивановым, содержание которого неизвестно, состоялся 9—10 июля 1924 г. во время посещения Ивановым Сергиева Посада, перед тем как он навсегда покинул Россию (см.: *Мануйлов В. О Вяч. Иванове. С. 358*).

...на Великом [Никейском] Соборе был великий спор — имеется в виду история догматических споров, вызванных появлением арианства. Впервые антиринитарные взгляды Арий сформулировал в 318 г., утверждая, что Сын не вечен, не существовал до рождения, не был безначальным. На состоявшемся в 325 г.

Никейском соборе арианство было осуждено как ересь, а в Символ Веры введено догматическое уточнение: ὁμοούσιος τῷ Πατρὶ («единосущный Отцу»). Последовавшие за Никейским собором длительные споры привели к окончательному торжеству омусианства на Константинопольском соборе 381 г., созванном Феодосием Великим. В своей кн. «Столп и утверждение Истины: Опыт православной феодицеи в двенадцати письмах» (М.: Путь, 1914) о. Павел Флоренский касается данной проблематики в III письме, посвященном Троиединству: «Вся сила таинственного догмата разом устанавливается единым словом ὁμοούσιος, полновластно выговоренным на Соборе 318-ти, потому что в нем, в этом слове, — указание и на реальное единство, и на реальное различие» (с. 54). Оценку этого события В. И. Ивановым см. в его ст. «Экскурс: О секте и догмате» (1912, II, 613).

...спор шел о букве «иот» — сведение проблемы Единосущия к вопросу об одной букве, возможно, содержит намек на учение Каббалы, одно из основных положений которого заключается в том, что Бог творит мир посредством тайны сжатия (Сод га цимцум). Бесконечный (Эн Соф) сжимает себя в букву «юд», которая является первой буквой священного имени Бога.

«Да минует Меня чаша сия» — Мф. 26, 39.

Адам Кадмон — в мистическом учении Каббалы духовное явление человеческой сущности до начала времен как первообраз для духовного и материального мира, а также для человека как эмпирической реальности. Мифологема Адам Кадмон (в переводе с евр. — человек первоначальный, проточеловек) была впервые употреблена Филоном Александрийским (ок. 25 до н. э. — до 50 до н. э.), объединившим представление раввинской теологии с платоновской концепцией идеи как вневременного образа вещи. Согласно апостолу Павлу (1 Кор. XV, 45—50), существует двойственная форма человеческого бытия: Бог создал небесного Адама для духовного мира, из глины — для мира материального. Полное развитие мифологема получила в пантеистически окрашенной каббалистической мистике XIII—XVIII вв.; затем была воспринята эклектической символикой масонства.

...и не от него ли все его «качества» — ср. название пьесы Л. Н. Толстого «От ней все качества» (1910).

Андроник, Луций Ливий (ок. 284 — ок. 204 до н. э.) — римский драматург, переводчик «Одиссеи» на латинский язык. Согласно Авлу Геллию, Светонию и др. источникам его биографии, прибыл в Рим как пленник в 272 г. до н. э., затем вольноотпущенник, преподаватель греческого и латинского языка. Постановку одной из его пьес в 240 г. до н. э. принято считать началом римского театра.

Цецилий, Стаций (220—168 до н. э.) — римский комедиограф, автор паллиат, происходил из галльского племени инсурбов, жившего на севере Апеннинского полуострова. Привезен в Рим ребенком, был рабом в доме римских граждан из дома Цецилиев. Литературную деятельность начал при Плавте, ок. 190 г. до н. э. Произведения известны лишь во фрагментах.

Теренций, Публий (195—159 до н. э.) — римский комедиограф, создатель благородного варианта комедии масок; раб по происхождению, получил образование в доме сенатора, затем отпущен на свободу; член кружка Сципиона Младшего, поэт высших кругов римского общества.

Плавт, Тит Макций (сер. III в. до н. э. — ок. 184 до н. э.) — римский комедиограф, мастер паллиаты. По происхождению — уроженец Умбрии; приехав в молодости в Рим, поступил служителем в театральную труппу, вскоре после этого становится профессиональным актером.

Невий, Гней (ок. 270—201 до н. э.) — римский драматург, создатель жанра претекст, автор поэмы о первой Пунической войне. Позволял себе резкие выпады против аристократии, что стало причиной его тюремного заключения, а потом и изгнания. Сохранился его стих против патрицианского рода Метеллов («Злой рок дает Метеллов Риму в консулы!») и лапидарный ответ Квинта Цецилия Метеллы, консула в 206 г. до н. э. («Погубит род Метеллов Невия-поэта»).

Лучшая комедия Плавта, по мнению Лессинга, — «Captivi» — имеется в виду соч. Г.-Э. Лессинга «Abhandlung von dem Leben und den Werken des Marcus Accius Plautus», опубликованное на страницах журн. «Beiträge zur Historie und Aufnahme des Theaters» в 1749—1750 гг. Оно содержало исследование о жизни и творчестве Плавта, перевод комедии «Пленники», ее критику и апологию. Завершая свою работу, Лессинг писал, что

«Пленники» не просто лучшее произведение Плавта, а лучшая из всех пьес, когда-либо ставившихся на сцене.

Гораций, хваля комедию [Цецилия] — см. Horatius, Ep., II, I, 59. Отметим, что латинское «gravitas» лучше передать в данном контексте как «мощь, сила», а не «тяжесть, тяжеловесность» (вариант, подразумевающийся М. С. Альтманом).

Недаром народ с комедии Теренция... побежал смотреть канатных плясунов — это событие упоминается в прологе к комедии Теренция «Свекровь», описывающем провал ее премьеры:

Когда впервые начал я играть ее,
Бойцов известных слава (ожидали тут
Канатных плясунов к тому ж), напор толпы,
Шум, крики женщин — это все принудило
Меня уйти со сцены раньше времени.

(Пер. А. В. Артюшкова.)

Но как жаль, ... что комедия Аристофана — размышления В. И. Иванова о комедии Аристофана были развиты им несколько лет спустя в ст. «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана» (1925; IV, 385—398).

16 января

«*Ты еси*» — ср. название ст. В. И. Иванова «Ты еси» (1907; III, 262—268) и название второй части мелопеи «Человек» (1915; III, 206—221).

«*Я есмь*» — цитата из Библии. Ср.: «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий послал Меня к вам» (Исх. 3, 14). Ср. также стих. В. И. Иванова «Отзывы» (1904; I, 742).

Платон изгоняет из своего государства Гомера — в «Государстве» Платон, отстаивая дидактизм искусства, приходит к мысли о бесполезности поэзии, что служит причиной удаления Гомера из идеально организованного общества (см.: *Платон. Государство*, кн. 3, 386в—388е; кн. 10, 600в-е, 605в—608).

Но Благодать Христос заповедал после Закона — В. И. Иванов отсылает к эпизоду встречи Иисуса Христа с богатым юношей, содержащемуся в синоптических Евангелиях: «Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и люби

ближнего твоего, как самого себя. Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение» (Мф. 19, 17—22; ср.: Мк. 10, 17—22; Лк. 18, 18—25).

Мой зверь — не лев, излюбленный толпою — из стих. К. Д. Бальмонта «Мои звери» (1903).

«Нравятся отдельностью все созданья мне» — из стих. К. Д. Бальмонта «Что мне нравится» (1903).

...подвергнуться участи Брюсова — после напечатания в 1911 г. сб. И. Северянина «Электрические стихи» В. Я. Брюсов откликнулся на него стихотворной рецензией в «Русской мысли» (1911, № 7), что положило начало стихотворному диалогу двух поэтов, а также неумеренным похвалам, расточавшимся И. Северянином старшему собрату по перу. См.: «Прощальная поэза» (1912), «Валерию Брюсову. Сонет-ответ» (1912), «Открытка Валерию Брюсову» (1913).

Это Сологуб сделал ошибку — широко освещавшееся в столичной прессе турне Ф. Сологуба, Ан. Чеботаревской и И. Северянина по 39 городам южной России с чтением стихов (начато в Минске в марте 1913 г.) нашло отражение в цикле из 178 триолетов Ф. Сологуба (см. его сб. «Очарования земли: Стихи 1913 года»: Собр. соч. СПб.: Сириус, 1914. Т. 17. С. 3—223). Любовная история, ставшая причиной прекращения И. Северянином в Кутаиси совместной поездки, подробно описана в первой части его стихотворного автобиографического романа «Колокола собора чувств» (Юрьев: Изд-во В. Бергман, 1925).

...муза которого тоже была иссечена не правительственным кнутом — ср. концовку стих. Н. А. Некрасова «О Муза! я у двери гроба!..» (1877).

«Влекись, мой вол...» — неточная цитация стих. В. Я. Брюсова «В ответ» (1902). Ср.:

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

«Но последний царь вселенной...» — цитата из заключительного четверостишия стих. В. Я. Брюсова «Бальдеру Локи» (1904). Ср. также письмо В. И. Иванова к В. Я. Брюсову от 24.II (9.III) 1905 г.: «...Ибо не знаю, что ты переживаешь, милый брат мой Валерий, — ведь ты еще не выстрадал постижения, что „последний царь вселенной“ — не „Сумрак“» и т. д. (ЛН. Т. 85. С. 473).

Блок, по-моему, первый из современных русских лириков — ср. с высказыванием В. И. Иванова на встрече с молодыми поэтами 16 мая 1920 г.: «Я его считаю первым лириком нашего времени. Но он минор и как минор ниже мажора. А мажора у нас теперь нет. Блок — это принц Гамлет, и, как всякий принц, это — много благородства, это большая поэтическая красота; но это — не царь, царь — это мажор, это яркость, это радость. В Блоке нет ничего царственного; он как принцем рожден, так принцем и должен жить...» (Коган Ф. И. Кружок поэзии под руководством Вячеслава Иванова // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 496).

«Петербург» одновременно и гениальная, и неудавшаяся книга — роман Андрея Белого «Петербург» был закончен в конце 1911 г. и в янв. 1912-го был представлен редакции «Русской мысли» согласно предварительной договоренности. Главный редактор журнала П. Б. Струве, прочтя роман, пришел к выводу, что он «плох до чудовищности», и отказался его печатать. В этих условиях В. И. Иванов выступил одним из наиболее последовательных защитников романа, который частично писался на «башне» и чтения которого прошли там вскоре с большим успехом; именно В. И. Иванову принадлежит идея озаглавить роман по названию города, которому он посвящен. В 1916 г. В. И. Ивановым была посвящена «Петербургу» специальная ст. «Вдохновение ужаса» (IV, 619—629), где развивалась мысль о «гениальном несовершенстве» этого произведения.

Так, когда Андрей Белый писал о Брюсове (статья в «Луге зеленом») — ст. А. Белого «Брюсов», появившаяся в его сб. «Луг зеленый: Книга статей» (М.: Альциона, 1910. С. 178—205), состоит из двух антиномичных частей. В первом разделе (в его основе — текст ст. «Венец лавровый»: Золотое руно. 1906. № 5. С. 43—50) содержится подчеркнуто хвалебная характеристика («Валерий Брюсов — первый из современных русских поэтов»), во второй же (в основе газетные публикации 1907—1908 гг.)

есть следующее утверждение: «Безумие, наглухо застегнутое в сюртук, — вот что такое Валерий Брюсов». Наибольшей силы конфликт А. Белого и В. Я. Брюсова достиг в 1904—1905 гг., а их жизненные перипетии нашли отражение в романе В. Я. Брюсова «Огненный ангел» (1908). См. подробнее: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // *Wiener slawistischer Almanach*. 1978. Bd. 1—2.

«Художник быстроглазый, черноокий» — речь идет об описании внешности художника (прототип — К. А. Сомов) в новелле «Голова медузы» из сб. Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Нет!» (1918): «Художник, быстроглазый, черноокий, с вывороченными ноздрями зазорного носика и мулатским цветом одутлого, слишком молодежавого лица, жеманничал с непонятным соседом...» (с. 57). Характерно, что В. И. Ивановым и в данном случае игнорируется прототипическая основа рассказа — в шаржированном описании публики можно легко узнать хозяина и завсегдатаев «башни»: В. И. Иванова («редковолосый профессор»), А. А. Блока (художник Незнакомов), Н. Н. Волохову (возлюбленную Незнакомова), В. Ф. Нувеля («рыжий барон»), С. М. Городецкого («восемнадцатилетний мальчик») — см. подробнее: *Никольская Т. Л.* Творческий путь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал // Уч. зап. ТГУ. Вып. 813. Блоковский сб. VIII: Ал. Блок и революция 1905 года. Тарту, 1988. С. 123—137; *Лавров А. В.* Блоковская Незнакомка в рассказе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал // Ал. Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. Вып. 2. С. 182—188. Однако выяснить, кто был «профессор N», пока никому не удалось. «Ее разрисовал художник быстроокой...» — из стих. А. С. Пушкина «Полководец» (1835).

17 января

«И музы тёмной посвящаю...» — из второго катрена стих. В. И. Иванова «Carmen saeculare. Строки Валерию Брюсову, открывшему мне эру Офиеля, по учению Агриппы» (1904; II, 286):

Ты стал мне друг и брат.
Судьбе Завет глухой я завещаю,

И музы тёмной посвящаю
Прозренья — зрящему тебе.

Согласно оккультному учению Агриппы Неттестеймского (1486—1535), изложенному в его «Сокровенной философии» (1531—1533), миром попеременно правят семь планетных духов, каждый из которых владычествует 400 лет; шестой из них, Офиель (покровитель искусств, «правитель вещей, принадлежащих Меркурию»), царствует с 1900 по 2300 гг.

...сцена с Бртеасом выдержана психологически — о сцене покушения Бртеаса на жизнь отца в трагедии В. И. Иванова «Тантал» (1905; II, 67—70).

...идею Ницше о трагедии Солнца — Ср. у Ницше:

«О, одиночество всех, кто дарит! О, безмолвие всех, кто светит!

Много солнц вращается в пустом: всему, что темно, говорят они светом своим, — но для меня они немые.

О, в этом и заключается вражда света к тому, что светит: безжалостно идет он своим путем.

Несправедливо к светящемуся, в глубине сердца равнодушно к солнцам — так движется каждое солнце.

Подобно буре, несутся солнца по путям своим; таково их движение. Они следуют неумолимой воле своей; от этого — их холод» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Пер. А. В. Перелыгиной. М., 1903. С. 105).

...Андрей Белый был прав, когда при разборе меня взял исходным и центральным пунктом «Тантала» — в ст. А. Белого «Вячеслав Иванов» (1917) содержится лишь мимолетное упоминание трагедии В. И. Иванова «Тантал»: «Вячеславу Иванову принадлежит драма „Тантал“, в ней повествуется о страданиях богоборца, повешенного в безысходных пустотах с потухшею сферой в руках; нам Иванов являет потухшую сферу огромного солнца, которое в состоянии было бы осветить... горизонты грядущей культуры» (Рус. лит. XX в. С. 119). В центре анализа А. Белым творчества В. И. Иванова уподобление его представителю эллинистической культуры, «александрийцу»: «Вячеслав Иванов — александриец XX века не там, где смакует красоты античности он; александриец он там, где в заданиях нашего времени видит он прорезы будущих чаяний; говоря о ядре его личности, мы должны говорить о его

антиномиях, неизбежных несовершенствах и... срывах. ...Антиномии нашего времени перекрещены в Вячеславе Иванове. Он являет собой столкновение даров: мистик, лирик, филолог, философ, профессор, новатор, утонченный скептик — в нем спорят мозаикой, где отдельный камень есть дар; сумма выглядит великолепной выставкой; многогранное творчество предстает птицей-Сирином...» (там же, с. 115).

...Фет страдал астмой — след этого разговора можно найти как в октябрьских стихах «Римского дневника 1944 года» В. И. Иванова, так и в более поздних стихах М. С. Альтмана: «Сонет Фету» (1955), ср. также следующее пятистишие:

СУБЛИМАЦИЯ

Шепот, робкое дыханье...

А. Фет

Славил робкое дыханье,
Задыхаясь астмой, Фет.
Так недуг свой и страданье
Превращает в перл созданья
Каждый страждущий поэт.

18.12.1963

«Прибавилось духа...» — из стих. А. А. Фета «Узник» (1843). В библиотеке М. С. Альтмана сохранилось следующее изд.: Фет А. А. Полн. собр. стих. / Под ред. Б. В. Никольского. В 2-х т. СПб., 1901. В нем М. С. Альтманом было сделано более 20 отметок в тех стихах, где А. А. Фет пишет о дыхании.

«Посмотри, в избе мерцающая...» — из стих. А. Н. Майкова «Картинка (после манифеста 19 февраля 1861 г.)» (1861).

18 января

Женщина, — сказал В., — это не человек, но не ниже его — в данном случае В. И. Иванов в значительной мере отступает от своей однозначно филогинической позиции, отразившейся в ст. «О достоинстве женщины» (1908), где утверждалось «большее богатство психических сил женщины» в сравнении с мужчиной (Ш, 140).

...презрительные о них слова Шопенгауэра («низкорослые, узкоплечие» и т. д.) — ср.: «Низкорослый, узкоплечий,

широкобедрый пол мог назвать прекрасным только отуманенный половым возбуждением рассудок мужчины: вся его красота и кроется в этом побуждении. С большим основанием его можно бы было назвать неэстетичным или неизящным полом» (*Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / Пер. Ф. В. Черниговца. 5-е изд. Т. I. СПб., 1900. С. 306*).

Вот и вчера (в лекции о Достоевском) — в зимнем семестре 1921 г. в преподавательскую нагрузку В. И. Иванова входило чтение лекционного курса о Достоевском (2 часа в неделю).

...à la Байбаков рассуждать — имеется в виду коллега В. И. Иванова по преподаванию в Бакинском университете профессор-историк Евгений Иванович Байбаков, славившийся среди коллег остроумием, автор шуточных стихов на докторскую защиту В. И. Иванова (см.: *Котрелев Н. В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // УЗ ТГУ. С. 328*). В 1921 г. в Баку была опубликована его кн. «Из истории обоготворения монархов в античном мире».

19 января

Помню, когда я учился в Германии, в семинарии Моммзена — в 1886—1891 гг. В. И. Иванов учился в Берлинском университете у знаменитого историка и филолога Теодора Моммзена (1817—1903). См. подробнее: *Вахтель М. Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // СМР. Р. 353—376*.

В. указал на свою диссертацию — диссертация В. И. Иванова «*De societatibus vectigalium publicorum populi Romani*» была опубликована в 1910 г. в Петербурге Императорским археологическим обществом. Несмотря на высокую оценку работы Т. Моммзеном, которому она была представлена в конце лета 1895 г., докторскую степень В. И. Иванов не получил, ибо уклонился от сдачи необходимого устного экзамена. Доктором классической филологии В. И. Иванов стал в Баку, после обсуждения 22 июля 1921 г. представленных им восьми глав кн. «Дионис и прадионисийство», опубликованной целиком в Баку два года спустя.

Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — историк западно-европейского средневековья. С 1884 г. — профессор Московского университета. С 1902 г. жил в Англии, с 1903 г. — профессор Оксфордского университета. Осенью 1908, весной 1910 и в 1911 гг. преподавал в Московском университете как

почетный гость. С 1914 г. — академик Российской Академии Наук. П. Г. Виноградов был научным руководителем В. И. Иванова в годы учения в России и за границей.

...тезис Шопенгауэра, что мир — «ничто» — согласно учению А. Шопенгауэра, окружающий мир является лишь порождением субъекта: «...мир, созерцаемый в пространстве и времени и всюду заявляющий себя сплошной причинностью, вполне реален и вполне то, чем он себя заявляет, а заявляет он себя вполне и без остатка — как представление, связующееся по закону причинности. Это его эмпирическая реальность. Но, с другой стороны, всякая причинность только в уме и для ума, и потому весь этот действительный, т. е. действующий мир как таковой обусловлен умом и без него ничто» (Шопенгауэр А. Мир как Воля и представление. С. 13).

20 января

Я принес В. маленький свой экспромт — имеется в виду следующее семистишие:

У тебя, родимого,
Слово есть любимое,
Слово — СЛАВА.
Мне оно незримое,
Но тобой палимое,
Благовонный дым его
Чую в гимнов сплаве...
(впервые — УЗ ТГУ. С. 307).

«Что есть слава?..» — неточная цитация стих. А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824):

Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

«Всему народу русскому слава...» — неточная цитация заключения «Песни про царя Ивана Васильевича...» (1837) М. Ю. Лермонтова.

«О, слава Солнцу...» — из стих. К. Д. Бальмонта «Рах hominibus bonae voluntatis» (1904).

...Бальмонт — поляк — имеется в виду не происхождение К. Д. Бальмонта (поэт принадлежал не к польскому, а к

украинскому дворянскому роду; см.: *Баделин В. И., Куприяновский П. В.* К родословной Бальмонта // *Русская литература.* 1987. № 2. С. 210—212), а его полонофильские симпатии (ср. ст.: *Бальмонт К. Д.* 1) *Светлая страна: (О Польше)* // *Утро России.* 1916. 25 дек.; 2) *Слово о Польше* // *Рус. слово.* 1916. 7 июля).

«Не введи меня во искушение...» — стих молитвы «Отче наш».

21 января

«Всех мировых в тебе стихий союз...» — см. поэтический диалог В. И. Иванова и М. С. Альтмана (в «Разг.» цитируется первоначальная редакция сонета «Народов всех в тебе стихий союз...» — с. 11). Данное стихотворение развивает мысль, выраженную Версиловым в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» (1875): «Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец. Это и есть самое существенное национальное различие наше от всех... Я во Франции — француз, с немцем — немец, с древним греком — грек и тем самым наиболее русский. Тем самым я — настоящий русский и наиболее служу для России, ибо выставляю ее главную мысль» (Ч. III, гл. 7). Реплика Версилова в свою очередь отсылает к следующему пассажи в 8-й ст. В. Г. Белинского из цикла «Сочинения А. Пушкина» (1844): «Некоторые из горячих славянолюбов говорят: „Посмотрите на немца, — он везде немец, и в России, и во Франции, и в Индии, француз тоже везде француз, куда бы ни занесла его судьба; а русский в Англии — англичанин, во Франции — француз, в Германии — немец“. Действительно, в этом есть своя сторона истины, которой нельзя оспаривать, но которая служит не к унижению, а к чести русских» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VIII. С. 437). В. Г. Белинский полемизировал, по-видимому, с А. С. Хомяковым, чьи идеи были известны ему в устной форме; сходные суждения в применении к славянству позднее нашли выражение в сочинении А. С. Хомякова «Семирамида» (первая публикация: 1871—1872).

Потом пришел Хлебников — дружеское общение В. И. Иванова с В. Хлебниковым в Баку, где тот оказался в окт. 1920 г. и

пробыл по апр. 1921 г., имело длительную предысторию — в марте 1908 г. студент физико-математического факультета Казанского университета В. Хлебников прислал свои стихи петербургскому мэтру; летом того же года в Судаке поэты познакомились. Вскоре В. Хлебников переводится в Петербург и становится посетителем «башни». В ответ на обращенное к нему стихотворение В. И. Иванова «Подстерегателю» (3 июня 1909) В. Хлебников создает поэму «Зверинец» (лето 1909), навеянную рассказами В. И. Иванова о детстве (реминисценции из «Зверинца» есть, кстати, и в позднейшей поэме В. И. Иванова «Младенчество», 1913—1918). Жизненные пути поэтов расходятся в начале 1910-х гг., когда В. Хлебников примыкает к футуристическому движению, однако и теперь взаимный интерес к творчеству друг друга не ослабевает. В связи с этим примечательно следующее суждение В. И. Иванова о В. Хлебникове в середине 1910-х гг., сохраненное Н. А. Асеевым:

«Вяч. Иванов признавал, что творчество Виктора Хлебникова — творчество гения, но что пройдет не менее ста лет, пока человечество обратит на него внимание... Когда я спросил его, почему он, зная, что уже есть гениальный поэт, не содействует его популярности (в это время отзыв В. Иванова был обеспечением книги на рынке) и не напишет, что творчество Хлебникова — исключительно, В. Иванов ответил: я не могу и не хочу нарушать законов судьбы. Судьба же всех избранников — быть осмеянными толпой» (Асеев Н. Московские записки // Дальневосточное обозрение. 1920. 27 июня).

После революции, пережив массу приключений, В. Хлебников оказывается в Баку, и здесь восстанавливается его дружба с В. И. Ивановым, любопытнейшие подробности которой запечатлены для нас Т. Вечоркой:

«Вяч. Иванов постоянно о нем заботился, даже отбирал жалованье на хранение и выдавал по частям на необходимое (причем неизменно еще добавлял от себя) — ибо Хлебников то терял деньги, то раздавал нищим, то накупал, голодный, сластей.

Однажды мы были втроем с Хлебниковым и еще с кем-то (не вспомню).

„Кто-то“, глядя на Велимира, говорил, что, услышав новое стих[отворение] Хлебникова, Вяч. Иванов обнял его, расцеловал и сказал:

— Хлебников, Вы ангел!

Хлебников молчал, моргая, но, видимо, был рад.

Я спросила:

— Что это за стихотворение? Он потянул листок и написал:

Ты же, чей разум стекал, как седой водопад,

На пастушеский быт первой древности и т. д.»

(*Вечорка Т.* Воспоминания о Хлебникове // Записная книжка Велимира Хлебникова / Собрал и снабдил примеч. А. Крученых. М., 1925. С. 21—30).

О Хлебникове см. также дневн. М. С. Альтмана от 25 янв. 1921 г. и восп. Л. В. Ивановой (с. 106—107).

Хлебников, работающий последнее время над «историческими ритмами» — о предсказании В. Хлебниковым судьбы см. его ст. «Учитель музыки» (1912), а также кн.: 1) Отрывок из досок судьбы, листы 1—3. М., 1922—1923; 2) Записная книжка В. Хлебникова. М., 1925. Ср. также рассуждение В. И. Иванова о ройе и антиройе (понятия, используемые им для понимания потока причинности) в примеч. к поэме «Сон Мелампа» (II, 300).

«*И Ангел вострубит*» — неточно: Откр. 11, 15.

Детерминизм полный совершенно вяжется с моим мировоззрением — о свободном самоопределении человеческой души в предметном, «высшем, метафизическом плане» и, стало быть, о предопределенности человеческих действий в сфере эмпирической В. И. Иванов размышлял, в частности, в своей ст. «Достоевский и роман-трагедия» (1916) и в кн. «Достоевский: Трагедия — миф — мистика» (1932): «В высшем, метафизическом плане... последняя, завершительная, нагая простота последнего или, если угодно, первого решения, ибо время там как бы стоит, к этому решению восходит каждое действие или же, вернее, из него каждое действие исходит» (IV; 510).

«*Адам познал Еву*» — Быт. 4, 1.

Оттилия и [Эдуард] — главные герои романа Гете «Wahlverwandschaften» (1809), имеющего в русской традиции три варианта перевода: «Сродство душ», «Избирательное сродство», «Родственные натуры». В. И. Иванов считал его «самым необыкновенным, самым гениальным в мире романом» (*Адамович Г. В.* Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 256).

Таково, например, в «Фаусте» вначале отношение Фауста к природе — имеется в виду первая сцена в первой части «Фауста»:

Вот зрелище! Но горе мне:
Лишь зрелище! С напрасным стоном,
Природа, вновь я в стороне
Перед твоим священным лоном!
О, как мне руки протянуть
К тебе, как пасть к тебе на грудь,
Прильнуть к твоим ключам бездонным!

(Пер. Б. Пастернака)

...в двух угольках электричества Яблочкова — об одном из наиболее известных изобретений электротехника П. Н. Яблочкова (1847—1894) — «свече Яблочкова», состоявшей из двух углей вольтовой дуги, разделенных слоем каолина.

Но в жизни своей Достоевский любви не знал такой: ни к первой, ни ко второй жене не испытывал он ничего подобного тому, что им в его произведениях изображено — Ф. М. Достоевский был женат дважды: с февр. 1857 г. на Марии Дмитриевне, урожденной Констант, в первом браке Исаевой (1828—1864); с февр. 1867 г. — на Анне Григорьевне, урожденной Сниткиной (1846—1918). В. И. Иванов не мог не знать о страсти Ф. М. Достоевского к Аполлинарии Сусловой (нач. 1860-х гг.); в этом характерном умолчании скорее следует видеть его нежелание обсуждать один из наиболее сложных моментов биографии великого писателя.

...и на закате своих дней — парафраз нач. строки стих. Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» (1854).

22 января

Пушкин хорошо применил его в стихотворении «Туча» — для иллюстрации своих стиховедческих суждений В. И. Иванов пользуется цитатами из стих. А. С. Пушкина «Туча» (1825), «Пророк» (1826), «Зимний вечер» (1825) и поэмы «Полтава» (1829).

...менее крупные поэты подчас на это отваживались — в рукописи указано зачеркнутое М. С. Альтманом имя Н. И. Гнедича.

...подпоясаны для пляски — В. И. Иванов намекает на греческое значение слова хорей (χορείος — плясовой).

23 января

Я прочел свое стихотворение «Женщины» — из сб. М. С. Альтмана «Хрустальный кладезь» (Баку, 1920).

«Нежно гаснет бледно-палевая...» — В. И. Иванов говорит о 2-м и 5-м катренах стих. «В том же парке» (1906) В. Я. Брюсова:

Нежно гаснет бледно-палевая
Вечереющая даль.
Словно в лодочке отчаливая,
Уношусь в свою печаль.

...Выхожу в аллею липовую,
Где сказал он мне: «Я твой!..»
И не плачу, только всхлипываю,
Шелестя сухой листвою.

Ты там употребил рифму: полюс — solus — речь идет о заключительном катрене стих. В. И. Иванова «Solus» (1912):

...Тот будет, хладный, души жечь
И, как Земли магнитный полюс,
Сердца держать и воли влечь,
Один в миру: in Mundo Solus.

(III, 28).

О пристрастии В. Я. Брюсова к редким рифмам писал также В. Ф. Ходасевич: «К общеупотребительным рифмам смерть — жердь — твердь он нашел четвертую — умилосердь — и тотчас же написал на эти рифмы сонет. Я поздравил его, но пришедший С. В. Шервинский сказал, что „умилосердь“ уже есть у Вячеслава Иванова. Брюсов сразу погас и осунулся» (Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991. С. 286).

Рачинский Григорий Алексеевич (1859—1939) — литератор, переводчик, религиозный философ. Редактор трех заключительных томов собрания сочинений В. С. Соловьева в 9 т. (СПб., 1901—1903) и собрания сочинений Ф. Ницше (Т. 1—3, 9. М., 1909—1911). Сотрудник журн. «Северное сияние», «Вопросы философии и психологии», «Русская мысль», редактор изд-ва

«Путь», председатель Московского религиозно-философского общества. После революции занимался главным образом переводами. Сближение В. И. Иванова с Г. А. Рачинским, тесно связанным с московскими символистами, относится к началу 1910-х гг. (см. письма Г. А. Рачинского В. И. Иванову — РГБ, ф. 109, карт. 33, № 45), о посвящении ему стих. «На получение греческой молитвы» см. ниже («Разг.» от 13 авг. 1921 г.). В 1913—1914 гг. их дружба укрепляется совместным участием в деятельности Московского религиозно-философского общества; о встречах В. И. Иванова с Г. А. Рачинским в Москве в 1924 г. перед отъездом в Италию сообщает В. А. Мануйлов (см.: *Мануйлов В. О Вяч. Иванове*. С. 354). См. также ст. А. Шишкина «Гекзаметры Григория Рачинского» (*Русская мысль*. № 3835. 1990. 6 июля. Литературное приложение. № 10. С. XII).

«*Но последний царь вселенной...*» — заключение стих. В. Я. Брюсова «Бальдеру Локи» (1904). См. коммент. к «Разг.» от 16 янв. 1921 г.

Здесь я Вам должен изложить свой взгляд на этот предмет — ср. в кн. В. И. Иванова «Достоевский: Трагедия — миф — мистика» (1932): «...действие в человеке люциферических энергий, будучи необходимым последствием того умопостигаемого события — отпадения от Бога, — которое Церковь называет грехопадением, составляет естественную в этом мире подоснову всей исторической культуры, в главных чертах ее языческой по сей день, и поистине первородный грех ее; ибо культура лишь отдельными частями „крещена“ и только в редких случаях „во Христа облачается“. Такое действие Люцифера опасно, но не губительно — при условии постоянного движения, непрестанного преодоления обретаемых человеком форм его самоутверждения новыми формами достойнейшего бытия» (IV, 566).

Внутренняя духовная сила, благодаря которой человек может снова приобщиться к «источникам бытия», — это врожденная ему память. «...Памятью воссоединяемся мы с Началом и Словом, которое в „Начале было“, — писал В. И. Иванов в ст. „Древний ужас“ (1909), — и знаем, что, по совершении Человека, всего себя вспомнит Адам, во всех своих ликах, в обратном потоке времени до врат Эдема, и первозданный вспомнит свой Эдем» (III, 93). «Ипподром человечества», о

котором В. И. Иванов говорит М. С. Альтману, — это духовный путь человека от небытия «Лжесына Божьего» до «истинного Сына Божьего Христа» — нового Адама. В последнем, эсхатологическом, плане, в обратном потоке времени все лики человеческие выявятся в Памяти Божьей, окончательно укорененные в бытии.

Примеч. Д. В. Иванова

...«грудой тлеющих костей» — цитация второго стиха поэмы А. С. Пушкина «Братья-разбойники» (1822):

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей...

Ср. употребление этой цитаты в ст. В. И. Иванова «Революция и народное самоопределение» (1911; III, 364).

Но чуть оно остановится и застынет — это высказывание В. И. Иванова интересно сравнить с суждением имажиниста А. Мариенгофа (о нем ниже В. И. Иванов отзывается: «талантлив, но Смердяков»), утверждавшим прямо противоположное: «Не искусство боится жизни, а жизнь боится искусства, т. к. искусство несет смерть... Воинство искусства — это мертвое воинство... От одного прикосновения поэтического образа стынет кровь вещи и чувства... Все искусства статичны...» и т. д. (гл. «Мертвое и живое» в кн. Мариенгофа «Буян-остров». М.: Имажинизм, 1920. С. 7–8).

26 января

Читали с В. стихи из «Прозрачности» — ниже речь идет о стих., вошедших в сб. В. И. Иванова «Прозрачность» (М.: Скорпион, 1904): «Крест зла», «Персефона», «Дриады», «Алмаз», «Пан и Психея».

...*человек не мыслящий, а вопрошающий тростник* — скрытая цитация «Мыслей» (1669) Б. Паскаля: «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий». Она осложнена использованием этого образа Ф. И. Тютчевым в стих. «Певучесть есть в морских волнах...» (1865):

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

...Лидия Вячеславовна сыграла на скрипке и спела нам эти стихи — Иванова Лидия Вячеславовна (1896—1985), дочь В. И. Иванова от брака с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, была композитором, автором симфоний и двух опер, а также нескольких песен на стихи В. И. Иванова. Романс «Пан и Психея» неоднократно исполнялся в концертных залах Западной Европы. Ноты находятся в Римском архиве В. И. Иванова.

«И завещал он, умирая...» — из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824), подробный анализ которой содержится в ст. В. И. Иванова «О „Цыганах“ Пушкина» (1908; IV, 299—323).

Прочли мое стихотворение «Печаль пчелиная» — из сб. М. С. Альтмана «Хрустальный кладезь».

Сон Раскольников (о лошаденке, которую до смерти забивают) — см.: Достоевский Ф. М. «Преступление и наказание», ч. 1, гл. V.

Сон Мити Карамазова (о «дите») — см.: Достоевский Ф. М. «Братья Карамазовы», кн. 9, гл. VIII.

Сон Анны Карениной (о мужике, стучащем железом) — см.: Толстой Л. Н. «Анна Каренина», ч. VII, гл. XXVI.

И мне пришлось в своей жизни иметь видения — среди бумаг В. И. Иванова сохранились записи видений, делавшиеся им главным образом на латинском языке.

Филемон и Бавкида — согласно «Метаморфозам» Овидия, благочестивая супружеская чета из Фригии, заслужившая покровительство Зевса и Гермеса своим гостеприимством. Боги сделали их жрецами храма, возникшего на месте их дома, даровали одновременную смерть, обратив в дуб и липу.

Платоновский миф о колесницах душ — знаменитое уподобление человеческой души колеснице содержится в диалоге Платона «Федр» (246e-в, 253e-d и далее). Возничий олицетворяет разум, добрый конь — волевой порыв, дурной конь — страсти. В отличие от душ богов, свободно странствующих по небу и созерцающих «поле истины», души людей, которых вниз увлекают страсти, редко достигают этого блаженства (исключение — философы), ибо им не удается следовать в своем пути «справедливости, рассудительности и истинному знанию».

...гениальный юноша Коневской — Иван Иванович Ореус (1877—1901), печатавшийся под псевдонимом «Иван Коневской» в символистских изданиях рубежа веков, не был знаком с В. И. Ивановым лично. Внезапная кончина одаренного поэта

сделала его память объектом поклонения среди друзей, чему в значительной степени содействовала ст. В. Я. Брюсова «Мудрое дитя» (впервые в подготовленной В. Я. Брюсовым и Н. О. Лернером кн.: *Коневской Иван. Стихи и проза. М.: Скорпион, 1904*). В. И. Иванов имеет в виду заключительный катрен стих. «Откуда силы воли странные?..»:

Ах, личность жаждет целомудрия.
Средь пышных роц, холмов, лугов
Молюсь на облачные кудри я,
На сонмы вечные богов.

27 января

Разговор Иисуса с самарянкой — см.: Ин. 4, 4—42. О Душе Мира и о разговоре с самарянкой ср. в кн. В. И. Иванова «Достоевский: Трагедия — миф — мистика» (1932): «Та, кто поет песню о келейничестве любви, не просто „медиум“ Матери-Земли... но и символ ее; она представляет в мифе Душу Земли в специальном аспекте Земли русской. Поэтому у нее зеркальце в руке: Душа Мира созерцает себя непрестанно в природе. И недаром она — без достаточных прагматических оснований — законная жена протагониста трагедии, Николая Ставрогина. И недаром также она и не жена ему, но остается девственной: „Князь мира сего“ господствует над Душою Мира, но не может реально овладеть ею, — как не муж самарянки четвертого Евангелия тот, кого она имеет шестым мужем» (IV, 524).

2 февраля

Я сказал, что внезапный перерыв (безумие) в пути Ницше — утрата рассудка Ф. Ницше (январь 1889 г.) неоднократно становилась темой разговора в семье Ивановых, как вспоминала дочь поэта: «Я плакала так же втайне над портретом Ницше (он висел в маленьком салоне): из разговоров взрослых я много наслышалась о его сумасшествии» (Иванова Л. Восп. С. 22).

Только в одном из последних писем к Брандесу Ницше называет себя «распятым Дионисом» — в письмах Ф. Ницше к датскому критику Георгу Брандесу (1842—1927) только один раз употреблено слово «распятый» (*gekreuzigter*) при объяснении замысла кн. «Ессе homo» и без всякого соотнесения с личностью самого Ф. Ницше: (см.: *Nietzsche F. Gesammelte Briefe*).

Berlin; Leipzig, 1904. Bd. 3. 1 Hälfte. S. 297—330). Источником этих сведений стали, по-видимому, предсмертные записки Ф. Ницше, цитировавшиеся в его популярной биографии: *Галеви Д.* Жизнь Ф. Ницше. СПб.; М., 1911. С. 270.

Ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду — общие принципы воспитания персидского юношества изложены в «Киропедии» Ксенофонта (см. кн. I, гл. 2—3). Чеканная формула, воспроизведенная М. С. Альтманом, по-видимому, принадлежит В. И. Иванову, который мог обронить ее на одном из занятий древнегреческой литературой; произведения Ксенофонта традиционно читались на начальном этапе изучения древнегреческого языка.

3 февраля

Сатирическая драма — один из трех основных (наряду с трагедией и комедией) видов древнегреческой драматической поэзии, отличительным признаком которого является хор, изображающий сатиров. Ей в значительной степени был присущ грубый комизм, действие сопровождалось разнузданными плясками сатиров и музыкой. Становление жанра связано с именем Пратина из Флиунта (6—5 вв. до н. э.), вершинные достижения — с именами Эсхила, Софокла и Еврипида (5 в. до н. э.). В 4 в. до н. э. происходит разложение сатирической драмы, связанное отчасти с тем, что в ней в условной форме осуществлялось соединение «высокого» с «низким», развитое в новоаттической комедии.

...явление человеческое, только человеческое — ср. название кн. Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (1878).

...до «добра и зла» — ср. название кн. Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла» (1886).

Платон весьма любил Аристофана — помимо участия Аристофана в диалоге Платона «Пир» о дружеском отношении философа к комедиографу свидетельствуют следующие факты, упоминаемые в его анонимных жизнеописаниях: 1) отсылка Платоном сочинений Аристофана Дионисию Сиракузскому для изучения афинского общественного устройства (Βίοι, III); 2) благожелательная эпитафия на смерть Аристофана, приписываемая Платону (Βίοι, V).

«Вот стоит Вагнер, он стоит, как колонна...» — данная интегрированная цитата навеяна второй частью кн. Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872).

4 февраля

Я читал сегодня Ваши «Борозды и межи» — здесь и далее речь идет о трех основных сб. литературно-критических ст. В. И. Иванова: 1) По звездам: Статьи и афоризмы. Пб.: Оры, 1909; 2) Борозды и межи: Опыты эстетические и критические. М.: Мусажет, 1916; 3) Родное и вселенское: Статьи (1914—1916). М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917.

...Толстой уподобляется зеркалу — имеется в виду следующий пассаж в ст. В. И. Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (1911): «Толстой поставил себя зеркалом перед миром, и все, что входит в зеркало, входит в него: так хочет он наполниться миром, взять его в себя, сделать его своим посредством осознания и, в сознании преодолев, отдать людям и самый мир, через него прошедший, и то, чему он научился при его прохождении, — нормы отношения к миру» (IV, 416).

Афина права, говоря Эринии, что она одна имеет доступ в кладовую отца — парафраз слов Афины в «Эвменидах» Эсхила (стихи 826—829):

...Верю в помощь я
От Зевса и — сказать ли? — меж богов одна
Ключи добыть умею от хранилища,
Где молнии хранятся под печатями.

(Пер. В. И. Иванова.)

...мифы, дремлющие в словах — ср. название дипломного сочинения М. С. Альтмана «Дремлющие мифы в „Илиаде“ Гомера» (1923).

5 февраля

Я читал В. одну из своих заметок об Отце — М. С. Альтман прочитал В. И. Иванову дневниковую запись от 30 окт. 1920 г. (см.).

Я прочел заметку о первом своем впечатлении от В. — ср. дневн. М. С. Альтмана от 24 нояб. 1920 г.

Мой экспромт «Слава Вячеславу» — см. коммент. к «Разг.» от 20 янв. 1921 г.

Иванов Александр Андреевич (1806—1858) — русский художник, автор картин на исторические и религиозные темы, в том числе, в первую очередь, «Явления Христа народу» (1837—1857).

8 февраля

...место из Библии о медном змие — Числ. 21, 9. Позже медный змий стал предметом поклонения и был уничтожен Езекией (4 Цар. 18, 4). В трактовке медного змия как прообраза Христа В. И. Иванов опирается на Евангелие от Иоанна: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 14–15). Ср. также стих. М. С. Альтмана «Медный змий» (см. с. 329–330).

9 февраля

...прелестное стихотворение 1914 г. — имеются в виду следующие строки стих. «Сомнение», посвященного В. К. Ивановой (1890–1920), дочери Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, третьей жене поэта (с 1911):

...Когда в твоих чертах
Мелькнет, неуловимый,
Тот свет, что я зову,
Тот образ, что ловлю я, —
Мой страх, что наяву,
Как та, кого люблю я,
Истаешь ты...

(III, 520).

Женитьба В. И. Иванова на падчерице, воспринимавшаяся им как выполнение завета Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, стала причиной отъезда семьи поэта в Италию весной 1912 г. и дальнейшего переселения в Москву. Отказ в заграничном паспорте после революции 1917 г. лишил В. И. Иванова надежды вылечить начавшийся у Веры в годы лишений туберкулез. Ее кончина (8 авг. 1920 г.) в клинике Московского университета привела поэта к решению во что бы то ни стало покинуть с детьми Москву, перебраться на юг.

Дмитриевская (Дмитревская) Дарья Михайловна (1864–1933) — первая жена В. И. Иванова, сестра его одноклассника и близкого друга Алексея Михайловича Дмитриевского (1865–1934), вместе с которым В. И. Иванов учился на филологическом факультете Московского университета и занимался переводами. Женитьба на Д. М. Дмитриевской состоялась в мае 1886 г.; встреча В. И. Иванова в 1893 г. с Л. Д. Зиновьевой-

Аннибал привела к разрыву с первой женой в 1895 г. Дочь от брака с Д. М. Дмитриевской Александра (р. 1887), унаследовавшая присущее семье ее матери психическое заболевание, скончалась незадолго до революции 1917 г. Хотя В. И. Иванов неоднократно характеризовал свою первую женитьбу как следствие увлечения А. М. Дмитриевским (ср.: I, 10—11), его письма к первой жене, хранящиеся в РГБ (ф. 109, карт. 10, № 8), свидетельствуют о любви и взаимопонимании, общих духовных устремлениях.

...читали стихи из поэмы «Человек» — три первых части мелопеи В. И. Иванова «Человек» были написаны в Москве в 1915 г.; планировалось ее отдельное издание у М. В. и С. В. Сабашниковых. Когда набор был окончен и В. И. вычитывал корректуру, о. П. Флоренский, услышав чтение поэмы в исполнении автора (видимо, на апрельском заседании Религиозно-философского общества в Москве — см.: Утро России. 1916. 16 апр.), заинтересовался ею и предложил составить примечания. Медленность его работы привела к задержке издания, которое в России так и не осуществилось (в семейном архиве о. П. Флоренского сохранились лишь два листка с набросками к комментарию). Тем временем В. И. Иванов, ощутив незавершенность своего произведения, пишет в 1918—1919 г. часть четвертую и эпилог. Целиком поэма (до этого публиковалась в журн. «Русская мысль» за 1916 г. лишь ее третья часть) была выпущена парижским издательством «Дом книги» в 1939 г. (III, 195—242).

...черты лица... (Джиоконды) суть черты лица самого Леонардо — давно существующее мнение о том, что «Джиоконда» является автопортретом Леонардо да Винчи, было подтверждено в середине 1980-х гг. компьютерным анализом, проведенным американской художницей Лилиан Шварц (см. об этом в советских газетах 1985 г.: Правда. Советская Россия. Труд. 19 дек.; Известия. 20 дек.; Ленинградская правда. 30 дек.).

Никакой любви к Джиоконде Леонардо не испытывал — полемика с распространенной версией, нашедшей, в частности, развернутое воплощение в романе Д. С. Мережковского «Леонардо да Винчи» (1900). Ср. также трактовку влечения к Джиоконде как сублимированную гомосексуальность в очерке З. Фрейда «Леонардо да Винчи» (1909).

10 февраля

И Бодлер изображает падаль — намек на стих. Ш. Бодлера «Падаль» («Une Charogne») из сб. «Цветы зла» (1857).

Бобок ... Подполье — отсылка к произведениям Ф. М. Достоевского: рассказу «Бобок» из «Дневника писателя» за 1873 г. и повести «Записки из подполья» (1864).

Realiora — одно из ключевых понятий в статьях В. И. Иванова на эстетические темы (заимствовано у средневековых схоластов, восходит к Абеляру); впервые лозунг «a realibus ad realiora» был выдвинут поэтом в ст. «Две стихии в современном символизме» (1908) как девиз символистского искусства (ср.: «Пусть будет мне позволено употребить это словообразование для обозначения предложенного мною художникам лозунга: a realibus ad realiora, т. е.: от видимой реальности и через нее — к более реальной реальности тех же вещей, внутренней и сокровеннейшей»; II, 571). Стремление к «реальнейшему», тем не менее, предполагает изображение посюстороннего: «Истинному символизму свойственнее изображать земное, нежели небесное: ему важна не сила звука, а мощь отзвука. A realibus ad realiora. Per realia ad realiora. Истинный символизм не отрывается от земли; он хочет сочетать корни и звезды и вырастает звездным цветком из близких, родимых корней» («Мысли о символизме», 1912; II, 611). Истинный символизм ставит перед собой цель «освобождения души», катарсиса, как события «внутреннего опыта», которое невозможно без приближения к более «реальному»: «Realiora, открывающиеся художнику, обеспечивают внутреннюю правду изображаемой им простой реальности и самое возможность правильной координации ее с реальностями высшими. Как человек художник должен побывать в этой высшей сфере...» («О границах искусства», 1913; II, 638).

Я помню, в 1913 году я был на заседании футуристов в Москве — вопрос о контактах В. И. Иванова в этот период с футуристами не исследован и почти не документирован. По всей видимости, именно Москву 1910-х годов имел в виду Б. К. Лившиц в своих воспоминаниях, а не Баку, как считает А. Е. Парнис: «Мыслимая ли, казалось бы, вещь — поединок между Вячеславом Ивановым и автором „дыр-бул-щел“а! А ведь приблизительно такие сочетания имели место не раз и далеко не случайно приводили к нашему успеху» (Лившиц Б.

Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 416). Именно осенью 1913 — весной 1914 г. группировка М. Ф. Ларионова была особенно активна — ее участники неоднократно появлялись с раскрашенными лицами в различных аудиториях, на диспутах, вечерах, в кафе Москвы (см.: там же, с. 653). Поэтому, как нам кажется, можно предполагать, что антифутуристическая эпиграмма В. И. Иванова «Новаторы до Вержболова...», направленная против М. Ф. Ларионова, была написана в конце 1913 — нач. 1914 г., а не в конце 1900-х (см.: Харджиев Н. И. Две эпиграммы Вячеслава Иванова // Русская речь. 1989. № 5. С. 27—29), чем объясняется факт ее цитации В. В. Маяковским в ст. «Живопись сегодняшнего дня» (май 1914): в эту пору она была у всех «на слуху».

«Не идите мимо!» — фраза острополюемична по отношению к учению Ф. Ницше (одна из глав в его кн. «Так говорил Заратустра» озаглавлена «О прохождении мимо»). Слова «Не проходите мимо» звучат в главе «Сквернейший человек» при описании встречи Заратустры с богоубийцей.

...«каждый друг за друга виноват» — парафраз реплики брата старца Зосимы: «Да еще скажу тебе, матушка, что всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Кн. 6, гл. II).

12 февраля

...в 1904 ... я писал, что первую пальму и лавр предоставляю Бальмонту — в ст. «О лиризме Бальмонта» (речь, произнесенная на торжественном заседании Неофилологического общества, состоявшемся 11 марта в честь 25-летней литературной деятельности К. Д. Бальмонта) Вячеслав Иванов опубликовал латинское стихотворение, написанное каталловым фалекием к выходу кн. К. Д. Бальмонта «Будем как солнце». Приведем его авторский перевод:

Пальму дам я кому и лавр священный?
Твой, Бальмонт, этот лавр! Напев твой дышит
Нежной жизнью. Ритмов многих силу
В исступленную песнь вложила Муза,
Новой звучностью мир очаровала;
Без пути заблудившись, без дороги,
Душу века заветную сказала.

(Аполлон. 1912. № 3—4. С. 41—42; см. также: IV, 39, 69, 718—719.)

...ни одну минуту своей жизни не считал я себя выше Пушкина — как нам представляется, здесь содержится намек на известный эпизод, имевший место на похоронах Н. А. Некрасова:

«Тем не менее Достоевский, как видно, захотел на этот раз держаться правила: о мертвом надо говорить хорошее или вовсе не говорить. Он выставлял только сильные стороны поэзии Некрасова. Между прочим, он сказал, что по своему таланту Некрасов был не ниже Пушкина. Это показалось нам вопиющей несправедливостью.

— Он был выше Пушкина, — закричали мы дружно» (Плеханов Г. В. Похороны Н. А. Некрасова // Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 492).

«*Предо мною другие поэты — предтечи...*» — из стих. К. Д. Бальмонта «Я изысканность русской медлительной речи...» (1901). Ср. также суждение В. И. Иванова об этом стих. в его письме к В. Я. Брюсову от 12.X/29.IX. 1903: «...стих Бальмонта „предо мною другие поэты — предтечи“ звучит для меня как богохуление» (ЛН. Т. 85. С. 438).

Бялик Хаим Нахман (1873—1934) — выдающийся еврейский поэт и писатель, автор поэм и рассказов на иврите и идише, сторонник еврейской государственности; эмигрировал из России в 1920 г. Над переводами из Бялика В. И. Иванов работал в 1916—1917 гг., четыре из них помещены в книге: Еврейская антология: Сб. молодой еврейской поэзии / Под ред. В. Ф. Ходасевича и Л. Б. Яффе. Предисл. М. О. Гершензона. М.: Сафрут, 1918. Об отношении В. И. Иванова к еврейскому вопросу см. его набросок «Евреи и русские» (1888—1889; РГБ, ф. 109, карт. 4, № 15) и «К идеологии еврейского вопроса» (1915; III, 308—310). Ср. также высказывание В. И. Иванова на встрече с молодыми поэтами 1 авг. 1920 г.: «Сионизм может быть только религиозным, иначе это — культуртрегерство (из-за этого я с Яффе поругался). Иногда это есть у Бялика, и за это я его высоко ценю, у других еврейских поэтов я этого не встречал...» (Коган Ф. И. Кружок поэзии под руководством Вячеслава Иванова // РГАЛИ, ф. 2272, оп. 1, № 33, с. 55).

13 февраля

Вот Пушкин пишет: «Что есть слава?» — см. коммент. к «Разг.» от 20 янв. 1921 г.

Гомер говорит о себе, что он воспевает славу мужей — см.: Илиада, IX, 189.

...что я последний Поэт — ср. стих. Е. А. Баратынского «Последний поэт» (1835). Ср. также уподобление В. И. Иванова «последнему поэту» в «Мечтании о Вячеславе Семизвездном» Веры Меркурьевой (*Гаспаров М. Вера Меркурьева* — неизвестная поэтесса круга Вячеслава Иванова // VI. S. 120).

Спеша на санскрит — занятия происходили, по всей видимости, с Всеволодом Брониславовичем Томашевским (1891—1927), профессором-санскритологом. Несмотря на мировоззренческие расхождения и различие темпераментов, как писала Л. В. Иванова, общение двух ученых было весьма тесным. После окончания в 1914 г. историко-филологического факультета в Петербурге В. Б. Томашевский был оставлен для «приготовления» по кафедре сравнительного языкознания. Еще в годы студенчества он вступил в ряды большевистской партии, участвовал в революционном движении; в 1917 г. принял активное участие в установлении советской власти в Астраханском крае и был комиссаром Волжско-Каспийской флотилии. После вступления Красной Армии в Баку он становится заместителем комиссара народного просвещения Азербайджанской ССР, профессором и одним из организаторов Бакинского университета, в 1924 г. возвращается в Ленинград, где затем (весна 1926 г.) становится ректором Ленинградского университета.

Занятия с В. Б. Томашевским были продолжением изучения В. И. Ивановым санскрита, начатого им еще в первой половине 1900-х в Женеве у Ф. де Соссюра. Ср. в «Автобиографическом письме» (1917): «В 1905 г. мы, покинув Женеву, где я продолжал работать над Дионисом и учился санскриту у де Соссюра, поселились в Петербурге» (Рус. лит. XX в. С. 95).

19 февраля

Один раз в «Войне и мире» он описал какое-то болото — см.: Толстой Л. Н. «Война и мир», т. 3, ч. II, гл. 5.

Гете, говорящий, что глаз не мог бы видеть солнца — скрытая цитация третьей части цикла «Кроткие ксении» Гете (нач. 1800-х) :

Будь несолнечен наш глаз —
Кто бы солнцем любовался?

Не живи Дух Божий в нас —
Кто б Божественным пленялся?

(Пер. В. А. Жуковского)

В работе «Проект учения о цвете» (1810) Гете приводит это четверостишие, называя его иллюстрацией одного из положений «старинной ионийской школы» (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен).

...«духи глаз», как говорит Данте — средневековое представление о существовании «духов глаз» восходит через Данте (см. «Новая жизнь» (1292), гл. 1) к трактату «О душе», написанному, вероятно, Гуго из Сен-Виктора (1096—1141). Следуя этому сочинению, можно выделить три силы души: природная (*vis naturalis*), жизненная (*vis vitalis*) и животная (*vis animalis*), их средоточия соответственно: 1) печень и кровь; 2) сердце, 3) мозг. Животный дух придает бодрость пяти телесным чувствам — зрению (т. е. «духам глаз»), слуху, обонянию и т. д.

Ссорясь, например с Тургеневым — в воспоминаниях А. А. Фета описывается ссора Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым в квартире Н. А. Некрасова в нач. 1850-х. В. И. Иванов имеет в виду следующую реплику Л. Н. Толстого: «Я не позволю ему, — говорит с раздувающимися ноздрями Толстой, — ничего делать мне назло! Это вот он нарочно ходит взад и вперед мимо меня и виляет своими демократическими ляжками» (Фет А. А. Мои воспоминания: 1848—1889. М., 1890. Ч. I. С. 107).

20 февраля

Алеша еще должен был жить в миру — о предполагавшемся продолжении «Братьев Карамазовых», романе «Дети», известно из воспоминаний А. Г. Достоевской, А. С. Суворина, А. М. Сливицкого: Алеша Карамазов должен был, покинув монастырь, сблизиться с революционерами, принять участие в их действиях и после бурного периода страданий и заблуждений возвратиться в монастырь (см.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 15. С. 485—487). О восприятии В. И. Ивановым образа Алеши см. подробнее: «Лик и личины России» (1917; IV; 453 и сл.), «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932; IV, 573 и сл.).

22 февраля

Вейнингер Отто (1880—1903) — австрийский философ и

психолог еврейского происхождения; основные труды — в области психологии пола и расы. Его работа «Пол и характер» (1903), неоднократно переиздававшаяся в начале XX в. на разных языках (в том числе более 10 раз на русском языке), привлекала к себе внимание из-за второй части XIII главы, где общие юдофобские построения были подкреплены анализом психологии евреев, которые рассматривались не как раса или конфессиональная общность, а духовное направление и психическая конституция. Учение О. Вейнингера оказало огромное воздействие на М. С. Альтмана, интерес к которому был усилен фактом загадочного самоубийства философа. См. дневн. М. С. Альтмана от 5 янв. 1922 г.

25 февраля

...книгу «Тридцать три уroda» Зиновьевой-Аннибал — имеется в виду издание: *Зиновьева-Аннибал Л. Д.* Тридцать три уroda: Повесть. Пб.: Оры, 1907. Эта книга пользовалась широкой известностью и была издана в течение одного года дважды. По обвинению в безнравственности второй тираж был конфискован (см. письмо В. И. Иванова В. Я. Брюсову из Петербурга от 26 февр. 1907 г. (ЛН. Т. 85. С. 496) и копию определения Санкт-Петербургского окружного суда: ИРЛИ, ф. 607, № 349, л. 1); критика сходилась в мнении, что интерес к повести вызван в первую очередь модой. Одни безжалостно бранили ее (А. Амфитеатров, А. Измайлов), другие находили скучной (А. Белый), третьи считали, что «даже моралист не почувствует там никаких гадостей, не успеет, — так ему станет жалко г-жу Зиновьеву-Аннибал» (З. Гиппиус). Говорившееся М. С. Альтману во многом повторяет суждения В. И. Иванова, высказанные им в письме к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 29.VII.1906 г.: «Я получил сегодня, выходя из дому, „Тридцать три уroda“. И прочитал их теперь вечером, по возвращении. Пишу тотчас же по прочтении. Оценивать их не хотел бы, чтобы не ошибиться, и ограничусь записью первого впечатления. Присутствует здесь подлинный язык страсти, и он не может не потрясти всякого, кто от страсти. Так интенсивно это впечатление страсти, что глубокий замысел почти не виден за красным покрывалом цвета живой крови. Вера фантастична и прекрасна, как истинно романтический Ченчи. Изумительно, как столь отвлеченная мысль могла облечься в такую живую

плоть. Рассказ в высокой степени скандален и может вызвать крики. Но как прекрасна ты сама, это написавшая! Бедная, зачем тебе нельзя жить сызнова с твоим гением жизни и страсти. Конечно, его дано тебе перелить в искусство, в вечный стойкий миг. О, если бы ты могла сказать, как ты есть, в искусстве! Ты ведь теперь только начинаешь находить себя. И теперь ты должна писать уже не о страдании, а о любви, только любви. Но эти страницы будут написаны ушедшими в себя ядами, которые могли бы осуществить самую яростную из ослепительных жизней. Ты, м[ожет] б[ыть], удивляешься столь личному повороту моей критики? Но ведь это хороший знак. Теперь только ты можешь осуществить правило: Greift nur hinein ins volle Menschenleben*. Раньше ты должна была сосчитаться с идеями, с идеологией, с Weltschmerz'ем**, с эстетизмом. Вот, наконец, открытое море жизни и один пейзаж» (РГБ, ф. 109, карт. 10, № 3, л. 30—30 об.). Здесь же приписка от 31 авг.: «...Но, тем не менее, известная суммарность в изображении жизни, вообще отличительная для романтизма, составляет, б[ыть] м[ожет], недочет рассказа. Правда, он и задуман моноидеистично. Форма дневника это извиняет, но моноидеизм, вообще говоря, значительнее оного хотя [бы] для твоего творчества. Это грех против слова Volle*** от той формулы. Hingreifen**** в смысле глубины тебе естественно и присуще; в смысле способности заинтересоваться и дерзновения в выборе предмета изображения — не всегда. Ну, а Menschenleben***** — это именно desiderium magnum*****. Даже «Кольца» переводят Menschenleben незаметно в Menschheitslos*****; в результате может оказаться Ideenleben*****. Но твоя подготовленная книжечка составляет прочный мост к будущему творчеству. Вот „Колокол“ меня мучает своею идейностью. Его нужно скорее отлить, чтобы он не пугал звоном со дна душевных омутов, как „Потонувший корабль“ пугает

* Хватай жизнь в ее полноте (нем.) — цитата из «Театрального вступления» к «Фаусту» Гете. Ср. также эту цитату в переводе Б. Пастернака: «Из гущи жизни загребайте прямо».

** Мировая скорбь (нем.).

*** Полнота (нем.).

**** Хватать (нем.).

***** Человеческая жизнь (нем.).

***** Великое желание (лат.).

***** Судьбу человечества (нем.).

***** Жизнь идей (нем.).

героев Гауптмана» (там же, л. 31). См. также публикацию Г. В. Обатнина «Вяч. И. Иванов. Предисловие к повести Л. Д. Зиновьевой-Аннибал „Тридцать три уroda“» (De Visu. 1993. № 9. С. 25–29).

Это та любовь, которую испытывал Сократ к Алкивиаду — см. Платон. Пир. 212d и далее.

«*Prima Vera*» — несомненна связь этого сравнения с символикой произведений Данте — в XXIV главе «Новой жизни» при описании появления Джованны, предвестницы Беатриче, итальянский поэт следующим образом толкует данное ей прозвище: «Имя этой дамы было Джованна; и за ее красоту, как полагают люди, она получила имя Примавера; и так звали ее. Я видел, как вслед за нею приближается чудотворная Беатриче. Так прошли эти дамы одна за другой, и показалось мне, что Amor снова заговорил в моем сердце и произнес: „Первая зовется Примавера лишь благодаря сегодняшнему ее появлению; я вдохновил того, кто дал ей имя Примавера, так ее назвать, ибо она придет первой в день, когда Беатриче предстанет своему верному после его видения“» (пер. И. Н. Голенищева-Кутузова); ср. также: *primavera* (итал.: весна), *prima verrà* (итал.: первая пройдет), *prima vera* (лат.: первоистинная). Отметим также, что прозвище, данное В. И. Ивановым М. В. Сабашниковой в 1906 г., было «Примавера»; ниже в «Разг.» от 13 авг. поэт связывал имя своей третьей жены с латинским прилагательным «vera». Как нам сообщил Д. В. Иванов, особым ореолом в его семье была окружена также картина С. Боттичелли «Весна».

Энзели, Решт — города в Иране на берегу Каспийского моря (примерно 400 км от Баку); Решт — центр Гилянской республики (июль 1920 — осень 1922 г.), главную военную силу которой составляли советские войска (ср. также: *Иванова Л. Восп.* С. 108).

9 марта

...пυχλονομου Эдипу (Οἰδίπους) — М. С. Альтман следует здесь распространенной еще в древности этимологии, возводящей имя Эдипа к глаголу «οἰδέω» (пухнуть) и существительному «πούς» (ступня), несмотря на то что она была отвергнута Ф. Ф. Зелинским, авторитетным исследователем и переводчиком

Софокла того времени (см.: *Софокл. Драмы / Пер. с введ. и вступ. очерком Ф. Зелинского. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915. Т. 2. С. 420*).

...мальчик с ножкой — согласно Софоклу, Эдипу в детстве были проколоты обе ступни (см.: *Софокл. Царь Эдип, стих 1034*).

...опухшие ноги Эдипа — знак его хтонического происхождения — предположение о связи увечья Эдипа и его автохтонного происхождения было позднее подробно аргументировано К. Леви-Стросом (ср.: *Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 191—193*).

Кадм — легендарный основатель Фив. Согласно Аполлодору и Аполлонию Родосскому, в конце жизни переселился в Иллирию, где вместе с женой Гармонией был обращен в змей.

...«Адам познал Еву» — Быт. 4,1.

...Эдип говорит, что свои преступные деянья... он скорее претерпел... — интерпретация трагедии «Царь Эдип» как трагедии рока была развернута в ст. Ф. Ф. Зелинского «Трагедия рока» (*Софокл. Драмы. Т. 2. С. 3—69*).

...он себя... признает виновным — в действительности в момент самоослепления Эдип говорит и о перенесенных страданиях, и о совершённых преступлениях (*Софокл. Царь Эдип, стихи 1271—1273*):

Вот вам! Вот вам! Не видеть вам отныне
Тех ужасов, что вынес я, — и тех,
Что сам свершил.

(Пер. Ф. Ф. Зелинского.)

Я буду Судьбой, а вы будете Эдипом — диалог В. И. Иванова и М. С. Альтмана по своей проблематике соотносится со знаменитым разбором «Эдипа в Колоне» Софокла и «Прометея» Эсхила, принадлежащим перу Ф. Ницше («Рождение трагедии из духа музыки», гл. 9). Эдип для немецкого философа — «венец пассивности», человек, который, несмотря на всю свою мудрость, предназначен к заблуждениям и к бедствиям, но в конце концов безмерность его страданий становится источником чудесной благодати, не теряющей своей действенности даже после его кончины. Эдип на протяжении всей трагедии «исключительно страдательное лицо», но именно в силу этого он «достиг своей высшей активности, простирающейся далеко за пределы его жизни».

15 марта

Я читал свои сонеты об Эдипе — см. с. 322—323.

Бет-Эль (Вефиль) — см.: Быт. 28, 11—19.

«Из камней сих воздвигну я себе новых детей» — неточн. Мф. 3, 9; Лк. 3, 8.

«Камень, отвергнутый строителями, стал во главу угла» — стих из Псалтири «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла» (Пс. 117, 22) цитируется Христом в применении к своим последователям (Мф. 21, 42; Мк. 12, 10; Лк. 20, 17).

Христос и блудница — см.: Ин. 8, 1—11.

И при этом, низко наклонясь, что-то чертил на песке — трактовке этого евангельского эпизода посвящена значительная часть доклада В. И. Иванова «Евангельский смысл слова „Земля“», прочитанного в Петербургском религиозно-философском обществе 3 мая 1909 г. (см. дневник С. П. Каблукова — РНБ, ф. 322, № 4, с. 72). Сначала поэт рассматривает отношения Земли и мира, Земли и Христа: «Мир — земля в ее данном, временном состоянии, в состоянии подчинения князю мира сего, в состоянии овладения и одержимости этим последним. Он относится к Земле, как к ее стихийной плоти относится воздух. Он — Дух, она — плоть одушевленная и Душа мировая. Он — преходящий владыка ее как пребывающей сущности; он будет изгнан вон, и она сядет у ног Христа, как женщина, из которой были изгнаны семь бесов. Христос противопоставляет Себя ему, как некоему сопернику, Христу душа земная должна уготовить место, занятое ныне князем сего мира. Тогда она в соединении со Христом образует новый мир, новый космос» (Иванов Вяч. Доклад «Евангельский смысл слова „земля“». Письма. Автобиография (1926) / Публ., вступ. ст. и коммент. Г. В. Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 149). Несколько страниц спустя В. И. Иванов предлагает свою трактовку вышеупомянутого эпизода: «И склонясь, Христос пишет на земле. По-гречески сказано поразительно: ἔγραφε εἰς τὴν γῆν — вписал в Землю. Он вписал в Землю свой новый завет ей, начертал на ней знак своего опыта, начертал знак Свой на Своей невесте» (там же, с. 151). Ср. описание этого доклада в «Воспоминаниях» Е. К. Герцык (Париж, 1973. С. 63), а также использование данного евангельского мотива в стих. М. И. Цветаевой «Вячеславу

Иванову» (1920): «Ты пишешь перстом на песке, // А я подошла и читаю...» (III, 844).
...по Конту, мир в своем развитии проходит через фазы — в своей работе «Курс положительной философии» (1830—1842) французский философ-позитивист О. Конт (1798—1857) переосмыслил заимствованное у А. Тюрго и К. Сен-Симона учение о трех стадиях умственного развития человечества: в первом — теологическом — человек, в силу преобладающего здесь воображения, представляет весь мир явлений по аналогии со своею собственною деятельностью; он олицетворяет предметы и явления природы, видит в них произвольные действия индивидуализированных существ. Во втором состоянии — метафизическом, где преобладает отвлеченное формальное мышление, — воображаемые боги вытесняются понятием общих сущностей, первопричин и целей, к которым сводятся отдельные явления. Третье, позитивное состояние ума выражается в научном мышлении; здесь вымыслы теологии и метафизические отвлеченности заменяются познанием действительных законов природы, т. е. постоянной физической связи наблюдаемых явлений в их существовании и последовательности. О связи теоретического человека (употребление этого термина см. ниже в «Разг.» от 10 апр. 1921 г.) с критической эпохой позитивизма В. И. Иванов писал в ст. «Предчувствия и предвестия» (1909; II, 89).

7 апреля

«Красный и желтый» — стих. из сб.: Бальмонт К. Д. Литургия красоты: Стихийные гимны. М.: Гриф, 1905.

«Если хочешь в край войти...» — далее анализируется заключительный катрен стих. К. Д. Бальмонта «Облачная лестница» (1908):

Если хочешь в край войти вечно-золотой,
Облачную лестницу нужно сплести мечтой,
Облачные лестницы нас ведут туда,
Где во сне бываем мы только иногда.

«Я не знаю мудрости...» — начальная строка одноименного стих. К. Д. Бальмонта, цикл «Очертания снов» (1902).

8 апреля

Софокла перевел Зелинский — см.: Софокл. Драмы / Пер. с введ. и вступ. очерком Ф. Зелинского. М., 1914—1915. Т. 1—3.

Зелинский Фаддей (Тадеуш) Францевич (1859—1944) — филолог-классик. В 1885—1921 гг. — профессор Петербургского университета; в 1921—1935 гг. — профессор Варшавского университета, член Польской Академии Наук. С В. И. Ивановым в предреволюционные годы его сблизил общий интерес к древнегреческому театру. Ученый и поэт продолжали поддерживать отношения и в эмиграции (см.: I, 196).

...а *Эхила* — В. — издатели Эхила в переводах В. И. Иванова утверждают, что существовали переводы четырех трагедий целиком («Персы», «Агамемнон», «Плакальщицы», «Эвмениды») и двух во фрагментах («Просительницы» и «Семеро против Фив»). У самого В. И. Иванова в его автобиографии второй половины 1920-х гг. указано: «Поэтические переводы греческих лириков, Эхила (закончен перевод пяти трагедий из семи сохранившихся)» (ИРЛИ, ф. 607, № 362, л. 1 об.).

Фосс Иоганн Генрих (1751—1826) — выдающийся немецкий поэт, переводчик, филолог; особое значение в истории немецкой литературы принадлежит его переводу «Одиссеи» (1781) и «Илиады» (1793).

Шлегель Август Вильгельм (1767—1845) — немецкий поэт-романтик, критик, историк литературы. Речь идет об осуществленном им в 1797—1801 гг. переводе семнадцати драм В. Шекспира.

Я раз пробовал переводить «Илиаду» — до нас дошли переводы В. И. Иванова из Гомера в качестве цитат в его прозаических статьях (см.: Поэмы Гомера в переводах Гнедича и Жуковского / Ред. А. Е. Грузинский; вступ. ст. Вяч. Иванова. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. С. XII, XXII; *Иванов В.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923; *Эхил.* Трагедии / В пер. Вяч. Иванова. М., 1989. С. 318, 320).

10 апреля

Я прочел в «Коммунисте» выдержки из статьи Мережковского «Все это любят» — в бакинской газете «Коммунист» от 10 апр. 1921 г. (№ 81) в рубрике «Из белогвардейской печати» была помещена ст. А. Журбенко «Разочарования и надежды Д. Мережковского», содержащая обширные цитаты из ст. писателя «Все это любят» из № 215 варшавской газеты «Свобода», где, в частности, говорится:

«...Анатоль Франс — воплощенная душа современной

Франции — тихий, добрый, мудрый старик, серебристо-седой, нежный, мягкий, пушистый, как одуванчик. И он — поклонник большевиков? И он на муки распятой любитесь? Нет, ничего он не знает о них и о себе самом уже не знает ничего, не понимает, где он, что с ним. Ураган войны и революции сорвал с одуванчика голову, и сухой стебель, былинка слабая по воле ветров во все стороны треплется. Он только знает, что „боги жаждут“...

<...> Барбюс и Ромен Роллан — мягкотелые соглашатели, благородные шулера игры дьявольской, расторопные лакеи кровавой пошлости, утонченные Максимы Горькие — те кое-что знают, но не хотят знать: зажмурив глаза, едят „ананасовый компот“. С кого другого, а уж с них-то кровь взыщется».

Узнаю сразу и Диму, и Зинку — подразумеваются Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус.

...что они только одна фракция — имеется в виду участие большевиков в Учредительном Собрании.

Мне пришлось издать его книгу о народном театре — см.: Роллан Р. Народный театр / Предисл. Вяч. Иванова. Пг.: М.: Театр, отд. Наркомпроса, 1919.

Мой друг Гревс мне недавно написал — нам известно лишь одно письмо (от 9/22 сент. 1918 г. в Москву из Калуги), где И. М. Гревс сообщал В. И. Иванову о своих переводах из Р. Роллана: «Перевел первый том „Jean Christophe“, „Рассвет“ (L'aube)» (РГБ, ф. 109, к. 17, № 10, л. 47). В фонде историка сохранились следующие материалы, документирующие его пристрастие к французскому писателю: 1) Личность и дело Ромена Роллана (опыт истолкования души). Предисловие к предпринятому И. М. Гревсом труду — переводу лучших произведений Р. Роллана на рус. язык. После 1917 г. 2) Ромен Роллан и идеальная Франция. Конспективный набросок труда. 3) Роллан Р. Жан Кристоф/Пер. И. М. Гревса. После 1917 г. (см.: СПбО А РАН, ф. 726, оп. 2, №№ 226—228). Подробнее о И. М. Гревсе см. в коммент. к «Разг.» от 20 сент.

«Будьте просты, как голуби, и мудры, как змеи...» — Мф. 10, 16.

...поэт — ведь это Theoretiker — Ф. Ницше в кн. «Рождение трагедии из духа музыки» сближает понятия «теоретический человек» и «современная творческая личность». «Теоретический человек не менее, чем художник, находит удовлетворение в наличной действительности и, как этот последний, огражден этим

чувством довольства от практической этики пессимизма...» (Ницше Ф. Полн. собр. соч. М., 1912. Т. 1. С. 108). Согласно взглядам немецкого философа, тип культуры, господствующей в Европе с древности до конца XIX в., должен быть назван сократовским. Центральное место занимает в нем «теоретический человек» (Сократ — первый в ряду этих «возниц культуры»). Его характерными чертами является чуждость музыке, неспособность к трагическому восприятию жизни, стремление к интеллектуальным спекуляциям («Трудно выразить внутреннее содержание сократовской культуры резче, чем назвав ее культурой оперы...»). И лишь в XIX в. в «таинственном единстве немецкой музыки и немецкой философии» рождается дионисическая мудрость, с которой Ф. Ницше связывает подлинный культурный ренессанс человечества.

...«соль земли» — Мф. 5, 13.

Он очурали себя магическим кругом — устойчивый мотив лирики Ф. Сологуба, см. стих. «Недотыкомка серая» (1899), «На гибельной дороге» (1903), «В чародейном, темном круге...» (1908), «Твоя любовь — тот круг магический...» (1921). Об истории отношений двух поэтов и их поэтической переписке см.: Иванов Вяч. Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 136—150.

«Поднимаю бессонные взоры...» — из стих. Ф. Сологуба «Поднимаю бессонные взоры...» (1896).

«И ... братья, сестры., войте, лайте...» — неточная цитация заключительного катрена стих. Ф. Сологуба «Высока луна Господня...» (1905):

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

21 апреля

Под взятым Бальмонтом к своей книге тютчевским эпиграфом — эпиграфом к своей кн. «Тишина» (1898) К. Д. Бальмонт взял, не совсем точно процитировав ее, строку из стих. Ф. И. Тютчева «Видение» (1829): «Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья...»

Он ездил по многим странам — помимо путешествий по Европе, обычных для образованных русских того времени, К. Д.

Бальмонт совершил поездки, представлявшиеся экзотичными: в 1905 г. в Мексику и Калифорнию (отразились в очерках «В странах Солнца», которые печатались журн. «Весы» в 1905 г. и вместе с приложениями индейских космологических мифов составили сб. «Змеиные цветы», 1910); летом 1910 г. в Египет (см. многочисленные ст. в газете «Речь», «Утро России» и др., составившие позже кн. «Край Озириса», 1914); в 1912 г. кругосветное путешествие, маршрут которого пролегал через Канарские острова, мыс Доброй Надежды, о. Тасманию, Южную Австралию, Новую Зеландию, Полинезию, Новую Гвинею, Индонезию, Индию (путевые очерки публиковались в газетах «Русское слово», «Заветы», «Биржевые ведомости» и др.; в это же время были начаты многочисленные переводы индийской и индонезийской поэзии). О двухнедельном пребывании К. Д. Бальмонта в Японии в мае 1916 г. см.: *Азадовский К. М., Дьяконова Е. М. Бальмонт и Япония. М., 1991.*

«Нам нравятся поэты, похожие на нас...» — из стих. К. Д. Бальмонта «Нам нравятся поэты...» (1900; вошло в цикл «Антифоны»).

...когда Бальмонт переводит Шелли или По — отдельные произведения англоязычных классиков, публиковавшиеся в переводе К. Д. Бальмонта разными издательствами, были объединены в следующих изданиях: *По Э. Собр. соч. / Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. М.: Скорпион, 1901—1912. Т. 1—5; Шелли П.-Б. Полн. собр. соч. / Пер. и предисл. К. Д. Бальмонта. СПб.: Знание, 1903—1907. Т. 1—3.*

Нет, все эти «ости» бальмонттовские — ср. стих. К. Д. Бальмонта «Безглагольность» (1900), «Я не знаю мудрости...» (1902) и др.

«Усовершенствовать плоды любимых дум...» — из сонета А. С. Пушкина «Поэту» (1830). В заключение приведем также одну из трех эпиграмм М. С. Альтмана на Бальмонта, навеянную разговором с В. И. Ивановым:

Я в этот мир пришел, чтоб видеть...

К. Бальмонт

Ни любить, ни ненавидеть
Не способный никого,
Он и в мир пришел — не видеть,
А чтоб видели его.

29.06.1965

15 июня

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ, поэт, публицист, критик, переводчик. Об истории знакомства с ним В. И. Иванова см. коммент. к «Разг.» от 5 окт. 1921 г.

Эрн Владимир Францевич (1881—1917) — русский философ, видный деятель религиозно-церковного обновления в России нач. XX в., один из представителей неославянофильства. Его знакомство с В. И. Ивановым восходило к 1904 г. (см.: ЛН. Т. 85. С. 470—471); дружба поэта и философа окрепла во время их совместного пребывания в Риме в 1912—1913 гг.: «В Риме каждый день аккуратно после завтрака, часа в два, являлся к нам Эрн, и начинались между ним и Вячеславом интереснейшие дискуссии, длившиеся до вечера. Главной темой римских разговоров были апология католичества со стороны моего отца, апология православия со стороны Эрна» (*Иванова Л.* Восп. С. 51 и далее). После переезда в Москву Эрны, по выражению Л. В. Ивановой, «как бы совсем вошли в нашу семью». Об от ношениях В. И. Иванова и В. Ф. Эрна см. также: II, 811; III, 833.

...работа «о дельфийском оракуле» — речь идет о главе «Дельфийские братья» в кн. (докторской диссертации) В. И. Иванова «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923). В личной библиотеке М. С. Альтмана сохранился ее экземпляр с дарственной надписью: «Моему дорогому Моисею Семеновичу Альтману с любовью и верой. 5.IX.1923. Вяч. Иванов».

Так вот поступаю я с Эсхилом, за которого мне уже заплачено Сабашниковым — об истории издания переводов В. И. Иванова из Эсхила и его взаимоотношениях с книгоиздателем М. В. Сабашниковым (1871—1943) см.: *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил. Трагедии / В пер. Вяч. Иванова.* С. 497—522.

...будущий ... сборник — сборник стихов В. И. Иванова «Арион» опубликован не был.

«Лишь я, таинственный певец...» — из стих. А. С. Пушкина «Арион» (1827).

«Муза, ты почто, скажи мне...» — цитация начального катрена стих. В. И. Иванова «Поздний час» (1917; III, 495).

«Медный всадник» не был при жизни Пушкина напечатан — «Медный всадник» (1833) А. С. Пушкина при жизни автора не был опубликован из-за цензурного вмешательства. Он появился

впервые в пятом, посмертном, томе «Современника», вышедшем в апреле — начале мая 1837 г. См.: Современник. Литературный журнал А. С. Пушкина, изданный по смерти его кн. П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. А. Краевским, кн. В. Ф. Одоевским и П. А. Плетневым. 1837. Т. V. № 1. С. 1—21.

...«*сумерки богов*» — ср. название музыкальной драмы Рихарда Вагнера «Гибель богов» (вариант перевода — «Сумерки богов»), заключающей тетралогию «Кольцо Нибелунга» (1852—1874).

«*Сим победишь*» — явление креста с надписью «*τοῦτο νίκα*» императору Константину Великому накануне Мульвинской битвы (312 г.) описано в его житии, принадлежащем перу Евсевия (Eus. Vita Const. I, 28, 7 — cf. Nicetas Paphlagonensis. Laudatio Procopii Martyri Caesarensis, § 4).

...*индийский знак (свастика)* — у М. С. Альтмана описка: «египетский знак».

20 июня

Посетил его проездом Мандельштам — это краткое упоминание позволяет внести уточнение в летопись жизни О. Э. Мандельштама — встреча поэтов состоялась в Баку между 15 и 20 июня, а не в начале июля (ср.: *Струве Н. А.* Осип Мандельштам. Лондон: ОРІ, 1988. С. 310). Знакомство В. И. Иванова с О. Э. Мандельштамом состоялось, по-видимому, 16 мая 1909 г., а их отношения в течение всех лет отличались теплотой, несмотря на перипетии литературной борьбы акмеистов и их противников (*Морозов А. А.* Письма О. Э. Мандельштама к Вяч. Иванову // Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1973. Т. 34. С. 258—274; *Блинов В.* Вячеслав Иванов и возникновение акмеизма // *Cultura e Memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov*. II. Firenze, 1988. P. 9—12). Весьма скупа Н. Я. Мандельштам в описании бакинской встречи двух поэтов: «Вячеслав Иванов при мне — мы навестили его в Баку проездом в Тифлис в 21 году — сказал, что бросил Москву и скрылся в бакинском уединении, потому что „идеи перестали править миром“ и он в этом убедился» (*Мандельштам Н. Я.* Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 171).

Харазов Георгий Артемьевич (ум. 1931?) — математик, в 1900—1910-х гг. политический эмигрант; в нач. 1920-х гг. профессор

Бакинского политехнического института, последователь марксизма и фрейдизма; автор стихов; в 1928 г. — старший сотрудник сектора естественных и точных наук Комакадемии в Москве, в изданиях которой публиковались его статьи в конце 1920-х гг. Его отношения с В. И. Ивановым были сначала, по-видимому, дружественными — известно, что В. И. Иванов участвовал в поэтическом вечере Г. А. Харазова (см.: Бакинский рабочий. 1921. 15 июля), принимал его дома; однако вскоре началось взаимное охлаждение. Как вспоминала К. М. Колобова (сообщено ее сыном В. В. Селивановым), в последние годы пребывания в Баку В. И. Иванов не мог слышать имени Г. А. Харазова, считал знакомство с его графоманскими произведениями пагубным для своих учеников. Они, тем не менее, тайком читали стихи Харазова и даже пытались продекламировать их, что вызвало взрыв гнева у В. И. Иванова, изгнавшего молодых поэтов из своего дома (ср. дневн. от 6 мая 1924 г.). О дружбе Г. А. Харазова с М. С. Альтманом см. подробнее дневн. последнего. В машинописном томе, объединяющем стихи Г. А. Харазова и письма его к Альтману, сохранился неполный текст поэмы, упомянутой выше: «Не воскресну! Поэма, которую я посвящаю доблестной Красной Армии, освободившей Тифлис от ига меньшевиков. Тифлис, апрель 1921 г.».

О Харазове см. подробнее: *Терентьев И.* Собр. соч. / Подгот. изд. М. Марцадури и Т. Никольской. Bologna, 1988. С. 16, 20; *Пастернак Б.* О Лили Харазовой / Публ. Е. Б. Пастернака / Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 17—18. Укажем также ряд интересных биографических материалов: Письма Г. А. Харазова к В. Г. Черткову (1902—1907) // РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, № 2729; Биография Е. Г. Харазовой, написанная А. Г. Ромом // там же, ф. 531, оп. 1, № 20.

...со всех концов света несут смирну и ладан — евангельская аллюзия (ср.: Мф. 2, 11).

...Вы словно на каком-то острове Буяне — ср. описание острова Буяна в «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина (1831).

Хайфа и Яффа — города в Израиле на берегу Средиземного моря, население которых стало возрастать с конца XIX в. за счет еврейской иммиграции в Палестину.

Там теперь... устроено нечто вроде большой богадельни — Комиссия по улучшению быта ученых и литераторов при петроградском Доме ученых (впоследствии ЦЕКУБУ при СНК

РСФСР) была создана на основании постановления Совнаркома РСФСР от 23 дек. 1919 г. по инициативе М. Горького и Ленина, она ведала, главным образом, распределением скудных пайков. Реорганизована постановлением от 3 мая 1931 г.

«...но вреден север для меня» — цитация «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. 1, XI).

Мадера (Мадейра) — остров в Атлантике, принадлежащий Португалии.

Революция есть великое зло — рассуждение В. И. Иванова о всякой революции как великом зле близко следующим мыслям Гете: «Я ненавижу всякий насильственный переворот, ибо при этом столько уничтожается хорошего, сколько достигается. Я ненавижу тех, кто его совершает, и тех, кто является его причиной» (см. «Разговоры с Гете» И. П. Эккермана от 27 апр. 1825 г.).

Перед лицом совести — парафраз названия кн. Н. М. Минского «При свете совести: Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890).

...«по ту сторону добра и зла» — ср. название кн. Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла» (1886).

...«когтистый зверь», «вечная грызунья» — ср. монолог Барона во второй части «Скупого рыцаря» (1830) А. С. Пушкина:

...И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый...

...здоровая, «мускулистая» ... совесть — в своих письмах Г. Ибсен неоднократно пишет о том, что его убеждения значительно отличаются от моральных представлений обывателей (см.: Ибсен Г. Полн. собр. соч. / Пер. с датско-норвежского А. и П. Ганзен. М.: Изд-во Скирмунта, 1906. Т. 8. С. 115, 124, 137—138, 184, 207, 212—213, 268), однако данная реминисценция навеяна, видимо, известным монологом Пера Гюнта из одноименной драмы (начало 4 действия).

...«царь и раб» — реминисценция оды Г. Р. Державина «Бог» (1783).

...можно говорить языком Ницше о совести благородных — имеются в виду многочисленные пассажи в произведениях Ницше об освобождении от моральных предрассудков тех, кто

осознал свою исключительность (ср.: «И даже имея все добродетели, надо еще знать одно: уметь вовремя давать спать и добродетелям!» — *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Пер. А. В. Перелыгиной. С. 25).

«рабство греху» — Римл. 6, 16—22. О том же говорил Христос (Ин. 8, 34).

Бенедиктинский орден — католический монашеский орден, основанный ок. 530 г. Бенедиктом Нурсийским в Монтекассино.

Дубровский Николай Александрович — профессор Бакинского университета по кафедре всеобщей истории с 1 нояб. 1919 по 1 янв. 1923 гг., декан историко-филологического факультета с 9 нояб. 1919 по 23 нояб. 1920 гг.

10 августа

...убил Клита, но у алтаря Диониса — убийство Клита (328 г. до н. э.) античные историки (Арриан, Плутарх, Диодор и др.) связывали с тем, что он прервал жертвоприношение Дионису (см. подробнее: *Schubert R. Der Tod des Kleitos // Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt a. M., 1898. Bd. 53. S. 98—120*).

13 августа

Вяч. давал мне некоторые биографические комментарии — далее следуют автокомментарии к следующим стихотворениям из сб. В. И. Иванова «Нежная тайна» (СПб.: Оры, 1912), создававшегося в Савойе летом 1912 г. Из первой части: «Ночные голоса» и «Уход царя» (о последнем стих. см. также: *Иванова Л. Восп. С. 47*); из второй — «Гемма», «Совесть», «Камень», «Соловьиные чары», «Послание на Кавказ», «Мизопоэт», «Страстные свечи», «В альбом девушке», «Ее дочери», «Свидание», «Хоромное действо», «Non sine promisis...». Если подбор стихотворений первой части обусловлен временем их написания, то вторая часть, носящая название «ЛЕПТА», объединила стихи, адресованные друзьям поэта, как указывал В. И. Иванов в предисловии:

«Приложение озаглавлено ЛЕПТА — в подражание александрийским поэтам, которые называли так свои поэтические „мелочи“. Это маленькое собрание посвящается приятелям стихотворца и вместе с ними любителям стихов, сложенных по частным, скромным поводам или просто — в шутку» (с. 5).

...она почувствовала первые приступы родов — Дмитрий Вячеславович Иванов родился 17 июля 1912 г.

Соболевский Г. В. — врач-хирург, путешественник, знаток искусства и литературы (примеч. М. Э. Коор — УЗ ТГУ. С. 324).

В «Совести» Вы видите облик Гершензона — Гершензон Михаил Осипович (1869—1925), историк культуры, публицист, исследователь поэзии; дружба с ним В. И. Иванова относилась еще ко времени «башни». В письме от 26 дек. 1912 г. М. О. Гершензон, считавший «Нежную тайну» «самой цельной, самой лучшей» книгой стихов В. И. Иванова, благодарил за посвящение ему стихотворения «Совесть»: «Благодарю Вас за милое стихотворение; чувствую весь яд стиха: *Кто геометр*, и пр. Совершенно согласен с Вами и иду дальше: не делаю для двух два и нахожу, что критиком может быть только художник, — и оттого не пишу критик: в этом Вы мне должны отдать справедливость, только говорю критики, в чем, вероятно, вреда нет. А первые две строфы по-серьезному у Вас превосходны» (РГБ, ф. 109, карт. 16, № 9, л. 5 об.). В ответном письме от 7 янв. 1913 г. В. И. Иванов посчитал необходимым дать следующее объяснение: «Яда в „геометре“, право же, нет. Разумел я приблизительно вот что, Игорь Грабарь хорошо и подробно рассказывал мне, как он измерял здания Палладио и везде находил — часто изумительные — нарушения симметрии и геометрической правильности... Мне кажется, что критика каноническая бывает порою геометрична; Вы же — критик по канону пушкинскому, *par excellence*. Что же до критики художников, она зачастую полна односторонности, сектантства или просто каприза. Не склонный предпочитать критику художников, я искренне сожалею, что Вы не пишете критик» (цит. по: III, 701). Об истории отношений писателей и их знаменитой «Переписке из двух углов» (Пб., 1921) см. подробнее: I, 165—168; III, 701, 807—818. См. также: Проскурина В. Вячеслав Иванов и Михаил Гершензон: На пути к «Переписке из двух углов» // СМР. Р. 377—387.

Рачинский Григорий Алексеевич (1859—1939) — см. о нем коммент. к «Разг.» от 23 янв. 1921 г.

Конст. Эрберг — псевдоним Константина Александровича Сюннерберга (1871—1942), теоретика искусства, художественного критика, поэта, переводчика. К сер. 1900-х гг. относится его сближение с В. И. Ивановым и Г. И. Чулковым, участие в

альманахе «Факелы» со ст. «Красота и свобода», положившей начало работам о психологии творчества, написанным с позиций интуитивизма. Эти мысли были суммированы в кн. «Цель творчества: Опыт по теории творчества и эстетике» (М.: Русская мысль, 1913). В предисловии к ней сформулирована цель творчества как освобождение человека от норм и законов необходимости.

Стих В. И. Иванова «Камень» является ответом на стих Конст. Эрберга «Вопрос». Об этом поэтическом диалоге см. подробнее: *Эрберг Конст. (Сюннерберг К. А.). Воспоминания / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 128—132.*

В наброске ст. «О творчестве Эрберга» (после 1917) В. И. Иванова содержится следующая характеристика: «...Идеология и поэзия Конст. Эрберга — один из самых острых и характерных случаев предреволюционной лихорадки, одно из самых ярких выражений той отвлеченно-вольнлюбивой идеологии, которую можно было бы назвать метафизическими пропилями реальной революции» (РНБ, ф. 304, № 24, л. 1). *Троцкий* Сергей Витальевич (1880—1942; погиб в сталинских лагерях) — литератор-любитель, знакомый Ивановых еще со времен «башни»; по определению В. А. Мануйлова, «очень своеобразный и тонкий мыслитель идеалистического толка». Общение С. В. Троцкого с В. И. Ивановым и А. Р. Минцловой имело для него решающее значение — после одиннадцатилетнего безбожия он отверг атеизм (см.: РГБ, ф. 109, карт. 35, № 46, л. 9 об.). В «Послании на Кавказ» (1912) есть следующая характеристика С. В. Троцкого:

Обедали вчера на Башне мирно:
Семья, Кузмин, помещик-дилетант
(Теодицей тончайших рукодельник,
А сердце — воск и ярая свеча).

(III, 56).

Слухи о гибели его друга, доходившие до В. И. Иванова в Баку, оказались неверны (М. С. Альтманом была позже вычеркнута из текста «Разг.» фраза «Теперь, мне сказали, он погиб»).

«В один прекрасный день явился с маленьким узелком в руках Сергей Витальевич Троцкий. Это был старинный друг

Вячеслава, навещавший его периодически еще на Башне. Он был малороссийский помещик, жил у себя в хуторе, обожал поэзию, музыку и искусство, вышивал шелками картины, любил украшаться кольцами, брелоками из драгоценных камней, носил бархатные курточки, волосы причесывал в стиле Ренессанса, с кудрями, кажется, не завитыми, а натуральными. (Ему посвящено стихотворение „Соловьиные чары“ в „Нежной Тайне“.)

Он был тихий, нежный, ясный, веселый, чуткий и одухотворенный. В Баку он попал после многих тяжелых приключений: бежал с родными из своего малороссийского хутора на кавказское побережье Черного моря, после неудачной попытки переплыть границу в лодке контрабандистов был ими ограблен и лишен всех своих драгоценностей; затем, оставив своих родных, один перебрался через весь Кавказ и достиг Баку, где, он знал, живет Вячеслав. В котомочке у него были две рубашки, которые он сам мыл, т. к. ткань была так изношена, что он никому не доверял взять ее в руки. Курточка была старая, но черная, бархатная. Брелоки у него еще были, но не драгоценные. Сам он был такой изголодавшийся, что если поставить перед ним фунт масла, через мгновение ока оно исчезло бы, даже без хлеба.

Что было с ним делать? В ванной была поставлена постель. Нас стало пятеро, и Сержик сделался родным и любимым» (Иванова Л. Восп. С. 110—111).

Значительный историко-литературный интерес представляют письма С. В. Троцкого к Ивановым, сохранившиеся в римском архиве этой семьи (ответы В. И. Иванова, как и многие оригинальные сочинения С. В. Троцкого, видимо, безвозвратно утрачены). Они позволяют воссоздать образ человека исключительной духовной чистоты и хрупкости, чья судьба типична для представителей русской культурной традиции, выброшенных на «свалку истории» советской властью. Некоторое время после отъезда Ивановых из Баку С. В. Троцкий живет в отдельной комнате в семье профессора-археолога В. М. Зуммера, однако вскоре ему вновь приходится перебраться в ванную:

«Дорогие мои, жду трепетно вести от вас. Получили ли вы мои письма? а главное — о том, что жду визы? Сейчас, как никогда, жду ответа на него. Хотя сейчас есть у меня уроки, но скоро кончатся. Переводы мне обещали, но знаю, что надолго их не хватит. А сейчас получил открытку от Вс[еволода]

М[ихайловича]: он говорит, что они везут с собой одну из племянниц, и действительно так: предлагают перейти в ванную. Не говоря о том, что я не могу больше рисковать здоровьем, ведь это значит жить нигде. Я жил с вами и спал в ванной; но с ними я не буду жить, жить с ними не могу — начиная с вопроса о папиросах, от которых М[ария] Митр[офановна] (жена В. М. Зуммера. — К. Л.-Д.) умирает, несмотря на все ее здоровье. Словом, мне улыбается улица. Надолго ли? Вы сами знаете, как трудно выбраться. Вот как нехорошо скривилась на меня жизнь.

Вячеслав Иванович, любимый, я жду визы и надеюсь на ваше письмо в Москву. Полагаю, хватит денег на проезд через Батум — Триест. Теперь, когда вы поманили меня возможностью применить мои силы и разум, жизнь уроками, которых редко найдешь в разъехавшемся по столицам Баку, да еще и без квартиры, кажется, мне воистину ненужной. И все-таки я измыслил план песни о Баку, красивой песни, потому что очень люблю его и безмерно благодарен за все хмельное и за все трезвое, за счастье и за страдание...» (от 13 авг. 1925).

Источником мизерного изменчивого заработка для С. В. Троцкого были частные уроки французского языка и перевод книг и статей для Общества по изучению Азербайджана. Попытка написать либретто для композитора Михаила Попова, преподававшего в свое время Л. В. Ивановой, проваливается (см. письма от 18 июня 1925 г. и от 16 янв. 1926 г.); преодолев отвращение, которое у него вызывали уроки, даваемые разношерстной и невежественной публике, С. В. Троцкий в конце концов получает некоторое удовлетворение от работы на курсах для рабочих:

«Жизнь катится моя внешне однообразно; только квартиру переменял. Но при живости восприятий нахожу интересным почти все; особенно преподавание на курсах для рабочих. Каждый человек — клад; а когда их много — это целое сокровище. Без всякой идеализации увлекаюсь.

Внутри же ничто во мне не на месте. После болезни (нервной) этого лета по-новому гляжу; вернее, от новизны взгляда заболел. Вы знаете меня, мирного из мирных. Теперь еще мирнее, быть может, потому что зло земли увидел и глубже простил» (от 10 окт. 1929 г.).

Сознавая тяжесть положения своего друга, В. И. Иванов на

протяжении многих лет делал все от него зависящее, чтобы помочь С. В. Троцкому выехать за границу, и в конце концов решает действовать через М. Горького.

«Теперь о себе. В сущности, немного недоумеваю о письмах к Пешковой и О. А. Шор (хотя и напишу), — сообщал В. И. Иванову С. В. Троцкий. — Ведь здесь я уже все сделал, и остается только уплатить вперед за паспорт, чтобы ждать его получения, что длится не очень долго. Если слова М. Горького действительны, то и недоумеваю, о чем писать еще в Москву. Ведь только клевета могла бы задержать меня» (12 нояб. 1925 г.).

Хотя все хлопоты оказались тщетными, из писем С. В. Троцкого видно, сколь важна была для него поддержка друга, которому он регулярно сообщал новости университетской жизни, которого информировал об успехах учеников (К. М. Колобовой, Е. А. Миллиор, В. А. Мануйлова) в науке и поэзии и т. д.

Дружба с юной Е. А. Миллиор, совместное перечитывание шедевров литературы («Фауст» Гете в подлиннике, романы Ф. М. Достоевского — письмо от 7 сент. 1925 г.) становятся источником живительных сил для С. В. Троцкого; то же можно сказать о произведениях покинувшего Баку русского поэта:

«Дни летят за днями, и все туже натягиваются струны-нервы; уже звенят высокими тонами. Зато вчера утром узнал такое приятное для себя относительно дальнейших переводов и заработка на дорогу! а вечером — и до часа ночи — читали с Нелли на ее балконе „Нежную тайну“. Бывают настроения, когда открывается каждая строка и каждое слово. Как ярко мы видели искусство Ваше и любили его, но еще ярче и еще прекраснее видели Вас. Однако струны мои так натянуты, что предпочитаю смолчать. А потом Нелли говорила на тему своего сочинения, рассказывала о трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида (сравнительно), интересно спорили с Виладельцем и Зелинским, и мы вместе радовались Эсхиловой сцене суда над Орестом, разделению голосов ареопага и краеугольному камню милости Афины» (7 сент. 1925 г.).

Подлинным праздником для бакинских друзей поэта было чтение присланных из Италии «Римских сонетов» В. И. Иванова; они не только были источником высокого эстетического наслаждения, но и будили мысль, способствовали оригинальному философскому творчеству С. В. Троцкого.

«Мой любимый, мой друг, сейчас (только сейчас) прочел

Ваши сонеты. Переписал — первый, „Aqua felice“ и „Post scriptum“. С кем расставались? Кто с песнею на радостных устах? Так ли гнетет жизнь, что не понимаю, или нельзя понять?

Горы и кряжи не только дней, но уже лет упали между нами. Если сказать одним словом, чем жив сейчас, то скажу: острой мечтой и любовью к смерти. Как ни скептически глядите Вы на философию, но, после моей онтологии, чувствую, что за спиной осталось законченное дело философской системы. Впереди — просветы мыслей о новых формах искусства, главное — о новом мифе; т. е. совсем не мифе, а о роковом смехе, но больше чем веселом, в новой трагедии он увенчает героя и соединит хор. Намекну: как бы смех цветка, когда он станет горящим кристаллом. Не такова ли непосильная для нее эсхатология Византии?» (от 7 марта 1927 г.).

Утраченные религиозно-философские сочинения С. В. Троцкого представляли, по видимому, определенную ценность — в настоящий момент мы располагаем лишь упоминанием о похвале о. П. Флоренского, которому мыслитель отослал их в начале 1927 г.: «Поглощен философскими раздумьями, замыслами писаний. Переслал Флоренскому две статьи и жду ответа с понятным Вам трепетом» (от 1 янв. 1927 г.). В письме от 14 окт. 1927 г. С. В. Троцкий кратко сообщал о полученных из Сергеева Посада известиях: «К тому же передавал Флоренскому кое-что, и он похвалил».

Приведем текст последней открытки С. В. Троцкого (от 28 февр. 1933 г.), как бы венчающей длительную историю нужды и унижений этого кроткого человека:

«Любимые и дорогие, хотя Нелли (Е. А. Миллиор. — К. Л.-Д.) и Настя (прежняя домработница Ивановых — К. Л.-Д.) получают от вас письма, но не я. Вероятно, и от них доходят до вас вести. Который раз пытаюсь; этот раз — „через открытку“. С трудом рука подымается, но говорю: я болен; недавно меня жестоко обокрали. Если можете, помогите мне: два доллара в месяц через Торгсин. Если не можете — считайте, что этого письма нет. Я все тот же. Нехорошая мысль приходит, что кто-то клеветает на меня вам. Верьте любви моей и вашей.

Ваш всегда

С. Троцкий».

...отец его был генерал — Троцкий Виталий Николаевич

(1835—1901) — известный военачальник и администратор, участник Крымской войны и военных действий в Средней Азии. С 1890 г. командовал войсками Виленского военного округа, с 1899 г. — виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор. См. подробнее: *Виноградов А.* Генерал-адъютант Виталий Николаевич Троицкий. Вильна, 1901. (Оттиски из «Виленского календаря» за 1902 г.).

Бородаевский Валериан Валерианович (1874 (75?)—1923) — поэт-символист, из курских дворян; автор стих. сб.: «Страстные свечи» (Пб., 1909); «Стихотворения: Элегии, оды, идиллии» (СПб.: Оры, 1909, предисловие к нему было написано В. И. Ивановым); «Уединенный дол» (М.: Мусагет, 1914); на философские воззрения поэта повлияли в наибольшей степени Вл. Соловьев, Н. Ф. Федоров, Конст. Леонтьев, в конце 1900-х гг. примкнул к антропософам. О дружбе В. В. Бородаевского с В. И. Ивановым, восходящей к периоду «башни», см.: II, 738; III, 830; IV, 713—714.

«Оры» — «домашнее» издательство В. И. Иванова (1907—1912), название которому дал одноименный журнал Ф. Шиллера (1795—1797), объединивший цвет литературных сил своего времени.

«В альбом девушке» — текст с этих слов до окончания стихотворной цитаты восстанавливается по «римскому» варианту «Разг.».

...оба стихотворения относятся к *Вере* — см. коммент. к «Разг.» от 9 февр. 1921 г. Третьей жене поэта, помимо стихов в «Нежной тайне», посвящены стихи, имеющие также название «Ее дочери» и вошедшие в сб. «*Cor Ardens*» (1911) и «Свет вечерний» (1962).

...два эпизода пребывания *Веры... в Греции* — поездка Ф. Ф. Зелинского в Грецию, в которой приняла участие В. К. Шварсалон, состоялась летом 1910 г. М. С. Альтман, видимо, не совсем точен в передаче рассказа В. И. Иванова — О. А. Шор упоминает лишь о гроте, в котором во время этой экскурсии чуть не заблудилась Вера (I, 134—135; III, 702—703), что и нашло отражение в стих. «Ее дочери». Солнечный удар произошел с Верой на несколько лет раньше, в Альпах — о нем упомянуто в стих. «Ее дочери» из сб. «*Cor Ardens*».

«Мне запомнилось событие, — вспоминала дочь поэта, — пережитое Верой как тяжелая драма. Была организована

альпинистская экскурсия, восхождение на Юнгфрау. Сережа и Вера к ней присоединились. Восхождение было трудное, но все участвующие в экспедиции дошли до вершины. Все, кроме Веры, которая обессилела, почти добравшись до цели: оставалось полчаса легкого подъема. Дождаясь спуска товарищей, она лежала на снегу, ослепленная солнцем, в полубморочном состоянии, а в душе переживала неопишемую трагедию своего поражения. Помню ее возвращение. Она была сожжена солнцем до неузнаваемости: и ее сразу уложили в постель. К этому событию относятся стихи моего отца:

И ты в снегах познала благодать —
Ослепнуть и прозреть нагорным светом»

(Иванова Л. Восп. С. 19).

В начале стих. «Ее дочери» из «Нежной тайны» речь идет не о каком-то случае, когда Вера чуть было не утонула, а о болях матери при ее рождении, начавшихся во время прогулки по морю в Santa Margherita на итальянской Ривьере (см.: II, 741; ср. также образ ладьи в стих. «Ее дочери» из «Cor Ardens»).

Верховский Юрий Никандрович (1878—1956) — поэт-символист, мастер поэтического перевода, историк литературы (особенно значительно сделанное им для изучения наследия А. А. Дельвига и Е. А. Баратынского). В. И. Иванов способствовал появлению в издательстве «Скорпион» кн. «Разные стихотворения» Ю. Н. Верховского, которого считал «истинным лириком» (см.: ЛН. Т. 85. С. 495). В 1909—1915 гг. Ю. Н. Верховский преподавал на Высших женских курсах в Тифлисе, чем во многом определена образность посвященных ему стихотворений. По невыясненным причинам не состоялся приезд Ю. Н. Верховского в Баку в 1922 г., хотя по рекомендации В. И. Иванова он уже был избран профессором Бакинского университета (см.: *Котрелев Н. В. В. И. Иванов — профессор Бакинского университета // УЗ ТГУ. С. 329, 336; Письма Вячеслава Иванова / Публ. А. В. Лаврова // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. М., 1989. С. 357—360*).

Домашний спектакль — 19 апр. 1910 г. в квартире В. И. Иванова состоялось представление мистерии П. Кальдерона «Поклонение кресту» (постановка В. Э. Мейерхольда, декорации С. Ю. Судейкина), в котором Л. В. Иванова играла Мэнгу.

См. подробнее: *Пяст Вл.* Встречи. М.: Федерация, 1929. С. 169—180; *Иванова Л.* Восп. С. 40—42.

...потом о нем появился большой отчет в «Аполлоне» — см.: Зноско-Боровский Евг. Башенный театр // Аполлон. 1910. № 8. С. 31—36.

...от нас это перешло к Александрийскому театру — у М. С. Альтмана ошибочно указан Художественный театр. В действительности раздвижение занавеса арапчатами было использовано осенью 1910 г. при возобновлении на сцене Александрийского театра «Дон-Жуана» Мольера в постановке В. Э. Мейерхольда. Ср. также у Анны Ахматовой:

Видишь — там, за вьюгой, крупчатой,
Мейерхольдовы арапчата
Затевают опять возню.

(«Поэма без героя», ч. 1, гл. 2.)

Скалдин Алексей Дмитриевич (1889—1943) — поэт и прозаик. В 1912 г. руководил в «Орах» изданием «Нежной тайны». Биографию А. Д. Скалдина, восстановленную по архивным источникам, см.: Царькова Т. С. Странствия и приключения Алексея Скалдина // С.-Петербургские ведомости. 1992. 18 апр. Его переписка с В. И. Ивановым частично издана М. Вахтелем. См.: *Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. № 10. С. 121—141.* Известно также об участии А. Д. Скалдина и М. С. Альтмана в литературных собраниях 1932 г. в доме Д. М. Пинеса в Царском Селе.

Обо мне распространялась ... ужасная клевета — речь идет о неблагоприятном поведении М. А. Кузмина (см.: I, 138; Богомоллов Н. А. К одному темному эпизоду в биографии Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX в.: Тезисы и мат-лы конференции 15—17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 166—169; «Не забыта и Паллада...» Из воспоминаний графа Б. О. Берга / Публ. Р. Д. Тименчика // Русская мысль. 1990. 2 нояб. Литературное приложение. № 11. С. X); письмо А. Д. Скалдина к В. И. Иванову с подробным описанием происходившего в Петербурге было, по-видимому, уничтожено последним (нам его, во всяком случае, обнаружить не удалось). В связи с этим особый интерес приобретает следующая недатированная записка А. Д. Скалдина к Ал. Чеботаревской:

«Дорогая Александра Николаевна.

Буду ждать ответа и советов Вячеслава Ивановича. Вызвать Кузмина на дуэль нельзя из-за крайней низости его поступка, а также и особых свойств его, т. е. поступка. А это было бы лучшим средством с ним рассчитаться. Можно вызывать людей честных, в чем-либо провинившихся, но предателей нельзя.

Дозвониться к Вам не мог.

Ваш А. С[калдин]» (ИРЛИ, ф. 189, № 152, л. 1).

24 августа

...Моисей обещал, что прибудет в 12 часов — о коммент. к Библии РаШИИ (полное имя: рабену Шломо б. Ицхак; 1040—1105; жил во Франции), данном к стиху: «И увидел народ, что медлит Моисей спуститься с горы...» (Исх. 32, 1).

...если Брюсову больше 14 лет — имеется в виду следующий пассаж в рец. Вл. Соловьева на альманах «Русские символисты» (Вып. 1): «Общего суждения о г. Валерии Брюсове нельзя произнести, не зная его возраста. Если ему не более 14 лет, то из него может выйти порядочный стихотворец, а может и ничего не выйти. Если же это человек взрослый, то, конечно, всякие литературные надежды неуместны» (Вестник Европы. 1894. № 8. С. 892).

...он протитуировал поэзию — ср. описание последней встречи В. И. Иванова с В. Я. Брюсовым в восп. В. А. Мануйлова (*Мануйлов В. О Вяч. Иванове*. С. 357—358), а также то, что писал В. И. Иванов к 50-летию В. Я. Брюсова в газете «Бакинский рабочий» от 25 дек. 1925 г. (указано Ф. Р. Балоновым).

...все в жизни лишь средство — беглая передача второго, третьего и четвертого катренов стих. В. Я. Брюсова «Поэту» (1907):

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костер.

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневолю
И в час беспощадных распятий
Прославь иступленную боль.

...критику отвлеченных начал — ср. название докторской диссертации В. С. Соловьева «Критика отвлеченных начал» (1880).

Когда по лбу ударят грабли — видимо, из утраченного дневн. М. С. Альтмана за апр. — дек. 1921 г.

27 августа

Мережковский в одном месте связывает Павла Ивановича (Чичикова) и Федора Павловича (Карамазова) — ср.:

«И даже в страшном лице Великого Инквизитора мелькает знакомое лицо не только отца Федора Павловича, но и деда Павла Ивановича. И антихристово царство, противопоставляемое Великим Инквизитором царству Христову, — эти „тысячи миллионов счастливых младенцев“, умеренная сытость, „спокойное довольство“ всего человечества в комфортабельных „алюминиевых дворцах“, в вавилонской башне социал-демократии, — есть не что иное, как царство Чичикова, всемирного и вечного, Чичикова *sub specie aeterni*, ибо царство его и есть именно царство „от мира сего“: в Чичикове, говорит Гоголь, было „все, что нужно для этого мира“» (*Мережковский Д. С. Гоголь: Творчество, жизнь и религия. СПб.: Пантеон, 1909. С. 45*).

Каждое имя умел он проследить — проблема соотношений имени и называемого явления — одна из стержневых в научном наследии о. П. Флоренского. В его главном богословском труде «Столп и утверждение Истины» важнейшие положения обоснованы с помощью этимологических рассуждений. Во время весьма тесного общения с В. И. Ивановым в середине 1910-х гг. о. П. Флоренский продумывал основные идеи кн. «Имена» (впервые отрывки опубликованы: Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 162—176; целиком: Опыты: Литературно-философский ежегодник. М., 1990. С. 351—412), становившиеся, видимо, неоднократно темой обсуждения двух друзей. О. Павел Флоренский, полемизируя с рационалистической традицией, видит в имени типическое высочайшего порядка, настаивая на том, что оно выражает сущность человека, предмета, явления, с

которым связано: «...народное мышление сгустило соборным опытом ряд именных типов в твердое убеждение о жизненной значимости имен» (ср.: «имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность»). В применении к художественной литературе о. П. Флоренский делает важные наблюдения относительно имен и художественных образов: художественные образы не что иное, как «имена в развернутом виде», имена же — «средоточные ядра самых образов». Помимо отмечавшегося влияния ономастических изысканий о. П. Флоренского на С. Н. Булгакова и А. Ф. Лосева данный текст, как представляется, позволяет говорить о значительном их воздействии на В. И. Иванова, а через него и на М. С. Альтмана, посвятившего проблемам ономастики бóльшую часть своих научных работ.

...мать моя — Преображенская Александра Дмитриевна (1824—1896), см. о ней: I, 7—9.

...да вот и Ваше имя Илья-Моисей — ср. сонет М. С. Альтмана «Се-мантика имен» (см. с. 328—329). Приведем также «Эпитафию себе» М. С. Альтмана:

Как на Фаворе собеседники Мессии,
Звался Илией и Моисеем,
А прожил всю жизнь в России
Книжником и фарисеем.

22.09.1954

В этот же день ... умер Блок — в действительности А. А. Блок скончался 7 авг. 1921 г. Ср. стих. В. И. Иванова «Умер Блок» (1921; III, 532).

...храмы в честь Успения строились везде на границах — позднейшее подтверждение суждений В. И. Иванова об особой роли храмов Успения в композиции русских городов см. в ст. Д. С. Лихачева «Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси», где отмечена их широкая распространенность, расположение в центре оборонительных сооружений (кремлей, монастырей) и единство архитектурного образа (Успенский собор московского Кремля. М., 1985. С. 17—23).

Успенский собор ... в самом центре Москвы — Успенский собор московского Кремля был воздвигнут в 1475—1479 гг. по проекту Аристотеля Фиораванти. Ср. стих. В. И. Иванова «Когда кощунственный снаряд...» (1917; IV, 65).

...из рассказа о Сауле, Богом забытом — 1 Цар. 15, 13—31.

Рюрик Ивнев (псевдоним Михаила Александровича Ковалева, 1891—1981) — поэт-имажинист. Ниже речь идет о его сб. «Солнце во гробе» (М.: Имажинисты, 1921).

«Песня как бритва...» — неточная цитация стих. Рюрика Ивнева «Короткого, горького счастья всплеск...» (1920) в том же сб.:

Горек и страшен плод
Нашей недолгой любви.
Песня как бритва. Весь рот
От этих песен в крови.

Я понимаю Гете, сказавшего: «Я никогда не напишу трагедии: я бы этого не пережил» — ср. в письме Гете Шиллеру от 9 дек. 1797 г.: «Я и в самом деле недостаточно знаю самого себя, чтобы определить, в состоянии ли я написать настоящую трагедию; я лишь попросту испытываю страх перед подобным предприятием и почти уверен, что и одна попытка такого рода могла бы разрушить меня» (Гете И. В., Шиллер Ф. Переписка: В 2-х т. / Вступ. ст. А. А. Аникста; пер. с нем. и коммент. И. Е. Бабанова. М., 1988. Т. I. С. 456—457.

...Блок ... разочаровался в революции — ср. сообщаемое о А. А. Блоке Ю. П. Анненковым: «— Я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь, — повторял он, — не я один: вы тоже! Мы задыхаемся, мы задохнемся все. Мировая революция превращается в мировую грудную жабу!» (Анненков Ю. П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 14). Достаточно показательна в этом отношении и запись А. А. Блока в знаменитой «Чукоккале» от 6 июля 1919 г.: «...Я не умею заставить себя вслушиваться, когда чувствую себя схваченным за горло, когда ни одного часа дня и ночи, свободного от насилия полицейского государства, нет и когда живешь со сцепленными зубами» (Чуковская Е. Мемуар о «Чукоккале» // Наше наследие. 1989. № 4. С. 72).

3 сентября

«Толстовский альманах» — см. кн.: Международный толстовский альманах: О Толстом. Воспоминания и характеристики представителей различных наций / Сост. П. А. Сергеенко. 3-е изд. М., 1911.

Петерсон Николай Павлович (1844—1919) — участник революционного движения 1860-х гг., привлекался по делу Каракозова. В 1868—1869 гг. служил в Чертковской библиотеке, где познакомился с Н. Ф. Федоровым, после чего стал одним из наиболее ревностных его последователей и пропагандистов. В «Международном толстовском альманахе» помещена ст. Н. П. Петерсона «Из записок бывшего учителя».

Федоров Николай Федорович (1828—1903) — русский философ. Об истории его взаимоотношений с Л. Н. Толстым см.: *Георгиевский Г. П. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров (из личных воспоминаний) / Вступ. ст. и примеч. Г. И. Довгалло и А. П. Чудакова // Четвертые тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 27—66.*

Кожевников Владимир Александрович (1852—1917) — философ, историк религии, автор стихов. Имеются в виду кн.: *Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Н. Ф. Федорова*, изд. под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Верный, 1906; М., 1913. Т. 1—2; *Кожевников В. А. Николай Федорович Федоров: Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. С приложением писем Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, А. А. Шеншина (Фета) и Л. Н. Толстого о Н. Ф. Федорове и его учениках. Ч. I. М., 1908.*

...Достоевский в своем ... письме о Федорове — письмо Ф. М. Достоевского Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. (первая журн. публ. — *Русский архив*. 1904. № 3).

«*Сократ, займись музыкой*» — ницшеанское толкование реплики Сократа «Сократ, твори и трудись на поприще муз» («Ὁ Σώκρατες μουσικὴν ποίει καὶ ἐργάζου» — *Платон. Федон*, 60e — 61a), связанное с пониманием «μουσική» (литература, поэзия) как «музыка».

...статью В. Розанова — см.: *Розанов В. В. Поездка в Ясную Поляну // Международный толстовский альманах. М., 1909. С. 115—124.*

... всего удачнее у Мережковского: Толстой — охотник — Д. С. Мережковский писал в кн. «Л. Толстой и Достоевский» (1901—1902), что в герое повести «Казачи» выступает «до сих пор не разгаданное, не освещенное лицо самого Л. Толстого <...>, этого исполина с детскими глазами, со старческими,

могучими, трудовыми морщинами, с юношескими мышцами, с крепким смешанным запахом чихиря, водки, пороха и запекшейся крови — в лице дяди Ерошки... Он сам говорит о себе с простодушною гордостью: „Я — молодец, пьяница, вор, охотник... Я человек веселый, я всех люблю, я — Ерошка“» (*Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. СПб.: Изд-во т-ва М. О. Вольф, 1912. Т. 7. С. 21; см. также с. 27, 81).*

5 сентября

...Вы вот мне недавно читали ... о своем желании «паром выйти» — видимо, из утраченного дневн. М. С. Альтмана за апр. — дек. 1921 г.

Нередко мы думаем, будто растенья — цитируются заключительные катрены стих. К. Д. Бальмонта «Оргия жизни» из сб. «Злые чары: Книга заклятий» (М., 1906).

Вот Ваша, М. С., стихия — вода — библейская аллюзия: «И вырос младенец, и она привела его к дочери фараоновой, и он был у нее вместо сына, и нарекла имя ему: Моисей, потому что, говорила она, я из воды вынула его» (Исх. 2, 10). В Библии закреплена народная этимология имени «Моисей» (евр. «Моше» от глагола «маша» — выловить); по мнению современных филологов, «мосес» — сокращенная форма имени, означающего дитятю, сына.

Мавзол будет стоять в задумчивости пред своим мавзолеем — о федоровском проекте музея как об одной из необходимых предпосылок к всеобщему братству и воскресению отцов см. ст. «Музей, его смысл и назначение» (Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Н. Ф. Федорова, изд. под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. 2. С. 398 —463).

...группировкой ... апокалипсических зверей — описанные в 4-ой и 5-ой главах Апокалипсиса животные были осмыслены в христианской традиции как символы четырех классов живых существ и их качеств: лев (сила); телец (питание); человек (разум); орел (возвышенность). Позже каждое из них стало символом одного из евангелистов (соответственно: Марка, Луки, Матфея, Иоанна). Беседы об апокалипсических зверях неоднократно возникали в среде русских писателей нач. XX в. — ср. стих. К. Д. Бальмонта «Четыре знака» (1909) и стих. Н. С. Гумилева «Леопард» (1913). См. также следующее размышление

В. И. Иванова, вызванное одним из посещений Белого в начале 1900-х гг.:

«У каждого за плечами звери, как у евангелистов, — по два. У меня — орел и вол. Иоаннов орел парит, а вол (филолог) тянет плуг. Тени их: тень орла — земля, тень вола — козел, похотливый и бездельный. У Лидии было величаво: орел и лев, рыкающий, кидающийся. А у нашего Белого — лев и тень его заяц — чаще тень, чем лев. Но и лев. И — человек» (*Герцык Евг.* Воспоминания. С. 61).

...из корректуры печатающейся его книги о Пра-Дионисе — см. главу «Дельфийские братья» в кн.: *Иванов Вяч.* Дионис и пра-дионисийство. С. 18—42.

...Аполлон был очищен Персефой — Аполлон, убив Пифона, должен был спуститься в Аид, чтобы получить очищение от Персефоны.

Иакх — ипостась Диониса, согласно одной из версий — сын Зевса и Персефоны.

...«чувство простого такта» — см.: *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. С. 41—42.

«Я полдня белого крылатая печаль...» — контаминация первой («Я — Полдня вещего крылатая Печаль...») и седьмой («Я — Полдня белого небесная Печаль...») строк стих. В. И. Иванова «Печаль Полдня» (1904; I, 780).

«Есть некий час всемирного испуга...» — зачин сонета М. С. Альтмана «Ужас пустоты». См. с. 323.

Замятина Мария Михайловна (1865—1919) — подруга юности Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, оставившая в 1901 г. должность библиотекаря Высших женских курсов в Петербурге и посвятившая себя целиком заботам о семье Ивановых. (См.: I, 41—42).

«Похоронною лазурью осиянна...» — из стих. В. И. Иванова «Печаль Полдня» (1904).

«Выпито лазурной глубиной...» — из поэмы в сонетах «Спор» В. И. Иванова («Сог Ardens», кн. 4). С этого места текст восстановлен по римскому варианту «Разг.».

12 сентября

...у нас уже нет ног, но вырастают крылья — по всей видимости, Ал. Н. Чеботаревская имеет в виду какое-то устное высказывание или выступление А. Белого, неоднократно

уподоблявшего словесное творчество полету, обретению крыльев (ср., например: *Белый А. Глоссолалия*. Берлин: Эпоха, 1922. С. 20, 21, 30, 121).

Тургенева Анна (Ася) Александровна (1891—1966) — художница, первая жена А. Белого (регистрация гражданского брака — в Берне 23 марта 1914 г.). Познакомилась с А. Белым осенью 1905 г., но первый их разговор состоялся лишь четыре года спустя; в конце 1910 г. происходит заключение их жизненного союза. 23 апр. / 6 мая 1912 г. они знакомятся с Р. Штейнером, ревностными посетителями лекций которого становятся. «В 1912—13 годах вся наша жизнь стояла под знаком лекций Рудольфа Штейнера» (*Тургенева А. А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Мосты*. 1968. № 13—14. С. 236—251, а также в кн.: *Tourgenieff Assja. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum*. Stuttgart, 1972). В. И. Иванов иронизирует над чисто спиритуальными отношениями А. А. Тургеновой и А. Белого.

17 сентября

...что Гераклит прав и дважды одну и ту же реку, действительно, переплыть нельзя — неточная цитация известного изречения Гераклита Эфесского (приводим его в пер. С. Муравьева): «Ты в потоки те же самые дважды не войдешь» (*Лукреций. О природе вещей*. М., 1982. С. 255).

«Ты, мать Муз, венец сознания, залог бессмертья...» — М. С. Альтманом неточно процитирован в записи беседы первый катрен из незавершенного стих. В. И. Иванова «Деревья» (1917—1918):

Ты, Память, Муз родившая, свята,
Бессмертия залог, венец сознания,
Нетленного в истлевшем красота!
(III, 533).

...как в 1908 году в Крыму — летом 1908 г. В. И. Иванов с семьей гостил в Судаче на даче семейства Лубны-Герцык (см.: *Герцык Евг. Воспоминания*. С. 53—59).

...три формулы — услышанное В. И. Ивановым представляет собой раскрытие «священной тетраграммы», неизреченного Имени Божьего. По мнению современных комментаторов Библии, оно означает Бога, имеющего в Себе Самом принцип Своего

М. С. Альтман — выпускник гимназии. Фот. 1914 г.

М. С. Альтман — студент Киевского университета. Фот. 1916 г.

Л. В. Иванова. Фот. 1923 г.

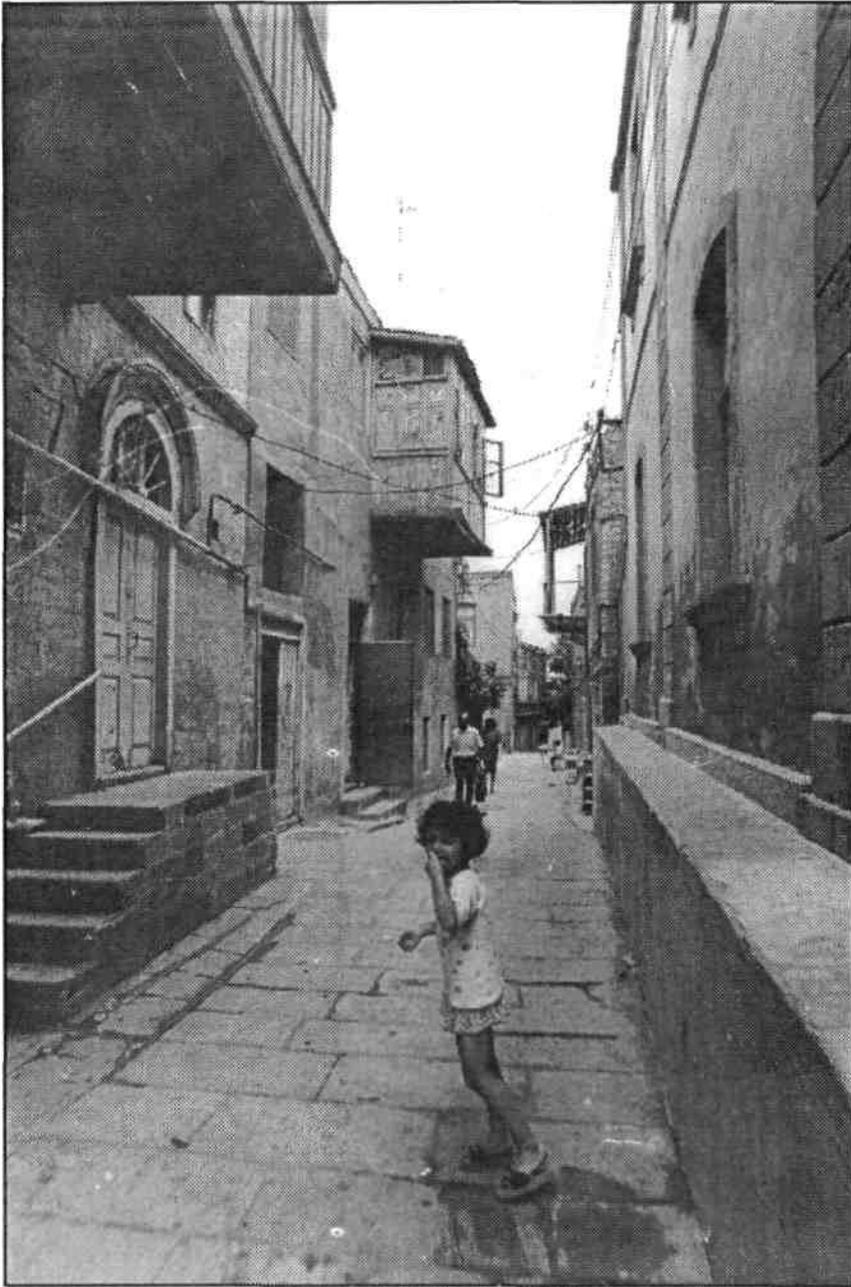
Д. В. Иванов. Фот. 1924 г.

В. И. Иванов и М. С. Альтман. Фот. 1923 г.

В. И. Иванов и М. С. Альтман. Фот. 1923 г.

Баку. Бондарная ул. Фот. 1994 г.

В. И. Иванов и Р. С. Альтман. Фот. 1923 г.

В. И. Иванов в кругу учеников. Фот. 1923 г.

III.

Дни мои! ты со своим светом своим
свободно ишь дашь в Томской степи,
в пашках в Томской степи;
Моя же ты вступил в закон мой.

Свет твой свет, а ты в своем свете
Моя же ты в своем свете

своя же ты в своем свете
своя же ты в своем свете
Моя же ты в своем свете

своя же ты в своем свете
своя же ты в своем свете
Моя же ты в своем свете

Михаил Мухоморов

Ваш,
Иванов 1923

Вяч. Иванов. М. С. Альтману. Автограф. 1923 г.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ.

ДИОНИС
И
ПРАДИОНИСИЙСТВО.

БАКУ
1923.

*Титульный лист докторской диссертации Вяч. Иванова «Дионис и прадионисийство».
Баку, 1923.*

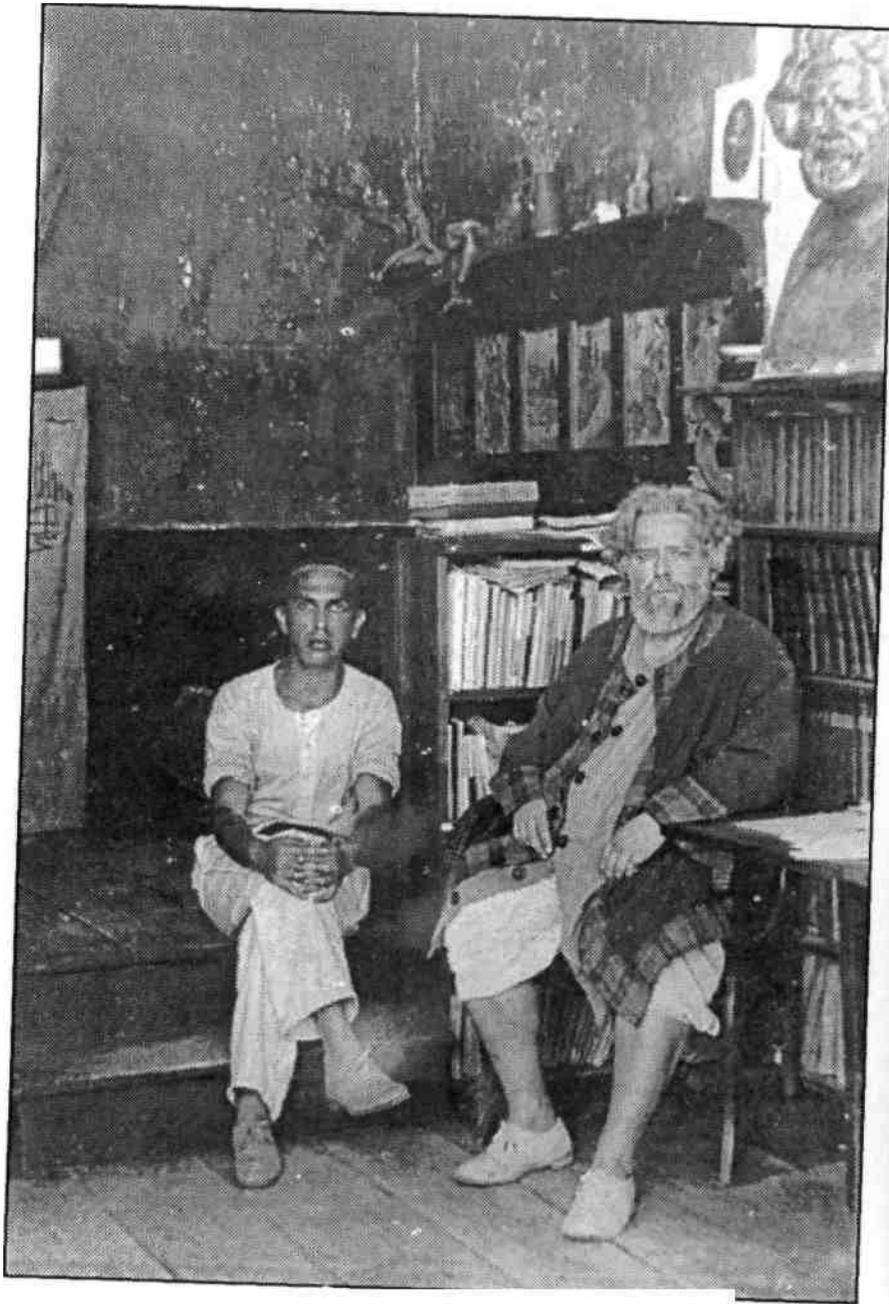
Диплом М. С. Альтмана. 1923 г.

В. И. Иванов среди участников поэтического кружка «Чаша». Фот. 1924 г.

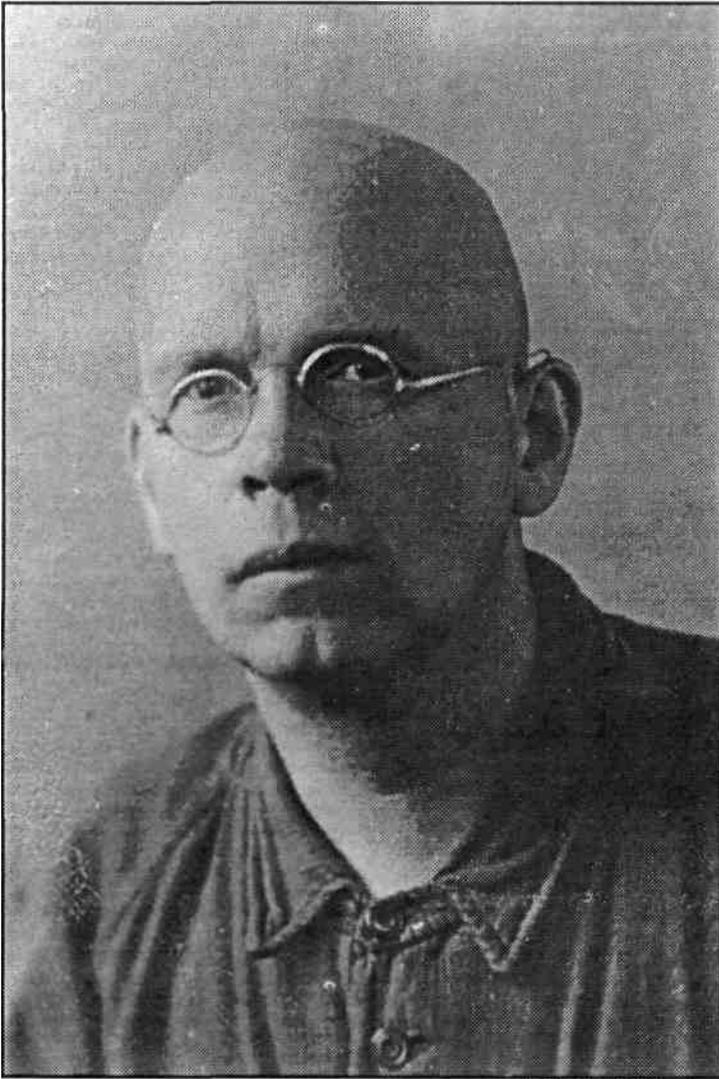

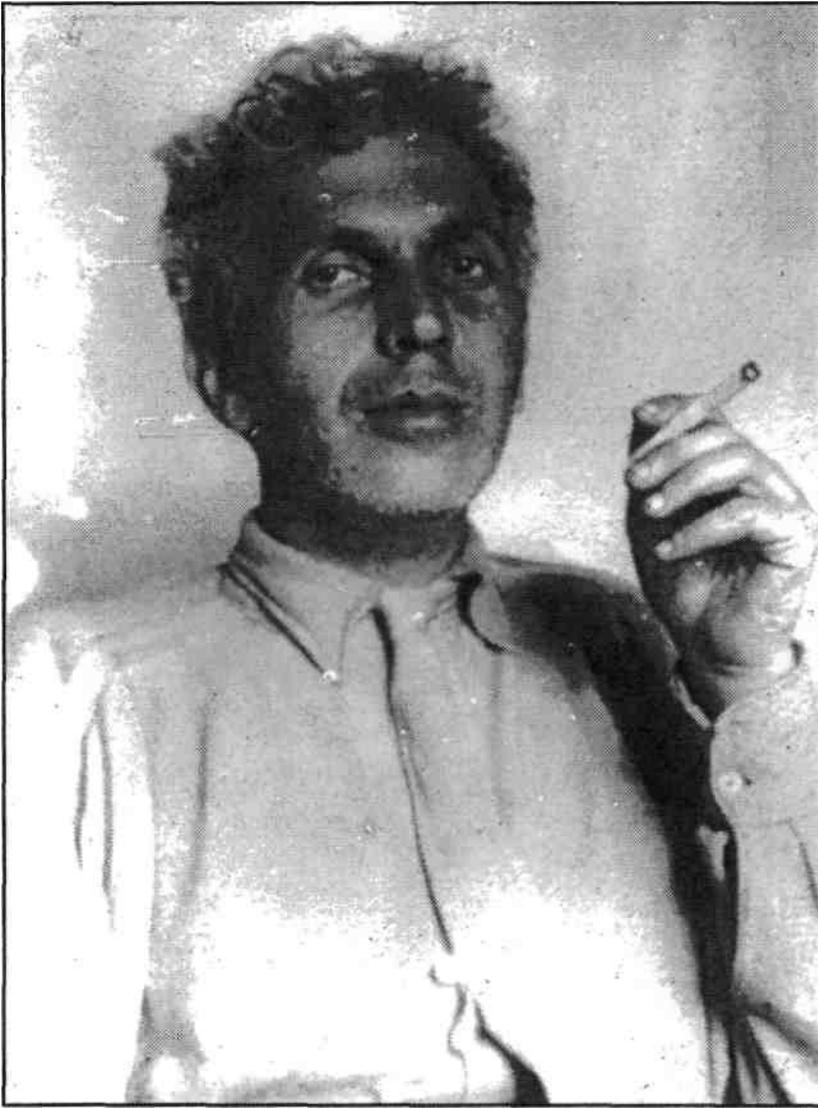
М. С. Альтман с женой А. Г. Морейно. Фот. 1927 г.

М. А. Волошин и М. С. Альтман. Фот. 1929 г

А. А. Скалдин. Фот. 1932 г.

М. С. Альтман. Фот. 1930-х гг.

бытия, что можно перевести четырьмя формулами: 1. «Я есмь, Который есмь» — самобытность Бога; 2. «Я буду, Который есмь» — вечность, неизменяемость; 3. «Я есмь, Какой буду» — утверждение Бога; 4. «Я есмь, Который причиняет бытие» — первопричина всего.

20 сентября

...человек 60 всего убили — список расстрелянных в связи с «таганцевским делом» (включает 61 имя) был опубликован в газете «Петроградская правда» от 1 сент. 1921 г. Под номером 33 читаем о Н. С. Гумилеве: «Гумилев Николай Степанович, 33 г., б. дворянин, филолог, поэт, член коллегии „Из-во Всемирной Литературы“, беспартийный, б. офицер. Участник П[етроградской] Б[оевой] О[рганизации], активно содействовал составлению прокламаций к.-революционного содержания, обещая связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании; получал от организации деньги на технические надобности». Отчет о заседании Петроградского Совета опубликовала также «Красная газета» за то же число. Отметим, наконец, что утверждение И. Ф. Мартынова о существовании некролога Н. С. Гумилева, написанного В. И. Ивановым (см.: Вестник РХД. 1987. № 150. С. 178), в газете «Бакинский рабочий» от 5 окт. 1921 г. (№ 227), недостоверно — в действительности там содержится лишь краткое сообщение за подписью «Neto» о ненапечатанных рукописях расстрелянного поэта. О реакции современников на это дело см. в ст. Р. Д. Тименчика «По делу № 214224» (Даугава. 1990. № 8. С. 116—122).

Таганцев Владимир Николаевич (1890—1921) — географ, профессор Санкт-Петербургского университета и Горного института. В списке «Петроградской правды» он указан первым: «...31 г., б. помещик, профессор-географ, беспартийный секретарь Сапропеллевого Комитета; глава и руководитель Петроградской Боевой Организации; поставил себе целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания и применения тактики политического и экономического террора по отношению к Советской власти. Состоял в деловом отношении с разведками: Финского Генерального Штаба, американской, английской».

Попов — в «Петроградской правде» под номером 4 содержится следующая информация: «Попов Григорий Константинович, 27 л., б. дворянин, по убеждениям монархист, завед. п/отд. Учета Авто-Гужа, холост, активный участник Птг. Боевой Орг., которую снабжал сведениями о положении Авто-Гужа, списками гаражей в г. Петрограде; имел деловые сношения с одним из руководителей организации, Шведовым, В. Г. После ареста Таганцева продолжал активную работу и был связан с Финляндией; принимал курьеров разведок».

Гревс Иван Михайлович (1860—1941) — русский историк, специалист по римской истории и средневековью, профессор Санкт-Петербургского университета и Высших женских курсов; основатель советской медиевистики (см. о нем: *Каганович* Б. С. И. М. Гревс — историк средневековой городской культуры // *Городская культура: Средневековье и начало нового времени*. Л., 1986. С. 216—235). Среди его учеников — А. П. Алявдин, Н. П. Анциферов, В. В. Бахтин, О. А. Добиаш-Рождественская, А. П. Смирнов, Л. П. Карсавин, Н. П. Оттокар, Г. П. Федотов. О роли дружбы с И. М. Гревсом в жизни В. И. Иванова — см. коммент. к «Разг.» от 10 апр. 1921 г. Слух о расстреле историка был ложным.

...я в длинной рецензии ... указал — в действительности в рецензии на сб. Н. С. Гумилева «Жемчуга» (М., 1910; третий по счету и «первый самостоятельный», по мнению В. И. Иванова) отмечалось ученичество у В. Я. Брюсова, а также указывалось, что Гумилеву свойственна «...стесненность поэтического диапазона и граничащая подчас с наивным непониманием неотзывчивость нашего автора на все, что лежит вне его грезы». В заключение признавалось, что «он ученик, какого мастер не признать не может; и он — еще ученик...» (Аполлон. 1910. № 7. С. 38, 41).

Дважды ... ездил он в Абиссинию — в действительности в Абиссинию Н. С. Гумилев ездил трижды: в нояб. 1909 — февр. 1910; сент. 1910 — марте 1911; апр. — авг. 1913 гг. Известно также, что 5 апр. 1911 г. В. И. Иванов присутствовал в редакции «Аполлона» на сообщении И. С. Гумилева о путешествии в Африку; о заседании, имевшем место неделю спустя (13 апр.), есть следующие сведения: «Вячеслав Иванов сообщил свою оценку образцов абиссинской поэзии, записанных и переведенных Н. С. Гумилевым во время его недавнего африканского

путешествия. <...> [После доклада — К. Л.-Д.] Вячеслав Иванов прочитал стихотворение в форме газэлы на абиссинские мотивы...» (*Чудовский В.* Литературная жизнь: Собрания и доклады // Русская художественная летопись. 1911. Май. С. 142—143).

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, в течение своей жизни неоднократно менявший литературную ориентацию («застрельщик с именем», как называл его А. А. Блок): символист, фольклорист-мифотворец, акмеист, «крестьянский поэт», большевик-агитатор, советский поэт. Наибольшая степень близости В. И. Иванова с Городецким относится к 1906 г., когда он и Л. Д. Зиновьева-Аннибал стремились поделиться с молодым поэтом опытом жизнестроительства (см.: II, 757—764; стихи В. И. Иванова, посвященные Городецкому: II, 245—248; IV, 41, 52—53). В рецензии В. И. Иванова на «Ярь» С. М. Городецкого этот сб. стихов был назван «литературным событием», знаменующим появление яркого таланта, «если еще незрелого, то во всяком случае самобытного и внушающего богатые надежды» (Критическое обозрение. 1907. Вып. 2. С. 48); в дальнейшем, однако, пути поэтов все более расходились — наиболее резкие выпады против В. И. Иванова содержатся в ст. С. М. Городецкого «Разложение интеллигенции» (1920), а также в его «Воспоминаниях об Александре Блоке» (1922), где он назвал «башню» «Парнасом бесноватых».

Февральская революция застала С. М. Городецкого, корреспондента газеты «Русское слово» и сотрудника Земгора, в Персии, откуда он попадает в Тифлис (о его активной литературной деятельности здесь см.: *Городецкий С.* Искусство и литература в Закавказье в 1917—1920 гг. // Книга и революция. 1920. № 2. С. 12—13), а затем в Баку, где он создает «Цех поэтов». На заседаниях этого литературного объединения в начале 1920 г. неоднократно бывал М. С. Альтман (см. об этом дневн. от 11 янв., 27 февр. и 11 апр. 1920 г.).

После вступления Красной Армии в Баку (28 апр. 1920 г.) С. М. Городецкий был назначен заведующим художественным отделом Бакавроста, возглавил журнал «Искусство» и литчасть Политуправления Каспийского флота; после нескольких месяцев, проведенных летом 1920 г. в Петрограде, поэт возвратился в Баку. Несмотря на то, что С. М. Городецкий был первым, кого В. И. Иванов встретил в Баку и кто оказал ему

определенную помощь (*Иванова Л. Восп. С. 91*), нового сближения поэтов в Баку не произошло.

Все трое — сам Н. С. Гумилев, как и А. А. Ахматова, неоднократно утверждал, что акмеистов шестеро; приведем отрывок из недатированного письма Н. С. Гумилева В. Я. Брюсову (видимо, начало 1913 г.): «Всем пишущим об акмеизме необходимо знать, что „Цех поэтов“ стоит совершенно отдельно от акмеизма (в первом 26 членов, поэтов-акмеистов всего шесть), что „Гиперборей“, журнал, совершенно независим и от „Цеха“, и от кружка „Акме“» (*Гумилев Н. С. Неизданные стихи и письма. Париж, 1980. С. 77*). Эти шестеро: сам Гумилев, А. А. Ахматова, С. М. Городецкий, О. Э. Мандельштам, М. А. Зенкевич, В. И. Нарбут.

...накануне своей дуэли с NN — причиной знаменитой дуэли между М. А. Волошиным и Н. С. Гумилевым были слухи, распускавшиеся вторым из них о поэтессе Елизавете Ивановне Дмитриевой (в браке Васильевой, литературный псевдоним — Черубина де Габриа; 1887—1928). 19 нояб. 1909 г. М. А. Волошин в мастерской художника А. Я. Головина в присутствии И. Ф. Анненского, А. А. Блока, С. К. Маковского, В. И. Иванова и др. дал пощечину Н. С. Гумилеву. Дуэль состоялась 22 нояб. на окраине Петербурга, за Новой деревней возле Черной речки (секунданты М. А. Волошина — А. К. Шервашидзе и А. Н. Толстой; Н. С. Гумилева — Е. А. Зноско-Боровский и М. А. Кузмин). В. И. Иванов был вовлечен в эту историю еще весной 1909 г., когда Е. И. Дмитриеву ввел на «башню» влюбленный в нее Гумилев. Он же порочил поэтессу на «башне» осенью того же года. Поведение В. И. Иванова в мастерской А. Я. Головина описано М. А. Волошиным:

«Следующим, с кем я встретился, был Вяч. Иванов. Он тоже был растерян и шел ко мне с протянутой рукой и с расширенными глазами.

„Макс, я, конечно, узнаю твой характер... Но взвесил ли ты, насколько слова г[осподин]а В., сказанные о г[оспож]е Н., были правдой или выдумкой“. Он был явно сбит с толку. Этот удивительно умный и тактичный человек в первый момент совершенно растерялся, не знал, какой взять тон, но, памятуя правило „Дуэльного кодекса“ о том, что, обменявшись оскорблениями, сразу забывают имена друг друга и, говоря друг с другом, называют друг друга: г-н А и г-н Б, он, совершенно

растерявшись, перенес это правило поведения на частный разговор. Так что я ему ответил: „Вячеслав, мне кажется, что дело вовсе не в том, чтобы проверять слова Гумилева. Если он говорил правду, то его поведение вовсе не облегчается, а, напротив, становится еще хуже“» (*Давыдов З. Д., Купченко В. П.* Максимилиан Волошин: Рассказ о Черубине де Габриак // Памятники культуры: Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 51—52). Рассказывая П. Н. Лукницкому о дуэли с Волошиным, А. А. Ахматова утверждала, что на «башне» Н. С. Гумилев провел не только сутки, предшествовавшие дуэли, но и последующие (*Лукницкая В. К.* Сонеты девятого года // Белые ночи. Л., 1989. С. 283—284).

...он стрелял для приличия только — дуэль, происходившая на расстоянии 20 шагов, описана М. А. Волошиным: «Гумилев промахнулся, у меня пистолет дал осечку. Он предложил мне стрелять еще раз. Я выстрелил, боясь, по неумению своему стрелять, попасть в него. Не попал, и на этом наша дуэль окончилась. Секунданты предложили нам подать друг другу руки, но мы отказались» (*Давыдов З. Д., Купченко В. П.* Максимилиан Волошин: Рассказ о Черубине де Габриак. С. 52). Никаких сведений о нарушении М. А. Волошиным правил дуэли не содержится и в рассказах А. Н. Толстого и А. К. Шервашидзе (см.: *Figaro*. 1922. 6 févr.; см. также: *Толстой А. Н.* Нисхождение и преображение. Берлин: Мысль, 1922. С. 13—15; *Шервашидзе-Чачба Р. А.* Апсны, твой древний ключ звучит, как звук далекий // Ерцаху: Лит. сб. Сухуми: Алакшара, 1984. С. 221—222). Свидетельство о дуэли донесено до нас и другим пристрастным рассказчиком, связанным с «башней», — А. А. Ахматовой:

«У М. Волошина две осечки. Н. Гумилев первый раз промахнулся, а второй — отказался стрелять, не желая пользоваться возможностью стрелять в незащитного противника. Дуэль окончилась ничем. Н. Гумилев крайне раздосадован и огорчен результатами дуэли. С дуэли Н. Гумилев, М. Кузмин, Е. Зноско-Боровский вернулись на „башню“. Там не спали...

Поведение М. Волошина до и после дуэли вызывало возмущение всех окружающих, в числе которых были В. Иванов и И. Анненский. История дуэли сильно повлияла на общие отношения к М. Волошину» (*Лукницкая В. К.* Сонеты девятого года. С. 284).

Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936) —

в большевистской партии с 1901 г. После революции — член ЦК РКП(б) (1917—1926), председатель Петроградского Совета (1917—1926), председатель Исполкома Коминтерна (1919—1926), председатель Совнаркома Союза Коммун Северной области (1918—1919). Известен особой жестокостью в расправах с возможными противниками.
Троцкий Сергей Витальевич — см. коммент. к «Разг.» от 13 авг. 1921 г.

26 сентября

«У чукчей нет Анакреона...» — из стих. А. А. Фета «На книжке стихотворений Тютчева» (1883).

...лермонтовское неприятие мира есть просто неприятие «света» — ср. в стих. М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837): «Восстал он против мнений света».

«На вечность любить невозможно...» — неточная цитация стих. М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно...» (1840).

...И на челе его высоком — цитация заключения 3-й главы поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1841), которое, в свою очередь, является парафразом стихов из окончания 1-й части поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник» (1821):

...И на челе его высоком
Не изменялось ничего...

...ничего здесь не благословлял — реминисценция заключительных строк стих. А. С. Пушкина «Демон» (1823):

И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

...у Достоевского черт мечтает воплотиться в семипудовую купчиху — ср. реплику черта в «Братьях Карамазовых»: «Моя мечта — это воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит» (часть IV, кн. 11, гл. IX).

Семела — в греч. мифологии дочь фиванского царя Кадма и Гармонии, возлюбленная Зевса. По совету ревливой Геры потребовала от Зевса, чтобы тот предстал перед ней во всем своем божественном величии. Связанный обещанием исполнить любое ее желание, Зевс появился перед возлюбленной среди молнии и грома и испепелил ее. Не родившегося от Семелы сына Диониса Зевс спас и выносил, зашив в бедро.

Сольнес — о главном герое драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес» (1892).

Сахсей-Вахсей (или Шахсей-Вахсей) — траурная церемония у шиитов в память о гибели их великомученика имама Хусейна, сына халифа Али, в бою у Кирбелы (680 г.) с воинами омейядского халифа Язида I. Религиозные церемонии, связанные с этим траурным днем, сопровождаются постом, молитвенными песнопениями и массовыми самоистязаниями, тут же разыгрываются театрализованные мистерии, изображающие эпизоды из жизни халифа Али, а также эпизоды убийства последнего. Проведение этих церемоний было запрещено в 1922 г. советской властью. Ср. описание этого праздника, сделанное В. И. Ивановым в его кн. «Дионис и прадионисийство» (с. 183—186), и в воспоминаниях Л. В. Ивановой (с. 94).

27 сентября

В. предложили читать ... курс о немецком романтизме — в осеннем семестре 1921 г. в профессорскую нагрузку В. И. Иванова были включены лекции и практические занятия по курсу «Немецкий романтизм» (2 часа в неделю).

Гете ... юношу Новалиса недаром определил как будущего императора — данное утверждение Гете, сделанное им в Пасхальный понедельник 1808 г., было опубликовано в кн.: *Falk J. D. Goethe aus näherem persönlichem Umgange dargestellt. Leipzig, 1832. S. 99.* Оно было впервые проанализировано Л. Тиком в предисловии к пятому изданию произведений Новалиса, откуда его и почерпнул В. И. Иванов (см.: *Tiek L. Vorrede zur fünften Auflage [1837] // Novalis. Schriften. Hrsg. von J. Minor. Jena, 1907. Bd. 1. S. XXVIII.*) Ср. также цитацию этого пассажа в ст. В. И. Иванова «О Новалисе» (1913; IV, 259).

Гете так прекрасно описал пламенную смерть бабочки — имеется в виду стих. Гете «Блаженное томление» («*Selige Sehnsucht*», 1814):

...Дух окрепнет, крылья прянут,
Путь нетруден, недалек.
И уже, огнем притянут,
Ты сгораешь, мотылек.

(Пер. Н. Вильмонта.)

В ст. «Гете на рубеже двух столетий» (1912) В. И. Иванов не только дает прозаический перевод этого стихотворения, но и следующую его интерпретацию: «Итак, живое тем запечатлевает свою жизнь, что ищет выхода в новую жизнь из полноты своей жизненности; переход — смерть; огонь — Бог; бабочка — душа; смерть — брак человека с Богом. Еще древние изображали Психею в виде бабочки, летящей в пламя факела, который держит Эрос. Так думал Гете о человеке как зачатке иного бытия, как о ростке, рост которого затруднен силами зла» (IV, 140).

...он же так ценил Байрона за его сверхчеловеческий демонизм — см. «Разговоры с Гете» И. П. Эккермана от 8 нояб. 1826 г.

...если нырнет, так сразу Геллеспонт переплывет — намек на факт биографии Байрона, воспетый им в поэме «Дон-Жуан» (песнь II):

...Он переплыл бы даже несомненно
И Геллеспонт, когда бы пожелал, —
Что совершили, к вящей нашей гордости,
Лишь Экенхед, Леандр и я — по молодости.

(Пер. Т. Гнедич.)

Размышления В. И. Иванова об этом эпизоде см. в его стих. «К. Бальмонту» (1909; II, 352).

...завидовал Гете ... Байрону да еще Шекспиру — характеристику Байрона в сравнении с Шекспиром и древними см. в «Разговорах с Гете» И. П. Эккермана от 24 февр. 1825 г.

...просматривая иллюстрированное издание Шекспира — имеется в виду издание, упоминаемое в «Разговорах с Гете» И. П. Эккермана 25 февр. 1825 г.: *The Family Shakespeare*. By T. Bowdler. 2nd ed. London, 1820. 10 vols.

...о нас, группе символистов, [Жирмунский] писал — хотя сравнение символистов с романтиками было общим местом в критике начала XX в. (М. Л. Гофман, С. А. Венгеров и др.), по нашему мнению, речь идет о кн.: *Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика*. СПб., 1914. Отметим также, что против «видения в современном символизме возврата к романтическому расколу между мечтой и жизнью» В. И. Иванов предостерегал в своей ст. «Предчувствия и предвестия» (1907). — См. также: *Wachtel M. From German Romanticism*

to Russian Symbolism: Vjačeslav Ivanov's Reception of Novalis // VI. S. 349—364.

Было еще одно мнение (Бальмонта, Брюсова) — имеются в виду ст. К. Д. Бальмонта «Гений открытия» (1901), а также положения, развернутые в рецензии В. Я. Брюсова на сб. стих. К. Д. Бальмонта «Будем как солнце» (М.: Скорпион, 1903), где утверждалось, что символизм почерпнул «полноту жизни» от Кальдерона, «чувство тайны» от Э. По, «отношение к любви и женщине» у Ш. Бодлера, «проникновение в жизнь стихий» от П. Шелли (отзыв В. И. Иванова на рец. В. Я. Брюсова — см.: ЛН. Т. 85. С. 437—438). Ср. также следующие высказывания: «Ницше — законодатель символизма германской расы. Бодлер — законодатель символизма расы романской» (Шарль Бодлер // *Белый А. Арабески*. М.: Мусагет, 1910. С. 248); «Бодлер был прав, утверждая, что мир есть символ» (Покрывало Изиды // *Чулков Г. И. Статьи: 1905—1911*. СПб.: Шиповник, 1912. С. 133). Позже В. И. Иванов в ст. «Symbolismo» (1936) также писал о Бодлере как об основателе символизма (II, 656).

Шестов Лев (псевд. Льва Исааковича Шварцмана, 1866—1938) — философ, литературовед, литературный критик. С янв. 1920 г. — в эмиграции.

Да и Шестов ... когда писал обо мне свою статью — см.: *Шестов Л. Вячеслав Великолепный: К характеристике русского упадничества* // *Русская мысль*. 1916. № 10. [Отд. II.] С. 80—110.

«Люблю я пышное природы увяданье...» — из стих. А. С. Пушкина «Осень» (1833).

5 октября

Моя близость с Вл. Соловьевым — после окончательного объяснения с мужем, предварившего развод, Д. М. Иванова, возвратившись в Петербург из Италии, стремится опубликовать стихи мужа. 1 июня 1895 г. Д. М. Иванова приносит В. С. Соловьеву тетрадь стихотворений, о высокой оценке которых она сообщила мужу на следующий день:

«Поздравляю тебя с gloria!

Только что вернулась от Соловьева и пишу тебе под свежим впечатлением. Он встретил меня в прихожей, п[отому] ч[то] сам отворил дверь... Он провел в свой кабинет — большую комнату, в кот[орой] был какой-то почтительный молод[ой]

человек, который простился и ушел. Тогда он пригласил сесть и сказал: „Стихи великолепные, я их читал с большим удовольствием, в них столько содержания. Вы были правы — лучше издать их отдельной книгой — они произведут цельнее впечатление, да их и много — когда же они напечатаются в журнале?

...Нельзя подумать, что пишет начинающий и что он никогда не печатался раньше — видна опытность его руки. Главное — есть оригинальность... Талант есть, гораздо сильнее, несравненно, чем у Фруга, у Бальмонта, и, главное, оригинальность. Содержание выше формы — исключение лирические стихи. Содержания иногда слишком много, оно давит форму — может быть, этот недостаток пройдет в будущем у автора“» (*Котрелев Н. В.* К истории «Кормчих звезд» // *Русская мысль*. 1989. № 3793. 15 сент.). Вскоре по инициативе В. С. Соловьева в печати появляются следующие стихи В. И. Иванова: «Тризна Диониса» («Космополис», 1898), «Дни недели», «На миг», «Воспоминание», «Полет», «Сны» («Вестник Европы», 1898–1899), а также «Первая пифийская ода Пиндара» («Журнал министерства народного просвещения», 1899; также отд. изд.).

9 окт. 1895 г. жена В. И. Иванова представила его В. С. Соловьеву, что положило начало пятилетним встречам, оборванным внезапной смертью последнего. Емкую характеристику этого общения В. И. Иванов дал в своем «Автобиографическом письме»: «Между тем моя первая жена, без моего ведома, принесла Вл. Соловьеву на суд мои стихи. Он нашел в них „главное“, как он говорил — „безусловную самобытность“, а о моем „нищепанстве“ предрек, что на нем я не остановлюсь. Я был обрадован телеграммой о его сочувствии и желании, с моего разрешения, отдать мои стихи в журналы. С тех пор в течение нескольких лет я имел с ним важные для меня свидания, всякий раз как приезжал в Россию. Он был и покровителем моей музыки, и исповедником моего сердца. В последний раз я виделся с ним месяца за два до его кончины и принял его благословение дать своей первой книге заглавие „Кормчие звезды“» (*Рус. лит.* XX в. С. 94).

Свое отношение к философскому наследию В. С. Соловьева В. И. Иванов наиболее полно выразил в ст. «Религиозное дело Владимира Соловьева» (1910), где подчеркивалась его особая роль в религиозном пробуждении русского общества: «Чрез Достоевского русский народ психически (т. е. в действии

Мировой Души) осознал свою идею как идею всечеловечества. Чрез Соловьева русский народ логически (т. е. действием Логоса) осознал свое призвание — до потери личной души своей служить началу Церкви вселенской» (III, 306). Из эстетических идей наибольшее значение для В. И. Иванова имело определение истинного искусства как теургического служения, ставшее залогом его сближения с А. Белым и А. Блоком (см. обширные примечания О. А. Шор: III, 746—804).

...мой первый сборник — Иванов Вяч. Кормчие звезды: Книга лирики. СПб., 1901.

...не он ли первый открыл Тютчева? — см.: Соловьев В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Вестник Европы. 1895. № 4. С. 735—752.

«Английская гостиница» — т. е. гостиница «Англетер» в Петербурге.

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — русский историк, журналист, публицист, общественный деятель либерального толка. С 1866 по 1909 гг. — издатель «Вестника Европы». Ближайшими друзьями М. М. Стасюлевича в течение многолетней журнальной деятельности были А. Н. Пыпин, К. К. Арсеньев, Л. А. Полонский, Л. З. Слонимский.

...за полтора месяца до его смерти — В. С. Соловьев скончался 31 июля (13 авг.) 1900 г. Ср. также высказывание В. И. Иванова на встрече с молодыми поэтами 4 июня 1920 г.: «Последняя моя встреча с Владимиром Соловьевым была за полтора месяца до его смерти, мы ехали вдвоем на извозчике, и Владимир Соловьев благословил только что найденное заглавие моего первого сборника „Кормчие звезды“» (Коган Ф. И. Кружок поэзии под руководством Вячеслава Иванова // РГАЛИ, ф. 2272, оп. 1, № 33, с. 4).

Кормчие книги — сборник церковных и государственных (в их отношении к Церкви) законов, воспринятый в IX в. славянскими церквями от греческой (по-греч. — номоканон). Формирование его произошло в Константинополе в VI—IX вв., на Руси он неоднократно дополнялся, появившись впервые в XI в.

Вилье де Лиль Адан Филипп Огюстен Матиас (1838—1889) — французский прозаик и драматург. По всей видимости, В. И. Иванов обсуждал с М. С. Альтманом следующее изд.: Вилье де Лиль Адан. Жестокие рассказы / Под ред. и со ст. В. Брюсова. СПб.: Пантеон, 1908.

Я рассказал «Призрак» — М. С. Альтман имеет в виду рассказ «Желание быть человеком» (там же, с. 79—92), главный герой которого известный трагик Эспри Шоваль тщетно стремится испытать муки совести и вызвать карающих привидений многочисленными злодеяниями. Пренебрежительные суждения В. И. Иванова об этом рассказе Вилье де Лиль Адана вызваны отчасти выбором новеллы — В. И. Иванову, на наш взгляд, был ближе рассказ «Вера» (там же, с. 15—29), сюжет которого перекликается с биографией поэта. Герой новеллы граф д'Атоль горячо любит свою жену Веру, русскую по происхождению. Ее внезапная смерть, вызвавшая отчаяние супруга, положила начало общению графа с потусторонним миром.

...поместить артиста на маяке — Эспри Шоваль находит свое последнее прибежище на маяке.

...и Шопенгауэра перевел и [...] — А. Шопенгауэр был единственным философом, которого переводил А. А. Фет (см.: Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 129—182).

Тютчев же ... тоже изучал Шеллинга — ближайшее знакомство Ф. И. Тютчева с немецкой философией произошло во время его службы при русской дипломатической миссии в Мюнхене (1822—1837). Тютчев в этот период не только читал произведения Ф. Шеллинга и посещал его лекции, но и дружил с ним на протяжении нескольких лет. См. подробнее: Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832—1844) / Вступ. ст., публ. и коммент. К. М. Азадовского и А. Л. Осповата // ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 63—98.

Amor fati, odium fati — важнейшие понятия в учении Ф. Ницше о «вечном возвращении» (см.: Ницше Ф. Вечное возвращение // Новый путь. 1903. № 5. С. 43—45). Их использование для раскрытия сущности романтизма и символизма см. в ст. В. И. Иванова «Предчувствия и предвестия» (1906).

«Уже смердит», и сказать смердящему «Воскресни!» — отсылка к эпизоду воскрешения Христом Лазаря (Ин. 11, 1—44).

Сент-Бёв Шарль Огюстен (1804—1869) — французский поэт-романтик и литературный критик, стремившийся к строго документированному исследованию психологии творчества писателей, основатель «биографического» метода в литературоведении. В. И. Иванов имеет в виду отзыв Сент-Бёва об

особенностях творческой манеры В. Гюго, содержащийся в очерке «Виктор Гюго» (1827; см. подробнее: *Sainte-Beuve. Oeuvres. Paris, 1956. Vol. 1. P. 195, 198 etc.*).

...последние же мои «Зимние сонеты» ... слишком мрачны — цикл из 12 стих. «Зимние сонеты» был начат в Рождественские праздники 1919 г. и закончен в февр. 1920 г. Больные жена и дети В. И. Иванова жили тогда в подмосковном санатории «Габай» в Серебряном Бору, куда неоднократно наезжал В. И. Иванов. Впервые: Поэзия революционной Москвы / Под ред. И. Эренбурга. Берлин: Мысль, 1922. С. 15—57; отд. изд.: *Иванов Вяч. Зимние сонеты. Берлин: Мысль, 1922.*

Чеботаревская Александра Николаевна — см. о ней коммент. к предисловию М. С. Альтмана к «Разг.».

«Эллинская религия страдающего бога» — часть курса была впоследствии опубликована под этим же названием в журн. «Новый путь» (1904. №№ 1—3, 5, 8—9), а окончание — под заглавием «Религия Диониса» в «Вопросах жизни» (1905. №№ 6, 7).

...два брата классика — речь идет, видимо, о Николае и Владимире Чеботаревских (сообщено М. М. Павловой).

Ивановский Владимир Николаевич (1867—1931) — историк философии, автор многочисленных исследований, до революции — приват-доцент Казанского университета, в 1920-х гг. — преподаватель Белорусского университета. Познакомился с В. И. Ивановым в 1903 г. в Париже; бывал частым гостем в Шатлене в 1903—1904 гг.; корреспондент поэта в течение ряда лет (см. письма В. Н. Ивановского к В. И. Иванову (1903—1912; 1918) — РГБ, ф. 109, карт. 26, № 22). Ему посвящены три стихотворения В. И. Иванова, включенные в «Прозрачность» (1904): «Обновление», «La faillite de la science» и «Аспекты»; об их отношениях см.: I, 864. Второе сватовство В. Н. Ивановского окончилось неудачей, как явствует из его писем к Ал. Н. Чеботаревской (ИРЛИ, ф. 189, № 96). В письме от 11 (24) авг. 1903 г. В. Н. Ивановский писал ей из Москвы в Женеву: «Рукоплещу Вашей решимости пить нектар поэзии из таких кубков, как Вячеслав Иванов и Лидия Дмитриевна, или — если точнее — пить поэзию-природу под их ауспициями» (там же, л. 7). Безответность чувства не нарушила их дружеские отношения — в письме из Казани в Петербург от 4 апр. 1910 г. В. Н. Ивановский просил Ал. Н. Чеботаревскую сообщить ему

петербургский адрес В. И. Иванова (здесь же содержится упоминание о его жене и дочери).

15 декабря

Да и вот мой друг [Гершензон] считает, например, что Бога мы имеем только в своем имманентном опыте — ср. в кн. М. О. Гершензона «Ключ веры» (Пб.: Эпоха, 1922): «Другими словами, Бог и человек, не два отдельные существа, но Бог — чистейшая и реальнейшая сущность человеческого духа» (с. 103). Ср. также размышления М. О. Гершензона о религии и культуре в «Переписке из двух углов» (1921; III, 399—401).

1922

6 января

...я через одну особу — имеется в виду Анна Рудольфовна Минцлова (1860-е — не ранее 1910) — теософка, переводчица Р. Штейнера, Новалиса, О. Уайльда. В конце 1906 г. была представлена В. И. Иванову М. А. Волошиным и его женой М. В. Сабашниковой; моральная поддержка, оказанная А. Р. Минцловой В. И. Иванову после смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, привела к укреплению их дружбы. В 1908—1910 гг. существовал своеобразный мистический треугольник, включавший А. Белого, В. И. Иванова и А. Р. Минцлову, тайное братство «по обращению мира к Духу и Истине» (см.: *Carlson M. Ivanov — Belyi — Minclova: the Mystical Triangle // Cultura e Memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov*. II. P. 63—79). Прекращение эзотерических встреч и взаимное охлаждение, видимо, послужили одной из причин таинственного исчезновения А. Р. Минцловой в 1910 г. (возможно, самоубийство).

...близок к антропософам — имеются в виду русские теософские круги конца 1900-х гг., ибо Рудольф Штейнер (1861—1925), эмиссаром которого в России, по ее словам, была А. Р. Минцлова, начал свою активную деятельность в 1902 г. и продолжал ее до 1912 г., когда он порвал с теософами и организовал Антропософское общество с центром в Дорнахе.

Когда я у него гостил — имеется в виду посещение В. И. Ивановым Базеля в сент. 1912 г., где Рудольф Штейнер читал лекционный курс на тему «Евангелие от Марка» с 15 по 24 сент. по новому стилю (см.: Андрей Белый и антропософия / Публ.

Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. 1988. № 6. С. 337—448). Иная версия этого несостоявшегося знакомства содержится в ст. А. А. Тургеневой «Андрей Белый и Рудольф Штейнер»: «Осенью 1912 года в Базеле нас посетил Вячеслав Иванов. Он хотел вступить в Общество и просил устроить ему свидание с Штейнером, но Штейнер поручил нам отсоветовать Иванову это намерение. С тех пор мы Иванова не видели» (Мосты. 1968. № 13—14. С. 236—251).

Эмпедокл из Агригента (ок. 490—430 до н. э.) — древнегреческий философ. Его сопоставление с Фаустом, по всей видимости, навеяно символической трагедией Фридриха Гёльдерлина «Смерть Эмпедокла» (1798—1799), рисующей судьбу непонятого пророка, которому ведомы все тайны природы и человеческой жизни.

Эвфорион — крылатый сын Ахилла и Елены, отвергший любовь Зевса и убитый за это молнией. Во второй части «Фауста» Гете — сын Фауста и Елены.

...отца-землемера — Иванов Иван Тихонович (1816—1871), землемер, затем служащий контрольной палаты. О нем см. в поэме «Младенчество» В. И. Иванова (1913, 1918):

Отец мой был из нелюдимых,
Из одиноких — и невер.
Стеля по мху болот родимых
Стальные цепи, землемер
(Ту груду звучную, чьи звенья
Досель из сумерек забвенья
Мерцают мне, — чей странный вид
Все память смутную дивит), —
Схватил он семя злой чахотки,
Что в гроб его потом свела...

(I строфа; I, 231.)

...слово Ницше: «В чем величайшая скорбь воли — в том, что у нее нет власти над прошлым» — ср.: «„Было“ — так называется скрежет зубовный и сокровенное горе воли. Бессильная против уже сделанного, она — печальный зритель всего прошедшего.

Воля не может хотеть задним числом; не может она победить время и остановить стремление его — в этом сокровенное

горе воли» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. А. В. Перельгиной. С. 144).
«Да минует Меня чаша» — см.: Мф. 26, 36—46; Мк. 14, 32—42; Лк. 22, 39—46; Ин. 18, 1.

8 января

Яблонко Борис Павлович (1882 — после 1940) — преподаватель Азербайджанского госуниверситета по кафедре классической филологии (в 1928 г. — приват-доцент). В 1930-е гг. выходили его работы по методике преподавания русского языка (последняя — в 1940 г.).

...незначительность своего таланта для своего гения — о понимании В. И. Ивановым слов «гений» и «талант» см. в первой из его «Спорад» (1908; III, 112—114).

...в противоположность эсхилоскому решению вопроса (в «Орестее») — единственная целиком дошедшая до нас трилогия Эсхила — «Орестея» (458 г. до н. э.), посвященная убийству Орестом, мстящим за отца, своей матери Клитемнестре. Ее заключительная трагедия «Эвмениды» изображает борьбу богов вокруг главного героя: Эринии, «старые богини», сталкиваются здесь с «младшими богами», Афиной и Аполлоном. Первые отстаивают принцип кровной мести и требуют немедленной смерти Ореста, вторые настаивают на принципе судебного разбирательства. Впервые на то, что судебный спор представлен как борьба мужского и женского права, обратил внимание немецкий историк И. Я. Бахофен в кн. «Материнское право» (1861).

28 января

Deus ... ex machina — распространенный в древности драматический прием, когда в эпилоге над актерами внезапно появляется божество, пророчествующее о грядущей судьбе героев, их почитании потомками и т. д. Явления богов восходят, по всей видимости, к обрядовой драме; они были нередки в заключительных частях трагедий Эсхила, но только Еврипид стал широко использовать этот прием в эпилогах трагедий как способ возвращения переработанного сюжета в рамки привычной для зрителя мифологической традиции («Ипполит», «Просительницы», «Электра», «Ифигения в Тавриде» и т. д.)

...он бил его палкой — см.: Числ. 20, 1—13.

«Не хлебом одним жив человек...» — Мф. 4, 3—4; Лк. 4, 2—4.

«Кто из вас таков, что когда его попросят о хлебе...» — ср.: Мф. 7, 9—10.

...могущие да вместят сие — ср.: Мф. 19, 12.

3 февраля

«Симон Ионин, любишь ли ты Меня?» — Ин. 21, 15—17.

«Сатана, отойди от Меня...» — ср.: Мф. 16, 23; Мк. 8, 33.

«Царство Мое не от мира сего» — Ин. 18, 36. М. С. Альтман неточен — данные слова обращены Христом к Пилату.

«Паси агнцев моих» — Ин. 21, 15—17.

«Истинно, истинно...» — Ин. 21, 18.

Достоевский толкует это место — в действительности в «Легенде о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевским только намечены эти проблемы; М. С. Альтман опирается в данном случае на анализ «Легенды» Д. С. Мережковским, подкрепленный данными цитатами из Евангелия:

«Два пути указаны Господом церкви. Первый — путь Петра. „Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?“ Петр говорит Ему: „Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя“. Иисус говорит ему: „Паси овец Моих“ (Иоанна, XXI). „Pasce oves meos“ — недаром слова эти начертаны на куполе римского Петра. „Един пастырь, едино стадо“. Начало всемирного единства, объединения и есть то начало, которое осуществляет в веках и народах церковь Римская, церковь Петра... В судьбе Иоанна не предречены ли судьбы Церкви, „пребывающей“ до Второго Пришествия? Как Петр постиг тайну воплощения — Плоты рождающейся, так Иоанн постиг тайну воскресения — плоти воскресающей... Церковь Петра — „вмещенной“, церковь Иоанна — „невмещенной“ истины. В церкви Петра — тайна Плоты Святой; в церкви Иоанна — откровение Духа Святого. В церкви Петра — водное; в церкви Иоанна — огненное крещение. В церкви Петра — начало единого Пастыря; в церкви Иоанна — начало соборное: „Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их“. Наместник Христа, видимый глава, Папа не нужен ей, ибо Сам Христос — ее Глава невидимый, пребывающий в ней до окончания века» (*Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. XI. С. 27, 30*).

Римляне изображали христиан как поклоняющихся распятому ослу — имеется в виду знаменитый граффити, находившийся на

стенах педагогума в Риме (построен во 2-м веке Империи как школа императорских пажей), он изображает верующего в момент молитвы перед крестом, на котором распят человек с головой осла. Внизу — греческая надпись: «Анаксамен поклоняется своему богу». Ныне эта карикатура язычников на христиан (одна из наиболее ранних по времени) находится в римском Антиквариуме.

3 марта

«*Может ли Бог создать такой камень?*» — ср. этот эпизод в воспоминаниях Л. В. Ивановой:

«В гимназии как-то одна девочка отвела меня с подругой в сторону и говорит:

— Слушайте! Бог всемогущий?

Мы в ответ:

— Да.

— А может ли он создать такой камень, какого он сам не сумел бы поднять?

Мы не смогли ответить. Я пришла домой, и этот вопрос меня все больше и больше беспокоил. Настолько, что я набралась храбрости и как-то улучив момент, сказала Вячеславу:

— Можно ли мне иметь у тебя аудиенцию?..

В сильном волнении я явилась в назначенный час в комнату Вячеслава. Он любезно принял меня, предложил мне сесть в важное черное кресло (Ренессанс) и спросил, в чем дело. Выслушав внимательно вопрос гимназистки, он сразу дал ответ, по моему мнению, достойный Соломона.

— Бог не только может, он уже создал такой камень. Это есть человек с его свободной волей» (*Иванова Л. Восп. С. 43*).

К. Ю. Лаппо-Данилевский

II

211

М. С. АЛЬТМАН

ИЗ ДНЕВНИКОВ 1919 – 1924 гг.

1919

25 декабря. Я уже около двух недель в Баку, в Азербайджанском государстве. Приехал я из Киева после октябрьских событий (когда большевики на три дня вновь заняли Киев), гостил я у Ф. Кафитина в Харькове недели три. Поездка, хотя чреватая опасностями, прошла вполне благополучно, но по дороге, опасаясь обыска, я уничтожил свой дневник за 1919 г., вот почему отражение этого года в моих записках сильно страдает, реставрация же записок будет, конечно, неполная и непоследовательная. <...>

29 декабря. <...> Уже третью зиму, как мы переживаем одни и те же события: летом большевиков «изгоняют», зимой они снова приходят. Так приходят, уходят и снова приходят. Пока, наконец, останутся совсем. Навсегда. <...>

1920

11 января. Сегодня прибыл из Тифлиса, где пробыл около недели. В Тифлисе я не был около пяти лет, и каких лет! И, тем не менее, город остался тем же. Седой, древний, но не старый, а какой-то юношески-наивный, хороший, как сам грузинский народ. В ночь под Рождество ходил я по его тихим улицам, по его столь нежному и милому Руставелиевскому (Головинскому) проспекту, и на душе так было умильно. Затаенный затон тишины, который от никогда не молкнувшей Куры еще глубже. А народ — любезный, добродушный, приветливый. Совсем не

так, как на Украине. Народ и власть в гармонии, и, как их ни пытаются друг с другом ссорить, — согласие между ними безусловное. Власть подлинно демократическая, истинно народная. Это — лучшая из властей, возможных при существующем еще капиталистическом строе. Ибо власть, как здоровье, та самая лучшая, которая наименее дает себя чувствовать. И такая именно власть ныне в Грузии, даже отчасти в Азербайджане.

Глядя на все большее и большее увеличение числа советских служащих, нельзя не усматривать в этом известной иронии судьбы. Власть Советов, начавшаяся под знаком саботажа и отсутствия необходимых кадров, ныне задыхается от преизобилия служащих. (Так, например, в одном Киеве их насчитывалось в 1919-м году 85 000, в Москве — 500 000.)

В Тифлисе познакомился я с известным эсером Вадимом Афанасьевичем Чайкиным. Он произвел на меня сильное впечатление железной стойкостью своих убеждений и категоричностью своих нравственных императивов. Но кроме этого меня в нем заинтересовала еще и скептическая, легко-остроумная форма его ума, некоторая игривость его разговора. Я в нем явно чувствую натуру воли исключительной при уме недюжинном, и когда он мне сказал: «Я убежден в скорой ликвидации так называемого социалистического переворота», — то у меня крылья опустились: «Он говорит — верно, это так». Ибо я, легковерный, всем верю. Тем более таким.

***

Я дал свои стихи на обсуждение бакинскому «Цеху поэтов». «Цех» нашел стихи подражательными, а Городецкий Сергей (спьяна или трезвый?) — дрянными. Ныне, будучи в Тифлисе, показывал я свои стихи поэту Балагину, он тоже нашел стихи мои слабыми, и те указания, которые он мне при этом дал, меня самого убедили. Да, стихи мои действительно слабы, я их буду еще лечить, но я и не огорчусь, если они от слабости умрут. Но поэтические или нет мои стихи, я-то сам наверно не поэт. <...>

***

Красные войска продолжают одерживать победу за победой. Уже взяты Таганрог, Ростов, Новочеркасск у Деникина, Томск, Гурьев, Красноярск — у Колчака. И все же это только

эпизоды. Все выше и выше поднимается красное знамя, но оно водружено на вершине, непрерывно сотрясаемой подземными ударами вулкана. На полях битв они побеждают, но нужно еще и подполье одолеть. А до этого еще далеко! <...>

20 февраля. <...> В Советороссии ввиду транспортного кризиса и экономической разрухи продлен рабочий день до десяти, даже до двенадцати часов. Эта мера, конечно, временная, впредь до... и т. д. Но если рабочая власть вынуждена удлинить рабочий день и закрепить труд (ибо трудовые армии суть не что иное, как новое крепостное право), то в этом есть нечто глубоко трагическое. Это — зловещий симптом органической болезни. И боюсь — неизлечимой. <...>

27 февраля. Только что пришел я из «Цеха поэтов». Пришел туда весьма возбужденный. Поэтому не выдержал и, испросив у С. Городецкого (председателя) слово, назвал «Цех» балаганом. Это, должно быть, было слишком резко, и я о вспышке своей жалею. Даже если прав я, какое мне дело, как и на какой лад люди заполняют свою пустоту. <...>

2 марта. Усиленно занимаюсь приведением в порядок, годный к печатанью, моих стихов, так как в ближайшее время они имеют «выйти в свет». Надо согласиться, что их первый «выезд» обещает быть, вероятно, не особенно блестящим. По платью встречают, а у моей книги и внешняя сторона не особенно выдается: бумага плохая, заурядное издание, неопытность... Но в добрый час! <...>

4 марта. <...> По приезде своем из Тифлиса собирался я написать письмо Чайкину (см. 11 января), но все откладывал. А теперь Чайкин вновь выплыл — стал представителем Черноморского комитета, поднявшего восстание (и успешное) против Деникина. Да, такой и должен быть у власти. Непокосимый, огнеупорный! Жаль только, что он не большевик. Книг было достаточно в его руках. И если «книги» не за большевиков, то пусть он и книги осилит. Но, к сожалению, Чайкин не сможет одолеть труднейшую из книг — книгу своего бытия. Он правый эсер и таким останется. <...>

10 марта. В маленькой типографии, где печатаются мои стихи, на грязной пятнистой стене висит портрет Ленина. Как это трогательно! Некогда висели (по принуждению начальства) портреты царские и мундирных сановников, ныне — в обыкновенном, будничном, чуть ли не стареньком костюме висит портрет истинного друга рабочих и борца за их интересы — Ленина. В этом знамение времени. И в Советской России во всех учреждениях висит портрет Ленина, но там он полнота власти и диктатор, здесь же он властью ненавидимый и гонимый, но близкий и дорогой сердцу каждого трудящегося — Ильич! И этот Ильич для рабочих больше Ильи-пророка. <...>

19 марта. <...> Летом, живя в Чернигове, сошелся я с Юрием Слезкиным. Мне не на чем, в сущности, остановиться в этом знакомстве моем, и все же я им дорожу. Зная его, я как-то особенно, по-иному стал читать его произведения, иначе их постигать. Одно из своих произведений он мне сам прочел. И с тех пор, что бы я его ни читал, его голос звучал для меня до того явственно, что заглушал и заслонял собой все остальное. Между всеми словами становился он сам — гибкий, стройный, с такими маленькими детскими губами и строгими задумчивыми глазами, такой суровый умом и нежный душой. Юрий Слезкин! — это талант несомненный. Форма и обилие материала его природы спорны, но самое качество — первого сорта, самый металл духа — благородный.

***

Вспоминаю еще Владимира Петровича Семенникова (владелец петроградской библиотеки своего имени). Это — сама душа, что глядит из его пьяных глаз. Он ходил всегда как оборванец, с порванными локтями и без подметок на ботинках (следовательно, ступал на самых чулках). Не от бедности, он зарабатывал достаточно (и жена его, первая франтиха, имела до десяти шляп и столько же пар ботинок), а от небрежности к себе. К тому он всегда пил, и пил все — всякий денатурат, любой крепости и смеси. Но, напившись, никогда не буйствовал, а только становился оживленнее и откровеннее, сообщал с таинственным видом и «строго секретно» свои взгляды на будущее, заключающиеся в непозволительном неверии (хотя и

страстном желании, ибо был меньшевиком-интернационалистом) в торжество Советской власти. Мы дружили, у нас было взаимное уважение, но я его еще любил, он меня — меньше. Да и как он, такой доверчивый бессребреник, мог любить меня, столь явно корыстного и мелкоэгоистичного. Мы с ним гуляли часто, и когда он вынужден бывал из-за отсутствия пуговиц перевязать брюки шпагатиком, я чувствовал, что его душа не ниже души Ильи-пророка, подпоясанного бечевкой. Да, это был идеальный человек. <...>

5 апреля. Петровск взят большевиками. Добровольческий флот передается Азербайджану. С бульвара видать, как он стоит на рейде вот уже третий день, и город полнится белогвардейцами. <...>

11 апреля. <...> На последнем заседании «Цеха поэтов» меня попросили читать свои стихи, дабы дать возможность о них членам «Цеха» высказаться. Я согласился. И их разобрал Городецкий. Мне очень по душе пришелся его отзыв, и метким кажется мне его указание, что, подобно Мережковскому, у меня все построено на антитезах («Богом вы увенчаны, с дьяволом венчаны», «грезы у грозы» и даже моя фраза, которой кончил я чтение стихов: «Если мне и вам не надоест»). Я (и Мережковский) подмечаем только контрасты вещей, но не их сходства, в этом наш органический порок. «Но Альтман талантлив, молод, самобытен и с его исканьем и дарованьем» и т. д. Мне было все это чрезвычайно по душе, и если я ему верил, я бы вознесся. Но я думаю, что сторонние соображения руководили Городецким, и это ослабляет силу его слов. Но я ему во всяком случае благодарен за серьезный и благородный ко мне подход. Я чувствую себя подкупленным, и я его почти люблю. И вновь ценю, ибо, чем его слова ни были бы продиктованы, в них есть правда и справедливость.

В тот же вечер я сам тоже выступил в «Цехе» с разбором своих же стихов. Указывал только недостатки, отмечал только слабые места. Закончил же так: «Чем же объяснить, однако, что автор, зная все свои недостатки, не постарался от них освободиться? Да только одним: тем, что все эти недостатки имеют одно маленькое достоинство — они мне нравятся». <...>

14 апреля. <...> Нет ли у футуристов действительно нами еще не понимаемой правды, именно правды будущего? Не подобны ли они заикающимся пророкам, которые, несмотря на всю несвязность своей речи, все же что-то предвещают? Да, их слова — нелепый лепет, но не оттого ли, что для их истины еще (по-ихнему «уже») нет слов? Нет, но будут. Футуристы — не гениальные ли они русские мальчики, еще сегодня бьющие стекла, которым завтра суждено, быть может, мир перевернуть? В частности, когда я смотрю на лицо Крученыха, он мне кажется замученным юродивым ему самому неведомой идеи, но столь в наше время (при отношении нашего времени) гнетущей, что мне становится жалко его, нами всеми загнанного и затравленного.

28 апреля. Сегодня утром мы все проснулись на левом боку. За ночь в Баку (в Азербайджане) произошел государственный переворот. Мусаватское правительство сдало свою власть коммунистам. Произошло это как вследствие внутреннего восстания, так и вследствие прибытия помощи от Красной армии со стороны Дагестана. Ныне образован уже Ревком и уже выпущены первые «всем, всем, всем» воззвания. Произносятся первые митинговые речи, хлещет типичная революционная фраза. И от необычайности — мне радостно, и мне грустно — от обычности. Да, грустно. «Едва взмахнешь им красной тряпкой, они мнутесь, как быки», и те, и другие, — «которые — за» и «которые — против». Я не «мятусь», но отчего ж и я, едва увижу красный лоскуток, готов рыдать? От стыда, что не я поднял красное знамя, а только скрываюсь в его тени, осторожно прикрываюсь им. Ах, осторожно! Не слишком ли осторожно?

***

Хочу записаться в партию. Надо наконец решиться. А если смерть? Ну, пусть и смерть... <...>

2 мая. По поводу установления в Баку Советской власти все советские политики высказываются, что Баку — ворота на Восток. То, что не удалось на Западе (социалистическая революция), должно удался на Востоке. Советская республика Россия хочет взять мир с этой стороны, заставить возвращаться Красное Солнце Интернационала с Востока... опять на Восток, еще

глубже, еще дальше, пока... зажжется свет с Востока и до Запада дойдет. Красный свет не таков, как белый свет: он движется по-новому, небывалому, «горит восток зарею новой», новейшей.

5 мая. <...> Советские войска сейчас направляются в Грузию — восстановить и там власть коммунистов. Но народ грузинский явно этого не хочет. Но разве его спросят? И так же, как наглая Польская власть идет сейчас на Россию Советскую, так последняя напирает на Грузию. А меж тем в Грузии торжествует подлинная демократия, и власть там не только не правее, но даже левее большинства населения. Я совсем не демократ, но чувство справедливости не может не быть оскорблено, когда видишь, как явно ищут придирки, провоцируют Грузию, как большой северный медведь вновь по прежнему пути своему грузно топчется. Грузный и грозный (для Грузии). Топчется и... топчет... <...>

5 июня. <...> А дела наши все-таки плохи. Ганджинский пожар еще пахнет дымом, и пепел его еще по воздуху носится. Восстание в Гандже — ведь это только начало, а конца еще не видать. Все это, конечно, кончится, но когда и чем, Господи, чем еще кончится?

***

Большевики ввели террор, ужас. Это необходимо. И против этого ничего нельзя сказать. Но они при этом сами становятся ужасными. Многое многим страшно в Советской власти, но мне самое страшное в ней то, что она, постоянно вынужденная внушать страх, станет страшилищем.

Нахожусь уже четыре-пять дней в Реште, куда приехал в качестве сотрудника Кавроста. Все это время вел записи в книжечке, откуда сейчас и восстанавливаю все пережитое... < · >

11 июня. 8 часов утра. Благоразумно быть иногда неблагоприятным — сказал я себе, и вот бросил я тихую пристань бакинскую и пустился плавать в открытом море. Еду в Энзели, оттуда в Решт, а там, Бог даст, и в Казвин, Тегеран и далее. <...>

12 июня. <...> Наш пароход называется «Седагет», что значит по-персидски «откровенность». Вот первое персидское слово, которое я узнал. Будем же откровенны. В Персии сейчас Кучук-хан, он дружит с коммунистами, коммунисты — с ним, но эта дружба вражды опасней. Друг с другом заигрывают, но игра эта — с огнем, и каждую минуту можно обжечься. Может, уже кто-нибудь собирает хворост, и скоро затрещит он сухим огоньком. Он отдаленно напоминает Махно, а что такое Махно — это я хорошо знаю из моей украинской практики.

***

Раскольников и я. Главнокомандующий Каспийской флотилией, одна из красных звезд, и я, литератор и философ. Что общего? А меж тем мы общей цепью связаны, и тронул он свое звено — зашевелилось, зазвенело мое. Недели две тому назад Раскольников взял Энзели, и вот теперь и я еду его дело делать дальше. <...>

14 июня. Уехали, уехали и вот спустя сутки подъезжаем к Энзели.

Стою на палубе и слежу, как постепенно вырисовываются черты города. К самому городу мы не имеем права подъехать без соблюдения некоторых формальностей. К нам подъезжает на лодке лоцман — он должен провести нас сквозь мелкий залив вплотную к пристани. Вот он подъехал. Старик-перс с крашеными ногтями и бородой черно-красною. Взбирается к нам на палубу, капитан уступает ему свое место, и он начинает искусно маневрировать. Вокруг снуют лодочки, все они с навесами от солнца. Жарко, как будто целый день сплошной полдень. Пахнет Югом и Востоком. Больше последним. Так вот она, Персия, царство Кира и Дария. На пристани стоит дервиш — первая колоритная фигура. Русские матросы с засученными рукавами, смуглыми руками и загорелыми, мужественными лицами, они не похожи на окружающих, и сразу узнаешь в них детей Севера, далекой, далекой и близкой России, детей Северной Большой Медведицы.

15 июня. Первая ночь в Реште. Спали на балконе и у открытых окон и дверей. Утром часа в четыре разбудила нас всех ожесточенная ружейная перестрелка, все более и более

усиливающаяся и перешедшая наконец в пальбу. Впоследствии оказалось, что это обстреливали казачьи казармы и разоружали сопротивляющихся казаков. С обеих сторон оказалось убитыми и ранеными до 150 человек. Победили кучуковцы и большевики. Целый день несли трупы, и по всему городу была рассеяна скорбь о случившемся. Да, случилось. И случай переходит в систему. Гражданская война перекинулась и в Персию, а между тем тут еще и граждан не существует.

16 июня. Сажу в приемной персидской канцелярии. Огромная комната покрытая вся одним столь же огромным ковром. Эта канцелярия прежде была министерская, теперь кучуковского ставленника, «начальника гарнизона» (перса в очках, по-русски говорить не умеет, но жмет, прикинувшись готовым на всё, обе руки). По всей комнате мягкие стулья и диваны. Большие и широкие (почти квадратные) зеркала в золотых кругом рамах. Два-три просителя от лени и жары нежатся полусидя-полулежа. Один посетитель даже совсем заснул. Никто здесь не торопится сам и не торопит других, все знают, что всё успеется и когда-нибудь свершится, а не свершится — тоже не беда: может быть, это к лучшему.

***

Слышу в персидской канцелярии типичную русскую канцелярскую фразу: «С этим делом нужно будет подождать. Сперва нужно выяснить...» Как легко здесь примиряется русская лень с восточной медлительностью, какая Персия подходящая почва для медленно растущего русского дерева. <...>

19 июня. Мы перебрались на новую квартиру. Наше помещение — лучшее в Реште. В благоуханном плодовом саду, в просторном и роскошном, обильном воздухом и светом особняке наша маленькая коммуна (17 человек) чувствует себя превосходно. Пока работы нет, и мы живем, только жизнью наслаждаясь. Всё у нас в обилии, и мне лично, кроме, пожалуй, женского общества, ничего не нужно. Досугу много, и я пишу, нежусь на солнце, читаю по-французски. И, как всегда при подобных остановках, я начинаю думать о том, что больше ничего мне и не надо. Навсегда так вот осесть. Много дорог на свете, не лучше ли всех их остановка? И много многоцветных волн,

не милее ли одна зеленая пристань? Да, как вы заманчивы — тихий сад и беседка, и соседка, и закат, и уют... И еще мечтаю я перейти в мусульманство, жениться на персиянке и здесь, в жарких песках восточных, зарыться. <...>

7 июля. На немощеных зеленых площадях Решта обучают молодых персов военной маршировке. Это значит, что милитаризм уже дотянулся и до этих мест. Пришла Европа, и чему же учит она Азию? <...>

Я видел Кучука. Лицо Спасителя и апостольские волны волос. И я подумал, видя его, что Христос был тоже «восточным человеком»: смуглым и бледным, сухим и пламенным. <...>

11 июля. <...> Встаю рано, хожу в типографию, где слежу за ходом работ по изданию нашей газеты «Красный Иран», для которой я редактирую телеграммы, пишу статьи, составляю лозунги, сочиняю стихи. <...>

19 июля. Революция в Персии, что с ней? Я не знаю. Дремлет ли? Собирает ли силы в тиши? Готовит что, готовится к чему? Не знаю. Но знаю, что уже беки и ханы недовольны, хотя у них еще абсолютно ничего не тронули. Собравшись в мечети враждебно толкуют о русских пришельцах, косясь на большевиков. Кучук, сам вождь движения, тоже, кажется, все думает, как бы от нас избавиться. Пока он нас терпит, но скоро он нас и терпеть не сможет. Тогда события разовьются быстрее и решительней. Или — или.

***

Сюда из Москвы приехал т. Блюмкин. Он, кажется, убийца Мирбаха. Он — «интересный убийца». Революционер, решительный в действиях. И многозначный в мыслях, в созерцании своих мыслей. Интеллигент с практическим (но только) догматом, с крышей, которую он сам воздвиг над собой, чтоб обуздать свою буйную головушку. Террорист типа Савинкова — таким представляется он мне. <...>

1 августа. <...> А революция в Персии развивается. Вчера утром проснулись мы с полной сменой власти. Кучук-мирза свергнут, на место его правительства организован Ревком, и все

остальное «как полагается». Переворот был совершен ночью быстро и спокойно. И вчерашний большевиками же всячески рекламируемый «народный вождь», «благородный революционер» сегодня зачислен революцией в ряды своих врагов и отброшен по ту сторону баррикад. «Кучук» по-персидски означает «маленький». И он действительно оказался слишком маленьким для великих грядущих событий. «Маленький», меньшевик духа (не темперамента, но мысли), — ему на смену идут большие, большевики. Я уж было думал, что моя «персидская пастораль» окончилась, и уж складывал вещи, в путь-дорогу собираясь. Но нет. Теперь в связи с произошедшим переворотом и взятием Менджиля (важный укрепленный и предместный пункт на пути к Казвину — Тегерану) вероятно, что мы будем в Тегеране. По стопам Грибоедова... <...>

5 августа. <...> Начал учиться персидскому и опять уже мечтаю — омагометаниться, зажить персиянином, жениться, зарыться в тихой и сладострастной тени уединенной (вдвоем), замкнутой жизни.

***

Подавал вчера заявление в партию — первый решительный шаг. Шагнул, но как будто ничем не сказалось это. Топчусь на том же месте.

6 августа. В Реште напряженное настроение. Вчера ночью разгорелся огромный пожар (предполагают поджог), и теперь в городе разные толки и слухи. Творятся сплетни, и растут небывлицы. Гадают, друг друга пугают. Шепчутся, шушукаются, ждут. Зашевелился обыватель, и бобчинские уже рыщут по городу, нюхая и прислушиваясь. А впрямь, что-то не вытанцовывается наше дело в Персии. <...>

12 августа. От почти ничегонеделанья мы из-за отсутствия бумаги перешли к совершенному ничегонеделанью. Нам выдали немного денег, и у нас всё в изобилии. И, кроме того, много солнца, воли, досуга и беспечности. По утрам хожу в персидскую школу, где учусь персидскому и учу русскому языку. <...> Не сегодня завтра падет Казвин, и уже скоро, скоро мы будем в Тегеране. Мечты, начинавшие обрастать мхом, вновь

становятся действительными. Закрытая Персия приподнимает свою чадру, и я уж вижу пару, и не одну пару, горящих, говорящих, как сливы, черных глаз очаровательных тегеранок. Все дальше и дальше, все глубже — на Восток. Drang nach Osten*. <...>

25 августа. В Энзели. На берегу моря. На песке у набегающих приливных волн. Как это случилось? А вот как. Три дня тому назад бежали мы сюда из Решта. Именно бежали, ибо наши войска, подошедшие было уже вплотную к Казвину, под напором сильных частей противника и из-за предательства со стороны азербайджанских частей были оттиснуты далеко назад. 15 августа наш фронт был прорван, и вся наша (нужно признаться, достаточно дутая) армия лопнула. Неприятель взял Менджиль и подошел к Решту. Поползли по городу толки и слухи, нарастала паника, и в ночь на 21-е августа в 3 часа ночи мы получили приказ срочно эвакуироваться. Нагрузившись своими вещами, пошли мы по тихим, сонным улицам Решта. Моросил дождь. Прибыли на станцию. Там уже было полно людей, вещей, повозок. Эвакуация советских учреждений была в полном ходу. Мы решили до Пир-Базара (пункт в семи верстах от Решта и соединенный с ним узкоколейкой, а с Энзели сообщается водным путем) идти пешком. Мешки на плечи — и в путь. Снова пошел дождь, и все сильней и сильней. Не скоро дошли бы мы до цели, если б не встретился нам по пути автомобиль. Мы сели на автомобиль и помчались — как молния. Именно молнией чувствовал я себя при этой грозе, сквозь которую и от которой мы мчались. Ливень, крупный как град, со свежим встречным ветром секли нам лица, и было что-то стихийно-счастливое и красивое в этой быстрой езде утром на рассвете по тревожно пробужденным полям и чащам. К утру прибыли в Пир-Базар. И здесь мы застали ту же картину поспешной эвакуации, как и в Реште. Опять люди, вещи, повозки, множество лодок, суета и взволнованная оживленность. Сели на лодки, медленно потянули нас бурлаки, и мы поплыли. До баркаса. А затем баркасом до Энзели. Здесь мы поселились в нашем отделении Кавроста. Я страшно устал и сейчас же, подкрепившись, лег спать. <...>

* Стремление на Восток (нем.).

Я долго спал... А на второй день опять суетная тревога. Враг продвинулся уж на 8—10 верст до Энзели. Уже орудийная слышна пальба, и аэропланы английские жужжат над самым городом. Мы в ожидании подкреплений и помощи из Баку тщетно смотрим на море. На горизонте ни облачка и ни лодки. Играет, бело пенится лазурь, и регулярно сменяются прилив и отлив, не принося ничего и никого. Только в сегодняшнюю ночь прибыли к нам наконец силы из-за моря, и мы повели энергичное наступление, и, вероятно, уже завтра Решт будет наш. Нас достаточно побили, не пора ли нам уж бить? Да, будем жить и будем бить. Всех врагов Революции.

27 августа. На пароходе, отходящем в Баку. После суток ожидания выехали наконец. Еду вместе с делегатами, командированный на Съезд народов Востока. Погода тихая, море спокойное. И в душе у меня тихо и спокойно. Бодро и уверенно. Персидская авантюра удалась, революция наша, революция моя. Я хорошо выгляжу и уверенно гляжу в будущее.

Дела наши на фронте сильно поправились. Решт уж снова наш, и мы уже за Рештом. Все опять идет по-большевистскому: и хорошо, и плохо.

30 августа. <...> Я два дня всего как в Баку, но вижу, как душно жить при Советской власти. Отвешивают воду и хлеб, отмеряют воздух — и недовешивают, и недомеривают. Всеобщее равнение в нищете и, хуже этого, вопиющее неравенство. Скучно и скудно. <...>

5 сентября. <...> Вся Россия работает? Как бы не так — вся Россия не работает. Все это пустая шумиха. Все эти «субботники», эти «великие почины» ничего починить не могут. Не работают всю неделю, не работают и в субботу. Вся Россия в порывах и потугах. <...>

24 сентября. <...> Чем я только не увлекался, чему я только не сочувствую. Я и коммунист, и эсер, и меньшевик, и монархист, и республиканец, я и толстовец, и хасид, и ницшеанец, и шопенгауэрианец. Я за всех, я за всё, и я ничей и ничто. Я раздираем на все атомы, я миллиард частей без единого целого, без синтеза, тысячи возможностей, ни одной

действительности, периферия без центра, мир без Творца, толпа без героя, история без апофеоза, жизнь без гения. <...>

13 октября. <...> Местная ЧК стала себя заявлять: расстреляно 69 человек — и еще, и еще. Доколе, о Господи? Не довольно ли? О, сколько пребываем мы в чистилище, когда же наконец будем мы в раю? Будем ли вообще? Есть ли дорога сквозь гробы? Как проберемся мы сквозь все эти с каждым днем растущие кладбища? <...>

24 октября. Я подал прошение на филологический факультет и ежевечерне посещаю лекции. Среди учащихся значительно преобладает самая зеленая молодежь, и я со своей сединой на голове и в душе, со своим (о, ужас) почти 25-летним возрастом сознаю себя старым, отходящим. Сознаю все время, но не все время чувствую так. Минутами, напротив, мне кажется, что я переживаю вторую молодость, даже как будто возвращаюсь вновь к первой, вступаю на свой истинный путь: читаю, изучаю филологические науки, веду тихий и нормальный (как гимназический свой) образ жизни. <...>

28 октября. Меня приняли (сразу) на второй курс филологического факультета по словесному отделению. Я буду проходить русскую литературу под непосредственным руководством проф. Сиповского, того самого, чей учебник был для меня приятным пособием в гимназии. <...>

30 октября <...> Вчера, когда я, развивая только что записанную мысль, сказал: «Кто поймет и кто измерит одиночество Отца?» — то на середине фразы мой голос внезапно упал, и я стал плакать. О чем, о ком? Об одиночестве Отца. Но не сыновняя скорбь за Отца была в моих слезах, а за себя самого. Мы, евреи, вообще отвергли Сына, остались верными старому, ветхозаветному Отцу, только Отцу, чья веру отцов-патриархов. И мы сами в мире, среди народов других, — отцы. Я, в частности, себя чувствую особенно отцом — у меня есть уже дети (мои творенья), и не для себя — для них я живу. Им под моим крылышком тепло, они пьют тепло моей груди, эти духи питаются моей плотью. Самому же мне холодно, самому же мне голодно. И в обильном, мною созданном мире я стою — одинокий

прародитель-патриарх. Вот отчего мой голос сорвался, я желал бы лучше испить чашу Сына, ибо кто поймет и кто измерит одиночество Отца?

15 ноября. От службы я официально отчислился (de facto я уже не служу два месяца, да и раньше что я делал?). Так что досуга достаточно. Я читаю по преимуществу историко-литературные труды. Все глубже и больше погружаюсь в филологию — и рад этому. <...>

17 ноября. <...> Одна дама мне сегодня остроумно заметила, что мы живем точь-в-точь, как наши прародители в раю: едим яблоки (намек на гнилые яблоки, которыми служащих одарили по учреждениям) и ходим голые. <...>

24 ноября. <...> На 10-летней годовщине смерти Льва Толстого я был в театре, где между прочим и между прочими «выступил» Вячеслав Иванов. Я о нем большого мнения, но на этот раз его выступление (должно быть, в pendant к неискушенной в искусстве аудитории) было тускло и вяло. Но я доволен тем, что хоть видел его. Лицо западного славянофила, старичок высокого роста, с бритыми усами, беспомощный склон узеньких плечиков, напоминает ксендза. Говорить меня с ним не тянуло: мы ведь такие чуждые. И хоть я его читал, но я даже отчества его не знаю. Но знаю, что имя Вячеслав (польское?) ему идет. Фамилия же — недоразумение (Иванов ведь хоть и седьмой, но дурак. Иванов — кто такой Иванов?), и даже он, Вячеслав, себя в веках прославив, ее не скрасит.

25 ноября. Сегодня говорил с Вяч. Ивановым. Он, оказывается, остается на зиму в Баку и будет читать лекции (по греческой трагедии, Достоевскому и римскому театру) в университете. Меня это очень радует, и я горжусь иметь его учителем своим. Ведь он так много знает и так много умеет. Но восприму ли от него я его знание и умение? Я ценю его искусство, но можно ли наукой передать искусство?

***

Я читаю «Правду и поэзию моей жизни» Гете и «Разговоры с Гете» Эккермана. Дух полноты и зрелости веет на меня от

книг этих, и как хорошо, что я (когда был еще зеленым) их раньше не читал, и как хорошо, что я их теперь читаю.

***

Я целые дни (и вечера) читаю. Хожу только домой (ночью я у тети, где мне спокойнее заниматься) на обед и в университет для изучения языков. Особенно изучаю Пушкина. Никаких других, кроме литературных, у меня теперь интересов нет. <...>

1 декабря. Первый день последнего месяца года. Снега и холод. Хорошо теперь, кому тепло. Ну а мне ни тепло ни холодно. Мир, как улицу, быстро пробегаю — от дома в университет, от книги к книге, от одной до другой отдаленной мысли. Отдаленной от жизни, от людей, от всего меня окружающего быта. Где-то я мыслями в развалинах Помпеи, на греческой площади с софистами, в маленьком захудалом местечке с хасидами, с Гете в Веймаре и с самим собой... <...>

Вчера слушал первую лекцию Вяч. Иванова о греческой трагедии. Я рад, что он будет у нас читать, — его эрудиция сама по себе глубоко поучительна, да к тому частое созерцание великого только у маленьких оскомину набивает. Я же смею о себе думать, что я могу и умею созерцать великого. <...>

13 декабря. Учусь. Все больше, глубже и теснее вхожу в воронку филологии. По латыни — Горация, по греческому — Эхила изучаю. Вожатый — Вяч. Иванов. И когда со мной говорит, душа моя горит, и блаженной томной усталостью я исполняюсь, будто на некую всхожу я гору. Иванов — гора. Олимп он и Голгофа. И рядом с ним и я, Фома неверный, верой проникаюсь. Я верю в него. И больше верить в себя начинаю. Ибо пусть я последняя ступень, на той же лестнице я, что и он. На лестнице, приснившейся Иакову, от земли ведущей в небо, в горний Иерусалим. <...>

15 декабря. Вячеслав Иванов читает курсы по греческой трагедии, Данте, Достоевскому, Горацию и Эхилу. Всему этому я жадно учусь. Все более и более проникаюсь сознанием убогости своих знаний. О да, я много, много угадал. Но сколько б я еще отгадал, если б больше знал. Написал сонет,

посвященный Иванову. Далеко ему до совершенства идеального сонета, но он трогательный и, пожалуй, близко выражает то, что я бы и прозой сказал Иванову.

Я несколько, хоть очень мало пока, с ним сблизился и думаю сблизиться еще больше. Ессе homo magnus — вот великий воистину человек. Глубокий, вдумчивый, даровитый. И что ж? Бедно и скудно его жилище, полуголодно его существование. <...>

28 декабря. Я эти две недели как-то совсем оторвался из-за усиленных (языками) занятий от дневника. Записывать же было возможно как раз достаточно. Я, помимо общих с Вяч. Ивановым занятий (Гораций, Софокл, Данте, Достоевский), еще отдельно занимаюсь с ним по-гречески и итальянски. Вижусь с ним почти ежедневно и довольно сблизился с ним. Подчас долго беседуем. Я ему читал свои записки, он знаком также и с моими стихами, и моя даровитость — для него факт бесспорный. Он много раз подчеркивал мою интуицию, несомненное остроумие и «филологическую душу», говоря, что из меня выработается замечательный афорист (не аферист ли?). <...>

1921

9 января. Дней десять как ничего не писал. Менее всего потому, что писать было нечего. Напротив! Правда, жизнь моя внешними событиями не ознаменовывалась, но зато внутренне она в это время была на редкость содержательна. Я все тесней и ближе вхожу в Вячеслава Ивановича (Иванова) и все глубже, интимней и взаимней приобщаюсь к изобилию его богатого и возвышенного духа. Ежедневно беседуем мы с ним длительно (иногда 3—4—5—6—8 часов), он учит меня, но и кроме обучения все в нем поучительно. Наши разговоры касаются разнообразнейших предметов и тем, и мне приходит в голову мысль, не следует ли мне все эти наши разговоры записывать, не выйдет ли тогда книга, подобная «разговорам» Эккермана с Гете. Тем более что (без ложной скромности) в данном случае и Эккерман (я) не без некоторой значительности. <...>

12 января. <...> Сегодня в беседе с Вячеславом я изложил ему свою теорию романтизма (романтизм — универсальная

форма сознания), он весьма проник в развиваемые мной мысли и сказал, что мои мысли непременно должны быть изложены в книге (так в 150 страниц), наподобие «Происхождения трагедии» Ницше. Книга эта должна быть написана теперь именно, потому что уже через три года, возможно, у меня будут иные на эту тему воззрения. Меж тем это воззрение весьма любопытно: романтизм — внутренний опыт, только внутренний. В этом только ирония, и книга должна быть иронична. Затем Вячеслав спросил меня, правильно ли понял он меня. Я ответил:

— Приблизительно.

— И почему это Вы (так же поступал и Шестов) всегда оставляете себе лазейку, говоря «приблизительно»? Скажите, в чем я Вас не понял?

— Нет, В. И., Вы меня поняли, а лазейку оставляю я для мира: да сумеет весь мир в нее проникнуть.

16 января. В день «старого» Нового Года (14 января) я пришел к В. И. часов в одиннадцать, он еще не пил чая. Единственный его стакан разбили, и он полусерьезно, полущутя брюзжал. Мне это было забавно, и я сказал об этом вслух. На это он мне возразил, что хотя я сыт, аккуратно и щегольски одет (я был по-«новогоднему»), а он небрит и еще чая не пил, он готов допустить, что я в жизни, в житейском, могу быть аскетом, но зато вряд ли могу быть аскетом духа. Он же смотрит на жизнь явлений как на такую позорную и унижительную игру, что если и соглашается эту игру вести, то он вправе и капризничать, и брюзжать:

— Я серьезен и аскетичен в онтологическом круге бытия, в мире же явлений я вовсе и не должен быть таковым. Эти два состояния должно расчленять, чего Вы не делаете.

На это я ответил:

— В. И., я порицал Вас, когда Вы сердились и хмурились, но я весьма одобряю, что Вы по утрам говорите себе любезности.

— Вы производите танцующее отступление, — сказал В. И., — но, как парфянин, Вы еще и, отступая, мечете последнюю (и она подчас самая опасная) стрелу...

Он захотел чаю, и я поспешил за водой. Принес и сказал:

— Как хорошо, ведь ни за кем я так бы не ухаживал, как за Вами, — хорошо быть Ивановым.

— Хорошо быть Альтманом, — ответил он мне, — я так много уделяю Вам внимания.

Вчера зашел к нему до латинского семинария. Я сообщил ему, что прочел «Нет!» Зиновьевой-Аннибал и, зная, в чем сила автора, за силой этой ощущаю и слабость человека.

— Вы, должно быть, — сказал В. мне, — одарены в критике больше меня. Я если что люблю как целое, не замечаю уж отдельных слабостей, лишь был бы мой любимый себе верен.

Далее обо мне:

— Вы *bel esprit**, но Вы также провинциальный сноб, беспокойный эгоист, но, конечно, Вы еще и другое, многое другое.

О моем воззрении на романтизм:

— Я думал о том, какая специфически еврейская Ваша мысль, никому другому это в голову прийти не могло. Платон, конечно, с Вами бы не согласился, но исторически Вы правы, и Вы выиграли полную ставку, 6 умножить на 3 очка, и завидели костер (образ из «Агамемнона» Эсхила. — *Примеч. М. С. Альтмана*)...

25 января. У меня был поэт Хлебников. Он произвел на меня странное впечатление. Даровитость и безумие. Не легкое, блаженное безумие, а тяжелая мания навязчивой идеи. Он занимается сейчас «историческими ритмами», я считаю это чепухой, но Вяч. Иванов верит и даже ждет, что здесь что-то может выйти. С Вяч. Ивановым еще теснее сблизился, мы с ним друзья настолько, что когда я высказался слишком пошло-легким образом о сущности поэзии, он мне сказал, что в таком случае нам незачем на эту тему разговаривать. Я его чту, люблю и преклоняюсь и, считая его в целом выше себя, в частности и в умении читать себя ставлю выше. Я посвятил ему сонет «Всех мировых в тебе стихий союз...» По поводу первой строфы (где я высказываю мысль, что он потому лишь русский, что и немец, и француз) В. сказал, что он начинает думать о моих островах несколько иначе, что я, пожалуй, и через острооты могу прийти к поэзии. Чистые лирические таланты не прибегают к юмору, но вот Пушкин считал же Вольтера прекрасным поэтом, и сам он был весьма остроумным человеком, и в произведениях его много элементов юмора. Сегодня на

* Остроумец (*франц.*).

лекции по греческой трагедии он цитировал мои воззрения на романтизм как на одну из категорий [сознания] и указал, что это ему было сообщено одним из присутствующих (то есть мной). Я горжусь этим и считаю себя весьма высоко удостоенным. Вообще его личность действует на меня возвышающе: я впервые обрел живой идеал нравственности и благородства и в то же время скромности и гениальности. Мне кажется, что он Гете подобен, и я благоговею, как Эккерман, и так же, как он (нет, не так же: мудрее), пишу свои «разговоры» с ним. Как они интересны, и как, Бог даст, они еще будут интересны! Да продлит Бог его годы и да сподобит меня у него научиться всему, чему он учит меня.

6 февраля. Хвала Водителю кривой моей судьбы. Еще не вывезла, но везет, вывозит меня кривая. Когда я был «гимназистом» (в платоновском смысле «гимназист»), я имел учителем Долгова Владимира (тот Владимир, кто первый нас крестил), ныне — Иванова Вячеслава (того, кого я вяще славлю). Я весь день почти провожу у Вячеслава и чувствую, как все нравственной нрав мой становится. Сын Человеческий, он ведет меня к Сыну Божьему, и как светла эта дорога. Я верю ему настолько, что если он говорит, что есть Бог и вечная жизнь, значит — есть. Вячеслав, очевидно, признаёт меня, он считает меня талантливым и достойным того особенного и чрезвычайного внимания и доверия, которое он мне оказывает. В прошлый понедельник я читал реферат о «Записках из Мертвого дома» Достоевского, где доказывал (не без остроумия и тонкости), что «Записки» эти выдержаны от лица Горянчикова. В. И. весьма и весьма лестно отозвался о докладе, чем даже потом вызвал некоторые протесты. Я рассказываю ему легенды хасидские, «обращаю его в еврейство» (как он говорит), а он мне излагает свои мистические воззрения. Словом, я ему про Отца, а он мне про Сына. С ним бывая, я забываю обо всем и всех и даже часто (для меня это невероятно) и самого себя.

12 февраля. Что Вы делали вчера? Был у В. И. А сегодня что будете делать? Пойду к В. И. А завтра? К В. И. Так провожу я день за днем у него. Все мои помыслы — о нем, мысли — на его темы, он весь меня собой наполняет. И я благодарю судьбу, что она привела меня к его порогу, ввела и в

самую обитель. Седьмого я читал продолжение своих «наблюдений» над «Записками из Мертвого дома». Народу было много; после, когда выступили бестолковые оппоненты и В. И. их прервал, ибо они говорили не по существу, многие стали обвинять его в пристрастии ко мне. Это, конечно, чепуха, но характерная. Я возбуждаю самыми невинными тезисами вражду и недоумение. Почему? Да потому, что я «смею свое суждение иметь», я не считаю для себя обязательным говорить трафарет и пошлости. И мне не прощают этого. Старая и вечно новая история. Но я буду, не слушая (но и не увлекаясь «наперекор»), идти к Добру и Истине.

***

Я чувствую, как В. И. действует на меня совершенно не так, как кто-либо из писателей действовал на меня до сих пор. Не чувства, не ум совершенствуются у меня, но самая воля. Я становлюсь все человечнее, и мне этого хочется. Все смиренно-мудрее и благочестивее, все лучшим сыном Отца Небесного.

18 февраля. <...> Дикие, романтические бродят у меня мысли. И все вокруг моего нового взошедшего солнца — Вячеслава. То мне хочется кончить самоубийством и оставить «ему» («пусть знает» — совсем я как женщина) записку: «Не иди мимо» (его же заповедь), то я сладострастно мечтаю о том, чтоб убить его и перед последним дыханьем шепнуть ему на ухо «такое, такое одно слово», то мне страстно хочется сотворить перед ним какое-нибудь сверхъестественное чудо: велеть грому загреметь — и он загремит; призвать потоп на мир — и он грянет и тому подобный вздор. Все это продиктовано моим ненасытным тщеславием и алчной, до смерти жаждущей любовью. Нехорошо! Мне, еврею, следует помнить завет: не сотвори себе кумиров — особенно христианских. Помни, что «он» еще и обыкновенный Иванов, иначе вся померкнет слава Вячеслава. Ведь я уже неоднократно наткнулся на «тупые» и на «пустые» места у него, больно ударялся о края его горизонта. Да, и его горизонт имеет остро режущие края (остро режущие потому, что здесь край, за которым уж нет ничего или, еще хуже, начинается ничто).

***

— Какие Вы знаете героические моменты в Вашей жизни? — спросил меня Хлебников.

- Я таких не знаю.
- Ну, просто значительные, важные даты Вашей жизни?
- Ну, у меня и таких нет.

Боже мой! Вот жизнь моя. Ничего героического, ничего значительного, ничего даже для меня самого важного! <...>

19 февраля. Эту неделю я как-то весь сам не свой. Удручен как-то, словно какая-то одна засела у меня идея в голове. Я все не могу оправиться от обиды, нанесенной мне словами Вячеслава («эффектничал», «импрессионизм», «от лукавого»). Мне не за себя обидно, а получить несправедливость от него — вот что угнетает. Если «он» такой, каковы остальные? Натыкаешься на тупое место в самом дорогом. И сегодня повторилось то же: В. обидел Крученыха, и когда тот сделал ему выговор, В. при всех сказал, оправдываясь: «Я делаю Вам честь, что говорю с Вами» и т. д. Мне стыдно за Вячеслава, и я вечером в беседе с ним сказал:

- Разве Франциск Ассизский так бы сказал? Он опять вспыхнул!
- Вы мне мораль читаете?

Тогда я сказал:

— Да, я Вам мораль читаю: разве малейший не может и величайшему читать мораль?

— Да, может, — признался В., почувствовав, видно, неправоту своей вспышки.

Но и эта сцена произвела на меня впечатление тяжелое. Ведь В. — мой идеал, единственный мой догмат, последняя моя основа, — и вот рушится и эта основа, весь мир мой рушится. И опять ничего святого, и опять без руля и без ветрил, без надежд и без цели плывет мой челн по воле волн. Я совсем уж было выбрался на путь — и вот опять срываюсь. Единственный человек, которому я верил больше, чем себе. И вот рушится и эта вера. И этот высокий столп подмывается. К нему единственному я ходил. Куда ж я теперь пойду? <...>

4 марта. Неделю как уехал Вячеслав — и я «сам» остался. И я читаю Софокла и изящные к нему комментарии Зелинского. <...>

6 марта. Давно не писал я о «политике», я как-то отдалился от всего этого, а меж тем сколь многое произошло за это время.

В последнее время взят Тифлис и вместе с Азербайджаном и Арменией теперь уже и Грузия Советская — все почти Закавказье. Гражданская война словно закончена, большевики как будто победили. А между тем нет, какая-то туча нависла над ними. Продовольственный кризис? Да, и это: голод их снедает. И еще что-то. Какой-то внутренний недуг, словно червоточина какая-то в самом сердце. Какой-то безнадежностью веет от нынешней Совроссии, какой-то неизбежной обреченностью. <...>

21 марта. Я написал три сонета об Эдипе и Сфинксе, вчера их читал Вяч. Иванову. Он находит их совершенно зрелыми. И о форме, и о содержании их весьма и весьма лестно отзывался после чтения каждого отдельного сонета, аплодируя мне. Потом говорили о литературе, и я развил свой взгляд на «типы» и «характеры». Воззрение мое показалось ему замечательным:

— Нет, Вы больше всего критик (конечно, Вы и поэт), и здесь я перед Вами, как ученик перед учителем. Уж за одно простое изложение этих воззрений Вы должны быть оставлены при университете, такая это важная заслуга.

Мы беседовали до 12 часов. Потом, прощаясь со мной, В. снова и снова благодарил меня за ценные мысли, говоря, что я весь этот вечер, начиная с сонета и кончая последними словами, необычайно блестящ и глубокомыслен. Если это так, то хвала не мне, не мне, а имени твоему, В. И. Это ты вызываешь во мне самое лучшее, это ты — мой правый укротитель, смиренный победитель. Тебе, Вячеслав, — вящая слава, тебе хвала. И как я рад, что твоей славой кончаются записи этой тетради.

1922

1 января. <...> Прошлый год в это время стояла снежная и гнилая зима. Я был тогда в зените своего увлечения Вячеславом. Помню, в последний день 20-го года я сидел у В. и беседовал с ним на тему о смерти и бессмертии. Он был тогда под легким хмельком и говорил мне о том, что Дионис — бог растепляющий. Плакал он.

— Ты, Лидия (обратившись к дочери), не дозываешься меня, когда увлекусь чем-нибудь; ну вот, когда сильно увлекусь, не дозовешься меня вовсе...

Помню, обратился я к нему:

— В. И., даете ли мне слово, что некогда, и «потом», так вот сидеть мы будем друг против друга в образах наших.

— Да, будем!

Я был тогда весь вечер в экстазе и, придя домой, «объявил», что не душа только — бессмертно и тело. <...>

2 января. <...> Теперь я вот надеюсь под тем, под другим ли видом еще рассказать миру, каких опасностей избег я в жизни своей и как следовало быть осторожным и устойчивым, чтоб сохраниться и остаться со знаменами юности в руках, не опуская их перед нагло, часто нахрапом, чаще исподволь, наступающей жизнью. Моя обратная «Одиссея» — от Пенелопы хоть в Аид и от «богини богинь» (Калипсо, Цирцея) в мировой троянский пожар, под вечный Илион. Не за Елену мы боремся (Елена — призрак, пусть скажет Стесихор), не за длинноодетых пышногрудых троянок, не за домашних пенатов, а во вящую славу... Гомера. Ахилл для Гомера, не наоборот. Жизнь для песни. А песня? И для жизни, и для смерти. И мы живых воспеваем, ею же отпеваем мы мертвых. Песня! длись же без конца. Это будет потом, когда-нибудь, не скоро. Случайно упомянут в разговоре город Чернигов.

— Други, — прерву я вдруг беседу, — вы знаете, около сорока лет тому назад, да, это было в 1919 году, я жил в Чернигове почти целый год. О, смутное было тогда время, большевики были тогда, и большевики самой первой выпечки, это не то, что потом. Ну вот, издавал я тогда официальный орган «Известия», потом «Серп и Молот», каждый день писал статью передовую и уж так в дело зашел, что, казалось, таким вот и останусь на всю жизнь. Но тут к концу года пришли денкиинцы, я бежал в Киев, перебрался в Баку, здесь поступил на филологический факультет, встретился с В. Дальнейшую жизнь свою рассказывать мне нечего: она у всех на виду. Но вот та эпоха моей молодости, та красная заря моей туманной юности мало вам известна. А была она, думаю я, огромной важности. Тогда именно стоял я на распутье, и от тогдашнего выбора определилось все последующее. Хорошо ли я, скажите, други, выбрал? Так скажу я около 1960-го г. <...>

5 января. Приступил к критическому моему очерку о «Пере Гюнте» Ибсена и думаю посвятить его светлой памяти никогда мной не забываемого Отто Вейнингера. Как мне жаль, что его нет в живых, он мне наиболее родственный человек, именно с ним сопряжен мой дух, ему я конгениален. Помню, как впервые прочел я «Пол и характер» в декабре 1912 года, когда я лежал в скарлатине, вот здесь, в этой самой комнате, на этой же постели у окна (в галерею), какое сильное произвело на меня это произведение впечатление. Весь мир я узрел по-новому, впервые ощутил я в душе «великую серьезность», о которой говорит Ницше. Мне было 16 лет, но, помню, именно в тот год вновь пробудился мой уже несколько лет до этого спавший гений. Меня словно подменили, когда я встал с одра болезни, я стал как будто другим, чужим прежнему «себе», на самом деле, думаю я, стал именно собой. С тех пор многое для меня пришло и прошло. Вейнингер — остался. <...>

7 января. Вчерашний вечер сочельника провел весь до двух часов ночи с В. Давно уж так мы не беседовали подолгу. Он был очень ласков, внимателен, говоря, что относится ко мне так, как в свое время к нему относился Вл. Соловьев.

— Я люблюсь, М. С, — сказал он, — на Ваше равно объективное отношение ко всему: к реальному, к мистическому, метафизическому, все в Вас встречает одинаково внимательное, вдумчивое отношение. Подобная объективность всего на шаг отстоит от смерти, но Вы не мертвый человек, об этом свидетельствует вся живость не темперамента только, а всего Вас, Ваша молодость, наконец, которая несомненна. Такими вот объективными были Пушкин, Гете и совсем не был Лермонтов. Таким вот и я становлюсь в последнее время. И это заставляет меня на Вас тайно любоваться.

— Но разве это качество положительное? Один мой приятель указал, что есть особый вид расстройства клетки, при котором она реагирует на все. Тогда я оправдывался тем, что я поэт: поэт-де — колокол, привешанный на лобной площади, в который каждый проходящий может позвонить, — всем даст он отклик. Ибо поэт — эхо. Но теперь же, вижу я, я не поэт.

— Да, Вы объективны не как поэт (там Вы во власти одного чего-нибудь), а как тип мыслителя.

— Жаль, а мне хотелось бы именно поэтом быть.

- Знаю, знаю, но... — мы долили чаши коньяком и снова подняли их.
- За поэтическое творчество обоих, — сказал В.
- Выпьем, но почему за обоих? — спросил я.
- (В. сказал, но что сказал, см. «Разговоры» за 6 января). <...>

9 января. Вчера опять до поздней ночи был у В. Пришел я к нему часиков в семь. Уж по его ответу на мой стук в дверь: «Войди, отец проректор» (думая, что это пришел проф. Сиповский), — я подумал, что он уже в известных градусах. И действительно, он до моего прихода был у «Томаша» (проф. Томашевский — всегда милый и редко вполне трезвый) и успел распить с ним бутылку коньяку, да еще и вина, наверно. Во всяком случае В. растеплел, и когда я заговорил, что принес свои заметки о Геродоте, он стал просить греческого текста «для охлаждения». Вместо Геродота я, однако, прочел ему из своего дневника (16 сентября 1921 г.: «Каждому человеку надо куда-нибудь ходить...») о том, как я был целый год им, В., «одержим» и как я, переболев, ныне вновь и еще более здоров.

— Вы назвали эту заметку плохой для меня, — сказал В., — но я ее считаю очень хорошей. Пройдет три десятка лет, и вспомните мое слово. Я считаю высокой заслугой своей, что я не сделал попытки влиять на Вашу душу, что я Вас не тронул. Это высшее, что может быть между мужчинами. Вы запомните это, некогда припомните.

Потом я прочел вторую о нем «заметку» (18 сентября 1921 г.: «Я неверующий, я скептик...»). Когда я дошел до места, где уподобляю В. тому спутнику, который встретился апостолам по пути в Эммаус, и процитировал его же собственные слова («Путь в Эммаус» — «Сог Ardens»:

И Кто-то, странный, по дороге
К нам пристаёт и говорит
О жертвенном, о мертвом Боге...
И сердце дышит — и горит), —

голос мой дрогнул и опал, заклокотало что-то в горле, и влажно заблестели глаза, смотрю — все плачут: Александра Николаевна с покрасневшими на желтом худом лице скулами, отвернувшись и как-то криво перегнувшись, сидела на стуле, Лидия Вячеславовна устремила взоры вдаль, выдвинувши как-то по-детски

беспомощно и жалостно-стыдливо губки свои, а В. сам, спрятав в руки лицо, так склонился вниз, словно хотел положить голову под стол. Легкий, как будто где-то далеко начинается дождь, стоял одно мгновение неопределенный, будто стеклянный звук в комнате. Я закрыл тетрадь. Опять, друг друга перебивая, широкошумно заговорили мы все. Вскоре постучался Яблонко. Это еще молодой (лет 30—35), но уж весь седой человек, многое переживший и перестрадавший. Я учусь у него «исторической грамматике» и латинским авторам. Я мало еще с ним сошелся, но симпатизирую ему. Он пришел просить В. быть крестным отцом его ребенка. Он сам еврей, жена — христианка. Тут завязался у нас горячий спор (см. «Разговоры с В.» за 8 января 1922 г.). Потом разговор обособился. Яблонко говорил с Лидией, я подсел к «изголовью» В. (он сидел — не возлежал, но я ему нашептывал на ухо, как возлюбленной) и стал его спрашивать, как думает он, выйдет ли что-нибудь значительное из меня. В. сказал, что ему, конечно, трудно ясно и определенно ответить на этот вопрос, но раз я его беру, как Александр Македонский пифию, прямо за грудь (сравнение мое), то он, погрузившись в некое ясновидение, предрекает мне следующее:

— Вы, как некоторые французы, начали (или у нас — Тургенев), дадите сперва один-два сборника стихов, потом пойдет безупречная проза. Вы будете очень знаменитым в вопросах эстетики и философии, системы Вы не создадите, но Вы скажете чрезвычайно важные и значительные вещи, но это не будет еще все, это только соответствие той стадии, когда французы, ну, скажем, Поль Бурже, Анатоль Франс, становились академическими, определенно-утвержденными. Но потом, после всего этого, Вы станете еще великим (? — помета М. С. Альтмана) поэтом, ибо Ваш путь должен кончиться обязательно чем-то синтетическим, то есть символическим, поэтическим. Да, таким представляется мне Ваше будущее, Вы мое ясновидение сами изготовили, и больше сейчас я ничего сообщить не могу.

Так говорил он, словно сквозь сон. И, как сну, внимал я словам этим, словно плыли над головой моей звездные, меж прерывающих их облаков, знаки, и, по знакам тем гадая, читал мое великое будущее тайновидец, «заветов грядущего вестник», кудесник Вячеслав.

— А не забудете Вы обо мне там, в Италии? — спросил я, наклоняясь к нему и ласково глядя рукав его.

— Что вы говорите?! Клянусь Вам, что еще до чтения Ваших заметок обо мне я думал, не отказаться ли мне от Италии, чтоб оставаться здесь с Вами, или это уже не нужно, и Вы сами без меня справитесь...

О многом, о многом еще говорили мы, но кое-что я описываю в «Разговорах», многое же и, быть может, самое значительное ввиду отрывочности и возбужденности нашей беседы мне слишком трудно изложить стройно, но в душе каждый жив клочок и жест, и каждое, каждое семечко, уроненное, мимо идя, ростки дает. Поживем — их цветом насладимся и плодом насытимся. Поживем...

Ушел я поздно, и к концу разыгралась «сцена» между В. и Александрой Николаевной. Очевидно, он ее всегда недолюбливает, а в пьяном состоянии это вырывается наружу. Конечно, он был вне себя, это многое искупает. Но в словах Александры Николаевны ему: «Нельзя специально напиваться пьяным для того, чтоб иметь право грубить», — есть правда.

— Я этого Вам не забуду, — сказала Александра Николаевна.

Это не впервые, но она все помнит, все копит. И в этой безмолвной памяти я усматриваю больше злобы, чем во всем шуме и неистовстве В. Она любит пить душу по малым, незаметным капелькам соломинкой, и он не может этого вынести. Оба нервны до крайности. И поневоле доходит до крайностей: летит одна и другая бутылка, бьется посуда, изрыгаются грубые и несправедливые слова...

Домой пришел я к часу-двум ночи. <...>

13 января. (Из разговоров с В.)

— Когда я уеду, Вы должны будете написать на темы о Гомере, о Пере Гюнте, о романтизме, о лгуне (лгун отчаянный — *моя вставка*) и еще о провокаторе.

— О провокаторе, — сказал я, — не о том ли, который не хотел успокоиться раньше, чем у самого Бога ощупает его язвы?

— Да, я вижу, Вы на должной высоте ставите вопрос. О, это будет великий агон: Андрей Белый, Вы и я — все мы состязаемся на эту тему; впрочем, я заранее устраниюсь, из вас же

двух Андрей Белый лучше напишет, а может быть, и нет, Вы лучше, во всяком случае не я.

— Принимаю вызов, — сказал я, — итак, тема о провокаторе, не vocator'e*, а provocator'e**, этом вечном заместителе, вечном «за», вечном «вместо»; против этого вечного «рго», истощив все «contra». <...>

— Вы, как Геракл, на распутье стоите. Много перед вами дорог, но на каждой — своя опасность. Пойдете сюда — со львом столкнетесь, туда — в овраг попадете, ту выберете дорогу — разбойники на вас нападут, возьмете этот путь — можете заблудиться и т. д. и т. д. Задача именно в том, чтоб найти свой путь и свою опасность.

17 января. Последние три вечера все провел у В. В субботу (позавчера) сидел я у него с Харазовым. Вначале В. не было, и Харазов по обыкновению своему развивал свои обычные парадоксальные идеи. Так, в «Дубровском», уверял он, Пушкин изобразил нам тончайшую месть Дубровского, выразившуюся в том, что он (сам отнюдь не любя) влюбил в себя дочь Троекурова и, доведя ее до апогея, отдал ее генералу, с которым она будет весь век горе мыкать. Отдал, ибо что мешало ему, Дубровскому, взять ее, еще невинную? Обряд совершённый? Но он дал ему свершиться, нарочно опоздал... Перейдя к «Сказке о царе Салтане», Харазов, восторгаясь ею, между прочим указал на любопытную звуковую сторону тех слов, которые произносит третья, царем выбранная девица: «**Кабы я была царица, я б для батюшки царя родила б богатыря**». Сдвиги слов дают в ее речи повторяющуюся звуковую группу: *абы, ябы-л, яб, ляб, лаб*, — что, и с конкретным ее предложением родить богатыря, рисует ее как *бля-дую*, что в лубке, в сущности, означает вечно-женственную. Может быть, построение Харазова, как говорит В., является результатом чрезмерно в определенную точку (пола) фиксированного внимания, но Харазов с большой убедительностью иллюстрирует свою мысль на аналогичных примерах: в письме Татьяны, в монологе Клеопатры (в «Египетских ночах») и др.

Пришел В. Разговор перешел на новую поэму Андрея Белого «Первое свидание». Снова, видно, настало время поэм («Минуло время классических поэм...», Лермонтов).

* Сзывающем, зовущем (*лат.*).

** Бросающем вызов (*лат.*).

— Да,— сказал Харазов, — я стал писать поэмы, сидя в Тифлисе, отрезанный от всего, что делается в России. Вы, В. И., написали «Младенчество». И вот, мы видим, Андрей Белый тоже дает поэму.

— И еще что характерно, — сказал В., — что все эти поэмы носят автобиографический характер. Вообще Андрей Белый последние годы только и дает нам, что свою биографию. «Котик Летаев», «Преступление Котика Летаева», «Первое свидание» — все это различные моменты из его собственной жизни. Это, должно быть, знамение времени. Вспоминаю, что Каменский защищал тезис, что настала пора писать романы не вымышленные, а подлинную жизнь.

В воскресенье (вчера) пробыл у В. до трех часов ночи. Сперва читал ему свою начатую «жестоко символическую» (по его выражению) поэму в октавах об Адаме. Похвалил, но прибавил, что все это очень умно, что для меня (о поэзии) звучит скорее порицанием, чем похвалой. Потом читал я свои примечания к Геродоту. Потом — отрывки из дневника (о Шестове, о моем счастье, о нем самом).

— О Шестове, — сказал В., — я не могу с Вами полностью согласиться, Вы в нем отметили только один момент (момент «составителя книг»), но он, главным образом, искатель. Главная его мысль, внушающая мне глубокое уважение, — это то, что, лишь потерпев полное крушение, человек — впервые человек. Вот такое именно состояние я и переживаю теперь (Христос пережил это на кресте, когда ему казалось, что и сам Бог его оставил), все у меня крушилось, «юг и север» давно воспеты, мудрости новой у меня нет, и в то же время это состояние, я чувствую, более близкое к поэзии, чем все мои прежние, оно потенциально богаче...

Говорили о поэзии, о пределе человеческих возможностей. Прочел я В. также место, где я укоряю его в антисемитизме (не сознательном, а глубоко, глубоко затаенном, бессознательном) со ссылкой на то, что он не хотел бы видеть свою дочь замужем за евреем. Он защищался, говоря, что вообще не хотел бы, чтоб дочь его замуж вышла, он испытывает при этом ревность, но за еврея тем более, ибо меж русскими и евреями плохие сочетания, но его собственная жена, Вера, из евреев, и он ее, конечно же, любил, и Дима, сын его, следовательно, имеет еврейскую кровь.

На второй день он об этом разговоре беседовал с дочерью (Лидией), о чем она мне и сказала. Мне это неприятно и предостерегает быть в будущем более сдержанным на «исповедях» ему. Что касается Лидии, то ее поведение меня немного озадачивает. Чуть не со злобой сказала она мне, что удивляется, как мог я обвинять отца в том, в чем сам повинен: ведь я сам говорил еще в прошлом году (запомнила, значит, характерно!), что женюсь только на еврейке. Не понимаю: говорил, не говорил, ей-то что? Или есть «что-то»? Может быть, это кажется только мне, но как будто я в ней вижу пробуждающуюся женщину, и она со мной временами теряет привычную между нами естественность и ведет себя со всей неровностью влюбленной женщины. Странно! Очень странно!

21 января. Мало, мало куда я хожу: только к В. Все ж и это много: никуда, ни к кому ходить не надо — незачем, увы! То об один, то о другой, тупой (уж лучше б сильнее меня резал и царапал, да был бы острый), край ударяюсь я, едва только близко подхожу к человеку. Твердо знаю, вина не в моем злом глазе, а в глазах предстоящем зрелище. Нет человека, на которого можно было бы смотреть. Вот и на В. уж смотреть нельзя. Рябой и он — и от него в глазах рябит. Суетный, пыльный, ограниченный (чихнул сейчас — правда значит). Вчера, видя, как он с таким тупым лицом (ну и, конечно же, душой, если и не столь в то время тупой, все же туповатой) «судил и рядил» эпизод, произошедший накануне (физический «контакт» меж Харазовым и Ишковым), я сказал дочери его и Александре Николаевне Чеботаревской: «Некогда В. волновался Дионисом, теперь вот чем». <...>

Харазов дал мне свои последние стихи, они такие, такие трогательные и такие поэтические. Некоторые места, мне кажется, не забуду я:

Новый Год, — а все седей
Глупая бородака...
Где твоих лебедей
Да угнать, молодка.

Пусть лебеди эти — груди молодой, которыми он, старик, не овладеет — и в этом вся скорбь старого циника, — я заражен его скорбью. <...>

А циник, злодей-то каков? 43—44 года ему, а весь седой, весь больной. Позади — скорбь и ужасы, когда он «на медленном сыром костре» сгорал, и теперь то же. Последние две недели мочится кровью, с воспаленной предстательной железой живет в нетопленной, холодной комнате, и тут еще столкновение с Ишковым (который недостоин развязать ремня на обуви его) — и в это время пишет он ежедневно стихи. Вот это значит, что он подлинный поэт. А «гений и злодейство — две вещи несовместные». Поэт не может быть злодеем. Прозаики — злодеи. Харазов — вечный Иов, скребницей чистящий свои язвы и хулящий Бога. Но, кто знает, эти хулы не дороже ли Богу всех фарисейских славословий?

27 января. <...> Вчера В. взял у меня кольцо мое и предался «психометрии» (этим словом В. обозначает состояние, когда человек пассивно предается своим мыслям) — погрузился в какое-то пассивное состояние, думая и intuируя о кольце. Потом сказал мне, что кольцо это большой, невеселой, сумрачной, но бронирующей энергии, что в нем большой «вес» и сила, что оно с руки покойницы и является хорошим талисманом. Ему кажется, что на кольце раньше была надпись, теперь стертая, некое коротенькое, вероятно, имени, например, Лии. Последнее меня сильно поразило, ибо кольцо получил я от матери и зовут ее Лией. Он не знал, ни от кого получил я его, ни имени матери моей. Пусть случайность, но какая изумительная! <...>

2 февраля. Снова и снова недоволен я В. Профессора Ишков (декан историко-филологического факультета, человек, никогда не смотрящий другому в глаза, росту невысокого, ножками семенит, один глаз подергивает, я бы сказал, передергивает, служит при Наркомпросе, мне он представляется чиновником с неблагоприятной натурой, не загадочной, но темной личностью: я его почему-то решительно не люблю) и Харазов на вечере, торжественно устроенном в честь 80-летия проф. Лопатинского (бывший окружной инспектор, он приезжал к нам в гимназию, теперь «мой» профессор по латинскому и греческому языкам, человек хороший, со стеклянными телячьими глазами, аккуратно, изумительно сохранившийся старик, физически и, вероятно, духовно чистоплотный), подрались (именно так —

и их разняли) друг с другом. Состоялся вызов на дуэль, но секунданты решили дело разобрать в третейском суде. В судьи (со стороны Ишкова) попал и В. И теперь он всецело поглощен этим «делом». Он и раньше всех больше инсинуировал (не знаю, как пишется это противно сюсюкающее слово), а теперь и вовсе ничем другим почти не занимается, как этим. Печатающаяся книга его остановлена («Некогда», — сказал он мне), вчера сократил (для «совещания» по этому «делу») лекцию о «Поэтике», позавчера прервал семинарий по Цицерону. Словом, пылит и суетится из всех последних своих сил, бобчинсковский и репетиловский шум подымает. Когда я ему на днях говорил, что ему не следовало бы столь яриться по этому делу и вообще было бы достойнее стоять в стороне (честь и слава Гуляеву: вот муж, иже не иде путями, не скажу нечестивых, но мелочно-суетных), «не судите и судимы не будете», он изобразил свое участие как бремя, чуть ли не некий крест (о, фарисейское ханжество и лицемерие!), а на самом деле он от всего этого захлебывается, «забот полон рот», и он рот и ноздри все шире и шире распускает. Он имел бесстыдство заявить мне, что ему по душе предложение закрыть университет на неделю и предаться всецело разбору «дела». Он любит говорить о любви к науке, но вот для чего он готов ею жертвовать. Он часто и пространно толкует об академическом духе, но, как правильно указала мне Лидия Гуляева, ему по душе больше богема и ее нравы, оттого-то весь с головой ушел в эту грязную навозную кучу и с таким смаком на все лады и стороны переполаскивает грязное белье двух грязных людей. Брр... Напрасно ополчился я в своем сонете на Харазова за его разнузданный нос. Нос В. не короче, и сует он его не реже, чем Харазов. Знаю, что не в носе дело; если бы это было так, я бы не занял столько страниц его именем. Но мне стыдно и противно видеть его с этим вытянутым носом. Носом победоносным не станешь ведь. С носом только останешься... Я лично полагаю, пока В. не «отойдет», ибо он несомненно «разбежался», не иметь с ним никаких частных общений. Падению ближнего не радуюсь, а он падает, а он ближний. Поднять его не могу я, но не видеть наготы отца я могу, хотя б закрыть пришлось глаза. <...>

5 февраля. Мне снились изумительные сны. Один — о том, как я жил после смерти. Не загробная жизнь это было, нет, а другое, совсем другое. <...>

Но припоминаю, что я во сне же сказал себе: Андрей Белый ошибся, первое свидание (недавно прочел его поэму «Первое свидание» и Вл. Соловьева «Три свидания») — это наша физическая смерть. А смерть уж не смерть, а вот что. Да, да, это несомненное (в этой «несомненности» усматриваю я влияние слов, накануне сказанных В. Лидии: «Бог есть, есть — головой своей ручаюсь тебе за это»), а я, неразумный, это не понимал. Теперь вот понял. <...>

Другой сон совсем о другом: у меня и В. произошел «великий спор» (не идейно-отвлеченный, а личный), у обоих голос сорвался (в этом сне, полагаю, контаминировались моя давняя ссора с В. из-за «Передонова» и недавняя, с больным отцом), так что мы почти не могли говорить и оба были в крайнем изнеможении. С большой тревогой (за наше здоровье) и жалостью смотрела на нас не то дочь В. Лидия, не то мать моя Лиза (днем говорил с ней о том, что Лида и Лиза — одно и что возлюбленная — мать). Не помню почему, но и этот сон был значителен и говорит о многих моих задыхающихся в темнице души моей желаниях...

Позавчера сидел у В. Я ему сказал, что Сальери называет Моцарта богом («Ты божество и сам того не знаешь, я знаю, я») и потом убивает его, значит, он бога убивает. «Какая огромная мысль!» — сказал В. и стал хвалить и хвалить. Однако тут же прибавил, что его похвалы одновременно звучат и порицанием — ведь никогда моя поэзия так его не поражает:

— Я боюсь, что поэт был у Вас только подспорьем, как и у Платона, который созвал своих друзей и сжег свои поэтические произведения. Но Вы этого не торопитесь делать. Но, правда, видно — Вы философ. Все, о чем Вы ни заговорите, — уходит в философские выси.

— Да, В., но я ведь исхожу всегда из литературы, от отражений, от зеркал.

— Это ваш метод такой, и философу он позволителен, но никогда поэту: последний должен исходить непосредственно из жизни. <...>

8 февраля. <...> С В. я опять в «расхождении». Все чаще и чаще. Последний раз он, когда я защищал абсолютность принципа свободы слова, обозвал меня идиотом. И не в пылу бурного гнева, но, что еще хуже, в тихой язвительной едкости.

Он тут же спохватился, сказав, что он употребил это слово, как Достоевский о Мышкине, и что «идиот» — понятие всегда двустороннее, следовательно, и он «идиот» и пр. и пр. Я слушал все эти скучные «слова, слова, слова», и мне было стыдно за него. «Каждый человек рано или поздно попадает на свою полочку», — говорит Достоевский. В. попал и, весь растянувшись, лежит на ней частенько. Хорошо тогда полочку эту завесить и не смотреть на нее. Некогда был В. искателем, теперь — священник (по Вейнингеру). Не Папа, а мелкий иерей. Не Папа, а попик.

9 февраля. Поступил к Томашевскому (наш профессор и замнаркомпроса) в личные секретари. Еще к обязанностям своим не приступил, и в чем будут они состоять, не знаю. Но кажется, что переутомляться не придется...

16 февраля. <...> Сладостно (и сладострастно) мечтал о поездке летом на Украину. Теперь вот от приезжих получил известия, что жизнь на Украине до крайности неудовлетворительна. Голод, холод, репрессии, болезни. И «в пути» очень плохо, и «на местах» нехорошо. Так зачем же ехать? И к тому, возможно, что во время моего отсутствия уедет (в Италию) В. — и я с ним не попрощаюсь. А мне это было бы тяжело так, как Алеше Карамазову, когда он по семейным делам не мог быть все время при отходящем своем старце. Увы, и В., мой дорогой, несмотря на то, что ему всего 56 лет, уже так дряхл и слаб. Позавчера на лекции у него потекло из носа. Он этого не заметил, и это было такое грустное, такое горестное зрелище. Я себе представил, как он скоро, ах, совсем скоро (и это еще лучший случай!) будет дряхленький, весь трясущийся согбенный старичок со слезливыми глазами, то раздраженно кричащий, то чувствительно плачущий. Так в слезах непрерывных и отойдет! <...>

18 февраля. (...) Читал вчера у В. свой критический очерк о Пере Гюнте. Слушали: В., Александра Николаевна Чеботаревская, Лидия Вячеславовна и проф. Селиханович (поляк, читает у нас лекции по философии и психологии, человек неглубокий, мягкий компилятор, чуть-чуть со сладкой картавостью в голосе и характере, больше и чаще хороший, чем плохой). В. был

в восторге: в одном «месте» он меня прервал и поцеловал, в другом — заплакал и в самых высоких выражениях отзывался о моем «очерке», находя его безукоризненно православным (право-славие у В. есть право-вкусие) и музыку его ни в одном месте не срывающейся, ни на йоту не фальшивящей, и в целом и во всех частностях стройным, цельным (я-де нашел ключ, которым открываются и ворота, и все двери, и каждая кладовая здания этого произведения: Сезам найден), глубокомысленным, изумительным и пр. и пр. и пр. Кроме этого, он еще отметил в моем очерке следующее «чудо природы» — его мог написать только русский.

— ?

— Только ученик Достоевского — «русский» (я употребил именно в том значении, в каком нам его разъяснил Достоевский). Там на Западе более юридическое, чем мистическое существо Матери Богородицы. Там Мать и Дочь — *duo personae**; конечно, в более глубоком плане все это не восточное только, а всечеловеческое. Но я объясняю себе то обстоятельство, что Вы, не христианин, написали христианнейшее произведение, тем, что Вы еврей. Кому же, как не еврею, и понять христианство, и я Вас понимаю, потому что я [христианин и, следовательно,] еврей. А вот Селиханович, тот не может Вас понять, он не христианин, и потому именно, что не еврей. Sic! Что касается того, М. С, что Вы заявляете о своем полном нейтралитете ко всем развитым Вами мыслям, то мне кажется, что если смотреть под лупу, кое-где нейтралитет окажется нарушенным, не в упрек, конечно, говорю я это, а лишь отмечая факт. Я лично удовлетворен и нейтралитетом, было бы гораздо хуже, если б Вы сами, излагая все о матери, например, сами в душе бы над матерью издевались — тогда это была бы какая-то дьявольская игра.

Я успокоил В., сказав, что я нейтрален. Однако так ли это на самом деле? Я сильно в этом сомневаюсь. <...>

2 марта. Вчера исполнилось 56-летие со дня рождения В. Накануне этого дня я с ним беседовал до 2-х часов ночи. О важном, о высоком. Было очень интересно, занимательно. Занимательно, ха-ха! Он мне про Бога, про прикосновения к мирам иным, а я слушаю: мне-де «занимательно». В прошлом

* Две персоны (*лат.*).

году было совсем не то: пламенела душа моя при словах его, сердце горело. Теперь только дымится, парит (а что такое всякое «парение», как не призрачность и романтизм, только огонь реален, ему одному подходит всякая слава). В прошлом году в это же время В. был в Персии, я ходил как сирота и считал дни. А в последний день приезда трижды был на пристани осведомляться, когда прибудет пароход. Помню, и с каким чувством увидел я его вновь, и услышал одни из первых его слов: «Как приятно вновь очутиться на родном пепелище», — и несколько дней после этого он угощал апельсинами, привезенными из Решта. Был он усталый и томный, однако в тот же день читал лекцию. И — какое совпадение — читал он «Персов» Эсхила, так что я потом шутил, что В. такой строгий ученый, что раньше, чем он сам не побыл в Персии, не решился про персов читать. Раньше все в В. казалось Откровением, не потому ли, что весь он был для меня Тайна? Теперь не скажу, чтоб тайна эта передо мной разоблачилась. Нет, но... переоблачилась; оделась в серенький привычный цвет ежедневности, в милом, но несколько заношенном, чуть-чуть запыленном домашнем халатике. В туфлях и халате шествует теперь передо мной Тайна его. <...>

3 марта. <...> Иногда мне кажется, что весь литературный путь В. неправильный: ему бы надо теперь только начать сызнова. Все это ложноклассицизм (по форме) и романтизм (по содержанию). Мало души, Бога (не имени Его, о, этого даже чрезмерно!) мало. Человека мало в его творениях. Там, «под словами», «за словами», но не в словах его. Это оттого, что он мало любил (даже в любви к Лидии Дмитриевне сомневаюсь — это другое, а уже Веру и вовсе не любил, а детей — лишь как себя, продолжение себя, не как отдельность), слишком эгоистичен. Как часто, когда я его вижу быстро идущим, я представляю его себе молодым русским парнем Иваном — Иван Карамазов (Иванович Иванов — вот он!). И в Бога не верит, а хочет верить. И не любит его Бог (страшное говорю я, но всей душой жажду, чтоб Бог его любил), ибо весь он (не о смиренномудром духе его говорю, а о «нем», о «клетках» его) сладострастие и гордыня. Как? Что? Где доказательства? Я не хочу их приводить, я не хочу, чтоб они вообще существовали. Но они, увы! существуют.

4 марта. Каюсь, каюсь и отрекаюсь от написанного вчера мною «на» В. Нет и нет. Ошибся я. <...>

6 марта. <...> Временами, когда я ее (Лидию Вячеславовну Иванову) вижу в ее мягких смешных (без подошв) туфельках, неслышными шагами по дому ходящей, с «выражением на лице», таким милым, нежным, трогательно-умиляющим, я ее как будто люблю. Когда она с кошачьей гибкостью и нежностью жметя к отцу — у меня легкое головокружение, и я думаю, как хорошо было бы, если б она была моей женой. Никогда не смотрел я на нее с вожделением страсти, только нежности от нее мне очень хотелось бы. Знает ли она о моем к ней отношении — не знаю. Не знаю и то, как относится она ко мне. Только знаю, что в мире все возможно и что много, много счастья таит для меня будущее. С ней ли, с другой ли. Но все же мы близки: она мне на клочке бумаги написала — «дражайшему другу», и клочок этот лелею я. Образ весь ее лелею в душе. Но какая она нехорошая, злая бывает. Тогда не люблю. Тогда — чужая, далекая, «бурса» (так назвал Крученных) какая-то. <...>

8 марта. <...> Преступление — сильнейшая между людьми связь. Но когда оно велико и взаимно. То, что я сделал, ни то, ни другое. Кое-что, однако, значит и это. Едва я познакомился с Лидией Ивановой, я для нее украл у тети Розы, у которой я жил, туфли ее новые, ни разу ею не надетые. Это было не так легко, как может показаться. Дело в том, что мне она безусловно во всем доверяла («Если уж от тебя беречься, то кому ж тогда верить», — как сказала она мне впоследствии по другому поводу), и, когда туфельки исчезли, она огорчилась чрезвычайно не самим фактом (совершеннейший пустяк), а сознанием, что возле нее где-то близко совсем вор. <...>

9 марта. Мне сегодня приснилось, что Лидия Иванова меня (я уходил от «них» с Александрой Николаевной Чеботаревской) провожала до первого этажа (живут «они» на втором) и тут, идя рядом со мной, наклонилась и нежно (не страстно) меня поцеловала. Я весь озарился тихой, переполняющей сердце радостью, и когда вышел на улицу, на сырой тротуар (очевидно, недавно прошел здесь небольшой дождь), где с веселым гамом

шли (с университетского, видно, вечера) студенты и студентки, я чувствовал себя столь счастливым, столь блаженным. Ясные, чистые, недавним дождем, верно, вымытые звезды мигали, словно желали стряхнуть последние слезинки со своих ресниц, и, уж сквозь слезы все более и более сияющие, улыбались. «Лидия, значит, любит меня...» — так сказал себе я во сне. Но проснулся и понял: «Нет, это значит, я ее люблю. Она ли меня — Бог знает». <...>

Я пишу дневник уже с давних пор. Еще в 5 классе гимназии (1909—10 гг., мне было лет 14—15) я вел всякого рода записки и заметки о себе. Те тетради, к сожалению, не сохранились. <...> Потом был перерыв, но с 1917 года веду беспрерывно (дневник за 1919 год оставлен был при моем поспешном выезде — в Киеве у Поли Лифшиц), и его судьба меня часто тревожит по сей день. <...>

15 марта. <...> Опять у меня с В. краткое размыкание (сердечного) тока, опять обмолвка-размолвка. Все чаще убеждаюсь, что хоть мы столь сильно «помолвлены» (полтора года мы только и делаем, что «помалвливаемся»), к венцу мы не пойдём. Разные мы очень и в разные тянем и тянемся стороны. Последний раз повздорили из-за сущего пустяка, им раздутого до того, что он лопнул и обрызгал нас обоих нечистью. Он сказал, что я своими «записками» о нем (которые я полагаю публиковать без его предварительной санкции на то) как бы тираню его, эксплуатирую. Я же сказал, что эти «записки» — мое достояние и «авторизирование» их им есть не обязанность моя, а добрая воля. Так одним и другим увесистым словом кидали мы друг в друга. Оба обиделись, оба друг другом недовольны, оба считаем себя правыми. Как мне иногда кажется, у меня это борьба за независимость. У него же — воля к власти. Если так, то мы оба очень наивны: разве мало нам обоим простора? Дня четыре не ходил я к нему, вчера подумал, что ведь он стар и лучше его все-таки здесь нет, зачем же я облаком буду заслонять небо? Каждая минута, уходящая навсегда, останется потерянной для нас, как жаль! И я пошел к нему. Прочел ему стихотворение свое «Петух», на него оно не подействовало так, как я этого ожидал. Нашел его интересным, остроумным, но не столь поэтическим, сколь философским. Поэзия

есть понятие с концентрическими кругами, и это стихотворение не принадлежит к самому внутреннему кругу.

— Понимаю, — сказал я, — в президиуме поэзии у Вас восседает лирика-песня.

И подумал про себя — как он не понимает, что центр поэзии сдвигается и теперь уж пора переизбрать президиум. <...>

Иногда я мечтаю — В. славен и будет еще более славен. Я тоже буду высоко вознесен. И некогда наше друг к другу отношение будут изучать и изучать. А мы-то сами, Боже мой, чем занимаемся?! Сколько суетной пыли, сколько душного тщеславия. «Если вы не дадите мне на просмотр „записок“, я оставлю бумагу о том, что они в целом источник недостоверный, объявляю об этом при свидетелях». О чем он, собственно, тревожится? «Там» разберут, правильно или нет изобразил я его. На зеркало неча пенять... А если зеркало и кривое, что за беда? Измерят люди, знающие кривизну, и определят подлинную правду. И ложного свидетеля у мудрого судьи показание ценно. Да и так ли уж я крив? Ведь я осторожен до крайности, шлифую зрительное и отражающее стекла мои тщательно, проверяю их многократно.

16 марта. Я хочу написать так свои «заметки», что, с какой бы страницы книга ни открылась, везде она была бы равно захватывающа. Своего рода — бустрофедон: как хочешь, с чего хочешь читай — все хорошо. И так хорошо, и так хорошо — не так, не этак ли говорил Творец после каждого творения. <...>

18 марта. Сегодня годовщина Парижской коммуны. Три года тому назад в этот день, помню, выступал на большом митинге в епархиальном доме. Говорил хорошо и демагогически, уверяя (верил, хоть и с сомнениями, и сам), что «мы» победим, а «они» погибнут, ибо мировая революция неизбежна. Там же и тогда же получили мы известие (потом оно оказалось преждевременным) о взятии советскими войсками Одессы. О, каким был я тогда ярким сторонником большевиков, а теперь... Вот уж воистину бытие определяет сознание. Холодная была тогда погода, и темной ночью шлепал я по грязным черниговским улицам, но в душе у меня все ликовало. Кровно, жизненно (не материально только, а всецело) связал я тогда свою судьбу с революцией, я волновался ее волнениями, я скорбел ее скорбями, словом,

она была я сам. Теперь совсем не то, пыл мой давно остыл, я уж не только не действующее лицо революции, я и не зритель ее: все равно... Россия, революция сами по себе, я сам по себе. Исконный мой индивидуализм (мелкобуржуазный?) вновь выплыл наверх, и «старый строй» всей моей и душевной (да и физической) жизни был восстановлен. Я опять студент, занимаюсь литературой, мечтаю о славе. Все, как было. Мой Бурбон мало чему научился, мало чего позабыл.

Вчера были именины (день патрона!) Вячеслава Иванова. У него собрались: семья Гуляевых (проф. Александр Дмитриевич Гуляев читает у нас логику и философию, специалист по Платону, человек твердых принципов и моралист-кантианец, по воспитанию семинарист и, кажется, в семье своей «маленький тиран»), Томашевский, Селиханович, Ишков (все наши профессора), Чеботаревская, я, еще один студент. Был настоящий *συμπόσιον**: и попойка, и возвышенные «за коньячком» разговоры. Ели, пили, пели. Несколько было особенно трогательных моментов. Так, когда пели: «За то монахи в рай пошли, что пили всё карамбули, карам-бам-бум-були, ах, черт возьми, ах, черт возьми, карам-бам-бум-були (2 раза)», — то я настолько соблазнился убедительностью песни, что подумал, что впрямь вот таким путем (весельем и питьем) можно в рай попасть (как трогательно-детски это конкретное «пошли»), может быть, это самое почувствовал и он (уже изрядно к тому времени «упоенный»), запел в пику: «За то монахи в ад пошли, что *пели* всё карамболи, ах, черт возьми, карамболи». Другой красивый момент был, когда все хором затянули «Коробейников».

В. шумно встал, стукнул кулаком по столу (был он уже очень пьян), по стулу и сказал: «Некрасов был ничтожным поэтом, но да не забудется его имя во веки веков за то, что на него сошел Св. Дух (при этом В. истово перекрестился и заплакал), когда он писал „Коробейников“». Я посмотрел внимательно в это время, губы его были, как тоненькая (почти до сквозящей прозрачности) аленькая пластинка, выражение их было одновременно и детски-трогательное и детски-жестокое, и я подумал — он художник, тонкий и злой мечтатель-фантазер на высотах и жестокий в реальном, словом, певучей

* Пир (*греч.*).

мифической птицей (Алконост, Гамаюн) в небесах и хищником-коршуном на земле. <...>

25 марта. Брат все еще болен, я ежедневно навещаю его в лазарете. Лазарет довольно далек (за городом), но я привык — шесть недель подряд я хаживал туда, когда была больна Лидия Иванова. В сущности это было мое усиленное ухаживанье за ней — только за больной еще не пошло ухаживать: за здоровой слишком вульгарно. <...>

4 апреля. Прочел брошюру Юрия Тынянова «Гоголь и Достоевский — к теории пародии» и получил опять стимул засесть за работу над Гоголем и над Достоевским. Последнего я знаю недурно, Гоголя же — хуже. Летом хочу всего перечесать этого самого странного и жуткого человека (Гоголя), какого только я знаю, окончательно разгадать его «портрет», произвести над ним страшный суд, точнее, «страшную месть» за то, что он сделал с человеком, над человеком, сведя его к вещи, к части вещи. Не реалист — феноменалист он. Не Лик, не лицо даже увидел он, а нос, шинель. О, как унизил Гоголь образ Божий, сделав его подобием вещи (даже не вещью самой, а подобием). Подобия, подобия, подобия — этим Гоголь символист par excellence*. И вот этот-то антиреализм, дьявольский символизм (дьявол — только символ или символ, только символ — дьявол) его хочется открыть наконец *urbi et orbi***, разоблачить его маску окончательно. <...>

9 апреля. <...> Евреи любят каламбуры и игры слов. Но еще больше, чем иудеи, имели к ним пристрастие эллины. Все их мифы основаны на синонимах и сдвигах слов, редкая трагедия (Пенфей в «Вакханках», «Аянт» и др.) без них обходится. И я иногда думаю, что они оттого так глубокомысленны, что «отдавались» течению языка. Я думаю, что и мое глубокомыслие обязано своими лучшими выражениями гению языка. В этом я иудей, в этом я эллин.

Дома часто шутят, что я отношусь к Вячеславу, как хасид к своему реббе. И это, в сущности, действительно так. Я происхожу от хасидов, мои предки и по отцу и по матери — рьяные хасиды и почитатели любавичского реббе и культа

* По преимуществу (*франц.*).

** Ко всеобщему сведению (*лат.*).

его; сам я глубоко с раннего детства принял в душу этот хасидизм (кажется, мать моя, запоздавшая с родами, ездила к ребе за благословением; он благословил, и родился я — первенец). Я крепко, кровно связан с хасидскими традициями, с синагогой, с рассказами о чудесах Баал Шема и величии Шнеерсона. Хасидские рассказы Переца, прочитанные мной уже тогда, когда я свернул на другой, чужой, путь, вновь воскресили в душе былое. И что бы я ни делал, и как бы ни менялся — хасидом пламенным, фанатичным, нетерпимым (к другим, соседним, богам и пророкам) я всегда оставался. И теперь вот, когда я нашел своего ребе, хасид со всеми его атрибутами сказался во мне с такой силой, что он уже виден не только мне самому, но и всем вокруг. В. для меня то же, что старец Зосима для Алеши, что ребе для истинного хасида. Кто такой ребе? Это живой идеал, это образ и подобие Бога в человеке. Это — Чудо, Авторитет, Тайна. Но этого мало: это все есть и у отца лжи (см. «Великий Инквизитор» Достоевского). Нет, у него еще, он еще — Откровение. Откровение того, что в нем — ты и он — в тебе, что хасид и ребе, что верующий и объект веры — одно. Вот из-за этого-то двуединого тождества, для обретения другого, как себя самого, — и готов я идти на все жертвы. Здесь начинается мой «культ героя». Но здесь же начинается и выслеживание героя, испытание героя — подлинный ли он. Здесь — *incipit tragoedia**. <...>

23 апреля. <...> Отгулял и нашу, еврейскую, и «ихнюю», православную, Пасху. Пил, ел, блудил. Первый вечер нашей Пасхи был высокаторжественный, как никогда. И это потому, что на «вечери» присутствовал В. и мы все «подтянулись», соблюдая ревниво традицию и благолепие. Да, до чего дошло! Чтоб евреи справляли благочинно Пасху, нужно, чтоб при этом присутствовал христианин. Но уж и это средство становится недействительным. Метко слово одного старого еврея из моего местечка (Улы): «Будет время, когда и христиане перестанут быть верующими», — так иронизировал он над евреями. И вот сбывается: пуст сей старый храм, а новый построить и Христос не в силах будет. Прогнила соль земли — мы. <...>

* Начинается трагедия (*лат.*).

28 апреля. В «учреждении», где я бываю по утрам, — не место для писания дневника, а дома, после обеда, — нет времени; ухожу в университет, оттуда к В. или «в гости». Вот отчего только, а вовсе не из-за отсутствия материала я так мало и редко пишу. <...>

5 июня. Над В. стряслось несчастье. Дима (его сын, 9 лет) разможил себе руку и лишился 4 пальцев (кроме большого) правой руки. Мальчик музыкален, но этот случай кладет крест на его занятия музыкой. Кладет крест... Когда Александра Николаевна, успокаивая его, сказал ему: «Да Бог с тобой, перекрестись», — он ответил: «Да перекреститься-то нечем». И впрямь беспомощность жуткая. <...>

7 июля. А все-таки я не могу этого забыть, хоть миновало этому уже больше полугода. В споре с Александрой Николаевной (см. 9 января) В. в сердцах и великом гневе между прочим выкрикивал: «У, ненавижу эту старую деву!» Здесь было столько презрения к «старой деве» (не к Александре Николаевне именно, а вообще к «старой деве»), что я ужаснулся. Ужасаюсь и по сию пору, как вспомню. Так вот, когда до дела доходит, что значат все сладкие слова о Деве-Матери, о культе Вечно-Женственного. Все это ничуть не препятствует презирать всем нутром (а «нутро» — всё), всеми фибрами и клетками идеал девственности. Да, самый идеал — я свидетельствую. Ибо был очевидцем. И что увидел, не забыл. <...>

15 июля. «28 июня в дер. Санталово Новгородской губ. после месячных непосильных мучений умер один из основоположников подлинного русского футуризма Велемир Хлебников... Умер в предбаннике, служившем ему вместо жилища, в страшной нищете. Денег не было даже на телеграмму в Москву, почему известие об ужасном положении запоздало и бросившиеся на помощь товарищи не смогли перевезти Велемира из предбанника в дер. Санталово в специально отведенный для него распоряжением т. Троцкого больничный покой в Москве» («Бакинский рабочий», 15 июля 1922 г.). Таков конец Велемира. В двадцатом году я с ним познакомился, странное произвел он на меня впечатление. Косматый, лохматый, немытый, с длинными нечесаными волосами, со спутанной бородой, высокого

роста — он показался мне необычайным. Было что-то в нем детски-трогательное, среди всех кругом себя выпячивающих он один был воплощением начала полного забвенья себя. Каратаев Платон был в сравнении с ним человеком с претензиями. Мало было в нем человеческого, ничего животного. Больше всего походил он на дерево (был он строен, хотя и сутулился), но при этом любил вечно скитаться. Беспечность невероятная: «Единственный мой враг — холод». Мерз зимой он люто (не оттого ли и в предбаннике поселился?); обувь его этого имени не заслуживала. Занимался он все своими вычислениями («доски судьбы»), обладая феноменальной памятью на даты и числа на протяжении всей мировой истории, составлял он вечно формулы и уравнения, долженствующие выразить связь и чередование событий. Над этой работой он и умер: не дала ему судьба положить себя на «доску». В прошлом году, когда он излагал мне и В. свою теорию, В., слушавший его с большим и сочувственным вниманием (я — скептически), сказал: «И ангел протрубит конец времен. Не Вы ли, Велемир, — этот ангел?» В. определенно считал его явлением необычайным. «От него пахнет святостью, я чую этот запах при входе его», — сказал мне В. раз. «Он между гениальностью и безумием», — сказал мне В. в другой раз. Вспоминаю и изумительное слово Лидии Вячеславовны о том, что когда взглядишься в недра человека, оттуда выплывет такое странное чудовище, нечто уму непостижимое, как, например, Хлебников. Действительно, я не могу ничего особенно положительного сказать ни об уме, ни о сердце его. Но, тем не менее, очевидно, что и ум и сердце его были необычайны. Вот кто воистину был новый человек, не нашей породы, даже, казалось, уже не нашей природы. Последнее было, конечно, ошибочно: природа-то и погубила его. «Не вынесла душа поэта» прозаического тела. Душа поэта... нет, больше душа героя. Велемир был героем, и он, помню, на мой вопрос, почему В. [ему] не кажется идеальным, ответил: «Да потому, что его жизнь не героическая». В чем же героизм Хлебникова? Да в том, что он был свободен и независим, как никто. Если я чему в нем завидую, так это больше всего той минимальности «благ», которыми он удовлетворялся. Не увеличение доходов, а уменьшение расходов — вот что может обеспечить и сделать беспечным. Всегда погруженный в свои думы, со светлым ликом своим и «в никуда» глядящими глазами —

был он подлинный подвижник, аскет и блаженный циник (в философском смысле). В Персии туземцы звали его «урус дервиш», и воистину был он дервишем. Последний раз, уже по приезде из Персии, я его увидел босым в университете, он шел к В. В. был внизу и замешкался; поднявшись вновь на второй этаж, я его уже не нашел. Теперь уж никогда не найду. Но никогда не забуду. Нравственное его обаяние нескоро, надеюсь, испарится. Обо мне (я спросил его раз) был он такого мнения, что старое я довожу до последнего края, до острия, до совершенной завершенности, но, лицом обращенный весь к прошлому (Альт-ман — *вставка моя*), не создаю я нового, не вижу нового. По поводу дневника моего он как-то метко заметил, что дневник нужно вести с точностью до одного мгновенья — вот идеал дневника. В стихотворении, им написанном мне на память, есть такие строки:

Ворон священный и дикий совет гнездо,
И вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий.

Священный и дикий, таким был он сам; Велемир, Веле-Мир, не было его именем от рождения (то [имя] — Виктор), но всей жизнью и смертью он заслужил, что мир не забудет того, кто теперь в мире опочил...

18 июля. Я больше не числюсь служащим при Наркомпросе: меня «сократили». Теперь тенденция (после пира похмелье, но, ах, голова все болит) всех и все сокращать. Ее Величество революция сама значительно сократилась. Скомкалась, сжалась и хоть, как пес, по старой привычке бросается на людей, но уже (тоже как пес) поджала хвост и скрежещет (от голода, что ль, от чувства близости конца) зубами. Ну, гадина!

***

Усиленно занимаюсь античным миром: историей политической, культуры, литературы. Интерес сильный, глубокий. Чувствую, что в этом мире мог бы я весь век свой провести. Но, однако, не решаюсь пуститься в такую даль и все раздумываю, не сделать ли мне в последнюю минуту «от ворот поворот»: не перейти ли с классического отделения на славяно-русское. Здесь я все-таки дома, владею языком, а там язык — враг мой. А без

языка ни до чего не допытаюсь. Я не могу доверяться чужим языкам, а своего (ни греческого, ни даже латинского) у меня нет. Так колеблюсь я в выборе и не знаю, на что решиться. А время уж приспевается — и решиться нужно окончательно.

***

Глубокое сказал мне вчера Харазов обо мне самом слово. По его мнению, моя опасность в моей по временам некоторой, ну что ли, светскости, каламбурности, формальном решении вопросов глубочайшей сущности.

— Как, — возразил я, — но ведь в этом-то мое воззрение заключено: язык как господствующее надо всем начало, и разве Вы, Георгий Артемьевич, сами не разделяете этого?

— Нет, я, конечно, тоже это утверждаю, вот и у Гомера сейчас отыскиваю все эти словесные узоры, но разве поэзия в этом, только в этом, она столько же и в противоположном этому. Часто именно поэтично, чтобы не было никаких словесных узоров, поэзия никогда не в одном принципе, а во всех принципах. Тем, что Вы только это видите в поэзии и сознательно стремитесь к этому, Вы сами себя ограничиваете, сами запираете дверь своему вдохновению. Помню, как раз Терентьев (футурист) ко мне пришел и сказал: «Я понял наконец, — каждая буква переходит в другую». <...>

24 августа. Умер Лев Григорьевич Лопатинский. Светлое царствие ему небесное! Лет 15 тому назад, когда я был гимназистиком, он, бывший тогда окружным инспектором при краевом (в Тифлисе) попечительстве, наезжал к нам в гимназию ревизором. Страх и трепет учительского персонала передавался и нам, ученикам, тогда. И так бы с этим впечатлением о нем я и остался, если б я не имел счастья в последние два года убедиться во вздорной детскости того впечатления. Я был одним из двух-трех слушателей Льва Григорьевича (еще месяц тому назад сдавал я у него Геродота, и он поставил мне «весьма удовлетворительно» за мой слабый ответ, «только для компании», как он выразился тогда: со мной экзаменовались еще двое), кроме того, несколько раз я бывал у него дома и всегда умилялся его детской кротости, чистоте и глубине его души. Это был чистый, светлый, изумительно физически и духовно сохранившийся серебряный старик. Еще стоит перед

глазами его невысокого роста фигурка в беленьком кителе, с палкой в руках, еще вижу улыбку его, еще слышу голос его. <...>

31 августа. Сегодня я приступил к осуществлению своей давнишней многолетней мечты, я начал изучать Тору. Учитель мой — местный духовный раввин Меюхес, огромный знаток. Учение это, согласно моей просьбе, происходит в тайне, и я надеюсь, что результаты его, однако, вскроются когда-нибудь всему миру. Когда я Меюхесу заявил, что вот я изучал медицину, теперь изучаю филологию, хотел бы еще добавить знание Торы, то он улыбнулся: «Еще». И мне стало неловко: Бог — на последнем месте. Далее он тут же мне цитировал, что Тора не хочет быть ни короной на голове ее изучающего, ни заступом в его руке, то есть ни предметом тщеславия, ни предметом корысти, — Тора для Торы. Ах, как это мне близко— искусство как самоцель — это дело всей моей жизни. Сегодня взял я у него первый урок и убедился в том, как я отстал. Когда мне было 7—8 лет, я это изучал и лучше (да, лучше, не преувеличиваю) проникал в глубины, чем теперь.

<...> Мой memorandum о происхождении греческой трагедии В. Ив. принял и включил в свою книгу, поздравив меня по этому поводу с дебютом. Это действительно моя первая вылазка в чуждую мне область. <...>

3 сентября. Сегодня за учением Меюхес мне сказал, что он забыл в прошлый раз перед началом «сообщить» общее предисловие ко всякому учению — это то, что Бог есть.

***

Между прочим, Меюхес рассказал агаду, как Моисей, взойдя на небо, увидел Бога сидящим и учащим Талмуд. Бог за книгой — в моих глазах, глазах начетчика, готового читать до слепоты, — ничего не может быть трогательней этого зрелища. <...>

23 сентября. <...> После имевших место в Баку классовых и национальных распрей. Три года тому назад произошли так называемые «сентябрьские события» и до 30 тысяч армян были в течение трех дней перерезаны. Насилиям, грабежам, издевательствам со стороны озверевших татар не было в течение трех дней предела. И после этого еще много времени (почти до самого свержения мусаватской власти большевиками) армяне

продолжали жить в вечном страхе. Многие армяне из Баку убежали и уж больше не вернулись. Так что изобилие армян в Баку теперь сменилось скудостью, и, идя по улицам, я как старый бакинец ясно вижу это оскудение армянского населения. Я не принадлежу к особенным армянофилам, но я чувствую себя перед ними за произошедшее виноватым (хотя евреи, конечно, решительно здесь не при чем), и я хотел бы что-нибудь хорошее сделать для армянского народа. Но что могу я? Господи, ты сделай! <...>

26 сентября. (...) Я в приговорах скор, у, как скор! Но отчего мне и не быть скорым, особенно в дневнике, цель которого — именно не отстать ни от одного мгновения? Оправдание моих записей — в правде мгновения, а что, слагаясь, дадут вместе все эти «минуты», то не моя печаль. И вот и теперь хочу ничтоже сумняшеся сказать по поводу Вячеслава, что на всякого мудреца довольно простоты. Я ему как-то рассказал о том, что, согласно одному месту в Талмуде, Господь Бог учит Тору. Ему это показалось странным, и он уподобил это тому, как если б Ленин стал читать, перечитывать свои собственные декреты. Я на это «замечательное» сравнение промолчал. Через некоторое время беседа вновь коснулась этой темы, и он свое сравнение (очень, видно, оно ему понравилось) повторил. И я опять попытался запротестовать, но стало скучно, и я замолчал. Не может человек прыгнуть дальше своей собственной тени. Что делать, самый большой сосуд не может вместить больше своей емкости. Можно, конечно, пытаться расширить стенки сосуда, но при этом рискуя продырявить его, сделать протечным. Я для себя из таких и родственных фактов должен вывести следующее: 1) слишком близко подойти к человеку — значит рискнуть попасть в его тень и 2) труднее, чем семиту стать арийцем, арийцу понять семита. Есть Бог, этот Бог — еврей. Мы Его знаем, всем остальным остается только верить. Учит, учит Бог Талмуд. Хотя бывали мудрецы мира сего неевреи, не могли бы [они] этого понять.

— Верно, но нервно (может В. ответить на это), — снисходительно выразился он раз о Библии. Может быть, но то, что он по этому поводу утверждает, хоть и не нервно, зато неверно. Он может «выиграть» дело, но правда с нами и Бог за нас. <...>

5 октября. <...> На днях, идя с Вячеславом по улице, я ему сказал:

— Вот в прошлом году в этот же день я с Вами так же ходил.

Вячеслав в моих словах почувствовал, что так обычно вспоминают о событиях безвозвратно ушедших, и он спросил меня:

— А Вы не подумали сейчас, при этих словах Ваших, что некогда Вы меня и хоронить будете?

Я ему совершенно искренне ответил, что не думал совершенно об этом, и полуискренне, что он умрет совсем, совсем не скоро, в Италии, вдали от России (о последнем я, собственно, жалею).

19 октября. Позавчера ночью В. мне неожиданно сообщил, что получил телеграмму из Москвы от Александры Николаевны Чеботаревской, что Луначарский советует ему приехать в Москву. Это значит, что письмо В. к Луначарскому с просьбой содействовать отправке его за границу возымело действие и вот через две недели В. собирается в Москву, чтоб оттуда выехать в Германию. Это известие меня как громом поразило, я никак не ожидал его отъезда раньше весны и согласно этому был построен весь мой план занятий этого года — к январю сдать выпускную работу, быть оставленным затем ученым сотрудником при университете, «а там уж поприще широко». Теперь все это спуталось, мне не только не при ком остаться, некому, собственно, даже представить выпускную работу. Кафедра классической филологии совсем не представительна, так же как и западной; по русской словесности — молодой, ничем не выдающийся Багриев, *tabula rasa**; с отъездом В. все словесное отделение остается как бы висеть в пустоте и обречено на полное уничтожение. Для меня лично весь университет был ценен присутствием в нем В., и с изъятием его он для меня бездушный труп. Как никто, я в лице Вячеслава имел личного друга и вожатого, почти отца. Это был единственный в городе человек, с которым я два года непрерывно ненасытно общался, которого чтил и любил. Я его очень высоко, но, ах, все еще мало ценил. Имея — не дорожим, а потерявши — плачем.

* Чистая доска; *здесь*: пустое место (лат.).

В разлуке познается сила привязанности, и, с тех пор как я узнал, что дни его в Баку сочтены, я не знаю, как им дорожить. Хожу как осиротелый, по ночам не сплю, днем грущу. Усиленно мечтаю, как только ликвидирую свои академические дела, съездить в Москву, на Украину и оттуда всеми возможностями за границу, «к нему». <...>

14 ноября. <...> Экзамены у меня все сданы, и мне нужно кандидатскую работу написать так, чтоб она не только произвела должное впечатление, но и действительно была такова, чтоб меня из-за нее оставили при университете. Последнему способствует и то, что В. вопреки своим «сборам» вновь остался в Баку и пребудет здесь, вероятно, до весны, к каковому сроку и я должен работу сдать. Все это требует занятий, а я совершенно ни на чем не сосредотачиваюсь и даже темы себе еще не выбрал.

2 декабря. <...> В связи с интересом к Фрейду новая волна симпатизирующего внимания к Харазову. Несомненно, что он крайне самобытное явление и весьма талантлив. Он написал драму «Был у Христа-младенца сад», я присутствовал при ее зарождении, при ее дальнейшем росте и видоизменениях, но отношусь к ней холодно. Он ее считает своим лучшим произведением, надеется, что ей обеспечено будущее. <...>

10 декабря. <...> Вот вчера было 19 кислева, день, когда «старый ребе» Шнеур-Залман (да будет мне прощено, что имя его вывожу здесь, на суетных моих страницах), один из первых основоположников хасидизма, был выпущен на свободу из тюрьмы, куда он попал по проискам своих религиозных врагов. Каждый год в этот день хасиды собираются вместе и во славу ребе поминают его учение, дела, жизнь, веселятся, пляшут, пьют и едят. В этом году, так как я изучаю его, ребе Шнеерсона, книгу — «Тания» — я счел нужным тоже прийти на день его памяти. Захожу в хасидскую синагогу, вижу: по обеим стенам стоят два длинных стола, покрытые скатертями, на столах водка и закуска, по бокам столов на длинных скамьях сидят хасиды зрелых лет и старики (я

единственный был молодым). Кто пьет, кто поет (хасидские «ребины» песни), кто деньги собирает, кто деньги дает на Талмуд-Тору (фонд обучения малолетних Торе), кто рассказывает что-нибудь из жизни ребе или других великих хасидов, кто выкрикивает вдруг предложение обязать каждого в течение года изучить отдел Талмуда (предложение, которое немедленно принимается и письменно фиксируется), а кто и вовсе, опустив голову, молчит, Бог весть о чем думая. Все это шумно, нестройно, недисциплинированно, но проникнуто глубоким внутренним единством, трогательно и умильно до слез. Вот это есть подлинная слава, для которой стоит умереть. Не суетные казенные поминовенья, не типичные поминки, а подлинное творение во Имя. И в синагоге! Как осудили бы это фарисеи — как, пьянствовать, плясать, пить и есть в синагоге, в присутствии Торы, вблизи святого ковчега? Да. И я явственно видел, что еда и питье могут быть святыми, и когда, кончив трапезу, стали творить общее благословение Творцу, «от добра которого вкусили», и самую трапезу назвали делом праведным, я знал, что это так оно и есть. Вот единственная форма приятия мира.

20 декабря. <...> Вена — это город, в котором состоит профессором Фрейд, теорией бессознательного и толкованием снов которого я последнее время усиленно занимаюсь и о котором еще вчера ночью беседовал и с Вячеславом, и с моими новыми двумя знакомыми (русский консул Али Фрадкин и заведующий Госторгом [...]). Спор, который происходил, — это спор в душе их самих: марксисты правовернейшие всю жизнь (Али 22 года в партии, был на каторге, работал в шахтах) и евреи еще до рождения и все детство и отрочество (ученики ешибота, Али уже мог быть раввином). <...>

1923

16 января. На прошлой неделе разошелся с Харазовым из-за нежелания выслушать его драму «Был у Христа-младенца сад». А выслушивать я ее не хотел главным образом потому, что он, как мне казалось, добивается этого слишком настойчиво, не брезгуя никакими средствами, почти насильно читая ее мне. И вообще влиянию, чрезмерно назойливо напиранию, я даю отпор. Вообще же влиянию всякому я сам радостно иду навстречу. И чтоб чему-нибудь научиться, готов подчас и личность

свою умалить. Но всему есть предел. И когда Харазов говорил мне: «Я выбью из Вас Вяч. Иванова», — то он совершал бестактность, так игнорируя мою личность, словно я диван, из которого выбивают пыль. Правда, и я его игнорировал невозможно, и в его упреке мне, что я «выводил» его в свет (знакомил с моими друзьями), как импрессионист-вундеркинд, есть правда. Но как бы то ни было: Харазов, который ни с кем ужиться не может, и я, который тоже ни с кем ужиться не могу, мы и друг с другом не ужились — разошлись. Мы теперь в отношениях официальных. А вчера я размолвился и с Вячеславом. Зашла речь о моей работе, я как-то не особенно почтительно отозвался об «академическом духе». Он вспылил и стал яро защищать этот «дух». А меня всегда, когда Вячеслав говорит на эту тему, тошнит, ибо такое зловоние, такой позорный, помойный смрад носит в себе этот «дух», что, пожалуй, и называть это «духом» — хула на Дух. И сам Вячеслав, который на старости лет наконец дорвался до профессуры (профессор Бакинского университета — скажите, пожалуйста, какая честь!) и, как старая дева, что наконец вышла замуж (в мать, в мать он) и непрестанно и говорит и чувствует это, — в моих глазах зрелище для него, для большого Ивана («И бьет в кимвал большой Иван»), такое унижительное, что я каждый раз отвожу глаза, чтоб не видеть, как Хам, отца нагим. Ах, как по временам король гол! И какой при этом у него горб на спине, и ляжки, и ягодицы. Брр! Может быть, действительно Вячеславу лучше всегда быть сильно и много одетым (котурны, ризы, светскость, архаизмы, высокий «штиль»). Но я и тогда в оппозиции буду ему, ибо люблю правду истерически и парики XVIII века, как и византийские ризы (его православие), как и греческие маски (античность его), разоблачу и за личинами хочу лица. А лицо-то вот у него нехорошее. Не высокая, не чистая натура. В прошлом году с процессом Харазова это выяснилось для меня вполне. Я знаю цену Харазову, но в этом деле он был затравлен ими всеми, как гений толпой, из-за того, что он на них не хотел быть похожим. Да и зависть здесь играла роль, я это утверждаю, ибо Вячеслав — завистник. Я подмечал это много раз. Когда я на днях сказал, что мысль о смерти Одиссея у феакийцев — мысль не моя и не Харазова, а Велькера (на самом деле ничего подобного), Вячеслав от радости всплеснул руками, чуть не перекрестился (не преувеличиваю —

это точно) и сказал: «Слава Тебе, Господи! Это замечательная мысль, а я никогда не знал, кому она принадлежит — Харазову или Альтману». Этот ли эпизод не свидетельствует о том, что Вячеслав не может подняться над уровнем мелких частных своих отношений даже там, где дело идет о большом. Вчера я и сказал Вячеславу, что «они» в прошлом году сотворили по отношению к Харазову Паламедово дело и что только два праведника в этом деле неповинны: Маковельский и Гуляев. Он вспыхнул: «Значит, Харазов — Паламед, а я — Одиссей? я Вам этого не забуду». Лицо его было при этом такое, что видно было, что он не забудет. Ну и пусть не забывает. Если я неправ, то искренне заблуждаюсь и, говоря, сказал честно, как другу с другом полагается, то, что я думаю, чем неоднократно мучился (ибо люблю Вячеслава, и мне грустно его падение, больше того, его падение — каждый раз оскорбление мне личное — так близок он мне), а если он неправ, то это гораздо хуже. И что означает это «не забуду» — месть? Конечно, он может мне много повредить и в академической карьере (в первую очередь), и в литературном мире. Но пусть, если Бог мне поможет, мой колос взойдет все равно. А «академизм» этот — только потеря «хлеба» и гавани для меня. Повторится, вероятно, история с Харазовым. В конце концов главный удар пришелся ему по карману. То же может и со мной случиться. Неисповедимы пути Господни. И, может быть, мне должно воспринять и случившееся как хорошее. Разошелся с Харазовым, разошелся с Ивановым. Остался один. Но единственный и должен быть одним. Довольно я отлынивал от моей участи — одиночества, — пора взять свой крест и с верой в Бога и голос неподкупной совести — идти вперед. Один, один. <...>

17 января. <...> В перечне книг одного московского издательства я нашел исследование о Радищеве В. П. Семенникова, с прибавлением в скобках: «печатается». Так, значит, жив-живехонек милейший, любимейший Владимир Петрович. Тот самый, с которым мы в Чернигове вместе буйно провели времечко, работая в редакции «Известий», где я был передовиком, а он заведующим технической частью. А я думал, что он уж окончательно спился и ко дну пошел. Но он неожиданно вот выплыл. Как бы я хотел бы его увидеть и обнять. То-то будет радость, когда свидимся. И Модест Гофман, тоже знакомец из

Чернигова, там же. Ба, всё знакомые мне лица. Как странно, человек с человеком встречается! <...>

26 февраля. Маленький месяц — февраль, но все ж куда он делся? Не занял он и страницы моего дневника: я его весь рассеял. А меж тем в нем было много любопытного, памяти достойного. Я написал два сонета на один сон, приснившийся Вячеславу. Написал их сразу в один день и тогда, когда уже полагал (обычное мое состояние, когда ничего не выходит из-под пера), что уж я весь «выперился» и никогда больше не буду писать стихов. Несколько раз за это время бывал на полурелигиозных, полуспиритических сеансах у проф. Энгельмайера, где познакомился с одной дамой, Ниной Алексеевной Зайковской. На собраниях этих она являлась изумительно чувствительным медиумом. Я ее провожал дважды домой, и она мне сообщила чрезвычайно много интересного и значительного из своих внутренних переживаний. Она визионерка, сивилла и чутка до ужаса. Я был потрясен ее сообщениями и настолько проникся сознанием значительности ее переживаний, что если б я не был собой, хотел бы быть ею. Такое явное касание к мирам иным я ни у кого еще не встречал. Магнетизер надеется, что она может полететь. Да, такая может и полететь. Я бы не очень изумился.

С Вячеславом у меня вновь эпоха «доверия». Мы почти ежедневно засиживаемся в сладостных беседах до 3-х ночи. Так вот было с нами два года назад, когда моя душа горела. Теперь не горит, за спиной опыт огня и пепла, но временами светится — и, просвещаясь, просвечивает. <...>

28 февраля. Я получаю уроки один другого неожиданнее. Вчера утром я отправился к Петру Петровичу Штейнпрейсу. Это студент, филолог, главное занятие его — философия. Это красивый, с безукоризненным пробором немец, аккуратный до безумия. Именно до безумия, и этим, может быть, должно объяснить его неизменную и исключительную логичность, его сумасшедшую последовательность. Он позитивист, с различными отклонениями ницшеанец, человек большой воли. <...>

Вячеслав «обрушился» на одну часто у него бывающую курсистку, Татьяну Михайловну Емец («Лотос» — она бывшая

теософка), за то, что она мало занимается. Когда она запротестовала энергично, он опомнился и, желая сгладить впечатление, стал говорить, что вот «и моя дочь в таком же, как Вы, отчаянном положении». «Отчаянном» — вот оно лицемерие. Я ему об этом сказал:

— У Вас, В. Ив., такой уж прием: чтобы оправдаться перед одним — предать другого.

— А разве худ прием? — спросил он меня.

Я ничего не ответил. Что можно ответить такой бессовестности? <...>

28 апреля. Сегодня трехлетняя годовщина прихода Советской власти в Баку. По улицам обширнейшие манифестации. Я — равнодушен, безучастен. Я стал совсем аполитичен. Как это состояние мое далеко от того, в котором я был в первые два года революции. <...>

Вся эта неделя прошла в нашей семье под знаком «суда над тайными еврейскими школами». Я тоже суд посещал и вчера провел там весь день до двух часов ночи. В числе подсудимых и мой «старец», духовный раввин Меюхес. Обвинение — в обучении детей религии. Меюхеса присудили к восьми месяцам принудительных работ. На суде прокурор прямо заявил, что абсолютного права и справедливости нет, а есть только конкретное право и справедливость. Перевести это на язык простой, это будет значить: справедливо все, что выгодно господствующему классу, теперь у нас — пролетариату. Но тогда зачем же суд и вся процедура искания «истины»? Впрочем, догадываюсь, обставлять дело именно так, а не иначе — тоже пролетариату выгодно... <...>

18 мая. Я давно об этом и много раз уж думал, но записываю только сегодня. Не потому, что теперь это окончательно созрело, а потому, что должна же быть эта (не вся, однако) правда сказана. Вот она, правда, — Вячеслав Суетный. Многие большие и малые хвалили и славили В. Иванова — «Вячеслав Великолепный». Но вот по голосу многих пришел я, увидел и сказал — Вячеслав Суетный. Видел всю славу его, но увидел и пыль, которой она вся покрыта, — мелкая, серая, не сходящая пыль. Суета, всяческая суета. <....>

2 июня. Историко-филологический факультет я (без ложной скромности — пред кем я извиняюсь: пред стилем?) блестяще закончил. На последнее мое [испытание] («защита тезисов») пришло много профессоров и из кончающих. Происходило это в большом канцелярском зале при большой торжественности. Я сказал получасовое вступительное слово, отвечал на поставленные (в чрезвычайно мягкой, почти нежной форме: не вопросительно, а просительно) вопросы. Комиссия в лице председателя Вячеслава (который провел все собрание виртуозно) и членов — Маковельского и Яблонко — вынесла как о моей работе, так и о диспуте самый лучший отзыв. Вячеслав поцеловал меня, профессора и публика (заседание было открытое, публичное) зааплодировали и стали один за другим подходить с поздравлениями. Я кланялся, жал руки и благодарил. Состояние мое было приподнятое, очень удовлетворенное. Радуюсь еще и по сию пору, а уж второй день минует этому, и уж это, как и все студенчество мое, — отошедшее. Теперь предстоит мне зачисление в научные сотрудники. Хотел бы одновременно и при Вячеславе (по классической филологии) остаться, и не отрезать себе путей и связей с русской словесностью. <...>

5 июня. <...> Теперь в Москве печатается полное собрание сочинений Велемира Хлебникова, и издатели (редакция «Лев») просят сообщить им материалы о Хлебникове. Не написать ли и мне свои о нем воспоминанья? Я его считаю одним из высших людей, которых я в жизни своей встретил. Я так рад, что встретился с ним, но как жаль, что так мало.

***

Провожу дни праздно. До обеда урок и чтение («История религий» Шантепи). После — сон. Вечером в гостях или у Вячеслава, или у Харазова, или у какой-нибудь «барышни». <...>

2 ноября. Недели три назад мне снилось: голубой небесный свод, на котором два огромных золотых меча образуют крест и разделяют все небо на четыре вогнутых квадранта. Этот сон в связи с одним имевшим место в прошлом году случаем (я как-то купил серебряный крест и подарил его, не зная, куда деть и что с ним делать, Даше. Та вернула его мне обратно, считая подобный дар худой приметой), но он еще, по мнению

Вячеслава, этим сном пораженного, стоит в связи с крайним рассечением мира. А Сергей Витальевич Троцкий по этому поводу вспомнил о двух мечах, кои, по слову Христа, «достаточны»: один меч разит себя, другой — других. Мир ныне весь пронзен: и вне и внутри. И знамение времени — этот крест из двух золотых мечей. <...>

8 ноября. С моим оставлением при университете осложнения. До сих пор я не утвержден Наркомпросом и вряд ли в ближайшем будущем буду им утвержден: предрезающая власть не считает нужным поощрять кафедру классической филологии, к коей я прикрепился. Прикрепился я к ней потому, что по чистой поэтике, по коей я специализироваться хотел, нет кафедры, и еще потому, что классическую филологию ведет Вяч. Иванов, наиболее из всей профессуры близкий и интересный. Но, конечно, классическая филология мне очень чужда, хотя б уж потому, что я не владею древними языками. Возможно, таким образом, что все к лучшему и препятствие, неожиданно ставшее мне на пути, вновь вернет меня на мою настоящую дорогу. Все ж я весьма досаую: во-первых, мне кажется отношение ко мне университета и самого Вяч. Иванова крайне равнодушным (со стороны факультета, пожалуй, даже и чуть-чуть враждебным: невзлюбили меня за мою явную самонадеянность; за «непочтительность», как сказал мне проф. Селиханович, к которому я, впрочем, особого почтения действительно не испытываю), а во-вторых, я лишен таким образом той маленькой ежемесячной субсидии (около 15 рублей), которая как-никак все ж на худой конец кое-что значила. <...>

И на университет сердиться нечего мне: лучше, что мы друг другу ничем не будем обязаны, — мы ведь совершенно чужие. А что Вяч. Иванов меня предаст, то ведь и я б его предал. И если он сделал это внешне первый, то внутренне не я ли был первым? <...>

9 ноября. Что я, собственно, инкриминирую Вяч. Иванову? Недостаточную защиту моих интересов: непринципиальность в защите моего вопроса *ad rem** и негибкость — *ad hominem*** . А ведь он умеет быть и принципиальным и гибким, когда...

* По существу дела (*лат.*).

** По отношению к человеку (*лат.*).

это ему нужно, вернее, когда его ум услужливо проводит то, что хочет его сердце. <...> Хочу, однако, быть справедливым. Поэтому допускаю одно объяснение всего поведения Вячеслава, которое может аннулировать все сказанное. А именно: он не тот здесь (в Баку) и теперь (последние годы), что был. Он и сам не раз говорил мне: «М. С., Вы видите меня больным: я был совсем не тот, когда был здоровым». Это очень возможно. Я вижу Вячеслава бесталанного, а таков он представляет зрелище не особенно изысканное. Будем же лучше смотреть на его прошлое, если сможем, — и на будущее. Только не на настоящее. Вопреки его заповеди пройдем мимо. Из любви к нему, дальнему, минуем ближнего.

11 декабря. Как-то недавно, говоря с Вячеславом Ивановым о возможных переменах общественного устройства, мы коснулись последнего ужасного землетрясения в Японии, и Вячеслав сказал, что он ждет великих перемен не от революций, а от великих геологических катастроф: потонет, например, в один день вся Великобритания — и кончилось первое в мире государство. И мы в ближайшем будущем этим катастрофам подвергнемся. <...>

1924

<...> **19 января.** Вячеслава окружают одни льстецы. Одни — из вежливости, пиетета к «маститому» поэту и профессору, а также к старому человеку, другие — из корысти, учитывая и преувеличивая его влияние и связи. Оттого вся атмосфера вокруг него такая неискренняя. В этом, впрочем, виноват и сам В.: любя «дипломатию» (а меж тем он сам в моих глазах образец недипломатичности), искренний наиболее только в минуты гнева (его малое «я») и в редкие душевные минуты (большое «я»), он жнет то, что сам сеет. На его «политиканство» отвечают тем же, нет, гораздо более позорным (ибо у него это хоть и неудачное, но «искусство», он тешится этим, как ребенок; у «них» же это бесчестная уловка) политиканством. И густой столб лжи стоит вокруг него. Всегда неправый Андрей Белый в «Воспоминаниях об Ал. Блоке» («Шахматово. III», «Записки мечтателей», № 6) между похвалами Вячеславу и признанием огромного и положительного значения его в обосновании идеологии символизма говорит и следующее: «С

другой стороны, роль Вяч. Иванова несомненна как роль отравителя чистоты воздуха самой символистской среды — эта роль мало изучена». На сей раз в этих словах, если не в частности данного вопроса (но и с этим соглашаюсь), то вообще, — правда. Воздух вокруг Вячеслава обычно нечистый. И я почти всегда (исключения — «подъемные» минуты) это ощущаю. Анализируя это ощущение, можно было бы сказать, что оно создается из того, что в В. есть что-то плебейское (а не демократическое, что присуще аристократизму), мелкосвященническое, провинциально-поповское, стародевическое (кстати, все это и биографически соответствует). Да, чистоты и правды нет. И в нем самом, и вокруг него. Даже я, запальчивый и резкий, и то, несмотря на все мое обыкновение быть правдивым до грубости, подпадаю под общее течение — и лгу. То говорю неправду, то не говорю правду. А меж тем я и мог, и должен был бы ее сказать. Вот в последнее время все, слушающие его оперетту, хвалят. А меж тем я хорошо знаю, что некоторые из хвалящих при этом (одни сознательно, другие бессознательно) радуются «грехопадению» Вячеслава Великолепного. А ведь это именно падение.

Я не поклонник «Тантала» и вообще всего «иератического», высокаторжественного лада его музыки, но все же после «Тантала» «Любовь — мираж?» — какой гигантский шаг, если не от великого, то (во всяком случае) до смешного. «А на Табактрест он еще не сочинял стихов?» — спросил меня Харазов. И прав. Ведь вся оперетта — халтура. Одна компания уж за это ручается: Попов, который всегда для «сатир-агит» писал. Вяч. Иванов и Попов — какая конгениальность! Сама оперетта не совсем такова, скорей — музыкальная драма. С идеями и даже с идеей. О значении искусства в жизни etc. Какая куца идея. И как она овульгаризирована. И этот благополучный водевильный конец, который всего ясней показывает и ценность, и цену всех этих высоких и глубоких страданий переживаемых. Герой женат и... утешен. А автор хоть и вдов, но тоже утешен. Какая плоскость!

25 января. В здоровье Вл. Ильича Ленина после некоторой поправки здоровья, которая позволяла надеяться на его скорое возвращение к государственной работе, наступило внезапное ухудшение, и 21-го в 6 часов 50 минут он скончался при

явлениях паралича дыхательного центра. Известие это в Баку дошло только на второй день вечером, а я об этом узнал только утром 23-го. Неожиданность на меня подействовала очень сильно: я был захвачен врасплох. Я целый день находился под впечатлением смерти Ильича. Но вечером я был у Харазова, и его равнодушное отношение к случившемуся (а также и «признание» Ленина только человеком гениальной воли, но отнюдь не ума) меня остудило. И уж совершенно успокоенный, даже удивленный своим утренним состоянием, пошел я от Харазова к Иванову. Там собралась теплая компания: композитор Глиэр, поэт М. Гальперин, проф. искусства Фридолин, В. М. Зуммер, С. В. Троцкий и еще кое-кто. Глиэр и Гальперин прибыли недавно из Москвы, и последний делился с нами своими впечатлениями. Заверяя нас, что это не обывательские слухи, а совершенно точно проверенные факты, он рассказывал, что Л. Троцкий находился 6 дней под арестом и последовавшая затем его поездка в Сухум — вынужденная. Такова же и поездка Луначарского в Сибирь... Всем верховодят Зиновьев, Бухарин и Сталин. Крепнет кампания против НЭПа, и вновь назревает ситуация восемнадцатого года. Происходит спор за деление наследства Ленина, и сейчас в революции нашей предробеспьеровский момент... <...>

8 марта. <...> С университетом и с Вячеславом связи все слабее, хотя по инерции и по памяти прошлого кое-что продолжается. Так, я составил программу моих докторантских экзаменов, базируясь на филологии (античной), мифологии и поэтике. А ко дню рожденья В. я написал акросонет «Витийствовать пред другом не пригоже...» <...>

3 апреля. Татьяна Владимировна Толстая (бывшая Вечорка), поэтесса, не без некоторой интуиции посвятила мне стихотворение. Привожу его:

Он пахнет, Альтман, серой и козлом,
Курчавый Лермонтов, нечесаный и черный,
Он радуется, слыша гимн заборный,
А сам великий скромник под кустом.

Он слушает, скрививши влево ухо,
Все: лекции, толпу, стихи —

И из наловленной за день ухи
Пером зашепелявит страстно. Сухо...

А знаете, он нравится мне, Альтман,
Доверчивый, надрывный, но живой,
Суется он упрямой головой,
Твердя о том, что жив великий Атман.

Еще есть двое... но о них молчит.
Что ж, пусть поет свое: трагичных и животных —
И ждет, чтобы прорезались дремотно
Парадоксальной вечности лучи...

Стихотворение технически небрежно. Но портретно и, кажется, несколько действительно соответствует адресату. Мне оно нравится, хоть кое с чем я не согласен.

4 апреля. Когда я в первый раз увидел Иисуса Христа? Мне было лет шесть — семь. Отец уж был в Баку и приезжал домок (в Уллу) примерно раз в два года. В последний его приезд в Уллу (через два года вся наша семья выехала в Баку) я решил пойти ему навстречу. Так как поезд до Уллы самой не идет, а ближайшая станция Ловши — в 17 верстах по ту сторону Двины, то я в «ожидаемый» день в хедер не пошел, переправился паромом на ту сторону и зашагал по большаку. В самом начале пути приходится идти мимо огромного огороженного парка и сада помещика Фальтина. И вот, идя вплотную около ограды, я вдруг увидел меж деревьев отчетливо выделяющегося повешенного человека. Человек этот висел совершенно неподвижно, руки его были жутко распростерты в обе стороны, выражение лица теперь не припоминаю, но помню, что общее впечатление от повешенного было страшно тревожащее. И не жалость, а страх охватил мою детскую душу. Было что-то совершенно необычайное во всей этой фигуре, да и весь зеленый фон (деревья, кусты, ранняя зелень) только усиливал впечатление. Первое мое движение было обратиться в бегство, но я замер и увидел, что и «Тот» недвижим. Кажется, что кто-то из детей, меня сопровождавших, сказал мне, что это «их бог». Совсем недавно узнал я, осведомившись, что это огромное распятие в величину больше чем человеческую, поставленное владельцем парка на могиле его жены. Я, кажется, никогда

этого случая не вспоминал, но он, очевидно, крепко засел в моем мозгу.

25 апреля. Надо же наконец сказать себе (другим умолчим покамест) ясно и откровенно, что В. — лицемер, каких редко [встретишь]. Весь насквозь пропитан лживостью. Мне в этом вновь пришлось убедиться позавчера, на вечеринке у моей приятельницы Марии Певзнер. Он с каждым целовался, каждому льстил и угождал не из одного только такта, с таким внутренним упоением при внешней деланной скромности вдыхал фимиамы лести, несущейся к нему со всех сторон, что, глядя на все это воистину отвратительное зрелище, я понял, насколько «скромность» значительного человека — позорное и низкое качество. Ибо это именно качество (фабрикующееся на спрос), а не свойство. Это было нечто вроде «мерсі» Кармазинова (в «Бесах»), тургеневское (в дурном значении этого недурного понятия). Как бы претило это и Достоевскому, и Толстому. И В. — великий человек! Нет, конечно, это было бы слишком ужасно. При всем этом В. еще обнаруживает такое непонимание людей, что выгодней уж предположить, что он лицемерит с людьми, ибо если он не лицемер, то он... — тупица. Вспоминаю, как некогда выставлял он мне образцом невинности Мирру Гухман, а она отъявленная, извращенная распутница и телом и душой. На этом вечере он говорил о Марии Певзнер, что она вещая, живущая в снах, а я знаю большее, как (и с кем) она живет наяву. Что после этого значат вообще его отзывы? Придется, к сожалению, отказаться от той высокой оценки, которую он неоднократно высказывал по моему адресу. Небольшой, невысокий горизонт. Опять и опять мелкопровинциальный иерей, стародевический, корыстный, с хитрецей. А слава его? Ну, это особый вопрос. Но стоит посмотреть, кто его ближайшим образом ценит, чтоб и от славы не поздоровилось. Мещанин на суде мещан. Да, он физический и метафизический мещанин! Помню, как-то раз Вячеслав упрекал меня, что я ни с чем не желаю обручиться: ни с женщиной, ни с наукой, ни с религией, — а только со всеми флиртую. «Впрочем, — прибавил он, — может быть, это хорошо, что Вы не обручаетесь». Самый распространенный тип — это предатель: сперва обручающийся, а потом забывающий. Мы все предатели. Вот именно. Со сколькими В. на моих глазах обручился и скольких

тут же, или после, предал. Оттого такая атмосфера предательства вокруг него. И все, кто вокруг него, ему, казалось бы, преданы, предадут его. Меня он ценит за независимость по отношению к нему. Через какую зависимость, однако, я прошел, пока я стал независимым. И вот, свидетельствую: Вячеслав — предатель и создает вокруг себя эхо предательства. О творчестве не решаюсь это сказать, но о жизни (и бытии и сознании) — да. Интуицию его исключаю. Она особого и особенного порядка. И о ней речь особо. <...>

6 мая. <...> На днях я, Ксения (Михайловна Колобова, курсистка, пишет стихи, немного сомнамбулического типа), П. П. Штейнпрейс («немец») пришли к В. со стихами Харазова («Седьмой греческий мудрец — К. Маркс»; спенсеровы строфы). Мне они казались очень замечательными как по своей обычно свойственной Георгию Артемьевичу остроумной и парадоксальной форме, так и по мастерскому изложению дарвинизма в свете материалистического миропонимания. Но В. стихи показались по существу записками сумасшедшего, причем самый характер сумасшествия определял он как идиотический, плоский вид безумия, двухмерный, по форме же он их нашел балаганными. Этот отзыв свой В. сопровождал такими неестественными ужимками, таким неискренним смешком, что ни у одного из нас не было сомнения, что В. одержим мелкой завистью и страшно недоволен как тем, что мы все так явно на стороне его антипода Харазова, так и всей этой демонстрацией. А это, конечно, была демонстрация, опыт — как В. будет реагировать, экзамен, на котором он самым жалким образом срезался. В. даже не удержался, чтоб не упрекнуть меня в том, что у меня «шишка универсальной симпатии». Это он-то упрекает, он, который неоднократно повторяет: «Попробуйте меня передакать». Вот я и попробовал — и В. не выдержал. При всей этой сцене (я читал стихи, затем он высказывался), длившейся минут 20, мы все хотя сдерживались, были до крайности сдержанны, но страсти наши и все инстинкты бушевали. Инстинкты эти, должен признать, однако, не у него только, но и у нас были порядка невысокого. Глядя на В., я не замечал своего собственного и «нашей партии» (Ксении и П. П.) состояния, а и оно было прелюбопытное. На эту сторону обратил внимание Вячеслав. Через несколько дней встретившись со мной, он мне

сказал, что после нашего ухода он так характеризовал наш визит:

— Вот пришли ко мне трое бесноватых, плясали и ликовали предо мной. Да, — продолжал В., — я видел этот танец: Вы, М. С., были хоровадом, Ксения выделявала такие рас*, П. П. был совершенно obscenus**. Все вы были одержимые, и я видел, как ваши астральные тела проделывали удивительные пируэты. У меня есть санометры, и, подходя с ними к каждому человеку, я вижу ясно, кто здоров. Вы, например, показываете такую кривую, что я должен признать у Вас малярию, не туберкулез, но лихорадку роста, развития. Другие — хронически больные. И так мало людей здоровых.

11 мая. Последние дни я сошелся с одной нашей филологичкой, Ксенией Михайловной Колобовой. <...> Вчера она передала посвященное мне стихотворение, весьма примечательное. Вот оно:

*Ты ли тот, Который должен
прийти, или ждать нам другого?
Матф. 11, 3.*

Да разве дано нам знать?
Откреститься от заповедного?
Ах! велика благодать
Для пустого сердца и бедного!

Но, раз познавши огонь,
Я отважно молюсь: «Не милуй!
Положи огневую ладонь
На мой разум постылый!»

Если мне суждено стореть,
Отравлюсь нежданной отрадой...
Я не могу смотреть,
Не могу стареть за оградой!

Если нужно тебе — прощай!
Не давай насущного хлеба...
Если сможет, вспоминай
Иногда — посмотрев на небо.

* Танцевальные движения (*франц.*).

** Отвратительный, непристойный (*лат.*).

Я к тебе никогда не вернусь,
Но тебе — не ставлю условий...
Только я одного боюсь —
Из плоти ли ты? из крови?

10.5.1924.

Пронзительные слова, я их, конечно, недостойн. И конечно же, я не тот. Я только — этот. <...>

13 мая. <...> В. едет в Москву, приглашенный туда Пушкинским обществом на 125-летие Пушкина. Думаю с ним съездить и я: обрести знакомства, повидать белокаменную, встретить кое-кого из друзей. Хорошо бы оттуда в Питер дотянуться. А там, «на местах», видней станет, где мне лето красное пропеть. <...>

5 июля. Уж вот месяц, как я из Баку. Недели две как пробыл я в Москве, почти столько же, как я в Питере...

4 августа. Снилось, что я сделал предложение Лидии Вячеславовне (она, верно, сейчас в Москве, если еще не выехали за границу). Она густо покраснела и предложение приняла. Я ж над принятым решением и радовался, и грустил: что грядущее нам сулит... Года три я, бывало, об этом мечтал. Значит, и теперь еще не совсем изжито желание, раз снится. Ведь я был счастлив до слез. И, кажется, она тоже. Ах, как хочется ее увидеть: не съездить ли в Москву? <...>

15 августа. Был вчера в Пушкинском Доме. Происходила очередная (еженедельная) лекция. Собралось человек сто. Люди науки и знаний, «филологические», — мне было очень грустно видеть этих «последних могикан». Филологическая наука словно пария среди «положительных» наук, она оттиснута на задний план. Ее жрецы умирают с голоду, ее молельни пустуют, храмы закрываются. Не только церковь отделена от государства, но и вся неприкладная наука. <...>

16 сентября. Итак, это уже решилось. Я не вернулся в Баку, а остался в Ленинграде. Взял себе комнату, которой я пока очень доволен: тиха и располагает к занятиям чрезвычайно. А заниматься я намерен: для этого ведь и остался здесь. Досугу у меня предостаточно, возраст мой уж такой, что к излишним движениям не склонен, так что сиди и умней, расти не по дням, а по часам. <...>

21 сентября. В сущности, я постыдно разлучился с Вячеславом. Это было почти бегство из Москвы. Прикрывая стыд, я «условился» с ним, что он даст мне телеграмму перед отъездом, дабы я приехал в Москву с ним проститься. Но и я, и он оба знали, что ничего этого не будет, что я в Москву не вернусь. Конечно, я даже и письма ему отсюда не написал и адреса своего не сообщил, почему? Да потому, что я отрекся от него, и меня даже коробит, когда наши имена связывают. Помню, как за два дня до отъезда говорил он мне: «Ну что ж, поезжайте: не увидимся в России, за границей увидимся, не увидимся на земле, увидимся в хтоническом царстве, делайте вашу поездку легко. Делайте легко и поезжайте завтра же или вовсе не поезжайте: оставайтесь, проводите меня...» Это звучало: что делаешь — делай скорей, но лучше ждите, похороните меня, а там уж делайте что хотите. Я уехал, это несомненно неблагородно, неблагодарно. Но я не мог поступить иначе, я действовал соответственно моей натуре. Но я надеюсь, мы увидимся. <...>

11 октября. Умер Брюсов, Валерий Яковлевич. Отошел в прошлое тот, кто для меня многие годы был настоящим. Этим летом, будучи в Москве, я собирался с Вяч. Ивановым к нему, да так и не собрался. Он уже и тогда был болен. Хотел ему показать свои «зверинные» сонеты и услышать, что он скажет. Это было бы так любопытно, теперь уже никогда это любопытство не удовлетворю. Я не сомневался в нашей встрече, оттого не торопился с ней. А нужно, очевидно, почаще торопиться. *Vita brevis est**. Вот и о Мережковском сведение, что он бросился в Женевское озеро, ему я посвятил свой «Хрустальный кладезь», и он никогда об этом не узнает. Конечно, это пустяк, незаметный и с дурным вкусом подобранный букетик в его петлице, но все ж он посмеяться хоть бы мог, зачесть хорошее мое чувство к нему. Всего этого не будет. Нет Мережковского, Брюсова, Блока, отходит плеяда так недавно певших в полном цвете, ныне же отмелькавших и отсверкавших. На этих именно писателях («символистах», «декадентах») я воспитывался, я их запоздалый последователь и поклонник, и без них мое одиночество становится еще глубже. <...>

* Жизнь коротка (*лат.*).

Запись о выступлении Вяч. Ив. Иванова

на заседании кафедры [западных литератур] Бакинского ун[иверсите]та по поводу выступления А. Е. Крученых о Дост[оевско]м и Ницше. 1921 мая 9, 11

Отвечая докладчику, проф[ессор] В. И. Иванов отметил основательность доклада и его осторожность. Переходя к детальному разбору, он выразил пожелание, чтоб докладчик больше углубился в изучение корней. Указывая слушателям, что в творчестве Ницше и Достоевского есть какой-то общий центр, что нередко даже формулировка их взглядов совпадает, докладчику следовало бы глубже проследить главный корень их расхождения, выяснить причину такового, и тогда было бы ясно, почему, несмотря на общность исходных точек, их выводы диаметрально противоположны.

В чем же основное различие? Может быть, в том, что Достоевский допускал бытие Бога, а Ницше его отвергал, может быть, что-либо другое их разделяло — этого докладчику выяснить не удалось! Достоевский изобразил ряд идеологий положительного и отрицательного свойства. И характерно, что идеология последнего свойства, составляющая учение Ницше, предвосхищена Д[остоевским] задолго до появления ее творца и бесповоротно им осуждена. Таким образом, учение Ницше Д[остоевский] предсознал и предосудил; он как бы делает провокационный вызов, а Ницше поднимает перчатку. И здесь докладчику не удалось показать, сумел ли Ницше себя защитить и оправдать. Докладчик «тонко и скромно» сопоставил взгляды двух величайших творцов, но оставил в стороне их титаническую борьбу. Следовало бы ярче выдвинуть личность Кириллова, так как она является центром встречи точек зрения Ницше и Достоевского; она как бы перелом их творческих замыслов.

Докладчик правильно отметил сходство Н[ицше] и Д[остоевского] в том, что они оба исследовали вопрос морали и именно вопрос о существовании Бога, бессмертии души, вине и т. д. Однако их выводы и оценки в исследовании этих вопросов совершенно различны.

Правильно отметил докладчик мысль Д[остоевского] о том, что преступник виновен не перед государством, а Церковью. К вопросу о Земле у них разное отношение. У Д[остоевского] —

культ Земли, для него Земля имеет мифологическое значение, тогда как у Ницше есть верность Земле в смысле полноты жизни и развития всех жизненных инстинктов. «Целуйте землю», — говорит Достоевский, а Ницше против декаданса христианства, которое утратило желание жить и тем самым лишило людей земной радости!

У обоих — мир прекрасен, жизнь хороша, оба проповедуют радость и красоту.

Интересна и главная схема доклада — каким образом преодолевается «слабосердность», путем ли добра или зла. У Ницше эта «слабосердность» преодолевается путем зла, тогда как среди героев Д[остоевского] есть и такие, которые это преодоление совершают путем добра. Сам Ницше имел сердце «слабосердное», которое он хотел бы преодолеть. Ницше был уязвлен состраданием, и его жестокость только реакция против его слабого сердца. Отсюда он мил и дорог нам. Проблема страдания есть и проблема Достоевского, но разрешается она им иначе, чем Н[ицше].

9 мая 1921 года

Докладчик, возражая В. И[ванову], говорит, что уже из доклада видно, что главный корень расхождения Н[ицше] и Д[остоевского] — это вопрос о существовании Бога. Ницше отпал от Бога, он принимает отделение от него, тогда как Д[остоевский] такое отделение осуждает. Д[остоевский] все время говорит об Отце и его детях, тогда как Н[ицше] отрицает страну Отца, его взор лишь устремлен в страну детей.

Крученых возражает против подхода к Н[ицше] и Достоевскому] с философской стороны: их нужно исследовать как художников. Может быть, недалек тот момент, когда умрут все вопросы о морали, так что будущему искусству они будут совершенно чужды, тогда как художество обоих останется, а оно-то мало исследовано. Что мы знаем о художнике Достоевском]? Очень мало. Подойдем теперь к Н[ицше] и Д[остоевскому] как к художникам. Н[ицше] в своем «Заратустре» является нежным певцом, лиричным и сердечным. Сердце его, таким образом, совпадает с сердцем старца Зосимы и Алеши. У того и другого нежная и любящая душа, так что разница между ними несущественна, а именно она в том, как приложить эту любовь — дар Божий.

Судаков возражает против основной мысли Крученого. По его мнению, необходимо подойти к Д[остоевскому] с философской стороны, так как он является предсказателем-пророком: только заглянув в корень творчества Д[остоевского], можно будет вполне его понять.

Докладчик, ответив вкратце оппонентам, указал, что общее между взглядом Н[ицше] на вечное возвращение и идеей Д[остоевского] о бессмертии души заключается в том, что со смертью человек не исчезает окончательно. Отвечая В. И[ванову], докладчик сказал, что под «слабым сердцем» он понимает человека, который поддается влиянию чужой воли и чужим мыслям.

Последнее слово принадлежало В. И[ванову], который в своем ответе прежде всего остановился на мысли Крученого. Не зная философической концепции Д[остоевского], не уразумев его идеологии, мы не сумеем оценить его как художника. Только раскрыв реалистический символизм Д[остоевского] — от действительности к высшей действительности, — можно увидеть лицо художника. Таким образом, идеология Д[остоевского] есть внутренняя форма его художественного творчества: искание Бога путем художественных образов.

Совершенно неверно, что любящее сердце Заратустры совпадает с сердцем Зосимы и Алеши, общего ничего нет, так как...

Несмотря на противопоставляемость выводов Н[ицше] и Д[остоевского], исходные точки у них общи. Оба они исходят: 1) *от понятия вины*, что верно отмечено в своем ответе докладчиком, но Н[ицше] зачеркнул вину. 2) *Проблема красоты* составляет вторую общую точку зрения, хотя у Н[ицше] жизнь является эстетич[еским] явлением, а у Д[остоевского] красота спасет мир, она выше феномена, она соприкасается с добром. 3) *Чувство счастья и жизнь* присущи творчеству обоим. Оба наслаждаются бытием; по Н[ицше], радость гораздо глубже, чем страдание, а у Д[остоевского] такая глубинная радость была провозвестником эпилепсии. 4) У того и другого существует *чувство болезни* и потребность исцеления. У Н[ицше] это болезнь духа, она выражается в том, что человек потерял вкус к Земле, к ее радостям, наоборот, он ушел от Земли, он предался мистике и мечтаньям, отсюда его упадок, его декаданс. У Д[остоевского] интеллигент тоже оторвался от Земли, разошелся с народом, который имеет корни глубоко в Земле. Таким

образом, болезнь, по Д[остоевскому], заключается в том, что, оторвавшись от Матери-Земли, интеллигент разорвал связь свою не только с миром, но и с Богом, а без этой связи жизнь не оправдана! 5) *Примат творчества перед познанием*, примат жизни так же общ, как у Н[ицше], так и Д[остоевского]. У Д[остоевского] только познание связано с истинным бытием. 6) «*Индивидуация*» присуща обоим, но у Д[остоевского] она в конце концов переходит в соборность и так исполняет свое высшее назначение.

11/V [1]921

В. И. ИВАНОВ
ПИСЬМО В. М. ЖИРМУНСКОМУ ОТ 16 ИЮНЯ 1924 г.

Москва, Дом ученых
(Пречистенка, 16, комн. 5)
16 июня 1924

Глубокоуважаемый Виктор Максимович!

Позвольте направить к Вам Моисея Семеновича Альтмана, научного сотрудника (т. е. оставленного по окончании курса при университете для подготовки к академической деятельности) при занимаемой мною кафедре классической филологии на фак[ультете] общ[ественных] наук (словесном отделении) Азербайджанского гос[ударственного] университета. Университет, в котором я работал последние 4 года, сохранял донныне организацию старого типа; наши научные сотрудники готовятся к магистерскому («докторскому») экзамену; у нас защищаются диссертации типа прежних магистерских, но степень одна: докторская. М. С. Альтман блестяще окончил курс словесного отделения в 1923 г. и защищал в установленном colloquium'e работу «Дремлющие мифы в „Илиаде“ Гомера»: 1) конский миф, 2) Одиссей в «Илиаде», 3) числительные в «Илиаде». Под «дремлющим мифом» понимает он рудименты первичного мифа. Исследование было самостоятельно, остроумно, талантливо и основано на хорошем знании Гомера. Оставлен при университете был он по моему предложению и при моей кафедре, хотя, собственно говоря, он не классик по своей специальности, а желал бы специально сосредоточиться на *поэтике*. Но самостоятельной кафедры поэтики (преподавание которой веду я) у нас нет, и мы классифицируем студентов, изучающих поэтику, по историко-литературной и филологической базе, полагаемой ими в основание их изучений.

Альтман исходит из филологии античной, из Гомера, и программа докт[орских] экзаменов, для него выработанная, есть комбинированная программа, обнимающая Гомера, трагедию, античную теорию поэзии, истории античных литератур, искусств и религий, с одной стороны, и историческую поэтику, мифологические школы, первобытную культуру по данным срав[нительного] языкознания, с другой. Одним словом, его первая задача — историческая поэтика и миф с точки зрения историч[еской] поэтики. Формальный метод (применяемый мною исключительно в моем семинарии по поэтике) ему равно близок. Альтману хотелось бы работать в Петербурге в исследовательском институте. Он очень даровит, — в этом ручаюсь, и полон рвения. Не откажите его руководствовать и ему содействовать. Помощью, оказанной ученику моему, Вы премного меня обяжете. Сам я уезжаю на год в заграничную командировку. В Баку напечатал я монографию «Дионис и прадионисийство», экземпляров которой я, к сожалению, лишен, ибо Наркомпрос в Баку, ее издавший, предоставляет ее от него выписывать, но сам ничего не делает для ее распространения и автору не дает книги для раздачи. Я надеюсь, что Вы не забыли меня, я же слежу с большим интересом и неизменным сочувствием за Вашими работами.

Остаюсь душевно преданный Вам

Вячеслав Иванов.

М. С. АЛЬТМАН
АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

I. АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в местечке Улле, Витебской губернии, в Литве (по прежнему административному наименованию, теперь — в Минской области в Белоруссии) в июне 1896 года. Этот месяц мне приятен.

Июнь

Этот месяц для меня авральный:
В нем впервой из темной спальни
Был я бабкой повивальной
Вынесен на свет.
И с тех пор весь белый свет,
Хоть живу уж много лет,
Мне с младенчества привет.
А июнь чтоб оправдать,
Должен без на возраст ярости
Я в преклонной, поздней старости
Вечно юным пребывать.

Приятно мне, что я родился не в большом городе, а в маленьком местечке: маленькие места легче любить, чем крупные. Уменьшительные слова и имена ведь и ласкательные. Приятно мне и само название «Улла»: оно перекликается с «Фулой» и «Тулой», что дало мне повод написать:

«Король родился в Фуле»,
Пожалуйста, исправьте:

Я родился в Улле,
А служил я в Туле.

И еще:

Ульский умелец

Хоть ульский, не тульский, умелец,
Я сходствую с тульским левшой,
Что мастер тоже большой,
И тоже только безделиц.

Местечко Улла у реки Улянки, притоке Западной Двины, и,

Рожден на берегу Улянки,
Я с детства полюбил напевы струй,
И сладостен, как музыки поцелуй,
Был для меня источник у полянки.

Мне по дедушке (отцу моего отца) дали два имени: Эли-Мойше, сиречь Илья и Моисей.

Двум пророкам, двум! одноименник,
Я — Илья, и я же — Моисей.
Не за то ли я в юдоли сей
Собственных имен навеки пленник,
И, чуждаясь жизни нашей всей,
Временам библейским современник.
Мню, мне брат — Арон-первосвященник
И преемник — вещей Елисей.
А быть может, мимо всех евгеник,
Я, хотя и книжник-фарисей,
Больше декадент и неврастеник,
В чьих мечтах, за дымкой ересей,
Лестница на небо без ступенек,
В тучах колесница без осей.

«Лестница на небо без ступенек» — это о Моисее, поднявшемся за скрижалями на небо. А «колесница в тучах без осей» — это, по народным поверьям, Илья, во время грозы разъезжающий в облаке и оттуда низвергающий грома.

Брат пророка Моисея — первосвященник Аарон, а преемник пророка Ильи — пророк Елисей.

Мать мою звали Лия, отца Семеном, а бабушку — Саррой (в стихотворении Вяч. Иванова, мне посвященном, он меня назвал не совсем точно сыном Сарры, а я ее — внук).

В Улле все население (примерно около двух тысяч человек) было только еврейское. Русские в Улле наезжали только на рынок по воскресеньям. И вообще русские у евреев не считались «людьми». Русских мальчиков и девушек прозывали «шейгец» и «шиксе», т. е. «нечистью». Напомню, что и Белая Церковь у евреев называлась «мерзкая тьма». Для русских была даже особая номенклатура: он не ел, а жрал, не пил, а впивался, не спал, а дрыхал, даже не умирал, а издыхал. У русского, конечно, не было и души: душа была только у еврея, а по субботам даже две души. Мне вспоминается, что Гейне по этому поводу острил: возможно, что по субботам и две души, но зато по будням — ни одной. Бабушка моя была религиозной и фанатичной, носила, конечно, парик. Но раз она мне рассказала, что когда ее впервые остригли (лет ей было тогда, вероятно, 12—15), она сильно плакала: у нее были чудные волосы, но это было уже очень давно.

Каждую пятницу к ней приходила старуха, стригла ей волосы и при этом докладывала все «происшествия» в местечке за неделю: кто из еврейских парней вечером гулял с «нечистью», кто по субботам носил в кармане носовой платок, кто не посещал синагогу, кто смеялся над еврейскими обычаями и тому подобное. Бабушка все это внимательно выслушивала, но не реагировала ни одним словом, считая непристойным при приближении субботы заниматься светскими делами. Но она все сказанное запоминала и в воскресенье начинала творить суд над вероотступниками. А суд ее был грозный и страшный, ибо ее приговоры были общественным мнением всей Уллы. А до чего суд ее был строг, показывает, например, то, что она помешала своей дочери Бейле-Розе выйти за человека, мать которого звали так же, как и ее саму, Саррой: она считала это некоторым кровосмешением. За это, между прочим, как и за другие аналогичные вмешательства, тетя Бейле-Роза ее люто возненавидела и раз мне сказала, что она даже перед смертью бабушки (своей матери) не дала бы ей капли воды. И вообще Бейле-Роза и ненавидела, и презирала религиозных евреев. Когда я ей как-то сказал, что перед молитвой следует в уборной «очиститься» и при этом многократно выжимать из себя все нечистоты,

сна сказала: «Какие мерзкие евреи: во все вмешиваются, за всем следят, даже в нужнике...» Но вернемся к бабушке. Она была религиозной, фанатичной, но оставаясь оригинальной. Она всю неделю, каждый день, читала Библию на жаргоне и однажды об этом заметила: «Каждая книга, если ее читать каждый день, могла бы надоесть, а вот Библия не надоедает: значит, это книга особая, богооткровенная».

Девушками я по своему возрасту увлекался; почти все ульянки: Хая-Фейге, Соня, Бея Брудна, Шоша. О последней даже сложили стихи:

Мошке мит Шошке зайнен гелеген аф эйн кисн,
Зей хобн гемейнт аз кейнер вет нит дервисн.
Фун клейне бис грейс хобн дервуст,
Хобн зей зих фун грейс порее цукуст*.

А одна из этих девушек в присутствии моих товарищей однажды подошла ко мне и сказала: «Если ты меня любишь, купи мне стакан зельтерского». Я не сробел и при «всех» публично зельтерское ей купил.

Но на уме и в сердечной глубине у меня были другие, важные, проблемы. Я узнал, что на 36 тайных праведниках стоит мир. Именно — *тайных*. И я подумал, а что если хоть один такой находится в нашем месте? Хорошо было бы его найти. Искать надо было среди грешников, ибо «тайный», конечно, маскируется. И вот я стал присматриваться к каждому человеку. Однажды, под вечер, на берегу Двины шелестели деревья, и я проходил, не задумываясь, мимо них. Но вот подошел ко мне мой двоюродный брат Давид и спросил меня: «Ты ничего не замечаешь?» — «Ничего», — ответил я. «А ведь, — сказал Давид, — сейчас время предвечерней молитвы, а древесные листья направлены на восток и что-то лепечут: не молитвы ли; не тайные ли они праведники?» Тут я смутился: если праведник может обернуться и деревом, безнадежно его разыскивать. И я свои поиски прекратил.

Попутно скажу, что этот Давид еще мальчиком поехал в США и там стал знаменитым доктором теологических наук и раввином в Лос-Анджелесе. Лет через 50, будучи в Америке, я

* Мошка с Шошкой лежат на одной подушке,
Они думают, что никто об этом не узнает.
От мала до велика всем известно,
Что они от большого расстройства целуются (*идиш*).

его навестил. Он был уже очень знаменитым, и одна из улиц города носила его имя.

Другой вопрос, который меня еще сильнее занимал — это скорое пришествие Мессии. Об этом можно было [заключить] из одной фразы в псалмах Давида, которую можно было [прочесть], составляя слова по начальным буквам фразы: «Предстанет могучий царь по имени Николай, он будет воевать с Японией, а затем придет Мессия». Об этом намекалось и в некоторых каббалистических книгах. Я, конечно, не мог оставаться безучастным в этом пришествии и решил, что я отныне буду вставать еще до рассвета, перееду на ту сторону Западной Двины (он, вероятно, придет оттуда) и там его в лесу первым встречу, а встретив, побегу обратно в Уллу, крича: «Мессия идет!» Бояться в лесу мне нечего: взрослые люди меня, маленького, не обидят, и звери меня не тронут, ибо против любого из них у меня есть талисман. Так я задумал и так делал. Но вот уж минула неделя, и я еще никого не встретил. Но вот однажды в тумане перед рассветом я увидел вдруг вдали повешенного человека за забором. Я очень испугался. Позже я узнал, что это была статуя распятия на дворе хозяина этих мест — католика. Но я тогда и понятия не имел ни о каком распятии.

Когда лет 20 спустя я этот эпизод рассказал Вячеславу Иванову, он всплеснул руками и воскликнул: «Боже мой! С вами случилась такая же история, как когда-то со всем еврейским народом: они ждали Мессию Христа, а когда он действительно явился, они Его не узнали и не признали. И вы тоже встретили Мессию Христа, но не узнали Его».

Но я (год был 1905—1906) увлекался и «политикой». Когда начались забастовки, я ходил по хедерам и «снял» штрейкбрехеров, продолжающих учиться, со всеми кричал: «Долой самодержавие!» Вспоминается мне при этом и такой случай. Когда одна, уже взрослая, девица, за ее публичный выкрик была арестована и ее куда-то повели, мать ее ходила следом и, плача, говорила: «Дочка моя, скажи, пусть он (царь) будет: что тебе до него?» Но при всем моем свободомыслии, когда в нашей хасидской синагоге на трибуне я увидел и услышал ораторствующего русского, я вознегодовал: «Как, русский в еврейской синагоге!» Но я, помнится мне, в хасидской синагоге не только не мог вытерпеть нееврея, но даже и еврея нехасида. И когда однажды я увидел в синагоге миснагида, я возмечтал: «Хорошо

бы, когда он выйдет из синагоги, убить его». Так ни к чему, ни к кому в Улле я не был безучастным, и, взаимно, никто ко мне не был безучастным. Бывало, остановит меня старый еврей: «А что ты сегодня учил? А ну, расскажи!» И если я рассказываю толково, он сияет от радости. А если я ничего не в состоянии сказать, он дает мне увесистую пощечину. И жаловаться я не посмею: все уляне (а мои родные тем более) будут на его стороне. Подумать только: старый, полуголодный человек интересуется не тем, что ему поесть, а тем, что я сегодня учил и чему научился. Да и кто из родных за меня заступится? Бейле-Роза? Но она безбожница. Отец? Но его в Улле нет, он живет в Баку. Мама? Но она сама под моим надзором. В отсутствие отца я считаю себя за нее ответственным, слежу за тем, что она говорит и делает, куда ходит, с кем дружит, и очень часто напоминаю, что, пока мужа при ней нет, я, старший сын, ее хозяин и опекун. Бабушка? Она единственная меня опекает, но порой, пожалуй, уж очень взыскательно. Бывало, она меня угостит каким-нибудь плодом, и я его немедленно съедаю. И бабушка сокрушается: зачем я тебе дала этот плод, дала бы русскому мальчику: он так же, как и ты, съел бы его, не благословив. И еще мне про нее вспоминается. У нас на квартире расхаживала курица. Ее, я об этом узнал, предстояло вечером зарезать на завтрашний обед. Мне было очень жаль курицу, и я об этом сказал бабушке. Но она возразила: все зависит от того, что ты будешь делать после того, как поешь курицу: если ты будешь учить Тору, то она, курица, давая тебе силу, как бы примет в этом участие, и посмертная и бессмертная слава ей за это. Но если ты, поев курицу, начнешь баловаться, то пусть она лучше съест тебя, чем ты ее.

Навещала бабушка меня и в хедере, и два ее разговора с ребе мне запомнились.

Ребе пожаловался, что я много купаюсь.

— А сколько раз в день?

— Да всего один раз.

— Но разве это много?

— Да, но с утра до вечера, — осадил он ее.

А во втором разговоре бабушка его осадил.

— Мальчик хороший, быстро все воспринимает, но... как в воронку, в одно ухо вливается, в другое выливается.

— Но воронка все же влажной остается, и слов ваших влажность — уже немало.

И в хедере бывали курьезы. Один мальчик, как только его усаживали за книгу, начинал чихать и кашлять. Ребе негодовал, но мальчик кашлял именно по вине ребе: когда он наклонялся над книгой и мальчиком, его старый лапсердак, пропитанный насквозь табаком, издавал такие запахи, что нельзя было не кашлять и не чихать.

А другой мальчик упорно не узнавал буквы. Но однажды, когда в хедер пришла домработница, он ее сразу узнал.

— Почему же ты ее сразу узнал, а буквы не узнаешь? — спросил ребе.

— А будь буквы такой же величины, как девушка, я и их бы сразу узнал.

А был еще такой эпизод в хедере. Мать, отдавая своего мальчика, просила ребе, как слабенького, [его] не наказывать, а лишь показывать, когда и как других наказывают. Но однажды решил ребе посесть и этого мальчика. Явилась мать и попросила наказание отменить. Но ребе настаивал. Тогда мать сказала:

— В таком случае я мальчика от вас забираю.

— Сперва я его все-таки посеку, — сказал ребе, — а потом возьмете.

А я в учении был ревностным и не только днем в хедере прилежно учился, но и вечером, приходя домой (а в восемь часов у нас уже все спали), не отходил от книги. О том, что я по ночам дома учусь, я в хедере похвастался, но сохедерники усумнились. Усумнился в этом, вероятно, и ребе. А в следующую ночь, когда я снова «учил», я вдруг увидел за окном фигуру человека. В первую минуту я подумал, что это явился Илья-пророк помочь мне в учении (такие случаи в Каббале засвидетельствованы), но, взглядевшись пристальнее, я узнал, что это был ребе, не поленившийся прийти ночью проверить мои слова.

Весной в половодье и летом в полноводье по Западной Двине курсировали большие пароходы, и вечером они приставали к Улле. Пароходы были с громкими названиями: «Надежда», «Гигант», «Герой», «Силач», «Борец» и еще один небольшой пароходик со скромным названием [«Друя»], от городка, примерно верстах в ста от Уллы. Этот пароходик мне особенно

почему-то нравился, и, присутствуя по вечерам на берегу Двины, я этим пароходиком особенно любовался. Много лет [спустя] я узнал, что в отличие от остальных пароходов он принадлежал жителю Друи Григорию Морейно, завещавшему его своей дочери Любви, той самой, которая много лет спустя стала моей женой, — и, следовательно, этот пароходик мог стать моим приданым. Мог стать, но не стал, ибо Советская власть его, как и другие пароходы, конфисковала. В каком-то плане, следовательно, моя любовь и Любовь контрастны поэме Маяковского «Человеку и пароходу». У меня последовательность была обратная: «Пароход и человек». Но ко всему, что касается Друи (не только парохода), я еще в своей автобиографии вернусь.

Об отношении бабушки к иноверцам еще добавлю. Христа бабушка называла не иначе как «мамзер» — незаконнорожденный. А когда однажды на улицах Уллы был крестный ход и носили кресты и иконы, бабушка спешно накрыла меня платком: «Чтоб твои светлые глаза не видели эту нечисть». А все книжки с рассказами о Богородице, матери Христа, она называла презрительно «матери-патери».

Баку

Примерно в 1906 году наша семья из Уллы переехала в Баку, к находившемуся там моему отцу. В Баку меня начали готовить к поступлению в гимназию. Я хотя русский язык знал, но очень плохо и своеобразно: вместо слова «очень» я говорил «дюже», вместо «кладбище» — «могильница». А когда, уже будучи (в первом классе) в гимназии, я сказал, что в прочитанном мной рассказе написано, что капитан Бонн умер, а ведь капитан не был евреем, так надо было написать «издох», а не «умер», то отец опасливо меня предостерег, чтобы я с такими поправками в гимназии не выступал. Неладно обстояло у меня и с арифметикой. Устно я решал задачи, но письменно мне задачи не давались. Когда репетировавший меня учитель принес мне задачник, я был поражен обилием в нем крестов (в хедере «кресты», то есть знаки счисления, «плюсы», были под запретом); я изумленно спросил: «Зачем мне книга с обилием могил?», устно же я задачи «на сложение» решал без всяких затруднений, так же как и задачи на умножение и деление. Но мне всё объяснили, и я хорошо подготовился по

всем предметам на приемные экзамены в гимназию, куда я через полгода и был принят.

В гимназии я учился хорошо, хотя и тут со мной бывали некоторые недоразумения. Когда однажды учитель не без иронии раз сказал, что кто будет шуметь в классе, останется еще после уроков, я понял это как поощрение, чтобы еще учиться; я встал и сказал, что я хочу остаться, на что учитель сказал мне: «Садись, болван!» Учителя в гимназии были своеобразные. Учитель чистописания, например, когда он на доске писал образцы чистописания, а за его спиной в классе ученики шумели, выкрикивал, не обращившись: «Мошенники, карманники, что вы шумите?» А учитель латинского языка плохо переводящему великовозрастному ученику-татарину говаривал: «Хозяин кирпичного завода, на что тебе латынь?» Латынь действительно была ему ни к чему. Учительницу немецкого языка звали Берта Юльевна, но так как я «отчеств» не понимал и полагал, что «Берта» на свете только одна, то я дома уверял, что у нас преподает Берта Зутнер (эту я из каких-то книг вычитал), и так как я учился не в параллельном, а в основном классе, и на нем была написана буква «А» (на параллельном была буква «Б», чего я не заметил), то уверял, что «А»снвной пишется через А, а не через О.

Еще своеобразнее были ученики. Многие из них были местного происхождения, татары и армяне. Некоторые татары приходили в гимназию даже с пистолетами. «Отвечали» они на вопросы учителей и классного наставника, не стесняясь. Так, на вопрос наставника к ученику, отчего его несколько дней не было, он ответил: «Мало-мало женился». «Мало-мало», то есть один раз: у татар было принято многоженство. А другой ученик в заданной письменной работе запрашивал [у учительницы], где и когда он может с ней «видеться»...

А был (и как раз тогда, когда я в гимназии учился) такой исключител[ьный случай]. Ученик во время уроков вынул пистолет, собираясь убить учителя. Учитель выбежал из класса, а ученик с пистолетом за ним и застрелил его в коридоре. Говорили, что он убил его за то, что тот вымогал у него деньги за отметку. На перемене ученики «разбойнически» свирепо играли в «городки» и «пояса». Я на это только глядел и в этих «играх» участия не принимал. Но однажды я увидел, как ученики в опустевшем классе поджаривали на огне рыбу. Я об

этом донес наблюдателю за учениками. За донос этот я, между прочим, получил от одного из учеников (при «наблюдателе» же) заслуженно увесистую пощечину.

Но был среди учителей один, которого следует выделить: учитель русского языка Владимир Константинович Долгов. Я по русскому языку и литературе преуспевал и уже в 4-м классе в «сочинении» о «Медном всаднике» написал вступление под названием «Что такое личность?». Вступление, видимо, было хорошее, ибо я заметил, что Владимир Константинович его демонстрировал учителям в канцелярии. С тех пор он меня отметил, а я его: под всеми моими последующими работами он подписывал: «Прекрасно!».

Учился я вообще хорошо и кончил гимназию с серебряной медалью: только по одной латыни у меня была четверка, по всем остальным предметам — пятерки.

Теперь предстояло поступить в университет. По тогдашнему распределению, выпускники гимназии в Баку могли поступать в Киевский университет, и я туда и подал заявление, и меня приняли на естественный факультет, хотя я добивался факультета медицинского. Было уже время войны, и все факультеты Киевского университета, кроме медицинского, были переведены в Саратов. Туда я и поехал. Но, оказалось, напрасно. Маме, сумевшей доказать, что у нее сын на фронте, удалось добиться моего перевода на медицинский факультет. Но мне об этом из университета не сообщили, а когда я об этом (примерно через месяц) узнал, то спешно поехал в Киев. Мать же после разных приключений вернулась из Киева обратно в Баку.

Киев

По дороге в Киев я раздумывал о том, как мне прежде всего найти комнату. Это было не так просто. Правда, на дверях квартир попадались объявления о сдаче в них комнат, но во многих из этих объявлений была приписка: «Просят женщин и евреев не беспокоиться». Я вспомнил, что в Киеве живет мой гимназический приятель Френкель: он — пройдоха, устроит меня. Френкель был необеспеченный, но он отличался качествами, его выручавшими. У него был отличнейший почерк, и он иногда за переписку для товарищей нужных им бумаг получал кое-какое вознаграждение. Кроме того, у него был очень

исправный студенческий костюм, и он им снабжал на вечера студентов, за что он тоже получал вознаграждение. Правда, за тем, кого он снабжал своим костюмом, он ходил по пятам весь вечер, следя, чтобы костюм был в исправности. Каждое 20-е число он отправлялся в казначейство, когда чиновникам выплачивали жалованье. Зачем? Затем, что он любил быть поблизости денег: авось, что-нибудь случайно, нечаянно и ему перепадет. Девушке, за которой он ухаживал, он был почти что вынужден приобрести билет в кино (себе он не купил, сказав, что эту картину уже видел), сказав, что он ее подождет, когда она выйдет из кино. К его великому негодованию, девушка вышла из кино с каким-то молодым человеком, с которым познакомилась она уже в кино. А вот и другой случай. Он гулял на бульваре с богатой девушкой, на которую имел виды. Подошел к ним нищий, и он, чтоб не уронить себя, дал ему что-то. Но он очень скоро с девушкой попрощался и побежал искать нищего. Он его нашел. Нищий денег не возвратил, но Френкель с ним стоворился, что нищий может к нему подойти, когда он ходит один, но никогда, когда с кем-нибудь. И вот этого-то Френкеля я решил себе на помощь приискать, узнав в адресном столе, где он проживает. Адресных столов в Киеве было два: один — государственный (5 копеек за справку) и другой, более точный, частный (20 копеек за справку). Я отправился в частный. Там мне быстро выдали справку, и я по указанному адресу пошел. Но Френкель, оказалось, там не проживал. Тогда я обратно направился в адресный стол. Справку там проверили и, оказалось, она была неверной. Я пришел в ярость: я специально справлялся у вас, переплатив за справку, а вы... теперь я даже не имею, где ночевать. Но меня быстро успокоили: во-первых, бывают ошибки даже судебные, где дело идет о жизни человека. Во-вторых, мы для вас возьмем номер для ночлега в гостинице и за номер сами заплатим. Я успокоился и, взяв уже исправленную справку, пошел по новому адресу. Туда я еще засветло пришел и Френкеля застал. Он сказал, что я могу сегодня переночевать у него, а завтра он поможет подыскать комнату. Я заночевал у него с ним в одной постели, и ночью он стал мне жаловаться на свою квартхозяйку. Живя все время в одиночестве, он, видимо, не учел слышимости в квартире. Но хозяйка слышала его жалобы и на второй день его от квартиры очистила. Мне это было благоприятно: теперь уже и он

нуждается в комнате, и мы можем поселиться вдвоем. Так оно и случилось. Мы наняли просторную комнату, и, по уговору, хозяйка нас снабжала по утрам и вечерам чаем. Все шло как будто хорошо. Правда, однажды, когда у меня треснул стакан, я его выбросил за окно. Но хозяйка или этого не заметила, или сделала вид, что не заметила. Другой случай был похуже. Однажды, когда у меня поздно ночью засиделась «барышня», то при ее уходе я никак не мог найти ее зимних туфель, которые она сняла, придя ко мне. Пришлось ей пойти домой почти в чулках. Я об этом рассказал Френкелю. Он туфли моей посетительницы обнаружил в лифте: их туда, конечно, бросила квартхозяйка, и он решил ей отомстить. Он перевел звонок от двери к спальне хозяйки, и звонок всю ночь звонил над самой ее головой. На второй день хозяйка подала в суд с требованием нашего выселения. «Жильцы мои, — жаловалась хозяйка, — постоянно устраивают дебоши». Мировой судья, в обязанности которого входит прежде всего тяжущихся мирить, сказал: «Как? Студенты устраивают дебоши, это не может быть, они же постоянно занимаются». Но хозяйка настаивала. Тогда я сказал: «Но мы имеем к жалобщице встречный иск. Она назвала нас „бурбонами“ и этим оскорбила дружественную к нам державу, Францию». — «Ну, — на это сказал судья, — пусть иск на нее подаст французский посол: честь Франции защищать — не ваша печаль». Судья сказал, что Киев не хутор: вы найдете себе другую комнату, а из этой вам следует в две недели выселиться. Когда мы предложили управляющему домом поселиться у него, он и слышать не хотел: у него дочери, молодые девушки, и он как огня боялся близости к ним. Пришлось [искать] новую комнату, и мы ее вскоре нашли. Но тут ожидала нас новая напасть. Хозяин был очень скупой и жаловался, что одна его квартирнка много потребляет электрического освещения, ложась поздно спать. Вскоре, когда к нам с фронта приехал земгусар, мы по этому поводу зажгли в коридоре все электролампочки. «Но он ведь наш друг и фронтовик», — сказали мы. «Тогда поведите его в ресторан и там угощайте, а электричество тут не при чем». А через несколько дней (время уже было зимнее) хозяин перестал нашу комнату отапливать. Но Френкеля это несколько не смутило. Однажды он пришел с топориком в руках, и когда хозяин спросил его, зачем ему топорик, Френкель ответил, что он намерен стоящий у нас

в комнате [стол] срубить на топливо. После этого хозяин распорядился у нас немедленно затопить.

Была недовольна нами и дочь хозяина, которую Френкель очернил. Вскоре и хозяин этой комнаты подал в суд с просьбой о нашем выселении. На суде мировой судья сказал, обращаясь к нам и хозяину: «Но ведь вы единоплеменники, поми(х)ритесь». Судья был явным антисемитом, и мы сказали, что готовы «ми(х)риться». Но, выйдя из суда, каждая из сторон решила, что она суд выиграла. Вскоре пришлось нам и из этой комнаты выселиться. Так почти весь год проходил у нас в судебных тяжбах. Но, конечно, нас занимало и многое другое, например, женщины.

Однажды, например, когда я был один, зашла в комнату ко мне [молодая женщина] и спросила моего сожителя. Я сказал, что он должен скоро прийти и попросил ее подождать его. Она стала ждать. Была она молодая и красивая, и я подумал, не обнять ли мне ее и [не] поцеловать [ли]. Я так и сделал. Но реакция оказалась самой неожиданной. «Но разве так целуются?», — воскликнула она. «А как же?» — опешил я. «А вот как!», — и она обняла меня так горячо и стала целовать так страстно, не отнимая рта, что я чуть не задохнулся и готов был почти упасть в обморок. Да, она была мастерица целоваться. Позже я узнал, что она была из шантана и это было ее *métier**. Она стала моей любовницей, и наша связь длилась уже несколько месяцев. Но однажды, за завтраком, она спросила меня:

— А где ты покупаешь такой вкусный хлеб? Не внизу ли, в лавчонке у жида?

— Как «у жида»? — воскликнул я, — так интеллигентный человек не выражается. К тому же я сам еврей.

— Как, ты еврей? — изумилась она. — А я думала, ты — кавказец.

Тут я показал ей свой еврейский паспорт.

— Боже мой! — воскликнула она, — жить с жидом, да у нас их в дом не пускали, как я низко пала!

— Хорошо, — сказал я, — больше ты не будешь жить со мной и даже бывать у меня!

* Ремесло (франц.).

И мы расстались навсегда. Она со мной жила по неведению, что я еврей, а я с ней — по неведению, что она такая юдофобка...

А наукой я занимался минимально. Самое первое, что уже в первом семестре студентам надлежало делать, — это препарировать трупы в анатомке. Но анатомка с ее многочисленными столами, на которых расprostиались трупы, и сами трупы были мне противны. А прозектор-немец, перед которым мы должны были после препарации трупов отчитываться, был, видимо, человек дурной и студентов не любил и требовал от них к себе почтительности. «Господин студент, — говаривал он, — когда вы со мной разговариваете, извольте снять шапочку». Любил он во время зачетов издеваться. Когда студент, бывало, не находит или не может указать какой-нибудь мускул на трупе, он говорил:

— Удивительный случай: такого крупного мускула у вашего трупа нет. Такого случая до сих пор не бывало.

— Нет, нет, — лепетал студент, — этот мускул имеется, но я просто не могу его найти.

— Нет, нет, — продолжал издеваться прозектор, — такого крупного, видного мускула вы не могли не увидеть. Значит, в вашем трупе его нет. Случай уникальный, первый в мире. Я пойду сообщу об этом профессору (а профессором по анатомии был Стефанис, большой мастер по созданию трупных образцов: о нем профессор Раубер, знаменитый автор анатомического атласа, сказал: «У Стефаниса золотые руки, но медная голова»).

Студент опять начинал взмаливаться, что труп нормальный, а это он, студент, — невежда.

Вспоминается еще из анатомки и такой случай. Один студент, отпрепарировав труп, узнал у сторожа анатомки, кто этот труп (его имя и фамилию), а потом по этому человеку совершил в церкви панихиду.

А [я] факультетские лекции почти не посещал и экзамены сдавал еле-еле: на тройки с минусом. Но изредка ходил на лекции филологического факультета: они мне были интересны.

В Киеве, между прочим, я познакомился с семьей Комаровых: муж, жена, дочь и сын. Мать, Клара Григорьевна, была очень умная женщина, и я любил с ней разговаривать. Не глупа была и дочь Рика Марковна, с которой я потом встречался

всю ее жизнь, вплоть до ее смерти в Москве в 1970-х годах. Сын, ее брат, был еще подростком. Отца в квартире почти не было заметно. Я так часто бывал у Комаровых, что можно было предположить, что у меня даже серьезные намерения в отношении к Рике. Но этих намерений у меня не было, и я остерегался, чтобы их даже предположили. Когда однажды в разговоре Клара Григорьевна сказала, что мы, может быть, когда-то даже были родственниками, я резко подчеркнул, что в прошлом, но только в прошлом, все возможно. Моя реплика была, конечно, грубой, и я это до сих пор осознаю. Но мне хотелось решительно пресечь возможные мечты Клары Григорьевны, что я могу жениться на Рике. А Рика, не совсем здоровая, некрасивая (но умная), тем временем стала стариться, а кандидатов на ее руку все не было...

А время тогда во всей России и, особенно, в Малороссии («Украины» еще тогда не существовало) было крайне беспокойное: мешались и чередовались всякие государственные власти: Романовых, Керенского, Скоропадского, Петлюры и большевиков. Я решил поехать в Чернигов. Почему в Чернигов? А потому, что летом до этого я в некоей семье Миркиных был репетитором и мне там жилось хорошо. Семья эта была в Чернигове, и я к ней и направился. Но в Чернигове моя жизнь приняла совершенно новый поворот. Когда я туда приехал, в городе была гражданская война между Петлюрой и большевиками. Я предвидел победу большевиков и еще до окончания их войны выпустил газетный листок, где это населению предвещал. «Мы пришли!» — писал я в этом листке. И вот когда большевики одолели, они, прочтя листок, изумились и, узнав, что автором оповещения их прихода был я, назначили меня, беспартийного, редактором уже официальной газеты («Известий Черниговского губисполкома»). И жизнь моя потекла по новому руслу. Я фанатично уверовал в Ленина и «мировую революцию», ходил по улицам с таким революционным выражением на лице, что мирные прохожие не решались ходить со мной рядом. И, вспоминаю, когда «мы» (большевики) взяли Одессу, я ходил по улице, от радости шатаюсь как пьяный. Писал я в «своей» газете статьи предлинные и пререволюционные. Так, например, в связи с тем, что Советская власть объявила аннулирование долгов, а буржуазия была этим возмущена, я писал: «Нет, нет, не все долги аннулированы: по одному своему долгу народу

имущие должны расплатиться и расплатятся полностью». В таком же роде и стиле были и другие мои ура-революционные статьи. Они «властям», верно, были по душе. В городе на меня смотрели с некоторым страхом и уважением. Да и в самой семье Миркиных, где я квартировал и столовался, смотрели на меня с опаской, и когда квартхозяйка вздумала просить у меня надбавку за кормление, муж ее яростно на нее напустился. А деньги у меня завелись: я за каждую свою статью получал построчно, а строчек в них было много (больше, чем обычно в газетных статьях). И я, после выхода в печать, ревностно число строк пересчитывал. Во мне, однако, остались еще дореволюционные навыки: статьи я писал по новому правописанию, а свой дневник, который я в это же время вел, — по старому.

Так как я все же газетную технику не совсем знал, при мне еще состоял некий Владимир Петрович Семенников. Он очень много пил, об этом знали и «власти», и, хотя пьянство было запрещено, его не трогали; и милиционеры, видя его шатающимся от пьянства на улице, говорили: «Это не пьяница, это — Семенников». В газете сотрудничали, между прочим, и два брата Слезкины (сыновья помещика, поместье которого было возле моей родины, Уллы). Жена младшего говорила, что ее муж пьет не потому, что любитель пить, а только потому, что подражает старшему брату, Юрию, и это ее особенно возмущало. Однажды, когда он явился в редакцию пьяным, она не удержалась и позвонила об этом в полицию. Мы ей сказали, что, когда полиция ее мужа арестует, его расстреляют. Она очень перепугалась, но все это как-то обошлось без последствий.

Был еще тогда среди моих черниговских знакомых некий поэт Давидов. Поэт сносный, не хуже других, но я о его вышедшем в печати сборнике стихов написал резко отрицательную статью, за что мы навсегда остались друг другу врагами.

А к Семенникову раз зайдя на квартиру, я наткнулся на совершенный ералаш. Сам Владимир Петрович ползал по полу, а жена его, Елена Федоровна, красивая молодая женщина, мне сказала: «Володя и я живем полностью как нам хочется. Он вот пьянствует, а я развратничаю. В последнее время у меня было пять любовников: один — потому, что он любовник моих подруг и они его как любовника [хвалили]. А один из них

только потому, что он хвастал, что никаких любовниц у него никогда не было». Тут же она и мне отдалась.

Однажды мне сообщили, что в селе (том самом, где я летом у Миркиных был репетитором) вымогают у евреев деньги якобы для государства. Я решился в это дело вмешаться и проверить, так ли это на самом деле. Мне из Чека выдали отряд, и я с ним отправился в село.

Но уже по дороге мой отряд был распропагандирован, что это евреи, жалея свои деньги, выдумали о каких-то преследованиях. В [...] я заехал прямо на квартиру, где жил летом. Это, конечно, была грубая ошибка, давшая повод слухам, что я приехал отстаивать свой капитал, мне предназначенный как приданое.

А на второй день, уже с утра, начался разбор дела, по которому я приехал. Властью в селе было два человека с вполне соответствующими наименованиями: Люта и Кабанек.

Люта встал на трибуну, вынул револьвер и положил возле себя.

«Разные, — начал он, — существуют большевики: есть такие которые против капитала, и есть такие, что за капитал. Вот мы с вами против капитала, а приехавший — за капитал. Кто из вас желает что сказать?» — спросил он и при этом взял пистолет в руки. А те, которых мы приехали защищать, заявили (конечно, из страха), что у них никто не вымогал, никто их не преследовал, а они сами добровольно дали, сколько у них попросили, денег. Выходило, что я приехал из Киева настраивать народ на местную власть, а ведь тогдашний лозунг был — «Власть на местах». Меня, как виновного, следовало, значит, расстрелять. И я уже готовился к этому. Но мне пришла в голову мысль: а есть ли в этом «судилище» хоть один человек, мне сочувствующий, который хотел бы мне помочь? И я, присматриваясь к каждому, увидел, что у одного из присутствующих прямо горят глаза сочувствием ко мне. Пока я смотрел в залу, не noticing, что происходит со мной рядом, я вдруг услышал окрик: «Еще оглядывается». И я перестал смотреть и остановил недвижно свой взор, как останавливают часы. А потом смутно услышал, как «народом» было постановлено расстрелять меня возле местного забора, и подумал: «Когда меня расстреляют, голова моя окажется по ту сторону забора, а тело по эту сторону. Где же буду я: по эту или по [ту] сторону

забора?» А когда Люта к концу собрания спросил: «А если бы ты приехал теперь в Чернигов, что бы ты сказал?» — «Я бы сказал,— ответил я, — что был введен в заблуждение, что вы оба, Люта и Кабанек, люди безупречные». — «Врешь, — сказал Люта, — но оттого, граждане, мы до сих пор и Киев не взяли, что такие вот, как „эти“, сидят у власти в Чернигове. Надо их разоблачать и с ними покончить».

Но этим дело не кончилось. Люта для вящего «правосудия» решил такие же сборища устроить по всем семи сельцам Пакульской волости, а мне пока находиться «под охраной всего революционного народа». Я из селения в селение переходил предельно медленно, хотя меня при этом всякий желающий бил по голове. Но я своего хода не ускорял, так как тогда меня бы расстреляли тут же, квалифицируя мой ускоренный ход как попытку к бегству.

На одном из таких собраний я услышал от главы отряда ЧК, с которым я приехал в волость, что меня, пожалуй, не [надо] тут расстрелять, а [надо] повезти в Чернигов, чтобы я там выдал сообщников.

— А что ты скажешь, когда будешь в Чернигове? — спросил меня Люта.

— Я скажу, — ответил я, — что вы человек безукоризненный и что я был введен в заблуждение, заподозрив вас.

А тот человек, который мне показался сочувствующим, отправился спешно в Чернигов и рассказал о всех моих злоключениях. Ему якобы не поверили и задержали, но на самом деле поверили и спешно направили мне на помощь другой чекистский отряд. Но и его по пути местное население распропагандировало, и мы этот отряд уже встретили на нашем обратном пути в Чернигов. Я снова забеспокоился, но глава первого отряда ко мне подошел и незаметно пошептал мне, что все будет хорошо, что я благополучно доберусь до Чернигова. Так оно и было, и когда меня в ЧК спросили о всем случившемся со мной, я ответил, что «власть на местах» при нашей темноте — дело весьма рискованное и что вообще трудно еврею переносить русскую революцию. Впоследствии я узнал, что эта «власть на местах» возомнила себя царем и богом, рядила, судила, венчала, разводила, награждала и карала по произволу и что одна крестьянка убила Люту ударом прачника по голове. А

что стало с евреями в Пакульской волости, я больше не интересовался.

Так шатко-валко я прожил в Чернигове месяцев десять, а затем снова поехал в Киев: ведь как-никак я все же студент Киевского университета. Я уже числился на 4-м курсе и мог бы в качестве, «заурядврача» поехать на фронт, но я это не захотел и решил поехать в Баку.

Баку

Ехать было сложно: надо было миновать зоны власти Деникина и власти Петлюры. А в самом Баку была власть Азербайджанская, меньшевистского характера. Прибыв в Баку, я очень скоро напечатал большую статью о жизни в Киеве. Напечатал также и сборник стародавних своих стихов «Хрустальный кладезь». Скоро и несколько неожиданно в Баку пришла армия большевиков. Это было в субботу, и я написал, уже в большевистской газете, статью «Помни день субботний». В Баку у меня произошли интересные знакомства: с поэтами Сергеем Городецким (он был в Баку председателем Союза поэтов), Крученых и при посредстве его с Велемиром Хлебниковым. Хлебников был, пожалуй, самой интересной личностью, которую я встретил в жизни. «Личностью» именно из-за отсутствия в нем всего личного. Даже имя его «Велемир» не его имя: его звали Виктор, но он не захотел такого громкого имени. Ходил он в длинном плаще на почти голом теле, а на груди у него был список какой-то с цифрами; это были его вычисления всяких выдающихся в истории событий: сколько не лет, а месяцев и дней, например, от Куликовской битвы до Бородинской и т. п. По этим вычислениям пытался он предугадать и события грядущие. Иногда и действительно предугадывал. Так, он верно угадал, когда начнется в России революция. Однажды, при мне, Вячеслав Иванов ему сказал, что предсказано, что архангел некий явится и при нем наступит «конец времен». «Может быть, Вы, Велемир, и есть тот архангел». О нем же Вяч. Иванов мне сказал, что когда Велемир к нему приходит, он чувствует присутствие святого. Говорил Велемир почти нечленораздельно, но иногда очень дельно. Так, слушая мое чтение своего дневника, Он сказал: «Теперь нужно не дневник, но минутник». Хлебников, вероятно, подголаживал: денег ему давать нельзя было, ибо он их тут же раздавал первому встречному так же, как и любую

одежду, которую ему давали. Я устроил ему обеды в студенческой столовой, но он об этом забыл и часто оставался без еды. А что ему давали в руки (было ли это съедобно или нет), он сейчас же клал в рот, даже не разжевывая: орехи, хлеб, арбуз и т. п. Когда я спросил у него, есть ли у него на свете враги, он ответил: только один — холод. И примечательно, что умер он в какой-то деревне, словно желая обогреться, в предбаннике. А о Вячеславе Иванове Хлебников мне как-то сказал, что в нем нет, к сожалению, ничего героического.

Захотелось Хлебникову поехать в Персию, и он как-то этого добился. Но уже у самого берега Энзели пароход из-за мели или бури не мог доплыть. Тогда Хлебников бросился к берегу вплавь. И выплыл. А в Персии туземцы считали его русским дервишем, а лавочники зазывали его к себе в лавку «на счастье». Пробыл он в Персии недолго и скоро вернулся в Баку. Своих стихотворений он наизусть не помнил и даже забывал, какие когда написал. И когда при нем, бывало, читали стихотворение, в котором ему что-то нравилось, он на это указывал и удивлялся, когда ему говорили, что это его же стихотворение: он этого не помнил. Словом, Хлебников был человеком, у которого, вплоть до его имени, не было никакой собственности, и он сам себе не принадлежал. А кому же? Всему великому миру принадлежал Велемир. А все своеобразие, своенравие его личности состояло в том, что у него не было никакой личности, ничего личного.

Персия

Вскоре в Персию (Иран) поехал и я, командированный от РОСТА в качестве редактора газеты. И я в Энзели стал издавать газету, даже две: «Красный Иран» и (на персидском языке) с помощью переводчика — «Иран Сорх» («Красный Иран»). Выходила «моя» газета с вещательными, мной же сочиняемыми аншлагами вроде: «Шах и мат дадим мы шаху. С каждый день он ближе к краху». Помещал я в газете кроме статей еще и свои стишки, например:

О Персия, сестра,
О брат Азербайджан:
Обоим вам пора
Пришла прогнать с двора
Надменных англичан.

Во тьме томились вы,
Британский был туман,
Но луч с берегов Невы
И красный свет с Москвы
Рассеял весь обман.

И вот восточных стран
Советов новый ток.
Да здравствует Иран
И с ним Азербайджан
И красный весь восток.

А Россия тогда воевала с Германией, Польшей и другими странами, и когда мы временно отступили из Карпат, я об этом писал:

Хоть и горько нам при мысли,
Что с паденьем Перемышля
Пал и старый, наш уж, Львов,
Снова будем, львы, во Львове,
Перемышль перейдем.

А когда советские войска «взяли» город Мозырь, я писал:

Опять полна победы чаша,
И вслед за тем, как взят был Мозырь,
Панов побит последний козырь,
И ширится победа наша.
О братья красные, вы славы
Пожали урожай со славой:
Взойдет звезда над вольной Вильной,
И стяг наш будет у Варшавы. *И т. п.*

Стихи были на уровне популярной газеты и моего тогдашнего поэтического «дара». Персияне (я это узнал позже), как, вероятно, и все восточные люди, отличались крайней (но только на словах) вежливостью. Так, когда мы впервые прибыли в Энзели, все стоявшие на улицах персы постукивали себя руками по груди и бормотали: «Болшевик, болшевик», — т. е. указывали, что они все приверженцы большевиков и рады их приходу. Хоть в действительности было не так, и когда мы месяца

[через] три покинули Энзели, эти же самые «приверженцы» стреляли в нас из всех окон. Я стал немного учиться персидскому языку, но употреблял эти слова порою очень некстати. Так, слова «Худа-Афис» означают «Состарьтесь, доживите до старости». Это уместно сказать при прощании с людьми молодыми, но было совершенно неуместно, когда я так сказал уже старику. А когда персиянину скажешь [то], что совершенно расходится с его мнением, он на это отвечает примерно так: «Если бы не Вы это сказали, я бы с этим не согласился» — или «До того, как Вы это сказали, я думал иначе, даже совершенно противоположно». По существу это значит, что он считает [это мнение] неправильным и совершенно с ним не согласен.

Нашим сторонником среди персов был некий Кучук-хан: он и сам слыл коммунистом. Но по пятницам ходил в мечеть, и на него, красавца, персиянки заглядывались из всех окон. А когда мы ему рассказали, что в Персии нет профессиональных союзов и надо бы их завести, Кучук изумился: «Зачем? Кто кого обидит, ко мне придет, и мы рассудим».

А мулла, у которого я подучивался персидскому языку, мне раз сказал, что мне следует перейти в магометанство. Он берется это устроить и при этом еще введет меня, женив на персиянке, в персидскую семью, где он законоучитель. Но я хотел бы увидеть мне судимую невесту. «Как, — возразил он, — вы еще не приняли ислам, а уж хотите нарушить его заветы: жену до брака у магометан нельзя видеть. Да вам и незачем: я, как уже старик и близкий к их дому, видел ее и ручаюсь вам, что она хорошая». Уже привыкший к нравам Персии, я ответил, что этого, конечно, достаточно. Но мулла продолжал: «Я знаю, что вы часто в таком-то часу бываете в таком-то доме и сидите там на балконе, выходящем на двор. Там в это время прогуливаются две женщины, не вздумайте на них смотреть: это мужчинам запрещено». Я в том доме никогда не бывал и понял, что это прямое указание в таком-то часу там быть и что на дворе будет и моя «невеста», которую я могу увидеть. Я так и сделал. И когда на дворе появились две женщины, обе в чадрах, то старшая женщина, смеясь, вдруг сбросила с младшей чадру: я увидел девушку лет 13—14 (в таком возрасте девушки в Персии выходят замуж) совершенно исключительной красоты: из-за такой, пожалуй, можно принять ислам. Вечером я об этом рассказал в редакции, и все подняли ужасный хохот: да ведь

это показательная красавица, таких именно показывают упрямым иноверцам. Никогда тебе ее в жены не дадут. Тут уж я обиделся на муллу и при встрече ему сказал: я нечаянно, сам того не желая, увидел девушку несказанной красоты. Я полагаю, что ее родные сочтут меня недостойным и в последнюю минуту дадут мне другую, более мне подходящую. Ну так что же, сказал мулла: у нас ведь разрешается многоженство, и если та, которую тебе дадут, тебе не понравится, так женишься еще раз, и еще не раз, на другой и других. Тут я окончательно понял, что виденную мной красавицу мне, конечно, не дадут... Свадьба моя, впрочем, все равно не состоялась бы, ибо очень скоро пришлось нам Персию покинуть, не без помощи англичан...

А у нас в издательстве было радио, и я однажды похвастался перед туземцем, что мы по радио узнаём, что происходит, например, во Франции или Германии. Туземец недоверчиво покачал головой: «Как вы можете это знать, когда вы даже не знаете, что в 20 километрах от вас готовится против большевиков восстание». Тут изумился даже я. А меж тем это было так. А дня три спустя английские самолеты сбросили к нам листки с ультиматумом, чтоб мы покинули через четыре часа Решт, не то... Четыре часа, оказывается, при крайней необходимости срок большой, мы уже через два часа, уложив все свои пожитки в сумки, готовы были уйти. Когда из Решта уходили, на улицах не было ни одного извозчика и пришлось идти пешком. А из некоторых окон в нас при этом стреляли. Стреляли, вероятно, те самые люди, которые при нашем вступлении в Решт били себя в грудь, утверждая, что они тоже «большевики». Минуту выстрелы, мы, однако, хотя и очень утомленные, дошли до рештского вокзала, чтобы оттуда отправиться в приморское Энзели, а оттуда кораблем доплыть до уже безопасного Баку. Нас по пути изумляло, что глава редакции шел налегке, без всяких вещей, говоря, что предпочитает не иметь вещей, чем их таскать на себе. Мы высоко оценили такое его поведение. Но когда мы прибыли в Энзели, мы увидели, что все вещи Шевырева уже там, и в полном порядке. Оказывается, он уже за несколько дней до этого знал о предстоящем нам из Решта уходе и заблаговременно свои вещи переслал в Энзели, но никому об этом в редакции не сказал. Мы, естественно, вознегодовали, но ничего поделать не могли. Теперь мы у берега морского

ждали прибытия корабля. Дня через два он прибыл, и мы отправились в Баку.

Снова в Баку

Итак, я снова в Баку. И теперь уж надолго. А в Баку в это время готовился Съезд народов Востока. Когда мы на этот съезд приглашали татар, они, видимо, не понимая цели и смысла съезда, решили, что это, должно быть, какой-то восточный базар-рынок, и спрашивали нас, какие предметы и продукты им следует на этот базар взять. Рынка, конечно, не было, но съезд был. Что на этом съезде решали и решили, я уже не помню...

А поступил я снова в университет, но переведясь с медицинского факультета на филологический, куда меня искони влекло. А университет в Баку был тогда замечательным. Из-за гражданской войны и сумятицы в России в Баку приехало множество ученых, среди них и некоторые выдающиеся. Ректором университета был Давиденков, знаменитый хирург, лечивший, между прочим, самого Ленина. Профессорами были: В. В. Сиповский (по русской литературе), Маковельский, автор «Досократиков» (по философии), Томашевский, позже заместитель министра народного просвещения в Азербайджане, а еще позже ректор университета в Петербурге-Ленинграде (по языкознанию), Гуляев (по философии), Лопатинский (по латыни), и целый ряд выдающихся ассистентов.

Скоро в Баку приехал и поэт-ученый Вячеслав Иванов. Я увидел его впервые в театре 7 ноября 1920 года, когда в театре шла какая-то пьеса Льва Толстого. А приехал Иванов в Баку со своей дочерью Лидией и малолетним сыном Димой. Ему предоставили в коридоре университета небольшую комнатенку, где они жили втроем. Я был аспирантом при Сиповском, но его подход к литературе мне был не по вкусу, и я часто с ним спорил. А однажды, на семинаре, где были студенты, я Сиповскому возражал так резко, что студенты все покинули аудиторию. Но я этим не смутился и сказал: «Ну, а теперь, Василий Васильевич, я буду говорить еще откровеннее...»

А когда в Баку прибыл Вяч. Иванов, я решил от Сиповского перейти в аспирантуру к Иванову, с которым я познакомился следующим образом. Я к нему подошел в университетском коридоре и сказал: «Я хочу с вами познакомиться. Вяч. Иванов

есть нечто, что должно быть преодолено». — «Хорошо, — ответил Иванов, — познакомимся, а меня, если Вам это кажется легким, преодолейте». А носил я тогда на одном из пальцев колечко, и Вяч. Иванов попросил меня дать ему это кольцо «на минутку». Я кольцо дал, Иванов несколько раз покачал им в своей руке и сказал: «Кольцо это — от женщины с очень коротким именем». Я был поражен: кольцо это было моей мамы с действительно очень коротким (нельзя кратче) именем — Лия. И я подумал: «Такого прозорливца „преодолеть“ не так, видимо, легко, как я думал». Так мы познакомились.

С поэтами и «большими людьми» я вообще знакомился оригинально. Так, например, к Бальмонту я раз, еще не будучи с ним знаком, обратился с вопросом:

— Как, Константин Дмитриевич, вы объясните такое-то стихотворение?

— Двух вещей я никогда не объясняю: своих поцелуев и своих стихов. Такое у меня правило.

— У вас — правило. А я думал, что правила у нотариусов, а поэт — человек без правил.

Бальмонту моя реплика понравилась и... мы познакомились. Так вот оригинально познакомился я и с Вяч. Ивановым. Чтобы еще более с ним сблизиться, я стал брать у него, частным образом, уроки по итальянскому языку. Уже на первом уроке Вячеслав мне предложил перевести текст [на] еще додантовском [языке]. Я, не зная ни слова по-итальянски, отказался. Но тут подошла ко мне Лидия и на ухо шепнула: «Не отказывайтесь. С отцом не спорьте, иначе вы погибнете!» Я, умея-не умея, зная языки латинский и французский, принялся переводить, Вяч. помогал, и я как-то добрал до остановки. Видимо, метод Вяч. Иванова состоял в том, что[бы] не умеющих плавать [бросать] в воду. Брошенные как могли и не могли карабкались, и тогда лишь Вячеслав оказывал им помощь.

А преподавал Вячеслав в университете и много вел семинаров: по русской литературе, по Достоевскому, по античной литературе, по поэтике и другие. Я без пропуска ходил на все лекции Иванова и на все его семинары и был всегда от них в восхищении: так они были все поучительны и оригинальны. Стал я у Вячеслава бывать и по вечерам. Вообще Вячеслав был человеком «ночным»; вставал он поздно, а по ночам был бодр и любил беседовать, и вот я стал каждую ночь к нему

приходить часов в 10—11 и беседовал с ним до двух-трех ночи. [То], о чем мы беседовали, было так интересно, что я стал наши беседы записывать (эти объемные мои записи сохранились, и маленькую часть из них я много лет спустя опубликовал в «Ученых записках Тартуского госуниверситета» — «Из бесед с Вячеславом Ивановым»).

О чем мы только не беседовали! Но Вячеслав называл меня своим не собеседником, а «совопросником». Об этих наших ночных беседах Вячеслав писал и в одном из своих мне посвященных стихотворений:

Один стремится юноша на ловлю;
А мы благословили нашу встречу;
И камнем белым я тот вечер мечу,
Когда мой гость придет ко мне под кровлю...

А мои занятия по античной литературе и в это время продолжались, и я тогда написал «Техника виноделия в древней Греции», «Античная мельничная песня», «Поэтика Гомера» и др. И о них Вячеслав в своем мне акrostихе писал:

Эли-Мойше, ты с эллином был эллин,
Ловил мне рыб в Гомеровых морях
И кобылиц в Гомеровых зарях;
Манил ты голубиц его расселин.

Я как-то дал Вячеславу прочесть мой сборник стихотворений «Хрустальный кладезь». Два-три стихотворения из него он нашел удовлетворительными, но в целом ему сборник мой не понравился. Да и как он мог ему понравиться? Он изобилует, переизобилует бальмонтизмами: недаром же меня прозвали «Бальтманом». А вот как меня Вячеслав лечил и вылечил от Бальмонта.

— А ну, — сказал он мне раз, — прочтите какое-нибудь стихотворение Бальмонта, которое Вам нравится.

Я стал читать:

Если хочешь в край войти
Вечно золотой...

— Как, как «край»? Разве это «географическое» слово здесь уместно? А дальше:

Облачную лестницу
Нужно сплесть мечтой...

«Что „нужно“, что „нужно“?» — переспросил Вячеслав. И я почувствовал, что «рецепт» поэта ненужный и что слово «нужно» здесь наименее нужно. Таким и подобными приемами Вячеслав передо мной обнаружил всю дефективность «языка» Бальмонта. А что такое поэт без «языка»? Словом, я от Бальмонта отошел и все более стал приближаться к поэзии Вячеслава. Стал по его образцу и без его образца слагать сонеты. И сонеты на многие годы [стали] моей излюбленной поэтической [формой] (их теперь у меня больше двухсот).

Антиподом в Баку Вячеслава был Георгий Артемьевич Харазов, профессор математики, экономических наук и поэт. Когда я с ним впервые встретился на бульваре и около часа говорил с ним, то в тот же день записал в дневнике: «Сегодня я встретил дьявола». Все, что Вячеслав утверждал, Харазов отрицал. И — наоборот. Меня, однако, они оба жаловали, хотя Харазов мне говорил: «Я из вас выбью Вячеслава».

А Харазов был оригинальным и смелым ученым. Свою книгу он снабдил эпиграфом: «Moi, je ne suis pas marxiste». Эпиграф был вызывающим, но подпись под эпиграфом самого Маркса обезоруживала. Был Харазов и оригинальным и ни с кем другим не схожим поэтом и много написал замечательных, по-моему, поэм и стихотворений, до сих пор не опубликованных, и поэтому как поэт [он] совершенно неизвестен. У меня, однако, сохранились многие его стихотворения и поэмы. Вот мой о Харазове сонет:

Аминь!

Когда б, как волк средь ловчих на облаве,
К возмездию питал я аппетит,
С Радищевым и я сказать бы вправе:
«И за меня потомство отомстит».

Но мстительности чужд я и в расправе,
Пророческих проклятий стиль претит,
И не настолько уж томлюсь по славе,
Чтоб и потомству верил я в кредит.

Не гением ли был мой друг Харазов,
Не все ль его стихи, полны экстаза,
Пленить богов могли бы и богинь?

А кто его, скажите мне, безвестней,
И только я, его хранитель песней,
Ему, как и себе, пою Аминь.

А вскоре приехал в Баку мной из Киева выписанный профессор [Зуммер]. Мне Лидия рассказала, что когда Зуммер впервые появился в их комнате, он перед Вячеславом стал на колени. Был он религиозным, даже ханжой. Мои стихи, например, он, прежде чем читать, крестил. Вскоре он по искусствоведению защитил диссертацию. На банкет, который он в связи с этим устроил, он меня не пригласил, хотя я его из Киева выписал и, приехав в Баку, [он] у меня некоторое время жил и питался. Я затаил обиду и скоро на пасхальную вечерю, пригласив Вячеслава, его не пригласил. Хотя он на это крепко надеялся и, чтобы я его пригласил, просил меня сам Вячеслав. Но я не пригласил.

А Вячеслав, придя к нам в дом, всем перед ужином умыл руки и рассказал о том, как он всю жизнь был примерным сыном и [родителей] во всем слушался. Но он полюбил девушку и, хоть родители были против их близости, с ней сочелся. Но вот на семейный праздник его пригласили родители, его, но без нее. Он спросил у жены, должен ли он пойти. «Должен, — сказала жена, — меня твои родители не обидят, а ты, если к ним не придешь, их обидишь». И вот он пришел, как сын к родителям, как младший к старшим, и всем он, по-сыновьи, моет руки. Пасхальный вечер у нас произвел [на него] очень хорошее впечатление, и он мне потом сказал, что всякий, даже неверующий, выйдя из нашего дома, выйдет верующим...

А я как-то рассказал Вячеславу о Меюхесе. В первый раз, приступив к изучению со мной Каббалы, он сказал: «Да будет все, что из учения узнаешь, ни заступом в твоей руке, ни короной на голове», — т. е. не извлекай из него ни житейски приятного, ни полезного: учение только для самого учения. Меюхеса я обыкновенно посещал поздним вечером почти еженощно. Иногда, когда, «загулявши», я несколько дней пропускал, а затем снова приходил, он меня не упрекал и даже ни о чем не расспрашивал, а только смотрел на меня и плакал. Для меня этот плач старика был мучителен, и я об этом рассказал Вячеславу. Вячеслав захотел с Меюхесом познакомиться.

— Но это невозможно, — сказал я, — он с неевреем знакомиться не станет.

— Ну, а увидеть его можно?

— Да, это можно: в синагоге он во время молитвы стоит у амвона. Придите в синагогу в Судный день, и вы его там увидите.

Вячеслав так и сделал и увидел Меюхеса. А когда я затем спросил, каково его впечатление, он мне сказал: «Его лицо полно великой материнской нежности. Я сегодня понял, что Церковь — это великая материнская нежность, не Папа Римский, а Мама Римская».

<...> Вячеслав в Баку был моим ночным «вожатым», моим [же научным] руководителем в Ленинграде стал академик-лингвист Николай Яковлевич Марр. А стал он моим руководителем вот как. Только приехав из Баку и став аспирантом Ленинградского института языков запада и востока (ИЛЯЗВ), я прочел на одном из заседаний одну из своих статей о Гомере. Статья эта (хотя меня «защищал» В. В. Струве) не понравилась, и против меня выступили многие члены института. Обычно председателем на таких заседаниях бывал Марр. Но на сей раз его не было. Встретив меня на другой день, он сказал: «Я слышал о вашем докладе и знаю, кто против вас выступал. Это те самые, которые всегда и против меня выступают. Поэтому отныне я буду вашим руководителем, а вы — моим аспирантом и сотрудником Яфетического института». И я им стал, а через некоторое время даже секретарем одной из секций Института — «демотической» (связи языка с литературой).

При Яфетическом институте на его заседаниях были очень многие ученые, и, кажется, бóльшая часть их не разделяла воззрений Марра, но они никогда не решались это сказать. Марр тогда был всемогущим и вездесущим: директор Института востоковедения, директор Публичной библиотеки, директор ИЛЯЗВа, член Всесоюзного совета депутатов и т. п. В партии коммунистической он, однако, не состоял, и когда кто-то сказал, что яфетидология совпадает с марксизмом, Марр сказал: «Тем лучше для марксизма». Соответственно этому была и телеграмма ему от заместителя министра народного просвещения Покровского: «Истинному марксисту, который себя таким не называл». До чего члены Яфетического института были в душе против учения Марра! Показательно, что В. В. Струве после

одного заседания мне сказал: «Что Николай Яковлевич делает? Его связать надо: ведь он убивает науку». Но это Струве говорил про себя, а вот когда языковед Щерба открыто выступил против учения, он был лишен права преподавать.

Учение Марра приводило часто и меня в недоумение. Я исконный «индо-европеист», и мне было часто дико слышать, что русский язык, например, более близок чувашскому языку, чем славянским. Но, во-первых, для Марра «язык» был совокупностью не тех слов, которыми мы изъясняемся, а слов «народных», которые мы употребляем крайне редко или не употребляем вовсе. Во-вторых, думал я, если учение Марра неверное, как же оно его приводит к тем самым выводам, к которым пришел и я в мифологии? Недаром Марр говаривал, что многие основ яфетидологии не признают, а выводы из нее приемлют: «Ведь эти плоды на моем дереве растут...» Таким образом, я официально считался «яфетистом» и никогда публично этого не отрицал. Изредка, однако, в личных разговорах с Марром я робко пытался высказать свое личное мнение. Так, например, я сказал, что для построения яфетического языкознания не обязательно исходить из «кавказских языков». Многие эти слова осмыслили как отказ от основ яфетидологии и так об этом донесли Марру. И вскоре я узнал, что Марр отказался от руководства мной, и [я], крайне этим встревожившись, решил спросить Марра, почему он от меня отказался. Но при разговоре об этом с Марром я от него услышал: «Какой же я вам руководитель: ведь вы пытаетесь мной руководить...»

II. БАБУШКА САРРА

Из всех самых близких родных бабушка была в моем детстве самой близкой и, пожалуй, самой оригинальной. Она имела небольшую лавочку, где продавала приезжающим из окрестностей крестьянам, а иногда и ульским мещанам обувь из нашего кожевенного «производства». Торговала она бойко и могла на прибыль содержать весь наш дом. Кроме нее никто не работал. Иногда, очень редко, будучи занята хозяйством по дому, она оставляла в лавочке мужа, моего дедушку Рфоил-Ици, который обычно и дома и в синагоге читал религиозные книги. Такая замена ее не радовала, ибо это был «торговец» особого склада. Когда к нему заходили покупатели, он им показывал товар, но при этом добавлял, что этот товар и, пожалуй, лучше

и дешевле можно купить в других, поблизости, лавках. Бабушка, разумеется, бранилась, но у крестьян за это и подобное его поведение он был очень уважаем, и когда лет двадцать спустя я посетил Уллу и сказал, что я внук Рфоил-Ици, крестьяне с большим благоговением сказали: «Фотий (так они его называли) был святым». Но если дедушка после смерти оставил такую память о себе в окрестности Уллы, то бабушка при жизни была очень популярна в самой Улле среди евреев. Она, можно сказать, была «общественным мнением» местечка и порою бывала строга.

По пятницам приходила к ней каждую неделю старушка и брила ей голову. Она всегда ходила в парике и раз мне рассказала, как она девочкой лет пятнадцати плакала, когда впервые остригли ее чудные волосы. И с тех пор она уже всю жизнь носила парик. Эта «парикмахерша» еще помогала беременным женщинам и при ритуалах в бане, из-за чего тетя Бейля-Роза (вечная насмешница) называла ее «Адамом первозданным» (помогала родам).

Во время бритья эта старуха докладывала все происшествия (конечно, и сплетни) за истекшую неделю в Улле: кого заметила курящим в субботу, кто из молодых людей ухаживал за инородкой, кто не молился и т. п. Бабушка все это выслушивала внимательно, но не реагируя ни словом: в канун субботы не следует предаваться светским мыслям. Но через два дня, по миновании субботы, она, учитывая все слышанное, оглашала «на весь город» имена согрешивших и предавала их всеульской огласке, за что, разумеется, не пользовалась любовью, но вызывала страх.

И в доме у нас, в своей семье, бабушка внушала страх. Ее фанатическая строгость была порою чрезмерна. Так она расстроила брак своей дочери Бейли-Розы с любимым ею человеком только за то, что мать жениха звали Саррой, и она полагала неудобным Богу, чтобы невеста и жених имели одноименных матерей, за что, между прочим, Бейля-Роза возненавидела свою мать на всю ее жизнь и даже после ее смерти. Вообще бабушка вмешивалась во все и в своей семье и в чужих семьях. Единственный человек, которого и она боялась, был один старик, еще участник Севастопольской обороны. Он взял на себя добровольный обет к концу пятничного дня ходить по улицам Уллы, выкрикивая: «Закрывают лавочки: наступает суббота».

Все его слушались, и бабушка не раз к исходу пятницы с тревогой говорила: «Хаим Нирсел уже кричит».

Ко мне бабушка относилась с особым вниманием. Когда я, бывало, забежал к ней в лавку, она давала мне яблоки, ягоды. Но если я их тут же начинал есть, не сотворив ритуального Богу благодарения, она приходила в гнев и говорила: «Зачем я даю тебе фрукты: дала бы их лучше „а шейгец“ (крестьянскому мальчику) : он тоже ест без молитвы».

Навещала бабушка изредка и хедер, где я учился. Однажды на вопросы у ребе, каковы мои в учении успехи и доволен ли он мной, он сказал: «Знаете, он хорошо и быстро учение воспринимает, но, как в воронке, в одно ухо вливается, в другое выливается». — «Ну что же, — сказала бабушка, — воронка ведь становится влажной, а влага Божьих слов — не так уж мало». А когда ребе пожаловался, что я много купаюсь, она сказала: «Но разве уж так много: всего раз в день». — «Да, — сказал ребе, — но с утра до вечера». Конечно, ребе преувеличил...

Но бабушка, при всей ее к людям строгости, была к малым детям очень жалостлива. Ранним утром, при рассвете, она вставала и собирала стеклышки на улице, чтоб какой-нибудь ребенок не оцарапал ногу. Я об этом и стихи в ее память впоследствии сложил:

Уже с утра все чистила дороженьки,
Все Уллы улочки, моя бабусенька:
Не занозил бы о щепочки ноженьки
Какой-нибудь ребенок босенький.

12.9.1967

За это, между прочим, ее очень не любивший сын ее шурина Ицка говаривал о ней: «Святошка, стеклышки на улице подбирает, а меня собирается посадить в тюрьму». А дело было вот в чем: Ицка, буян, дал пощечину своему дяде Менделю. Должен был быть над ним суд, и когда судья приехал в город по этому делу и остановился у приятельницы бабушки, она судье рассказала об Ицке то, что могло ему лишь повредить, и Ицка об этом узнал. А когда я спросил у бабушки, неужели она хочет, чтоб Ицку посадили в тюрьму, да еще на праздник, она мне сказала: «Не бойся, он не будет сидеть, я его только стращаю».

Еще вспоминаю из моих с ней разговоров. По дому у нас ходила курица, которую завтра, к субботе, предполагалось зарезать. Мне было очень жалко невинную курицу, и я об этом сказал бабушке, на что она мне ответила: «Не смущайся, милый. Если мы ее не зарежем, курица бессмысленно сама издохнет. А если мы ее зарежем и ты вкусишь ее мясо, а затем предашься учению Торы, то в этом учении и она примет участие: давая тебе силы и бодрость, она причастится к святому делу. Но, разумеется, если после еды ты предашься только шалостям, то лучше пусть она тебя ест, чем ты ее...»

Еще вспоминается мне, что когда однажды бабушка дала мне суп, в котором оказалось много костей, я заплакал. «Почему ты плачешь?» — спросила бабушка. «Да потому, что выходит — я великий грешник. У праведников — сказано в Талмуде — кости в пище превращаются в мясо. А у меня, видишь ли, наоборот: ты же мне, конечно, дала в супе мясо, а оно превратилось в кости. Значит, я грешник». Бабушка ничего не ответила, долго и внимательно посмотрела на меня, взяла плед и вышла из дома. Я был изумлен ее реакцией, но потом узнал: это она пошла по городу трубить, какой у нее замечательный и праведник внук. Впоследствии бабушка каждый раз так поступала, когда ее поражало сказанное мною что-нибудь.

К неевреям бабушка (впрочем, как все местечко) относилась с крайним презрением, не считала их почти за людей; у них, была она уверена, нет души (есть только духдыханье). Всякий русский мальчик именовался «шейгец» (нечисть). Христа называла она не иначе как «незаконнорожденный», а все легенды и книги о Христовой матери называла «матери-патери». Помню, как однажды во время крестного хода (в котором, между прочим, принимали участие и евреи, чтоб избежать погрома, а они вокруг Улы свирепствовали) она закрыла мои глаза: «Чтоб твои глаза не видели эту мерзость». А один раз в году (кажется, на Рождество) запрещалось учить Тору (этот вечер именовался «нитл» — аббревиатура: «нит тора лернен», т. е. нельзя учить Тору), ибо в этот вечер происходит Божий суд над Христом и не следует напоминать о том, что к «учению» Христос был привержен. А когда я у бабушки спросил, будут ли, когда придет Мессия, существовать другие народы, она сказала: «Будут, ибо кто же, как не они, будет у нас служить и на нас работать?»

И не только к иноверцам, но и к евреям нехасидам (а во всем местечке были только хасиды), к так называемым «миснагдим», было во всей Улле крайне враждебное отношение. Это отношение до изуверства сохранял в детстве и я. И когда я раз в синагоге увидел приехавшего миснагида, то, хотя он внешне своей благородной бледностью понравился и он усердно молился, я подумал, что когда он выйдет из синагоги, хорошо было бы на улице его убить. Эта религиозная моя нетерпимость сказалась и в том, что когда я увидел в Бешенковичах (еврейское местечко в ста верстах от Уллы), как еврейский мальчик в субботу камнем раздробил орех, я подумал: «Будь это в Улле, мы бы, еврейские мальчишки, побили его камнями, но здесь я, одинокий, уввы! бессилён». Помню и свою ярость, когда во время молитвы кантор дважды пропел имя Господне (а в тексте — только один раз), я стал кричать: «Вон его с амвона и из синагоги: он Божье имя употребил всуе, ради музыкальности», — и меня старые евреи с трудом успокоили. И несмотря на всю мою тогдашнюю (в 1905 году) «революционность», мне было тяжело видеть в еврейской синагоге русского студента-агитатора: «а гой ин а идиш шул...» (нееврей в синагоге).

И по семейной наследственности, и по всем своим убеждениям, и по необузданности темперамента я был пламенным хасидом; сущность хасидизма я воспринимал как близость к Богу, веселие в Боге, и мне очень нравилось, что хасиды во время молитвы не стояли чинно, как на параде, а бурно ходили по синагоге, отчаянно жестикулировали, и пели, и плясали. Хасиды были с Богом как бы «на ты» и не могли себе представить, как можно печалиться, когда существует Бог и он так нас любит, как мы не умеем любить. Не умеем, но должны стараться... Миснагиды — только рабы Божии и могут быть только покорны, а хасиды — дети Божии, даже когда они буйные и блудные.

III. МЕЮХЕС

Я знал ребе Меюхеса давно. Это — бакинский духовный раввин, большой знаток религиозных книг. Мне захотелось у него поучиться каббалистике. Когда я ему заявил, что вот я изучал медицину, теперь изучаю филологию, хотел бы еще изучить и мудрость Торы: «Еще», — улыбнулся он. И мне стало неловко

(вот уж первый от него урок): Бог — на последнем месте, Тора — «еще». Он согласился меня учить, но сказал при этом, чтоб я учел, что Тора не хочет быть ни короной на голове ее изучающего, ни заступом в его руке, то есть — ни предметом тщеславия, ни полезным пособием, Тора только для Торы. Это мне очень понравилось: наука или искусство как самоцель. Уже с первого у него урока я убедился, как я отстал. Как теперь, в 1922 году, я много хуже понимаю то, что понимал в 7—8-летнем возрасте, в 1903—1904 годах. Учение у Меюхеса происходило у него на квартире тайком. На первом же уроке он мне заявил, что предисловие ко всему учению — это то, что Бог есть. Между прочим, рассказал и агаду, что Моисей, взойдя на небо, увидел Бога сидящим и изучающим Талмуд. И это мне понравилось. Бог за книгой — в моих глазах, глазах читателя и начетчика, очень трогательное зрелище. Я ведь сам почти книга. Все мое бытие — лишь Книга Бытия. Обычно я занимаюсь у Меюхеса все вечера, кроме пятницы и субботы, примерно от 8—9 до 11 часов. Но бывает, что я ряд дней пропускаю. Это значит, «Митька загулял». Творю непотребное. Но потом, когда после такого утара я к нему прихожу, он ничего не спрашивает, только долго, долго смотрит на меня и начинает плакать. Начинаю плакать и я, и потом снова за учение. Когда я о Меюхесе рассказал Вячеславу, он захотел его видеть. Но как это сделать? И решили вот что. На еврейский Судный день Меюхес весь день будет в синагоге, пусть Вяч. Иванов придет туда, и я ему его издали покажу. Вяч. Иванов так и сделал. И увидел Меюхеса, и, видимо, хорошо разглядел. А потом дома у себя мне сказал: «Знаете, у Вашего старца женское лицо, лицо матери. И я понял, что Церковь — это великая мать, великая нежность. Папа Римский — в сущности Мама Римская».

МОИСЕЙ АЛЬТМАН

СТИХИ

I. Из сборника «Неумирающий лебедь»

НЕУМИРАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ

Я становлюсь пугающе-певучим:
Не лебедем предсмертно ли пою?
Но нет, сомненьем этим тайно мучим,
Смуцать не стану Музу я мою.

Пой, милая, с тобой и на краю
Обрыва жизни всей, в недуге жгучем,
Целительных созвучий пью струю
И чувствую себя опять живучим.

Покуда сказок чарами манить
Шахерезада будет все чудесней,
Ее не оборвется жизни нить,

И, лебедя следя за Музой взлет,
Не говори, что смерть грядет за песней,
Скажи, что он живет, пока поет.

1942

ЭДИП И СФИНКС

I

И к сфинксу я воззвал: «Скажи, по воле
По чьей жестокой я в тебе судьбу
Обрел, и, царь, подобным став рабу,
Тебе подвластен буду я доколе?»

Иль впрямь уж нет спасения мне боле
И, утолив до дна страстей алчбу,
Бессилен с роком вновь начать борьбу
И тяжкой покориться должен доле?»

И сфинкс в ответ: «Эдип, ты сфинкс и сам,
И на земле — загадку небесам
Ты загадал, чей смысл необычаен.

Но, плоти плоть моей и кости кость,
Дотоле твой я Каменный Хозяин,
Доколе ты здесь Каменный мой Гость».

II

И буйство вновь в словах залокотало,
Безудержный им волю дал порыв:
«Не змея ль новый вижу я извив,
Не древнее ль опять мерцает жало?»

Нет, не мое ты мертвое зеркало
(Ты, оборотень, в этом снова лжив),
Но правда то, что, каменный, ты жив,
Подобие медузы, гибели начало».

И сфинкс ко мне: «Неправ твой гнева пыл,
Не сам ли ты загадку всем раскрыл
О тела переменчивой химере,

Но есть еще загадка и души:
Ты разгадал о человеке-звере —
О Богочеловеке разреши».

III

И сфинкс умолк. И вновь каменьев груда
Застлала тенью свет дневных лучей.
Был нем песок, безмолвствовал ручей,
И мертвая все сковывала студа.

Но вдруг, как по наитью чуда,
Глаголы внял я явственных речей:
И глас один, не знаю был он чей,
И глас другой, не знаю шел откуда.

«Довольно в мире ты блуждал один,
Домой вернись, Эдип, домой, мой сын,
Я сам тебя встречаю на пороге». —

«О, вещий час, исканий всех венец.
По каменной, по пламенной дороге
К тебе, скитаясь, я пришел, Отец!»
23.3.1921

УЖАС ПУСТОТЫ

Есть некий миг всемирного испуга,
Есть час один, когда бьют все часы,
И солнце, златом полные весы,
Висит над бездною в притине юга.

То — свет и жар полднего недуга,
Без милостивых тени и росы,
И смерти уж последний взмах косы
Над вязью двух времен, сплетенных туго.

И явственно я постигаю вдрут,
Что вечно мировое возвращенье,
Что вся вселенная — бескрайний круг,

По коему, свершая век вращенье,
Мы каждый день в зените полноты
Вновь пред зияньем первой пустоты.
25.1.1922

ОСЕЛ ИУДЕЙСКИЙ

О маги-мудрецы, чьему сомнению
Подвержены и космос и хаос,
Скажите, над осла убогой тенью
Вы вдумчивый не ставите вопрос?

Иль, мните, тупостью, упрямством, ленью
Впрямь ослик маленький всех перерос
И метко для насмешек стал мишенью,
Кто на спине Спасителя пронес?

Нет, час грядет, навек разоблачится,
Кто в облике смиреннейшем таится
И кажется глупейшим из глушцов.

Как древле, вновь возговорит ослица
И миру возгласит ослиный рев,
Что нашим мудрецам и не приснится.

18.3.1922

ПЕТУХ

Пусть курам на смех распевает петел,
И шутка всем — «Не курится, потух»,
Загадочней тебя я здесь не встретил,
Евангельский, апостольский петух.

Тебя бог света явственно отметил.
Исполнен пламени твой ярый дух:
Днем оттого ты так тревожно светел
И ночью чуткой наш волнуешь слух.

Ой, солнечный, ой, золотой, не ты ли
Мне с полночи до самого утра
Ночь каждую твердишь о древней были

Тройного отречения Петра,
О Камне том, что, выжженный слезами,
Стал краевым в нерукотворном храме?
1922

ДОН-ЖУАН

*В разврате каменейте смело.
А. Пушкин*

Призыв «В разврате каменейте смело»
Девизом стать мог бы и Дон-Жуана,
Но в нем не только дерзость до предела
И сладострастью наглая осанна:

Отчаянье в нем падшего титана,
Чья блудная душа, уйдя вся в тело,
От чувственности в чувствах оскудела
И стала мертвой слишком, слишком рано...

Так, сходствуя судьбою с метеором,
Что, в поднебесье свой развеяв пламень,
Вдруг падает на землю, точно камень,

И Дон-Жуан воскресшим Командором
Приговорен, как в Библии — блудницы,
Познать пожатые Каменной десницы.
9.10.1953

МАКСИМИЛИАНУ ВОЛОШИНУ

Забуду ли, как я неждан-непрошен
К тебе впервые прибыл в Коктебель
И видом всем твоим был огорошен,
Когда ты мне предстал au naturel.

Со сна ль взметен, прервал ли акварель,
Но, пышновламый, был ты так взъерошен,
Что вспомнил я, в контраст и в параллель,
Как был Самсон во сне обезволошен.

Таким вот мне пришлось узреть волхва,
Который ликом походил на льва,
Чье грозное величие задето,

А между тем был весь он доброта,
В его дому остался я на лето,
Он в сердце у меня — на все лета.

5.4.1951

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ

*В Помпею я вступал, как странник
в отчий дом,
Был снова римлянин, всходя на римский
форум.
В. Брюсов*

Не в том ли дара Брюсова разгадка,
Что каждой строчки строгим аргументом,
И крепью строф, и цепким их цементом
Он образец античного порядка?

А если и порой, до новшеств падкий,
Талант свой подвергал экспериментам,
В них более, чем русским декадентом,
Он римлянином был времен упадка.

Как имя италийское Валерий
И книг именованье по латыни
Камене соответствуют поэта,

Творенья чьи, от оды до сонета,
Напоминают римские твердьни
На гранях полуварварских империй.

23.12.1953

УРАН

Золотой, Серебряный и Медный,
Отзвенели давние века,
И отходит бедственно-победный
Век Железный, длящийся пока.

А какой за ними, им наследный,
Встанет новый — тайна велика,
Но, покров срывая заповедный,
Слышу страшный гул издалика.

То — разгул над Геей урагана,
Возвращенье древнего Урана
В мир, который не смирил Зевес:

Мир, где снова старые титаны
Воздымают с Тартара вулканы
И бросают землю до небес.

30.10.1946

ЭМПЕДОКЛ

*Я больше уже не смертный человек,
я существо уже бессмертное.
Эмпедокл*

Повязка золотая, плащ пурпурный,
Сандали медные, венок дельфийский —
Так шествовал он, бог пифагорийский,
По городам Сицилии лазурной.

И пестрая, как в празднестве Сатурна,
Как в день его победы олимпийской,
К нему со всех концов земли дорийской
Текла толпа, восторженно и бурно.

Но что тому и бури, и восторги,
И поклонение толпы несметной,
Кто, жизнью всею тяготясь мишурной,

Уж вместо кубка с олимпийцев оргий
Себе кратер титанов, кратер Этны,
Избрал и крематорием и урной.

24.6.1948

ЗАВЕТ УЛИССА

*Казаться глупым умному полезно.
Эсхил*

Когда-то, чтобы покарать Париса,
Со всей Эллады взвились паруса,
И траурные рощи кипариса
Вкруг Илиона выросли в леса.

Но подвигов минула полоса,
Иная сцена, новые кулисы,
И вместо хитроумного Улисса
Теперь осталась хитрая лиса.

Остались также, хоть изрядно драны,
Послушливые, серые бараны,
Друг с другом сходные, один — как сто...

Смешаться с ними — вот исход героя:
Так учит тот, пред кем склонилась Троя,
Кто у циклопа звал себя — Никто.

5.4.1951

СЕМЬ

В семье семитов древнее табу,
Священное в каноне Аполлона,
Семь и теперь, как в снах у фараона,
Обилье всем сулит и худобу.

И пядей будь ты хоть семи во лбу,
Семь ангельских волос имей Самсона,
Семь нянек над тобою бдят бессонно,
Как семь планет, что пестуют судьбу.

Какие в мире сем на вечность виды:
Семи рядов сады Семирамиды,
И Рима семь холмов, и Фив семь врат.

Их — семьдесят толковников Завета,
В библейском юбилее — семь семькрат,
И дважды семь — число стихов сонета.

Б. д.

ДЕСЯТЬ

Как давший иудеям декалог
И Моисей, его пророк рогатый,
Египтян козням подведя итог,
Их казням обрекли десятикратно,

И в наши дни ветхозаветный Бог
Нам вдесятеро воздает расплатой
И десятинный утвердил налог
Как приговор: десятый — виноватый.

И пусть порой сей приговор неправ,
Таков уж Бога мести счет расправ,
Что все мы, сверх ответственности личной,

За друга друг, порукой круговой,
Караемы суровым Еговой
По нашей же системе десятичной.

3.8.1950

СЕ-МАНТИКА ИМЕН

Не мне, не мне, а имени...

I

В моих стихах, быть может, современник
Узрит лишь то, что мозг мой засорен,
И не венюк присудит мне, а веник
За суеверья варварских времен.

А я и вправду суеверий пленник,
И особенно — мантики имен.
Затем, что сам — пророков соименник,
И Лия — мать мне, и отец — Симон.

Мойсей-Илья от Лии и Симона
И пофамильно — Старый человек:
При храме старцем мне б дожить свой век.

Но я (нет иудея без уклона)
Живу на улице, совсем как грек,
Всеисцелителя Пантелеймона.

22.10.1956

II

Муза, может, ты сама ответишь,
Почему, как в ветхие меха,
Обряжаешь в слов старинных ветошь
Каждый образ моего стиха,

И зачем, хоть древность мне не фетиш,
А архаика — мощей труха,
Новизну мою старьем бесцветишь,
Как посад зеленый — проседь мха?

И в ответ мне Муза: «Коль весь век
Чтил ты мантику имен не тщетно,
Что ж дивишься, Альтман Моисей,

Что и в творчестве, как в жизни всей,
Ты — по имени — ветхозаветный,
Пофамильно — старый человек?»

9.11.1961

III

Двум пророкам — двум! — одноименник,
Я — Илья, и я же Моисей.
Не за то ли я в юдоли сей
Собственных имен навеки пленник

И, чуждаясь жизни нашей всей,
Временам библейским современник,
Мню, мне брат — Арон-первосвященник
И преемник — вещий Елисей.

А быть может, мимо всех евгеник,
Я, хотя и книжник-фарисей,
Больше декадент и неврастеник,

В грезах чьих, за дымкой ересей,
Лестница на небо без ступенек,
В тучах колесница без осей.

2.9.1963

PRO DOMO MEA

Меж двух церквей (одна — времен Петра)
Квартал с моей квартирой расположен,
И ими, мнится мне, уже с утра
На весь я день от мира отгорожен.

И даже ночью, хоть мой сон тревожен,
Меня не устрашает тьмы пора,
Когда сверкающий, как меч без ножен,
Сам демон бдит у моего одра.

О, как, судьба, ко мне ты благосклонна,
Позволив жить уж более полвека
В сени священных куполов и башен

На древней улице Пантелеймона,
Чтоб я, коль место красит человека,
Навеки этим местом был украшен.

16.6.1975

II. Из сборника «Пестрый фараон»

МЕДНЫЙ ЗМИЙ

О Мойсее есть преданье,
Что — как чудотворный лик —
Он народу изваянье,
Змия медного воздвиг.

И по слову Моисея
Каждый верный иудей,

Созерцая образ змия,
От живых спасался змей.

Всецелительное средство —
В нем пророк сказался весь...
Как заветное наследство,
Берегу его доднесь.

И, как тезка мой в пустыне
(И исполнен тех же чувств),
С тварью я борюсь и ныне
Древней магией искусств.

И, как золото и медь, я
Свой выковываю стих,
Чтоб Моисеева наследья
Чародейства он достиг.

Чтоб в жестокий век и черствый
И моя, чаруя, речь
От зверей смогла и зверства
Человека убересть.

15.11.1948

ЛОТОВА ЖЕНА

На поверхности прозрачен,
Все темнее в глубине,
Как он мудр и как двузначен,
Миф о Лотовой жене.

Тот ли смысл его заветный,
Что недвижимостью объят
Кто на прошлое запретный
С вождельнем бросит взгляд,

Иль — свидетели разгрома —
Те и столп и соль земли,
Кто из дома, хоть Содома,
Без оглядки не ушли?

Б. д.

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Вешним утром мир безбрежный —
Весь как радуги дуга.
— Прилети, мой ангел нежный,
На дуга!

Летним полднем солнце красно
И в томлении земля.
— Человек, приди, мой страстный,
На поля!

Вечер осени дождливый,
Беспросветных туч навес.
— Ковыляй, мой бес блудливый,
В темный лес!

25.3.1919

ЗВЕЗДА

(сентиментальный диалог)

— Друг мой, я с детства не знала узды,
Подлой была я и пошлою.

— Что ж, и у самой светлой звезды
Темное прошлое.

— Но и доньше привычной среды
Голову мутят дурманности.

— Что ж, и у самой ясной звезды
Пояс туманности.

— Милый, боюсь, что пороков следы
К прежней вернут меня участи.

— Что ж, и у самой стойкой звезды
Склонность к падучести.

10.11.1953

У ПОРОГА

Не от козней подруги Далилы,
Не под гнетом врагов-филистимлян
И волос я лишился, и силы,
И очей моих свет стал задымлен.

Нет, я просто дошел до порога,
У которого, в уровень с веком,
Я из некогда юного бога
Старым стал, наконец, человеком.

11.1.1957

Из «ГОЛУБИНОЙ КНИГИ»

— Старец голубиный, мудрый осмомысл,
Всех вещей глубинный мне раскрой ты смысл:

Что мудрее и ума,
Будь он трижды складен,
И когда нам свет, как тьма,
Ненагляден?

И какая из солей
Всех нетленней?
Кто из ближних нам милей
Во Вселенной?

— Сердце доброе ума
Искони мудрее,
Нам не виден свет, как тьма,
В апогее.
Всех нетленнее солей
Соль земли,
Нам из ближних всех милей —
Кто вдали.

— Пред тобой еще вопросов расстелю я сеть,
И на них мне, вещий старец, ты ответь:
Что язвительней, чем плач,
Жалит слух?
Имя братьев-неудач
Назови мне двух.
Почему у вертопрашных
Нет пути,
И какой у бесшабашных
Бог в чести?

— Нам язвительней, чем плач,
Горький смех,
Имя братьев-неудач —
Ох и Эх!
Все пути у вертопрашных
Вкривь и вкось,
И в чести у бесшабашных
Бог Авось.

— Всех вопросов мне осталась только треть,
И на них, уже последние, ответь:
А какая из отрав
Всех отрадней,
И какая между трав
Всех усладней?
И чему всего подобней
Жизнь наша,
И помочь ей чем способна
Смерти чаша?

— Нет отраднее отрав,
Чем слова,
Нам усладнее всех трав
Трын-трава.
Нашей жизни так подобна
Водоверть,
И смирить ее способна
Только смерть.
24.8.1961

III. Эпиграммы

ЩИТ ИСКУССТВА

Зреть Медузу и, не каменяя,
Сохранить и разум свой и чувства
Можно, только, как в щите Персея,
В дальнотзорном зеркале искусства.
5.6.1959—30.12.1967

ПРАВОВЕРИЕ И ЕРЕСЬ

В древней вере разуверьясь,
В новую впадают ересь.

Вариант

В новой вере разуверьясь,
В древнюю впадают ересь.
14.6.1970

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Если слух и зренье разнобойны,
Чье, скажи, свидетельство правей:
Взглянешь на него — прямой разбойник,
А слушаешь — так соловей.
23.6.1971

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

С сердцем, как будто зажатом в тиски,
Я прочел эту книгу *от тоски до тоски*.
18.12.1963

ДВА СТИЛЯ

Где новых дней поэт, как Пушкин например,
Открыто скажет: «Полногрудые мадонны», —
Куда скромнее выражается Гомер:
«Глубокоопоясанные жены».
Б. д.

ЕВГЕНИЮ ИЗ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»

Не стой, безумец, на ветру
Близ наводнений и пожарищ
И помни: конному Петру
Евгений, пеший, не товарищ.

17.9.1967

НА НАПОЛЕОНА

Вождедел ко всей вселенной,
А умер на голой Елене...

Б. д.

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

Хоть каждому каждый подобен,
Себя до конца оголя,
Мудрец прозорливый способен
И в голом узнать короля.

3.3.1974

АЙХЕНВАЛЬД И ЭЙХЕНБАУМ

В игре на имена поднаторев,
Играю вновь, фамилиям под стать:
Из-за Эйхенбаума дерев
Леса Айхенвальда не видать.

24.4.1969

ДАР И ПАНОВА

Хорошо быть Даром,
Получая даром
Каждый год по новой
Повести Пановой.

1960-е

КАК ИФИГЕНИЯ

Могу ли на судьбу не быть в обиде,
Не выразить, хотя в стихах, протеста,
Что я, как Ифигения в Тавриде,
Живу лишь в ожидании Ореста.

1.8.1968

ВИЛОЙ ПО ВОДЕ

(Посейдон)

Над всякой влагой заправила,
И в океане и в пруде,
Трезубец твой не та ли вила,
Которой пишут по воде?

17.7.1960

ПО-ФРАНЦУЗКИ

Не объяснись змий с Евой по-французски,
Ее б не обольстил он, первый встречный,
И, пояс с тела не снимая узкий,
Мадам Адам осталась б девою вечной.
Но змий был искусителем матерым
И знал, что женам тот язык всех ближе,
Лукавый и картавый, на котором
Взаимообъясняются в Париже.

14.9.1968

ВАЛААМОВА ОСЛИЦА

Я и в пророки угодил
Благодаря лишь дамам:
Едва с одной заговорил —
И стал вдруг Валаамом.

2.7.1968

О СЕБЕ

Инородческий отброс,
Чужеродный вирус,
Я среди семитов рос,
А арийцем вырос.

18.2.1965

НЕДОУМЕНИЕ СИРОТЫ

Оставь отца и мать — велит Христос.
Не возражаю, но... вопрос:
Как этот может выполнять завет
Осиротевший с детских лет?

Б. д.

АВТОМАТ

Исправней автомата, служу я без отказа:
В меня опустишь слово, высказывает фраза.

26.12.1971

СРЕДСТВО ОТ БЕССОННИЦЫ

Нега томная бессонниц
Мне от милых беззаконниц,
А для отдыха и сна —
Презаконная жена.

1.8.1968

НЕДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ

Чужих уйму отписками,
Порою лишь намеками,
Но что мне делать с близкими,
Таковыми недалекими?

Б. д.

ИЗДАЛЕКА

На землю я пришел издалека
И здесь лишь временно, пока...

9.9.1971

НИТЬ ЖИЗНИ

Не скажешь, какой протяженности нить,
Пока ее всю не смотаешь с клубка,
И долгую должен ты жизнь прожить,
Чтоб узнать, как она коротка.

14.6.1962

УСЛОВИЕ ДОЛГОЛЕТИЯ

Что же зимою о лете тужить,
В полночь на полдень зариться?
Долгую жизнь кто хочет прожить,
Должен состариться.

18.6.1962

ОБЛЫСЕНИЕ

I

Чью беды горшие настигли,
Твою или мою главу?
Тебя, Самсон, во сне остригли,
А я лысею наяву.

II

Как весь престиж Самсона был бы снижен
И трафаретен стал удел,
Когда бы не Далилой был острижен,
А сам с годами облысел?

19.9.1971

ПРЕУВЕЛИЧЕННЫЕ СЛУХИ

Тенями себя окружив,
Сам тенью я стал обезличенной,
И слухи о том, что я жив,
Сильно преувеличены.

11.8.1968

НЕ ВЕРЬ!

И все-то врач, поди, наврал,

Ему поменьше верь:

Ты отроду не умирал,

С чего же вдруг теперь?

28.10.1974

КОММЕНТАРИИ

М. С. АЛЬТМАН

ИЗ ДНЕВНИКОВ 1919—1924 гг.

Для данной публикации из обширных дневников М. С. Альтмана (это три толстых тетради, в которых отражены события с дек. 1919 по март 1921 гг.; с янв. по авг. 1922 г.; с сент. 1922 по февр. 1926 гг.) нами отобраны отрывки, относящиеся в первую очередь к истории знакомства с В. И. Ивановым, отражающие атмосферу литературной и академической жизни в Баку нач. 1920-х гг. Данные материалы призваны также дать более полное представление о личности М. С. Альтмана, о его подчас кардинально менявшейся политической, культурной, религиозной ориентации. Цель написания дневников определить не так просто — они явно не предназначались для печати, будучи вместе с тем замыслены как документ эпохи и, может быть, в еще большей степени как фиксация каждого момента из жизни исключительной личности (т. е. самого автора, согласно его собственной оценке). Этот «розановский» подход наиболее полно отразился в записи от 26 сент. 1922 г.: «Я в приговорах скор, у, как скор! Но отчего мне и не быть скорым, особенно в дневнике, цель которого — именно не отстать ни от одного мгновения? Оправдание моих записей — в правде мгновения, а что, слагаясь, дадут вместе все эти „минуты“, то не моя печаль» (ср. также запись от 16 марта 1922 г.).

Проблема назначения и формы дневников неоднократно становилась в Баку предметом обсуждения, в частности с Велимиром Хлебниковым, чью реплику М. С. Альтман занес в одну из своих тетрадей: «По поводу дневника моего он как-то метко заметил, что дневник нужно вести с точностью до одного мгновенья — вот идеал дневника» (15 июля 1922 г.).

Нашей задачей было дать предысторию знакомства двух героев, чем оказалось оправдано включение в книгу персидского эпизода биографии М. С. Альтмана, оказавшегося в составе вторгшихся в Иран советских войск. Записи, сделанные им, представляют также несомненный исторический интерес (при

скудости других источников), став хроникой одной из первых военных авантур коммунистического правительства России.

При чтении дневников необходимо также учитывать крайний субъективизм автора, его заведомую избирательность — к примеру, соученик по Бакинскому университету В. А. Мануйлов не упомянут в них ни разу, ибо его дружба с В. И. Ивановым вызвала раздражение и ревность М. С. Альтмана (напомним, что на одной из фотографий они сидят рядом с учителем, по обе от него стороны). Столь же показательны его высказывания о В. И. Иванове: полное преклонение, даже «отказ от собственной личности» в начале знакомства, задушевные многочасовые беседы сменяются раздраженными выпадами и обвинениями, пристрастность которых очевидна. Вместе с тем именно поэтому дневники важны как оправа «Разговоров», дающая уникальную информацию о бытовом, историко-событийном и эмоциональном фоне во время создания замечательного литературного памятника.

В заключение отметим, что в дневниках упомянут ряд малоизвестных лиц (Ф. Кафитин, В. А. Чайкин, П. П. Штейнпрейс, Т. М. Емец, Н. А. Зайковская, М. Певзнер и др.), — в тех случаях, когда нам нечего прибавить к сказанному М. С. Альтманом, информация о них в комментариях не выносится.

1920

11 января

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — см. о нем коммент. к «Разг.» от 20 сент. 1921 г.

Балагин Александр Самойлович (псевд. Александра Самуиловича Гершеневича; 1894 —?) — поэт, драматург. В 1919 г. в Тифлисе выпустил кн. «Страна солнца: Стихи о востоке».

2 марта

Усиленно занимаюсь приведением в порядок ... моих стихов — о подготовке к печати кн.: *Альтман М.* Хрустальный кладезь. Баку: Тип. Г. Н. Шнейдерова, 1920. 56 с. (Вышла из печати в конце апр. 1921 г.)

19 марта

Слѣзкин Юрий Львович (1885—1947) — прозаик. См. о нем также в «Автобиогр.» (гл. «Киев»).

Семенников Владимир Петрович (1885—1936) — библиограф, историк русской литературы XVIII—XX вв., археограф. См. о нем также в дневн. от 17 янв. 1923 г. и в «Автобиогр.» (гл. «Киев»).

5 апреля

Петровск (Петровск-Порт) — порт на берегу Каспийского моря, в 1922 г. переименован в Махачкалу.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — прозаик, поэт, драматург, публицист. Ему посвящен поэтический сб.

М. С. Альтмана «Хрустальный кладезь». См. также «Разг.» от 10 апр. и 27 авг. 1922 г. и коммент. к ним.

«*Богом вы увенчаны, с дьяволом венчаны*» — о стих. «Женщины» из сб. М. С. Альтмана «Хрустальный кладезь».

...«*грезы у грозы*» — о стих. «Соловей и роза» из сб. М. С. Альтмана «Хрустальный кладезь».

14 апреля

Крученых Алексей Елисеевич (1886—1967) — поэт-футурист. О его пребывании в Баку см.: *Лаппо-Данилевский К.* Вячеслав Иванов и Алексей Крученых в споре о Ницше и Достоевском // СМР. Р. 401—412. См. о нем также дневн. от 19 февр. 1921 г.

2 мая

«...*горит восток зарею новой*» — цитата из третьей песни поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828).

5 июня

Кавроста — Кавказское отделение Российского телеграфного агентства.

12 июня

Кучук-хан — один из руководителей Гилянской республики в Иране. См. о нем далее в дневн. и в «Автобиогр.» (гл. «Персия»).

Махно Нестор Иванович (1889—1934) — политический деятель и участник гражданской войны на Украине, лидер анархического движения в 1918—1921 гг.

Раскольников Федор (псевд. Федора Федоровича Ильина; 1892—1939) — политический деятель, прозаик, драматург. С июня 1919 по июнь 1920 гг. — командующий Астраханско-Каспийской флотилией. О высадке советских войск в Персии см. в его мемуарах «Взятие Энзели» (*Раскольников Ф.* О времени и о себе: Воспоминания, письма, документы. Л., 1989. С. 421—434).

15 июня

...*казачьи казармы* — о военных частях, расквартированных в Персии до революции для охраны российской государственной собственности.

19 июня

...и *беседка, и соседка* — ср. стих. Н. А. Некрасова «Буря» (1853).

19 июля

Блюмкин Яков Григорьевич (1898—1929) — левый эсер, сотрудник ВЧК. В июле 1918 г. убил в Москве графа В. Мирбаха, дипломатического представителя Германии в России. В 1921 г. принят в ряды ВКП(б).

Савинков Борис Викторович (1879—1925) — общественно-политический деятель, публицист, прозаик; член ЦК партии эсеров. М. С. Альтманом подразумевается активная террористическая деятельность Савинкова до 1917 г. (участие в убийствах

министра внутренних дел В. К. Плеве, вел. кн. Сергея Александровича и др. покушения).

1 августа

Кучук-Мирза свергнут — о смерти Кучук-хана и предшествовавших тому обстоятельствах см. подробнее в вышеупомянутых мемуарах Ф. Раскольников «Взятие Энзели», а также в очерке В. Хлебникова «Ветка вербы» (Хлебников В. Собр. произв. Л., 1933. Т. 5. С. 146).

5 августа

Подал вчера заявление в партию — членом коммунистической партии М. С. Альтман так никогда и не стал.

27 августа

Съезд народов Востока — см. подробнее: *Первый съезд народов Востока*. Баку, 1—8 сент. 1920 г.: Стенографические отчеты. Пг.: Изд-во Коммун. Интернационала, 1920. 232 с.

5 сентября

...«великие починны» — ср. название ст. В. И. Ленина «Великий почин» (1919).

28 октября

Сиповский Василий Васильевич (1872—1930) — см. о нем в коммент. к «Разг.» от 12 янв. 1921 г. Имеются в виду издания: *Историческая хрестоматия по истории русской словесности* / Сост. В. В. Сиповский. Пб., 1905. Ч. 1—3 (12 изд. к 1918); *История русской словесности* / Сост. В. В. Сиповский. СПб., 1906—1907. Ч. 1—3 (10 изд. к 1918).

24 ноября

...*Иванов ведь хоть седьмой* — отсылка к заключительной фразе в рассказе А. П. Чехова «Жалобная книга» (1884).

25 ноября

«*Правду и поэзию моей жизни*» — о книге мемуаров Гете «Из моей жизни: Поэзия и правда» («Aus meinem Leben: Dichtung und Wahrheit», 1810—1831).

13 декабря

На лестнице, приснившейся Иакову — Быт. 28, 12.

15 декабря

Написал сонет, посвященный Иванову — о первой редакции сонета «Народов всех в тебе стихий союз...» (см. с. 11).

1921

12 января

...*свою теорию романтизма* — ср. «Разг.» от 12 янв. 1921 г.

«*Происхождение трагедии*» — о кн. Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1871).

Шестов Лев (псевд. Льва Исааковича Шварцмана; 1866—1938) — см. о нем в коммент. к «Разг.» от 27 сент. 1921 г.

16 января

«*Нет!*» — см. коммент. к «Разг.» от 10 янв. 1921 г.

...завидели костер — см. пролог к трагедии Эсхила «Агамемнон» (458 г. до н. э.); череда костров должна была донести до Клитемнестры весть о падении Трои.

25 января

Хлебников Велемир (также Велимир; 1885—1922) — см. о нем в коммент. к «Разг.» от 21 янв. 1921 г.

Он занимается сейчас «историческими ритмами» — ср. «Разг.» от 21 янв. 1921 г.

«Всех мировых в тебе стихий союз...» — о первой редакции сонета «Народов всех в тебе стихий союз...» (см. с. 11).

6 февраля

Хвала Водителю кривой моей судьбы — парафраз М. С. Альтманом начального стиха собственного сонета «Хвала всем спутникам моей судьбы...» (см. с. 11—12).

Долгов Владимир Константинович — см. о нем в «Автобиогр.» (гл. «Баку»).

...записки эти выдержаны от лица Горянчикова — в предисловии к «Запискам из Мертвого дома», стремясь к восприятию их как художественного произведения, а не собственных мемуаров, Ф. М. Достоевский характеризует Александра Петровича Горянчикова как действующее лицо и автора «Записок».

12 февраля

...«смею свое суждение иметь» — ср. реплику Молчалина в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1822—1824; 3 явл. III действ.).

...«Не иди мимо» (его же заповедь) — см. «Разг.» от 10 февр. 1921 г. и коммент. к ним.

Какие вы знаете героические моменты в Вашей жизни? — ср. опыты В. Хлебникова по предсказанию будущего в «Разг.» от 21 янв. 1921 г.

4 марта

Неделю, как уехал Вячеслав — см. об этом в «Разг.» от 25 февр. 1921 г. и восп. Л. В. Ивановой (с. 108).

И я читаю Софокла — см. коммент. к «Разг.» от 9 марта и 8 апр. 1921 г.

21 марта

Я написал три сонета об Эдипе и Сфинксе — см. цикл М. С. Альтман «Эдип и Сфинкс» (с. 322—323).

...ты — мой правый укротитель — автоцитация М. С. Альтманом 7-го стиха из сонета «Хвала всем спутникам моей судьбы...» (с. 11—12).

Тебе, Вячеслав, — вящая слава — см. «Разг.» от 20 янв. 1921 г. и коммент. к ним. Ср. также сонет М. С. Альтмана «Водой вся сушь объемлется певучей...» (с. 12).

1922

...*Елена* — призрак — имеется в виду спартанская версия мифа о похищении Елены, согласно которой в Трое находился лишь призрак Елены, а сама она во время Троянской войны оставалась у Протея. За хулу на Елену, согласно Платону («Федр», 243а), поэт Стесихор ослеп. К нему вернулось зрение, когда он сочинил покаянную палинодию в духе спартанской версии. Тот же вариант мифа избрал и Еврипид в трагедии «Елена» (412 г. до н. э.). Ср. также эпиграмму М. С. Альтмана:

ВЕРА И ЗНАНИЕ

Верил ослепший Гомер: за Елену сражались герои,
Зоркий же знал Еврипид, что ее и не было в Трое.

2.7.1975

Ну вот, издавал я тогда — библиографическое описание этой неоднократно менявшей название газеты см.: *Газеты СССР. 1917—1960: Библиографический справочник*. М., 1976. Т. 2. С. 217.

...*заря моей туманной юности* — парафраз начала стих. А. В. Кольцова «Разлука» (1840).

5 января

Приступил к критическому моему очерку о «Пере Гюнте» Ибсена — этот очерк М. С. Альтмана, как и подготовительные материалы к нему, не сохранились.

Вейнингер Отто (1880—1903) — см. о нем в коммент. к «Разг.» от 22 февр. 1921 г.

...*как в свое время к нему относился Вл. Соловьев* — см. коммент. к «Разг.» от 5 окт. 1921 г.

9 января

Томашевский Всеволод Брониславович (1891—1927) — один из организаторов Бакинского университета и его профессор, ученый-санскритолог, заместитель комиссара народного просвещения Азербайджанской ССР (1920—1925).

...*прочел ему из своего дневника* — дневн. М. С. Альтмана с записями за сент. 1921 г. утрачен.

...*по пути в Эммаус* — Лк. 24, 13—35.

«*Путь в Эммаус*» — см.: *Иванов Вяч. Cor Ardens*. М.: Скорпион, 1911. Ч. 1. С. 57.

Яблонко Борис Павлович (1882 — после 1940) — см. о нем в коммент. к «Разг.» от 8 янв. 1922 г.

Бурже Поль-Шарль-Жозеф (1852—1935) — франц. прозаик и поэт; член Франц. академии с 1894 г.

Франс Анатоль (1844—1924) — франц. прозаик; член Франц. академии с 1896 г. См. о нем «Разг.» от 10 апр. 1921 г.

13 января

...у самого Бога ощущает его язвы — евангельская аллюзия (Ин. 20, 24—29).

17 января

Харазов Георгий Артемьевич (ум. 1931?) — см. о нем в коммент. к «Разг.» от 20 июня 1921 г.

...на аналогичных примерах в письме Татьяне — соображения Г. А. Харазова об этой героине А. С. Пушкина см. в ст.: Харазов Г. Сон Татьяны: (Опыт толкования по Фрейд) // Ars. Тифлис, 1919. № 1. С. 9—20.

...поэму Андрея Белого «Первое свидание» — о кн.: Белый А. Первое свидание. Пб.: Алконост, 1921. 70 с.

...«Младенчество» — поэма В. И. Иванова «Младенчество» была написана в Риме в апр. — мае 1913 г. и завершена в Москве в авг. 1918 г. Первое изд.: Иванов Вяч. Младенчество. Пб.: Алконост, 1918. 57 с.

...«Котик Летаев» — о кн.: Белый А. Котик Летаев. Пб.: Эпоха, 1922. 292 с. Возможно, у М. С. Альтмана в руках была следующая публ.: Белый А. Котик Летаев (первая часть романа, моя жизнь) // Скифы. [Пг.], 1917. Сб. 1. С. 9—94; [Пг.], 1918. Сб. 2. С. 37—103.

«Преступление Котика Летаева» — о кн.: Белый А. Преступление Николая Летаева (Эпопея — том первый): Крещеный китаец. Гл. 1 // Записки мечтателей (Пб.: Алконост). 1921. № 4. С. 21—164.

Каменский Анатолий Павлович (1876—1941) — прозаик, драматург. Скандальную известность ему принесли эротически откровенные сцены его произведений.

...поэму об Адаме в октавах — поэма не была завершена. Ее зачин, озаглавленный «Ты первый начал», М. С. Альтман включил в машинописный сб. «Пестрый фараон» (1979) в качестве самостоятельного стихотворения.

...о Шестове, о моем счастье, о нем самом — этот отрывок дневн. М. С. Альтмана не сохранился.

Прочел я В. также место, где я укоряю его в антисемитизме — видимо, из несохранившейся части дневн. М. С. Альтмана.

Вера — о третьей жене В. И. Иванова (с 1911) Вере Константиновне, урожд. Шварсалон (1890—1920) см. подробнее в коммент. к «Разг.» от 9 февр. 1921 г.

Дима — о сыне В. И. Иванова от брака с В. К. Шварсалон, прозаике и журналисте Димитрии Вячеславовиче Иванове (р. 17 июля 1912 г.).

...имеет еврейскую кровь — о еврейском происхождении отца Веры Константиновны Шварсалон.

21 января

Ишков Леонид Александрович (1885—1927) — профессор Бакинского университета по кафедре всеобщей истории

(с 1 нояб. 1919 г.), секретарь историко-филологического факультета с 6 февр. 1920 г. и декан факультета с 23 нояб. 1920 г. Его характеристику см. в дневн. от 2 февр. 1922 г. *Новый Год, — а все седей —* из стих. Г. А. Харазова «Пупсик, или Дневник Дон-Гуана» (1922).

А «гений и злодейство — две вещи несовместные» — реплика Моцарта из II сцены в пьесе А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830).

2 февраля

Лопатинский Лев Григорьевич (1841—1922) — лингвист, этнограф. Редактор и составитель многочисленных сборников по изучению народностей Кавказа. Профессор Бакинского университета по кафедре классической филологии с 25 нояб. 1919 г.; о его смерти см. дневн. от 24 авг. 1922 г.

Печатающаяся книга его — о кн.: Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. 299 с.

Гуляев Александр Дмитриевич (1870—?) — профессор по кафедре истории философии (с 6 сент. 1920 г.), впоследствии ректор Бакинского университета. С ним, его женой Ниной Васильевной и дочерью Лидией семья Ивановых долгое время жила в соседних комнатах.

...иже не иде путями — Пс. 1, 1.

...«не судите и не судимы будете» — Мф. 7, 1; Лк. 6, 37.

Напрасно ополчился я — о неопубликованном сонете М. С. Альтмана «Георгию Харазову» (5.12.1921).

5 февраля

«*Три свидания*» — поэма В. С. Соловьева (1898), где он, по его признанию, воспроизвел «в шуточных стихах самое значительное» из происшедшего в его жизни.

...моя давняя ссора с В. из-за «Передонова» — по-видимому, В. И. Иванов выражал свою неприязнь к Г. А. Харазову (см. о нем коммент. к «Разг.» от 20 июня 1921 г.), применяя к нему имя главного героя романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1905).

...«ты божество и сам того не знаешь, я знаю, я» — неточная цитата реплики Сальери из сцены I в пьесе А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери»:

Ты, Моцарт, бог и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

8 февраля

«*Каждый человек рано или поздно попадает на свою полочку*» — в действительности эта фраза принадлежит В. Г. Белинскому, как о том вспоминал И. С. Тургенев в ст. «По поводу отцов и детей» (1868—1869): «„Всякий рано или поздно попадает на свою полочку“, — говаривал покойный Белинский» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. М.; Л., 1967. Т. XIV. С. 108*).

18 февраля

Селиханович Александр Брониславович — профессор Бакинского университета, преподаватель по кафедре педагогики с 1 нояб. 1919 г.

Только ученик Достоевского — «русский» — см. коммент. к «Разг.» от 21 янв. 1921 г.

2 марта

...прикосновение к мирам иным — ср. название одного из разделов поучений старца Зосимы «О молитве, о любви и соприкосновении мирам иным» (*Достоевский Ф. М.* «Братья Карамазовы», кн. 6, гл. 3).

8 марта

...я для нее украл туфли — ср. изложение этого эпизода Л. В. Ивановой: «...студент Моисей Альтман (будущий ученик и друг Вячеслава) стащил для меня у своей тетушки пару красных чувяков (т. к. я оказалась совсем без обуви). — „Ничего, не беспокойтесь, у нее много“» (*Иванова Л.* Восп. С. 92).

15 марта

...воля к власти — ср. название незавершенной кн. Ф. Ницше «Воля к власти» (1886—1887; впервые опубликована в 1901).

...стихотворение свое «Петух» — см. с. 324.

16 марта

Бустрофедон — способ письма, при котором первая строка пишется справа налево, вторая — слева направо, третья снова справа налево и т. д.

18 марта

Мой Бурбон мало чему научился, мало чего позабыл — ср. известную характеристику, данную Ш.-М. Талейраном французским роялистам и членам королевской семьи: «Ничего не забыли и ничему не научились».

«За то монахи в рай пошли...» — студенческая песня, авторство которой приписывается Н. М. Языкову (см.: *Языков Н. М.* Полу. собр. стих. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер. М.; Л., 1964. С. 425—426).

«Коробейники» — часть одноименной поэмы Н. А. Некрасова (1861), ставшая популярной песней. Ср. ответ В. И. Иванова на анкету К. И. Чуковского «Некрасов и мы». На первый вопрос: «Любите ли вы стихотворения Некрасова?» — он ответил: «Нет!» На второй вопрос: «Какие стихотворения Некрасова вы считаете лучшими?» — последовал ответ В. И. Иванова: «„Власа“ люблю и ценю особенно и с детства, следовательно, не за Достоевским. „Ой, полна, полна коробушка“ — удивительная песня» (*Летопись Дома литераторов.* 1921. № 3. С. 3).

4 апреля

Прочел брошюру Юрия Тынянова — о кн.: *Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь: (К теории пародии). Пг.: Опояз, 1921. 48 с.

...«страшную месть», ... нос, шинель — ср. названия повестей Н. В. Гоголя «Страшная месть» (1832), «Нос» (1835), «Шинель» (1841).

9 апреля

Пенфей в «Вакханках» — о трагедии Еврипида «Вакханки».

Аянт — о трагедии Софокла «Аякс»; В. И. Иванов произносил имя главного героя на греческий лад в противовес его латинизированной общепринятой форме.

Баал Шем (ок. 1700—1760) — краткое именование основателя хасидизма рабби Израиля б. Элизера, известного в еврейской традиции как Израиль Баал Шем Тов.

Шнеерсон — имеется в виду рабби Шнеур-Залман б. Барух из Ляд (1743—1812), основатель любавичского хасидизма (хабад), приверженцами которого были предки М. С. Альтмана.

Перец, *Ицхок Лейбуш* (1851—1915) — поэт и прозаик. Жил на территории современной Польши. Имеются в виду его рассказы, написанные по мотивам хасидского фольклора («Чубук рабби», «Перевоплощения мелодии» и др.).

23 апреля

...на «вечери» присутствовал В. — ср. описание этой трапезы в восп. Л. В. Ивановой (с. 105—106) и «Автобиогр.» М. С. Альтмана (гл. «Снова в Баку»).

...соль земли — Мф. 5, 13.

15 июля

...умер *Велемир Хлебников* — поэт скончался 28 июня 1922 г. в дер. Санталово Новгородской губернии. Этот отрывок дневн. был положен в основу мемуарного очерка М. С. Альтмана о Хлебникове, опубликованного А. Е. Парнисом в «Литературной газете» от 13 нояб. 1985 г.

И ангел протрубит конец времен — неточно: Откр. 11, 15.

«*Не вынесла душа поэта*» — цитата из стих. М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837).

В Персии туземцы звали его «урус-дервиш» — ср. в стих. В. Хлебникова «И вот зеленое ущелье Зограма...» (1921), являющемся своеобразным путевым дневн. пребывания в Персии летом 1921 г.: «Дервиш урус, дервиш, — поют они» (Хлебников В. Собр. произв. Т. 5. С. 88).

Ворон священный и дикий — из «сверхповести» В. Хлебникова «Война в мышеловке» (фрагмент 24; 1924).

18 июля

Терентьев Игорь Герасимович (1892—1941?) — поэт-футурист. В 1916—1921 гг. в Тифлисе. Ср. изложение сходных идей о сущности поэтического языка в его кн. «17 ерундовых орудий» (Тифлис, 1919).

31 августа

Меюхес — хасидский духовный раввин, см. о нем дневн. от 28 апр. 1923 г. и мемуарный очерк «Меюхес».

...Тора не хочет быть — ср. изречение рабби Цадока: «...не делай из нее [т. е. Торы] ни венца, чтоб возвеличить себя им, ни заступа, чтоб копать им» (Мишна, трактат «Пиркей Авот», гл. IV, мишна 7).

3 сентября

Агада — здесь: легенда из Талмуда.

23 сентября

Три года тому назад — М. С. Альтманом имеются в виду события, произошедшие в действительности за четыре года до того: 15 сент. 1918 г. турецкие и мусаватистские войска вошли в Баку, инициировав массовый погром армянского населения, во время которого погибло около 30 тысяч человек.

19 октября

...*Луначарский советует ему приехать в Москву* — о хлопотах наркома просвещения А. В. Луначарского по выезду В. И. Иванова за границу см. также: *Иванова Л.* Восп. С. 85—86; *Мануйлов В. О Вяч. Иванове.* С. 353—355.

2 декабря

Он написал драму «Был у Христа-младенца сад» — этот текст Г. А. Харазова утрачен.

10 декабря

Кислев — месяц еврейского календаря, приблизительно соответствующий декабрю.

Шнеур-Залман ... был выпущен на свободу — рабби Шнеур-Залман б. Барух был арестован в 1798 г. и заключен в Петропавловскую крепость по навету религиозных оппонентов. В дек. того же года он был освобожден — с тех пор хасиды отмечают этот день как религиозный праздник.

Тания (буквально значит: сказано), или *Ликутей амарим* (собрание речей) — центральное этико-богословское сочинение рабби Шнеур-Залмана из Ляд; опубликовано в 1796 г.

...*«ребины» песни* — о напевах, авторство которых традиция возводит к рабби Шнеур-Залману из Ляд.

...*святой ковчег* — оместилище свитков Торы в синагоге.

...*«от добра которого вкусили»* — цитата из послетрапезного благословения.

1923

16 января

«И бьет в кимвал Большой Иван» — из стих. В. И. Иванова «Духов день» (1906; II, 316—317).

Велькер Фридрих Готтлиб (1784—1868) — немецкий историк античности. В примечаниях к кн. «Кормчие звезды» (1903) В. И. Иванов неоднократно ссылался на труд: *Welcker F. G. Griechische Götterlehre. Göttingen, 1857—1863. Bd. 1—3.*

Паламедово дело — о мести Одиссея эвбейскому царю Паламеду, разоблачившему его хитрость, когда тот не хотел

участвовать в Троянской войне. Образ Паламеда как невинно пострадавшего героя нашел отражение у афинских трагигов V в. до н. э. (Эсхил, Софокл, Еврипид) и в «Апологии Паламеда» софиста Горгия.

17 января

...исследование о Радищеве — о кн.: Семенников В. П. Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. XVI, 468 с.

Гофман Модест Людвигович (1887—1959) — литературовед, поэт. С 1917 г. жил в Чернигове. Весной 1920 г. возвратился в Петроград, сотрудник Пушкинского Дома. В июне 1922 г. командирован во Францию. С 1926 г. невозвращенец.

Ба, все знакомые мне лица — парафраз реплики Фамусова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (14 явл. IV действ.).

26 февраля

Я написал два сонета — см. цикл М. С. Альтмана «Снотолкувание» (с. 13).

28 февраля

Энгельмайер (Энгельмейер) Петр Климентович (1855—1939) — инженер-механик и философ техники. В 1921—1924 гг. — преподаватель Бакинского политехнического института. См. о нем: Горохов В. Г. Русский инженер-механик и философ техники П. К. Энгельмейер // Вопросы истории естествознания и техники. 1990. № 4. С. 51—60.

18 мая

...«Вячеслав Великолепный» — см. коммент. к «Разг.» от 27 сент. 1922 г.

5 июня

...полное собрание сочинений Велимира Хлебникова — см.: Собрание произведений Велимира Хлебникова / Под общей ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л., 1928—1933. Т. 1—5.

...«История религий» Шантени — о кн.: Шантени де ля Соссей П.-Д. Иллюстрированная история религий. СПб., 1913. Т. 1—2.

Даша — знакомая М. С. Альтмана по Киеву.

Троцкий Сергей Витальевич — см. о нем в коммент. к «Разг.» от 13 авг. 1921 г.

9 ноября

Вопреки его заповеди — о заповеди В. И. Иванова «Не идите мимо!» см. «Разг.» от 10 февр. 1921 г. и коммент. к ним.

11 декабря

...Вячеслав сказал, что он ждет великих перемен ... от великих геологических катастроф — к дневн. М. С. Альтмана приложена газетная вырезка нач. 1920-х гг. без указания места публикации, где академик А. П. Павлов опровергает распространившиеся в советской России слухи о гибели Земли в связи с изменениями в земной коре.

1924

19 января

...Андрей Белый в «Воспоминаниях об Ал. Блоке» — см.: Белый А. Воспоминания об А. А. Блоке // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 7—122.

«С другой стороны, роль В. Иванова...» — см.: Там же. С. 71.

...его оперетту — о неопубликованном либретто оперетты «Любовь — мираж?», написанном В. И. Ивановым в 1923 — нач. 1924 гг. по пьесе А. И. Косоротова на музыку М. Е. Попова. Об истории создания и публикацию отдельных арий см.: Иванова Л. Восп. С. 114—119.

«Тантал» — об этой трагедии В. И. Иванова и о ее оценке автором см. в «Разг.» от 17 янв. 1920 г. и в коммент. к ним.

Попов Михаил Евгеньевич — композитор, профессор Бакинской консерватории, преподаватель Л. В. Ивановой, автор музыки к оперетте «Любовь — мираж?».

25 января

Глиэр Рейнгольд Морицович (1874/75—1956) — композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель. В 1911 г. положил на музыку цикл В. И. Иванова «Газэлы о розе». В 1923—1924 гг. приезжал в Баку для записи азербайджанских народных мелодий. 17 февр. 1924 г. В. И. Иванов написал посвященное Глиэру стих. «Глиэр! Семь роз твоих фарсийских...» (IV, 91).

Гальперин Михаил Петрович (псевд. Галь; 1882—1944) — поэт, драматург, переводчик.

Фридолин Петр Петрович (1876—?) — историк, профессор Бакинского университета по кафедре всеобщей истории с 29 сент. 1923 г.

Зуммер Всеволод Михайлович (1885—1970) — преподаватель Бакинского университета, с 1923 г. — заведующий кафедрой истории искусства (доцент с 5 окт. 1923 г., профессор с 20 марта 1924 г.).

8 марта

«Витийствовать пред другом не пригоже...» — см. четвертый сонет М. С. Альтмана, посвященный В. И. Иванову (с. 12).

3 апреля

Вечорка Татьяна (псевд. Татьяны Владимировны Ефимовой, в замужестве Толстой; 1892—1965) — поэт, прозаик, мемуарист. Родилась в Баку, выросла в Тифлисе. В 1919 г. переселилась в Баку, где оставалась до середины 1920-х гг. Ее дочь была крещена В. И. Ивановым. См. подробнее: Никольская Т. Л. Творческий путь Т. Вечорки // Анна Ахматова и русская культура XX века: Тезисы конференции. М., 1989. С. 89—91.

4 апреля

Когда я в первый раз увидел Иисуса Христа — ср. изложение этого эпизода в весьма измененном виде в первой гл. «Автобиогр.» М. С. Альтмана (с. 290).

25 апреля

Кармазинов — один из героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (1872), прототипом которого был И. С. Тургенев.

Гухман Мирра Моисеевна (1904—1989) — соученица М. С. Альтмана по историко-филологическому факультету Бакинского университета, впоследствии известный лингвист, специалист по истории немецкого языка. В июне 1925 защитила дипломную работу «Gott und Welt: Некоторые вопросы мирозерцания Гете». Затем переехала в Москву, сотрудник института языкознания АН, кандидат (1935), доктор (1955) филологических наук.

6 мая

Колобова Ксения Михайловна (1905/06—1977) — историк античности. В 1926 г. окончила историко-филологический факультет Бакинского университета, вскоре переехала в Ленинград. В 1930—1932 гг. аспирантка ГАИМК, затем научный сотрудник. С 1932 г. — преподаватель кафедры истории древней Греции и Рима ЛГУ. С 1937 г. — кандидат исторических наук и доцент. С 1949 г. — доктор исторических наук и профессор. В 1949—1950 гг. — декан исторического факультета ЛГУ. В 1958—1970 гг. заведовала кафедрой истории древней Греции и Рима. В семье потомков К. М. Колобовой в Петербурге хранится экземпляр сб. М. С. Альтмана «Хрустальный кладезь» (1920) с дарственной надписью автора: «Ксении, осенившей мою душу несказанными предчувствиями и неповторяемой грустью, от Моисея. Баку, 9/V 24 г.»

...Вы, М. С., были хороводом — т. е. водителем хора. В. И. Иванов уподобляет М. С. Альтмана корифею староаттической комедии, а К. М. Колобову и П. П. Штейнпрейса — ее хору.

13 мая

В. едет в Москву — ср. описание отъезда В. И. Иванова на Пушкинские торжества, состоявшегося 28 мая 1924 г., в мемуарах его дочери и В. А. Мануйлова (*Иванова Л. Восп.* С. 119—121; *Мануйлов В. О Вяч. Иванове.* С. 353—354).

11 октября

Умер Брюсов — В. Я. Брюсов скончался в Москве 9 окт. 1924 г.

Вот и о Мережковском сведения — слухи о самоубийстве Д. С. Мережковского были ложными.

ЗАПИСЬ О ВЫСТУПЛЕНИИ ВЯЧ. ИВ. ИВАНОВА

Впервые опубликовано в ст.: *Лаппо-Данилевский К.* Вячеслав Иванов и Алексей Крученых в споре о Ницше и Достоевском // *СМР.* Р. 408—410. Выступление было записано, по-видимому, соучеником М. С. Альтмана по Бакинскому университету Н. Нечаевым. Копия этого текста, сделанная М. С.

Альтманом для В. И. Иванова, сохранилась в РГБ (ф. 109, карт. 5, № 29, л. 1—2 об.). Это, несомненно, запись диспута, о котором газета «Бакинский рабочий» сообщала своим читателям 11 мая 1921 г. Общую характеристику взаимоотношений А. Е. Крученых и В. И. Иванова, а также обзор событий, предшествовавших их спору, см. в статье, предваряющей первую публикацию. Упомянутый в рукописи Судаков — лицо неустановленное.

В. И. ИВАНОВ
ПИСЬМО В. М. ЖИРМУНСКОМУ
ОТ 16 ИЮНЯ 1924 г.

Письмо В. И. Иванова к выдающемуся литературоведу В. М. Жирмунскому (1891—1971) публикуется нами по автографу, хранящемуся ныне в Пушкинском Доме (Р. I, оп. 11, № 54, л. 1—1 об.). Знакомство корреспондентов, видимо, следует датировать началом 1910-х гг. Известно, что 1 апр. 1910 г. В. М. Жирмунский, тогда студент историко-филологического факультета Петербургского университета, участвовал в обсуждении доклада В. И. Иванова в «Обществе ревнителей художественного слова» — его фамилия крайне неточно записана В. И. Ивановым, она была ему явно незнакома (см. подробнее: *Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова) // Русская литература. 1990. № 1. С. 200—207*). 21 ноября 1910 г. В. М. Жирмунский послал В. И. Иванову, письмо, приложив к нему свои юношеские стихотворения (РГБ, ф. 109, оп. 1, карт. 18, № 49), что, думаю, привело к более близкому знакомству. Во всяком случае В. И. Иванов неизменно высоко ставил книгу В. М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (СПб., 1914), неоднократно цитировал ее и упоминал в своих позднейших печатных выступлениях. Об обстоятельствах, предшествовавших написанию письма, см. в дневн. М. С. Альтмана за 1924 г. Письмо В. И. Иванова сыграло, видимо, благотворную роль в судьбе его «мятежного ученика» — возможно, не без поддержки В. М. Жирмунского он поступил в 1925 г. в аспирантуру Института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока в Ленинграде.

При публикации мы, увы, вынуждены отказаться от полного воспроизведения орфографии В. И. Иванова, ибо поэт был верен нормам дореволюционного правописания, отступив от него лишь в одном — он перестал употреблять твердый знак в конце слов, оканчивающихся на согласные. Таким образом,

принципы, провозглашенные в его статье «Наш язык» (1918), к 1924 г. не были им пересмотрены.

...защищал ... работу «Дремлющие мифы в „Илиаде“ Гомера» — ср. указание на защиту диплома М. С. Альтманом в 1923 г. в университетских отчетах: «Альтман Элья Мовша „Дремлющие мифы в „Илиаде“» (Известия Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина. Обществ. науки. Баку, 1925. Т. 4—5. С. 331). Интерес М. С. Альтмана к Гомеру нашел отражение в его последующих работах и главным образом в диссертации, изданной позднее отдельной книгой, см.: Альтман М. С. Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера. Л., 1936.

Формальный метод — основные материалы об отношении В. И. Иванова к формальному методу суммированы в ст.: Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю. Вячеслав Иванов и формальный метод: (материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1. С. 180—187.

Сам я уезжаю на год — в действительности пребывание в Италии продлилось до самой смерти В. И. Иванова (Рим, 16 июля 1949 г.). В течение нескольких лет после отъезда из Москвы, состоявшегося 28 авг. 1924 г., он получал жалование из советской России как командированный в Италию для научных изысканий. До 1936 г. В. И. Иванов сохранял советское гражданство и воздерживался от публикаций в периодике русской эмиграции.

В Баку напечатал я монографию — о кн.: Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. Подробнее см. «Разг.» от 15 июня 1921 г. и коммент. к нему, а также дневн. от 2 февр. 1922 г.

М. С. АЛЬТМАН

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

В обширном архиве М. С. Альтмана особое место занимает его автобиографическая проза. Мысль о связном жизнеописании возникла в 1970-е гг. — он делает в это время в тонких школьных тетрадках три автобиографических наброска о своем детстве («Бабушка Сарра», «Подготовка к гимназии», «Меюхес»). Их тематика в несколько измененном виде затем нашла отражение в двух вариантах его автобиографии. Повидимому, М. С. Альтман сначала стремился восполнить утрату дневников, которые вел с отрочества (уничтожены в 1919), однако вскоре автор настолько увлекся своим трудом, что решил запечатлеть также события 1920-х гг. В сущности, М. С. Альтман коснулся в автобиографии самых ярких страниц своей жизни (детство, революция, учеба у В. И. Иванова, встречи с В. Хлебниковым и т. д.), поэтому, может быть, когда ему предстояло

обратиться к описанию своей академической деятельности и общей атмосферы 1930-х гг., он остановился на полуслове.

Мемуарная проза М. С. Альтмана представляет собой весьма своеобразное явление, сохраняя связь с его устными рассказами и анекдотами о прошлом, которыми он щедро потчевал знакомых и друзей многие годы. Необычайно высокая оценка своих дарований, свойственная М. С. Альтману в продолжение всей жизни, во многом определила форму его воспоминаний. Только при знании этого аспекта становятся понятны некоторые аксиологические смещения, в силу которых приятелю молодости Френкелю уделено больше внимания, чем В. И. Иванову. Характер изложения стал также причиной ряда неточностей — например, в высшей степени настороженное отношение должен вызвать рассказ М. С. Альтмана о том, что родители В. И. Иванова были против посещения какого-то семейного праздника их невесткой. Напомним, что ко времени первой женитьбы В. И. Иванова (май 1886) его отца, Ивана Тихоновича Иванова (1816—1871), не было в живых; достоверно известно лишь о противодействии, которое вызвала женитьба на Дарье Михайловне Дмитриевской (1864—1933) со стороны матери поэта.

Для данной публикации выбран расширенный вариант «Автобиографии» и два мемуарных наброска, что позволяет избежать повторений и предложить вниманию читателей наиболее репрезентативную часть автобиографической прозы М. С. Альтмана.

I. АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в местечке Улле — местечко Улла расположено на берегу Западной Двины при впадении в нее р. Уллы. По современному административному делению — в Лепельском районе Витебской области Белоруссии. По переписи 1897 г., в Улле проживало примерно 2500 человек, из них 1600 — евреи (см.: *Россия: Полное географическое описание нашего Отечества* / Под ред. П. П. Семенова. СПб., 1905. Т. 9. С. 461).

...в июне 1896 года — точная дата рождения М. С. Альтмана — 4 (17) июня 1896 г. Его отец Семен Моисеевич (1871—1944) был бухгалтером; мать Елизавета Рафаиловна (1873—1961) — домашней хозяйкой. В семье было пятеро детей.

Июнь — стих. «Июнь» было, по всей видимости, написано в конце 1970-х гг. и входило в незавершенный цикл, посвященный различным месяцам годового круга. В стихотворные машинописные сборники не включалось.

Король родился в Фуле — парафраз начального стиха баллады Гете «Фульский король» (1774). Это стих. под названием «Исправьте!» (29.3.1969) входит в машинописный сб. «Пестрый фараон» (1979).

А служил я в Туле — пребывание в Туле связано с преподаванием на кафедре русской и зарубежной литературы Тульского государственного пединститута, профессором которой М. С. Альтман стал 1 сент. 1956 г. и откуда уволен 15 июля 1959 г.

Ульский умелец — стих. М. С. Альтмана «Ульский умелец» (27.5.1971) входит в сб. «Пестрый фараон», где также имеется следующий его вариант:

Остер и тонок, как игла,
Я с тульским сходствую левшой,
Что мастер, может, и большой,
Да лишь на малые дела.

Рожден на берегу Улянки — начальное четверостишие сонета «Влаговещание» (7.6.1959).

Двум пророкам — двум! — одноименник — третий сонет из цикла М. С. Альтмана «Семантика имен» (2.09.1963). Входит в машинописный сб. «Неумирающий лебедь» (1978).

...в стихотворении Вяч. Иванова, мне посвященном — о сонете В. И. Иванова «Эли-Мойше, ты с эллином был эллин...» (см. с. 10).

...мой двоюродный брат Давид — речь идет о двоюродном брате со стороны матери Давиде Аронсоне, впоследствии главе иешивы в Лос-Анджелесе, о котором есть следующий пассаж в кратком варианте «Автобиографии»: «Кстати сказать, этот Давид, мой кузен, ныне знаменитый раввин в Лос-Анджелесе в Америке, доктор теологических наук. Однажды, когда я ему по-русски (язык, который он уже с детства хорошо знал) [написал] письмо, то получил ответ: „Почему ты пишешь по-русски: евреи пишут по-еврейски, джентльмены — по-английски“. На том наша переписка и кончилась».

Лет через 50, будучи в Америке — поездка М. С. Альтмана в Америку и Италию состоялась в первой половине 1970 г.

...скорое пришествие Мессии — ср. другую версию этого эпизода в дневн. от 4 апр. 1924 г.

...в нашей хасидской синагоге — в XVIII столетии в иудаизме возникло мощное мистическое движение — хасидизм. Еврейская община Уллы была привержена одному из его направлений — любавичскому хасидизму (хабад). О понимании М. С. Альтманом сущности хасидизма см. в дневн. от 10 дек. 1921 г. и в мемуарном отрывке «Бабушка Сарра».

Миснагид — сторонник ортодоксального нехасидского иудаизма. О противоречиях между хасидами и миснагидами см. подробнее: *Очерк истории еврейского народа* / Под ред. Ш. Эттингера. Иерусалим, 1979. Т. 2. С. 447—461.

Друя — город на Западной Двине, в Белоруссии, на границе с Латвией.

Морейно Любовь Григорьевна (1898—1976) — жена М. С. Альтмана, банковский работник.

...«Человеку и пароходу» — о стих. В. В. Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» (1926).

...*ученику-татарину* — до революции азербайджанцев называли кавказскими татарами. *Зутнер* Берта, фон (1843—1914) — австрийская писательница-пацифистка, популярная в дореволюционной России.

...*удалось добиться моего перевода на медицинский* — М. С. Альтман поступил на медицинский факультет Киевского университета в 1915 г.

Стефанис Феликс Адольфович (1865—1917) — патологоанатом, преподаватель Киевского университета.

Раубер Август (1841—1917) — известный анатом, профессор Юрьевского, а затем Киевского университета.

...*официальной газеты* — см. дневн. от 2 янв. 1922 г. и коммент. к нему.

Семенников Владимир Петрович (1885—1936) — библиограф, историк литературы XVIII—XX веков, археограф. См. о нем также в дневн. от 19 марта 1920 г.

Слѣзкин Юрий Львович (1885—1947) — русский советский писатель. См. о нем также дневн. от 19 марта 1920 г.

...*я этого не захотел и решил поехать в Баку* — приезд М. С. Альтмана в Баку, как явствует из его дневн., состоялся в дек. 1919 г.

...*сборник стародавних своих стихов* — о кн.: *Альтман М.* Хрустальный кладезь. Баку, 1920. Предисловие автора помечено 25 марта 1920 г.

...*в Баку пришла армия большевиков* — Красная армия заняла Баку 28 апр. 1920 г.

...*я написал... статью* — см.: *Альтман М.* Помни день субботний // Коммунист. 1920. 6 июня.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, о его знакомстве с В. И. Ивановым и М. С. Альтманом см. в коммент. к «Разг.» от 20 сент. 1921 г. и в дневн. от 11 янв., 27 февр. и 11 апр. 1920 г.

Крученных Алексей Елисеевич (1886—1967) — см. о нем в коммент. к дневн. от 14 апр. 1920 г.

Хлебников Велемир (также Велимир; 1885—1922) — о нем и его-пребывании в Баку см. в коммент. к «Разг.» от 21 янв. 1921 г., а также дневн. от 25 янв. 1921 г.

Захотелось Хлебникову поехать в Персию — пребывание поэта в Персии длилось с середины апр. по июнь 1921 г. (см.: *Степанов Н. Л.* Велемир Хлебников: Жизнь и творчество. М., 1975. С. 201—209).

Вскоре в Персию поехал и я — отъезд М. С. Альтмана в Иран состоялся 1 июня 1920 г. О его пребывании в Гилянкой

республике (существовала с 5 июня 1920 г. по 2 нояб. 1921 г.) см. в дневн. с 5 июня по 27 авг. 1921 г.

А Россия тогда воевала — о советско-польской войне в апр. — окт. 1920 г. Военные действия против Германии к тому времени уже были завершены.

Кучук (Кучек)-хан — об этом руководителе Гилянской республики см. в дневн. от 1 авг. 1920 г. и в коммент. к нему.

...мы отправились в Баку — М. С. Альтман выехал из Персии 27 авг. 1920 г.

А в Баку в это время подготовлялся съезд Народов Востока — см. подробнее: *Первый съезд народов Востока*. Баку, 1—8 сент. 1920 г.: Стенографические отчеты. Баку, 1—8 сент. 1920.

Давиденков Сергей Николаевич (1880—1961) — невропатолог. В 1921—1923 гг. — ректор Бакинского университета.

Сиповский Василий Васильевич (1872—1930) — см. о нем в коммент. к «Разг.» от 12 янв. 1921 г.

Маковельский Александр Осипович (1884—1969) — историк античной философии. Имеется в виду его кн.: *Досократики: Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований / Историко-критический обзор и перевод фрагментов досократического и биографического материала А. Маковельского*, приват-доцента Киевского университета. Казань, 1914. Ч. 1—3.

Томашевский Всеволод Брониславович (1891—1927) — см. о нем дневн. от 9 янв. 1922 г. и коммент. к нему.

Гуляев Александр Дмитриевич (1870—?) — см. о нем дневн. от 2 февр. 1922 г. и коммент. к нему.

Лопатинский Лев Григорьевич (1841—1922) — см. о нем дневн. от 2 февр. и 24 авг. 1922 г. и коммент. к нему.

Скоро в Баку приехал и поэт-ученый Вячеслав Иванов — о первой встрече его с М. С. Альтманом см. дневн. от 24 нояб. 1920 г.

Я был аспирантом при Сиповском — о научном руководстве в первые месяцы студенчества. Ср. дневн. от 28 окт. 1920 г.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт-символист; описываемое знакомство с ним М. С. Альтмана состоялось, видимо, в 1914—1915 гг., во время одного из наездов Бальмонта в Баку.

...часть из них я много лет спустя опубликовал — см.: Альтман М. С. Из бесед с поэтом В. И. Ивановым (Баку, 1921 г.) / Примеч. М. Э. Коор // УЗ ТГУ. С. 304—325.

Один стремится юноша на ловлю — М. С. Альтман цитирует 3—6 стихи сонета В. И. Иванова «Я с младостью живой не разноречу...» (см. с. 10).

А мои занятия по античной литературе... продолжались — упоминаемые ниже научные сочинения М. С. Альтмана были впоследствии опубликованы. См.: *Техника виноделия в Древней Греции* // Известия Академии материальной культуры. 1935.

Вып. 108; Античная мельничная песня // Советский фольклор. 1936. № 4; К поэтике Гомера // Язык и литература. Л., 1929. Т. IV.

Харазов Георгий Артемьевич (ум. 1931?) — поэт, математик; см. о нем подробнее в коммент. к «Разг.» от 17 сент. 1921 г.

«*Moi, je ne suis pas marxiste*» — эпитафия к кн.: *Харазов Г. А.* Введение в теоретическую политическую экономию: Лекции, читанные на Экономическом факультете А. П. И. в 1923—1924 ак. году. Баку, 1924.

Зуммер Всеволод Брониславович (1885—1970) — см. о нем в коммент. к дневн. от 25 янв. 1924 г.

Март Николай Яковлевич (1864/65—1934) — советский востоковед и лингвист, академик с 1912 г.

Струве Василий Васильевич (1889—1965) — советский востоковед, академик с 1935 г.

Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — советский историк и государственный деятель, академик с 1929 г., заместитель наркома просвещения, руководитель Комакадемии и Института красной профессуры.

Щерба Лев Владимирович (1880—1944) — советский языковед, академик с 1943 г. Глава ленинградской фонологической школы.

II. БАБУШКА САППА

Написано в конце 1970-х гг. см. также «Автобиогр.» (гл. первая).

III. МЕЮХЕС

Написано в конце 1970-х гг. О Меюхесе см. также в дневн. от 31 авг. 1922 г. и 28 апр. 1923 г., «Автобиогр.» (гл. «Снова в Баку»), а также коммент. к ним.

МОИСЕЙ АЛЬТМАН СТИХИ

Из обширного, пестрого и неравноценного поэтического наследия М. С. Альтмана нами отобраны в первую очередь его произведения, упоминаемые в «Разговорах с Вячеславом Ивановым» и тем важные для их понимания, а также то, что, на наш взгляд, по своим художественным достоинствам заслуживает внимания современного читателя. В конце жизни стихи были объединены автором в два сборника: «Неумирающий лебедь» (1978) и «Пестрый фараон» (1979). Сонеты первого из них были по большей части опубликованы по печению И. А. Мамонтова в кн.: US.

Хронологический принцип по ряду причин оказался неприемлем, поэтому при составлении данного раздела был избран принцип сюжетно-тематический. Из сб. «Пестрый фараон» были выделены для отдельной рубрики эпитафии — жанр, в котором М. С. Альтман порой был особенно удачлив и умел. Малые поэтические формы читатель найдет также в составе прозаических текстов книги и в комментариях к ним. Открывает раздел сонет «Неумирающий лебедь»; он был написан во время пребывания в сталинских лагерях и является декларацией поэтического кредо М. С.

Альтмана.

Полноценное восприятие публикуемых стихов, на наш взгляд, вполне возможно без исчерпывающего текстологического, исторического и реального комментария. Укажем лишь, что в них неоднократно упоминается «улица всеисцелителя Пантелеймона», именно здесь, в Ленинграде на улице Пестеля (ранее — Пантелеймоновская, названа по храму Св. Пантелеймона), д. 12-15, кв. 27 с 1928-го по 1986 гг. с некоторыми перерывами жил М. С. Альтман.

К. Ю. Лапто-Данилевский

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абеляр П. 156
Агриппа Неттесгеймский 138—139
Адамович Г. В. 145
Азадовский К. М. 120, 170, 204
Айхенвальд Ю. И. 334
Александр Македонский 72
Али, халиф 199
Алкивиад 56, 163
Альтман Лия (Е. Р.), мать М. С. Альтмана 244, 246, 288, 310, 328, 354
Альтман Р. С, брат М. С. Альтмана 254
Альтман С. М., отец М. С. Альтмана 246, 274, 287—288, 328, 354
Альтман С. С, сестра М. С. Альтмана, 109
Алявдин А. И., 194
Амфитеатров А. В., 161
Анакреон 91, 198
Анаксимандр 160
Анаксимен 160
Андреев Л. Н. 27
Андроник Луций 21, 134
Аникст А. А., 188
Анненков Ю. П. 188
Анненский И. Ф. 196—197
Анциферов Н. П. 194
Аполлodor 164
Аполлоний Родосский 164
Арий 132
Аристотель 45
Аристофан 22, 44, 135, 152
Аронсон Д. 289—290, 355
Арриан 175
Арсеньев К. К. 203
Артюшков А. В. 135
Асеев Н. А. 144
Атропат 123
Ахматова А. А. 6, 90, 115, 184, 196—197
- Баал Шем Тов 255, 347
Бабанов И. Е. 188
Багрий А. В. 262

Баделин В. И. 143
Байбаков Е. И. 29, 141
Байрон Дж. 30, 95, 103, 200
Балагин А. С. 214, 339
Бальмонт К. Д. 23—24, 32, 40, 50—51, 53, 62, 66—67, 82, 96, 115, 136, 142—143, 157—158, 166, 169—170, 190, 200—202, 310—312, 357
Балонов Ф. Р. 185
Баратынский Е. А. 51, 62, 159, 183
Барбюс А. 168
Барт Ф. Г. де ла 132
Батюшков Ф. Д. 132
Бахофен И. Я. 208
Бахтин В. В. 194
Белинский В. Г. 28, 66, 132, 143, 345
Белый Андрей 17—18, 25—26, 28, 50, 80, 84—85, 87, 102—103, 130, 137—139, 161, 191—192, 201, 203, 206—207, 240—242, 246, 271, 344, 350
Бенедикт Нурсийский 175
Берг Б. О. 184
Бердяев Н. А. 120, 128—129
Блинов В. 172
Блок А. А. 15, 25—27, 50—51, 75, 78—79, 91, 111, 127, 129, 137—138, 187—188, 195—196, 203, 271, 279, 350
Блок Г. П. 204
Блюмкин Я. Г. 222, 340
Боборыкин П. Д. 132
Богомолов Н. А. 120, 184
Бодлер Ш. 49, 96, 155, 201
Бородаевский В. В. 74, 182
Бородаевский Д. В. 74
Брандес Г. 43, 151
Брюсов В. Я. 15, 18, 25—27, 37—38, 50—51, 66, 68, 75—76, 89, 96, 111, 113, 130, 136—138, 147—148, 151, 158, 161, 185—186, 194, 201, 203, 279, 325, 351
Булгаков С. Н. 112, 114, 187
Бурже П. 239, 343
Бухарин Н. И. 273
Бухмейер К. К. 346
Бухштаб Б. Я. 204
Бялик Х. Н. 52, 114, 158

Вагнер Р. 44, 152, 172
Ванеев А. А. 6

Вахтель М. 121, 141, 184, 200—201
Вейнингер О. 55, 113, 160—161, 237, 247, 343
Велькер Ф. Г. 265, 348
Венгеров С. А. 200
Венгерова З. А. 129
Верховский Ю. Н. 74, 183
Веселовский А. А. 132
Вечорка Т. 144—145, 273—274, 350
Виардо П. 31
Виламовиц-Мёллендорф У. 180
Вилъе де Лиль Адан Ф. 97, 203—204
Вильмонт Н. Н. 199
Виноградов А. А. 182
Виноградов П. Г. 31, 141—142
Волохова Н. Н. 138

Волошин М. А. 90, 110, 196—197, 206, 324—325
Вольтер 65, 231
Вяземский П. А. 172

Галеви Д. 152
Гальперин М. П. 273, 350
Ганзен А. В. 172
Ганзен П. Г. 172
Гаспаров М. Л. 159
Гауптман Г. 163
Гейне Г. 28, 288
Геллий Авл 134
Гёльдерлин Ф. 207
Георгиевский Г. П. 189
Гераклит 87—88, 192
Геродот 238, 242, 259
Герцык Е. К. 165, 191—192
Гершензон М. О. 73, 102, 158, 176, 206
Гете И. В. 5, 19, 30, 34—36, 39, 54, 69, 79, 89, 92, 95, 103, 112—113, 121, 131, 145—146, 159, 162, 174, 180, 188, 199—200, 207, 227—229, 232, 237, 341, 351, 354
Гиппиус З. Н. 63, 161, 168
Глиэр Р. М. 273, 350
Гнедич Н. И. 19, 63, 130—131, 146, 167
Гнедич Т. Г. 200
Гоголь Н. В. 41, 97, 135, 186, 254, 346—347
Голенищев-Кутузов И. Н. 163
Головин А. Я. 196
Гомер 19—20, 23, 53, 63, 101, 107, 111, 123, 131, 135, 153, 159, 167, 236, 240, 259, 284—285, 311, 314, 333, 343, 353, 358
Гончарова Н. С. 50
Гораций 21, 135, 228—229
Горгий 349
Городецкий С. М. 77, 90, 129, 138, 195—196, 214—215, 217, 304, 339, 356
Горохов В. Г. 349
Горький Максим 168, 174, 180
Гофман М. Л. 200, 266, 349
Гофман Э. Т. А. 97
Грабарь И. Э. 176
Гревс И. М. 65, 89, 116, 128, 168, 194
Гречишкин С. С. 138, 177
Грибоедов А. С. 223, 342, 349

Грузинский А. Е. 167
Гуго из Сен-Виктора 160
Гуляев А. Д. 245, 253, 266, 309, 345, 357
Гуляева Л. А. 245, 253, 345
Гуляева Н. В. 253, 345
Гумбольдт В. фон 131
Гумилев Н. С. 89—91, 190, 193—197
Гусейн см. Хусейн
Гухман М. М. 275, 351
Гюго В. 28, 98, 125, 205

Давиденков С. Н. 309, 357
Давыдов З. Д. 110, 197
Данте 15, 49, 54—55, 65, 160, 163, 228—229
Дар Д. Я. 334
Дарий III. 123
Деген Ю. Е. 125
Дельвиг А. А. 183
Демосфен 72
Деникин А. И. 214—215, 304
Державин Г. Р. 174
Диодор 175
Дионисий Сиракузский 152
Дмитриева Е. И. 196—197
Дмитриевская (Дмитревская) Д. М. 48, 96, 128, 154—155, 201—202, 313, 354
Дмитриевский (Дмитревский) А. М. 48, 154—155
Добиаш-Рождественская О. А. 194
Добролюбов Н. А. 28
Довгалло Г. И. 189
Долгов В. К. 232, 295, 342
Достоевская (урожд. Сниткина) А. Г. 35, 146, 160
Достоевская М. Д. см. Исаева М. Д.
Достоевский Ф. М. 15, 27—29, 32, 35, 41, 51—52, 54—56, 65—66, 77, 79—80, 92, 112—113, 122, 124, 141, 143, 145—146, 148, 150—151, 153, 156—158, 160, 180, 189, 198, 202, 209, 227—229, 232—233, 247—248, 254—255, 275, 280—283, 310, 340, 342, 346, 351
Доу Дж. 26
Дубровский Н. А. 71, 175
Дьяконова Е. М. 170
Дымшиц В. А. 121

Еврипид 51, 152, 180, 208, 254, 343, 347, 349
Екатерина II 21

Евсевий Кесарийский 172

Ельчанинов А. Е. 112

Емец Т. М. 267—268, 339

Есенин С. А. 15, 79

Жирмунский В. М. 95, 120, 200, 284—285, 352

Жуковский В. А. 19—20, 36, 63, 160, 167, 172

Журбенко А. 167

Завьялов С. А. 121

Зайковская Н. А. 267, 339

Зайцев А. И. 121

Замятина М. М. 86, 191
Зелинский Ф. Ф. 63, 74, 163—164, 166—167, 180, 182, 234
Зенкевич М. А. 196
Зиновьев Г. Е. 90, 197—198, 273
Зиновьева-Аннибал Л. Д. 16, 20, 25—28, 48, 56, 66, 73, 78, 86, 100, 114, 127—129, 138, 150, 154—155, 161—163, 191, 195, 205—206, 231, 235, 249
Зноско-Боровский Е. А. 184, 196—197
Зуммер В. М. 178—179, 273, 313, 350, 358
Зуммер М. М. 179
Зутнер Б. фон 294, 356
Ибсен Г. 70, 92, 174, 199, 237, 240, 247, 343
Иванов А. А. 47, 153
Иванов Д. В. 72—73, 110, 115—116, 120, 126, 149, 163, 175, 205, 242, 249, 256, 309, 344
Иванов И. Т. 77, 103—104, 207, 313, 354
Иванова А. В. 48, 155
Иванова (урожд. Преображенская) А. Д. 77, 103, 187, 313, 354
Иванова (урожд. Шварсалон) В. К. 13, 48, 72—76, 78, 114—115, 124, 154, 175, 182—183, 205, 242, 249
Иванова Д. М. см. Дмитриевская Д. М.
Иванова Л. В. 40, 73, 104, 107—108, 110, 115—116, 120, 125—126, 145, 150—151, 163, 171, 175, 178—179, 182—184, 196, 199, 205, 210, 235, 238—239, 242—243, 246—247, 249—251, 254, 257, 268, 278, 309—310, 313, 342, 344, 346—348, 350—351, 358
Ивановский В. Н. 99, 205—206
Ивнев Рюрик 79, 188
Измайлов А. А. 161
Исаева (урожд. Констант) М. Д. 35, 146, 160
Ишков Л. А. 243—245, 253, 344—345
Каблуков С. П. 165
Каганович Б. С. 194
Кальдерон П. 183, 201
Каменский А. П. 242, 344
Кант И. 31
Карсавин Л. П. 6, 194
Кафитин Ф. 213, 339
Клейст Г. фон 125
Клит 72, 175
Клюев Н. А. 79
Ковалевский М. М. 125
Коган Ф. И. 137, 158, 203
Кожевников В. А. 80, 117, 189—190
Колобова К. М. 125, 173, 180, 276—278, 351

Колчак А. В. 214
Кольцов А. В. 343
Комарова К. Г. 299—300
Комарова Р. М. 299—300
Коневской Иван 41, 150—151
Константин Великий 172
Конт О. 61, 166
Констант М. Д. см. Исаева М. Д.
Коор М. Э. 110—111, 176, 357
Косоротов А. И. 350
Котрелев Н. В. 112, 119, 125, 141, 171, 183, 202
Краевский А. А. 172
Крученых А. Е. 112, 125, 145, 218, 234, 250, 280—283, 304, 340, 351—352, 356
Ксенофонт 43, 152
Кудрявцев В. Б. 121
Кузмин М. А. 74, 177, 184—185, 196—197
Кузнецова О. А. 121, 352
Кумпан К. А. 121
Куприяновский П. В. 143
Купченко В. П. 110, 197
Кучук-хан 220, 222—223, 307, 340—341, 357

Лавров А. В. 121, 138, 169, 177, 183
Лаппо-Данилевский К. Ю. 112, 340, 351
Ларионов М. Ф. 50, 157
Леви-Строс К. 164
Ленин В. И. 117, 174, 216, 261, 272—273, 300, 341
Леонардо да Винчи 49, 51, 56, 155
Леонтьев К. Н. 182
Лермонтов М. Ю. 28, 91—92, 97, 142, 198, 237, 241, 273, 347
Лернер Н. О. 151
Лесман М. С. 183
Лессинг Г. Э. 21, 134
Лившиц Б. К. 156
Лихачев Д. С. 187
Ломоносов М. В. 17
Лопатинский Л. Г. 244, 259—260, 309, 345, 357
Лосев А. Ф. 187
Лукницкая В. К. 197
Лукницкий П. Н. 197
Лукреций 192

Луначарский А. В. 114, 262, 273, 348

Майков А. Н. 28, 89, 140

Маковельский А. О. 112, 266, 269, 309, 357

Маковский С. К. 196

Мальмстад Дж. 207

Мамонтов И. А. 110, 358

Манасеина Н. И. 129

Мандельштам Н. Я. 172
Мандельштам О. Э. 69, 132, 172, 196
Мануйлов В. А. 119, 125, 132, 148, 177, 180, 185, 339, 348, 351
Мариенгоф А. Б. 79, 149
Марр Н. Я. 314—315, 358
Мартынов И. Ф. 193
Марцадури М. 173
Махно Н. И. 220, 340
Маяковский В. В. 157, 293, 356
Мейерхольд В. Э. 74, 183—184
Мережковский Д. С. 63, 66, 76, 81, 155, 167—168, 186, 189—190, 209, 217, 279, 339, 351
Меркурьева В. А. 159
Метелл Квинт 22, 134
Меюхес, раввин 118, 260, 268, 313—314, 319—320, 347, 358
Микеланджело 51, 91
Миллиор Е. А. 125, 180—181
Минский Н. М. 19, 63, 130, 174
Минц З. Г. 109, 111
Минцлова А. Р. 177, 206
Мирбах В. 222, 340
Мольер Ж. Б. 74, 184
Моммзен Т. 30—31, 141
Мопассан Г. де 97, 125
Морейно Л. Г. 293, 356
Морозов А. А. 172
Муравьев С. Н. 192

Нарбут В. И. 196
Невий Гней 21—22, 134
Некрасов Н. А. 25, 27, 136, 158, 160, 253, 340, 346
Нечаев Н. 351
Никольская Т. Л. 138, 173, 350
Никольский Б. В. 140
Ницше Ф. 15, 26, 28—30, 40, 43—44, 51, 66, 70, 85, 89, 96, 104, 112—113, 139, 147, 151—152, 157, 164, 168—169, 174—175, 201, 204, 207—208, 230, 237, 280—283, 340—341, 346, 351
Новалис 95, 121, 199, 206
Нувель В. Ф. 138

Обатнин Г. В. 121, 163, 165, 353
Овидий 40, 150
Одоевский В. Ф. 172
Осповат А. Л. 204

Отгокар Н. П. 194
Павлов А. П. 349
Павлова М. М. 205
Палладио А. 176
Панова В. Ф. 334
Парнис А. Е. 156, 347
Паскаль Б. 149
Пастернак Б. Л. 146, 162, 173
Пастернак Е. Б. 173
Певзнер М. 275, 339
Перельгина А. В. 139, 175, 208
Перец И. Л. 255, 347
Петерсон Н. П. 80, 189—190
Петлюра С. В. 300, 304
Пешкова Е. П. 180
Пинес Д. М. 184
Пиндар 202
Плавт 21, 134—135
Платон 23, 44—45, 135, 150, 152, 163, 189, 231, 246, 253, 343
Плетнев П. А. 172
Плеханов Г. В. 158
Плутарх 175
По Э. 67, 96, 170, 201
Покровский М. Н. 314, 358
Полонский Л. А. 203
Полонский Я. П. 89
Попов Г. К. 89, 194
Попов М. Е. 179, 272, 350
Постоутенко К. Ю. 353
Пратин из Флиунта 152
Преображенская А. Д. см. Иванова А. Д.
Проскурина В. Ю. 176
Пушкин А. С. 15, 18—19, 24, 26, 36—37, 40, 51—52, 56, 68, 77, 92, 97, 138, 142, 146, 149—150, 158, 170, 171—174, 198, 201, 228, 231, 237, 241, 278, 324, 333—334, 340, 344—345
Пыпин А. Н. 203
Пяст Вл. 184
Радищев А. Н. 266, 312, 349
Раскольников Ф. Ф. 220, 340—341
Раубер А. 299, 356
Рафаэль 51

Рачинский Г. А. 38, 73, 147, 176
РаШИ 185
Ремизов А. М. 129
Ренъе А. де 125
Ретиф де ла Бретонн Н. Э. 125
Розанов В. В. 81, 189
Роллан Р. 63—65, 114, 168
Ромм А. Г. 173
Рудич В. А. 121
Сабашников М. В. 68, 126, 155, 171
Сабашников С. В. 68, 126, 155
Сабашникова М. В. 163, 206
Савинков Б. В. 222, 340
Сарра, бабушка М. С. Альтмана 288—292, 315—318, 358
Светоний 134
Северянин Игорь 22, 24, 136
Селиванов В. В. 173
Селиханович А. Б. 247—248, 253, 270, 346
Семенников В. П. 216—217, 266, 301, 339, 349, 356
Семенникова Е. Ф. 301—302
Сен-Симон К. 166

Сент-Бёв Ш. О. 98, 204—205
Сергеенко П. А. 188
Сергий Радонежский 77
Сиповский В. В. 19, 41, 71, 132, 226, 238, 309, 341, 357
Скалдин А. Д. 74, 184—185
Слёзкин Ю. Л. 216, 301, 339, 356
Сливицкий А. М. 160
Слонимский Л. З. 203
Смирнов А. П. 194
Соболевский Г. В. 73, 176
Сократ 44, 56—57, 81, 163, 169, 189
Соловьев В. С. 41, 68, 75—76, 80, 94, 96—97, 129, 132, 147, 171, 182, 185—186, 189, 201—203, 237, 246, 343, 345
Соловьева-Allegro П. С. 17, 129
Сологуб Федор 15, 24—25, 27, 66, 125, 129, 136, 169, 345
Сомов К. А. 138
Соссюр Ф. де 159
Софокл 51, 58, 60, 63, 152, 164, 166, 180, 229, 234, 254, 342, 347, 349
Сталин И. В. 273
Стасюлевич М. М. 96, 203
Степанов Н. Л. 349, 356
Стесихор 236, 343
Стефанис Ф. А. 299, 356
Струве В. В. 314—315, 358
Струве Н. А. 115, 172
Струве П. Б. 137
Суворин А. С. 160
Судейкин С. Ю. 74, 183
Сулова А. П. 146
Сципион Младший 134

Таганцев В. Н. 89, 193—194
Талейран Ш. М. 346
Терентьев И. Г. 173, 259, 347
Теренций Публий 21, 134—135
Тик Л. 199
Тименчик Р. Д. 184, 193
Толстой А. Н. 129, 196—197
Толстой Л. Н. 14, 32, 41, 44—45, 47, 54, 71, 80—81, 113, 133, 150, 153, 160, 188—189, 227, 275, 309
Томашевский Б. В. 130
Томашевский В. Б. 159, 238, 247, 253, 309, 343, 357

Третьяковский В. К. 17
Троцкий В. Н. 73, 181—182
Троцкий Л. Д. 256, 273
Троцкий С. В. 73, 91, 177—181, 198, 270, 273, 349
Тургенев А. И. 204
Тургенев И. С. 31, 32, 54, 113, 160, 239, 345
Тургенева А. А. 87, 192, 207
Тынянов Ю. Н. 254, 346, 349
Тюрго А. 166
Тютчев Ф. И. 35, 91, 96—97, 146, 149, 169, 198, 203—204
Уайльд О. 30, 206
Фалес 160
Федоров Н. Ф. 80—81, 83—84, 103, 113, 182, 189—190
Федотов Г. П. 194
Феодосии Великий 133
Фет А. А. 28, 91, 96—97, 128, 140, 160, 189, 198, 204
Филон Александрийский 133
Фиораванти А. 187
Флобер Г. 126
Флоренский П. А. 20, 48, 76, 102, 113—114, 132—133, 155, 181, 186—187
Фосс И. Г. 63, 167
Фрадкин Али 264
Франс А. 63—65, 114, 125, 167—168, 239, 343
Франциск Ассизский 234
Фрейд З. 124, 155, 263—264, 344
Френкель, приятель М. С. Альтмана 295—298, 354
Фридолин П. П. 273, 350
Фруг С. Г. 202
Харазов Г. А. 70, 124—125, 172—173, 241—244, 259, 263—266, 269, 272—273, 276, 312—313, 344—345, 348, 358
Харазова Е. Г. 173
Харджиев Н. И. 157
Хлебников В. В. 15, 33—34, 113, 143—145, 231, 233—234, 256—258, 269, 304—305, 338, 341—342, 347, 349, 353, 356
Ходасевич А. И. 115, 158
Ходасевич В. Ф. 115, 147
Хомяков А. С. 143
Хусейн (Гусейн), имам 92—94, 199
Царькова Т. С. 184
Цветаева М. И. 165—166

Цецилий Стаций 21, 134—135

Цицерон 245

Чайкин В. А. 214—215, 339

Чеботаревская Ан. Н. 136, 169

Чеботаревская Ал. Н. 15, 80, 87, 98—100, 104, 125—127, 184—185, 191, 205, 238, 240, 243, 247, 250, 253, 256, 262

Чеботаревский В. Н. 99, 205

Чеботаревский Н. Н. 99, 205

Чертков В. Г. 173

Черниговец Ф. В. 141

Чернышевский Н. Г. 66

Черубина де Габриак см. Дмитриева Е. И.

Чехов А. П. 27, 341
Чудаков А. П. 189
Чудовский В. А. 195
Чуковская Е. Ц. 188
Чуковская Л. К. 6
Чуковский К. И. 129, 346
Чулков Г. И. 115, 176, 201
Шантепи де ла Соссей П. Д. 269, 349
Шварсалон В. К. см. Иванова В. К.
Шварсалон С. К. 183
Шварц Л. 155
Шведов В. Г. 194
Шекспир У. 63, 71, 95, 167, 200
Шелли П. Б. 67, 170, 201
Шеллинг Ф. В. 97, 204
Шервашидзе А. К. 196—197
Шервинский С. В. 147
Шершеневич В. Г. 79
Шестов Лев 96, 201, 230, 242, 341, 344
Шиллер Ф. 19—20, 131, 182, 188
Шишкин А. Б. 120, 148
Шлегель А. В. 63, 167
Шнеур-Залман из Ляд 254—255, 263—264, 347—348
Шопенгауэр А. 16—17, 28, 31, 97, 113, 128—129, 140—142, 204
Шор О. А. 180, 182, 203
Штейнер Р. 87, 102—103, 113, 192, 206—207
Штейнпрейс П. П. 267, 276—277, 339, 351
Щерба Л. В. 315, 358
Эйхенбаум Б. М. 334
Эккерман И. П. 5, 34, 112, 174, 200, 227, 229, 232
Эльзон М. Д. 121
Эмпедокл из Агригента 103, 207, 326
Энгельмайер П. К. 267, 349
Эрберг К. А. 73, 176—177
Эренбург И. Г. 205
Эрн В. Ф. 68, 80, 114, 171
Эсхил 49, 51, 58, 60, 63, 69, 101, 152—153, 164, 167, 171, 180, 208, 228, 231, 249, 342, 349
Эттингер Ш. 355
Яблонко Б. П. 104—105, 208, 239, 269, 343
Яблочков П. Н. 35, 146

Язид I, 199
Языков Н. М. 346
Якобсон Р. О. 130
Яффе Л. Б. 158
Bowdler M. 200
Carlson M. 206
Falk J. D. 199
Schubert R. 175

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1	М. С. Альтман — выпускник гимназии. Фот. 1914 г. с надписью на обороте: «Личность Эльи-Мовши Альтмана, окончившего курс в Бакинской 3 мужской гимназии в 1914 году, удостоверяю. Г. Баку. Июня 7 дня 1914. Инспектор [подпись]» и гербовой печатью «Бакинская 3-я мужская гимназия». Публикуется впервые.
2	М. С. Альтман — студент Киевского университета. Фот. 1916 г. Публикуется впервые.
3	Л. В. Иванова. Фот. 1923 г. Баку.
4	Д. В. Иванов. Фот. 1924 г. Баку.
5	В. И. Иванов и М. С. Альтман. Фот. 1923 г. Баку. Публикуется впервые.
6	В. И. Иванов и М. С. Альтман. Фот. 1923 г. с дарственной надписью: <p style="text-align: center;">«Зачем же нам так много спорить нужно О том, что вместе распознали в мире?.. Τῆς χαριεστάτης νέου καὶ τοῦ γέροντος συνουσίας τέ καὶ φιλίας μνημόσυνον*. Вяч. Иванов»</p> <p>Баку. Публикуется впервые.</p>
7	Баку. Бондарная ул., на которой находился дом семьи Альтманов. Фот. М. Хейфеца, 1994 г.
8	В. И. Иванов и младший брат М. С. Альтмана — Рафаил Альтман. Фот. 1923 г. Баку. Публикуется впервые.
9	В. И. Иванов в кругу учеников. По правую руку его — В. А. Мануйлов, по левую — М. С. Альтман. Фот. 1923 г. Баку.
10	«Вячеслав Иванов Моисею Альтману». Автограф. 1923. Публикуется впервые.
11	Титульный лист докторской диссертации Вяч. Иванова «Дионис и прадионисийство». Баку. 1923. На обороте дарственная надпись: «Моему дорогому Моисею Семеновичу Альтману с любовью и верой. 5.IX.1923. Вяч. Иванов».
12	Диплом М. С. Альтмана об окончании Бакинского университета 25 мая 1923 г.
13	В. И. Иванов среди участников поэтического кружка «Чаша». Фот. 1924 г. Крайний справа стоит — С. В. Троцкий. Публикуется впервые.
14	М. С. Альтман со своей женой Любовью Григорьевной Морейно. Фот. М. Наппельбаума. 1927 г. Ленинград. Публикуется впервые.
15	М. А. Волошин и М. С. Альтман. Фот. 1929 г. Коктебель. Публикуется впервые.
16	А. Д. Скалдин. Фот. 1932 г. с дарственной надписью: «Дорогому Моисею Семеновичу — человеку честному и верному — на память о дне 24 августа 1932 г., когда он, сам не зная, помог мне принять определенное решение в деле для меня

	трудном и больном. А. С. 25 авг. 1932 г. Детское Село». Публикуется впервые.
17	М. С. Альтман. Фот. 1930-х гг. Ленинград. Публикуется впервые.

* Память приятнейшего знакомства и дружбы юноши и старца (*греч.*).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Петербург).
- Иванова Л.* — *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подготовка текста и коммент. Д. Мальмстада. Париж, 1990.
- Мануйлов В.* — *Мануйлов В.* О Вячеславе Иванове // *Иванова Л.* О Вяч. Иванове Воспоминания: Книга об отце / Подготовка текста и коммент. Д. Мальмстада. Париж, 1990. С. 342—360.
- ЛН — Литературное наследство.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
- РНБ — Российская национальная библиотека (Петербург).
- Рус. лит. XX в. — Русская литература XX в.: 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1917. Т. III. Кн. VIII.
- СПбО А РАН — Санкт-Петербургское Отделение Архива Российской Академии наук.
- УЗ ТГУ — Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 209. Тарту, 1968. Т. IX.
- CMR — Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV. № 1—2.
- US — *Altman M.* The Undying Swan: Selected Poems. Dallas, 1976.
- VI — *Vjačeslav Ivanov: Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph / Hrsg. von Wilfried Potthoff.* Heidelberg, 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Ю. Лаппо-Данилевский</i> . Вместо предисловия	5
I	
<i>Вяч. Иванов</i> . Моисею Альтману	9
<i>М. Альтман</i> . Вяч. Иванову	11
Снотолкование	13
<i>М. С. Альтман</i> . Разговоры с Вяч. Ивановым	14
1921	16
1922	102
<i>К. Ю. Лаппо-Данилевский</i> . О «Разговорах с Вяч. Ивановым» <i>М. С. Альтмана</i>	109
Комментарии	122
II	
<i>М. С. Альтман</i> . Из дневников 1919—1924 гг.	213
1919	213
1920	213
1921	229
1922	235
1923	264
1924	271
Запись о выступлении Вяч. Ив. Иванова	280
<i>В. И. Иванов</i> . Письмо <i>В. М. Жирмунскому</i> от 16 июня 1924 г.	284
<i>М. С. Альтман</i> . Автобиографическая проза	286
I. Автобиография	286
II. Бабушка Сарра	315
III. Меюхес	319
<i>М. Альтман</i> . Стихи	321
I. Из сборника «Неумирающий лебедь»	321
II. Из сборника «Пестрый фараон»	329
III. Эпиграммы	333
Комментарии	338
Указатель имен	359
Список иллюстраций	365
Условные сокращения	366

М. С. Альтман

А 58

Разговоры с Вячеславом Ивановым. Составление и подготовка текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. Статья и комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. — 384 стр. с иллюстрациями (СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ).

ISBN 5—87135—020—8

Моисей Семенович
Альтман

РАЗГОВОРЫ С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ

Редактор А. Г. Тимофеев
Художник М. Покшишевская

Сдано в набор 31.05.95. Подписано в печать 30.10.95. Формат 60X90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 24,00. с вкл. Усл. кр.-отг. 24,00. Уч.-издат. л. 26, 64. Тираж 2000 экз. Заказ 65.

Издательство ИНАПРЕСС. С.-Петербург, Невский пр., 74.
Лицензия ЛР № 062759 от 21.06.93.

Ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» типография № 8
Комитета РФ по печати. 190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., д. 6.